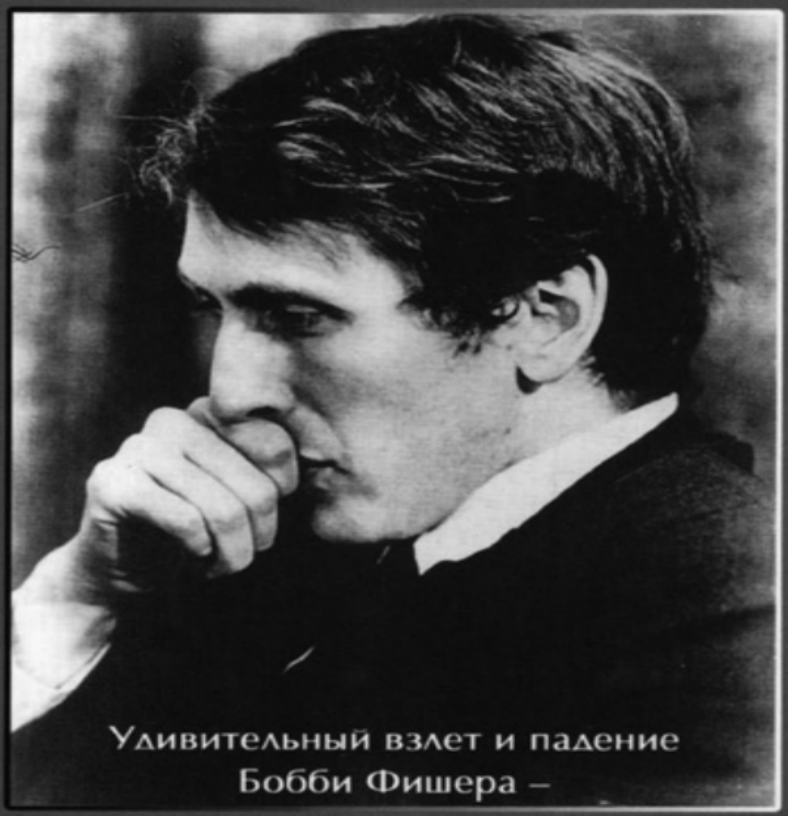
КОНЕЦ ИГРЫ

Биография Роберта Фишера



Удивительный взлет и падение
Бобби Фишера –
Путь американского гения,
окончившийся у края сумасшествия

Фрэнк Брейди

Издатель "Андрей Ельков"

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Биография Бобби Фишера, написанная его наиболее авторитетным биографом, десятилетиями следившим за феерическим взлетом и оглушительным падением шахматного гения. Опирающаяся на семейные архивы семьи Фишеров, недавно рассекреченные документы ФБР и собственные и-мейл'ы Бобби, эта уникальная книга описывает всю жизнь-одиссею шахматного чемпиона из Бруклина, начиная с его небогатого детства и кончая портретами на обложках журналов «Таймс», «Лайф» и «Ньюсуик» с признанием его «самым знаменитым человеком в мире»… до ошеломившего всех отшельничества. Это наиболее полная, подробно документированная и объективная биография Бобби Фишера от человека, лично и хорошо его знавшего — с детских лет и до смерти. Книга, ставшая бестселлером в США.

- Фрэнк Брейди
  -
  -
  - От автора
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Эпилог
  - Послесловие
  - Благодарности
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26

Фрэнк Брейди
«КОНЕЦ ИГРЫ. Биография Роберта Фишера»

Удивительный взлет и падение

Бобби Фишера —

Путь американского гения,

окончившийся у края сумасшествия

Максин,
моему талисману навсегда

Автор

От автора

Как человека, лично знавшего Бобби Фишера с самых его юных лет, меня бессчетное число раз спрашивали: «Каким был Бобби Фишер на *самом* деле?» Моя книга — попытка ответить на этот вопрос. Но хочу предупредить тех, кто в данную минуту перелистывает ее страницы: она полна парадоксов. Бобби был скрытным и искренним, щедрым и прижимистым, наивным и хорошо информированным, жестким и добрым, религиозным и еретическим. Его партии исполнены очарования, красоты и глубокого смысла. Его свирепые высказывания пропитаны жесткостью, предвзятостью и ненавистью. И хотя десятилетиями всю свою энергию и страсть он посвящал одной цели — достижению совершенства в шахматах, он не был умственно отсталым гением *(idiot savant)* шахмат, каким зачастую его рисовала пресса.

Об одной из своих попыток написать историю жизни — а именно, историю Роджера Фрая — Вирджиния Вульф как-то заметила: «Биография считается полной, если она описывает шесть-семь ипостасей героя, но в реальности их у личности могут быть тысячи». Многие линии жизни, и даже их вторые и третьи акты, составляют драму Бобби Фишера, но моя задача состоит лишь в том, чтобы расчертить только *одну* из целого калейдоскопа персоналий Фишера — гений воителя, раздираемого изнутри — и в рамках этого подхода «схватить» ускользающие черты его личности и принимаемых ею личин. Знаменитый психолог Альфред Бине заметил как-то, что если бы мы могли заглянуть внутрь мозга шахматного игрока, то обнаружили бы там «целый мир чувств, образов, идей, эмоций и страстей». Именно так обстоит дело с Бобби: его голову не просто заполняли шахматные байты, фантомные компьютерные связи на сетке из 64-х полей, — там были поэзия, песня и лиризм.

Прошу извинить за допущения, — они есть в этой книге (хотя их и немного), но поведенческие мотивы Фишера требуют объяснения, иначе их трудно бывает понять; но о такого рода вольностях я обязательно сообщаю читателю. Для оживления экстраординарной жизни Фишера я иногда использую писательские приемы: додумываю обстановку, усиливаю детали, придумываю фрагменты диалогов и пытаюсь приоткрыть внутренний мир героя. Но всегда эти приемы имеют корнями мои исследования и воспоминания об этом человеке. Я хочу, чтобы читатель — играет он в шахматы или нет — почувствовал себя так, будто он сидит рядом с Бобби, на его стороне шахматной

доски или у него дома, разделяя радость триумфа, боль поражения и яд его гнева.

Я проследил историю жизни Бобби Фишера с первой нашей встречи на шахматном турнире, когда он был еще ребенком, а я тинэйджером — и до упокоения в могиле на отдаленном и продуваемом холодными ветрами сельском кладбище Исландии. За многие годы мы сыграли сотни партий, обедали в ресторанах Гринвич-виллидж, ездили на турниры, посещали обеды и часами гуляли по улицам Манхеттена. Он на световые годы опередил меня в шахматах, но, несмотря на разделявшую нас пропасть, у нас находились общие интересы. Я знал его семью и много раз говорил о Бобби с его матерью.

Мы с Бобби были друзьями, хотя отношения наши складывались непросто, и, в конечном счете, связи между нами порвались, я был привилегированным *официальным* свидетелем его величия. Будучи директором одного из первых рейтинговых турниров, в котором он играл еще ребенком, я обратил внимание на его упорство. В качестве арбитра на чемпионате США, в котором он одержал историческую «сухую» победу 11-0, я стоял рядом с его столиком и видел его гордость за свое историческое достижение. А в роли арбитра для Бобби, которому запретили посещение Кубы для участия в гаванском международном турнире и он был вынужден играть по телетайпу, я провел многие часы с ним в закрытой комнате в Манхеттенском шахматном клубе, наблюдая за тем, как его глубокую концентрацию постепенно побеждало утомление.

Хотя «Конец игры» включает в себя много эпизодов, коим я был свидетелем или даже в них участвовал, книга ни и коем случае не является мемуарной, — я старался оставаться по возможности «за кадром». Опираясь на свою исследовательскую работу и изучение документов и писем, ранее не известных, а также сотни интервью, взятые за многие годы у людей, знавших Бобби или смотревших на него под своим углом зрения, я попытался написать историю о том, как он не только изменял себя сам, но и как с помощью таинственной алхимии изменил имидж и статус шахмат в глазах миллионов. И также о том, как Роберт неожиданно осознал, что его жизнь вплетается в Холодную войну.

Главным образом в результате харизмы Бобби и растиражированных печатью особенностей его поведения, выигрыш им звания чемпиона мира создал больший фурор и привлек большее внимание — и признание игры со стороны публики — чем какое-либо другое событие в истории шахмат. Бобби имел непростые отношения со своей феноменальной

славой и в итоге стал презирать ее. Именно всепроникающий взор публики привел к тому, что в поздние годы он стал вести уединенную, почти наглухо закрытую для посторонних жизнь.

Работая над книгой, я получил доступ к некоторым документам из архивов КГБ и ФБР, касающимся Бобби и его матери; эти документы послужили не только источником для «озарений», но и позволили получить специальную информацию, приведшую к корректировке некоторых опубликованных версий жизни Бобби (и мою в том числе).

В процессе написания этой книги я напал на автобиографическое эссе, никогда ранее не публиковавшееся, которое Бобби написал еще, будучи тинэйджером. Оно вполне приблизительно по характеру, но интроспективно, и во многих отношениях представляет собой «историю на фоне истории» его жизни. В частности, из него можно узнать, как он оценивал свой подъем, и как к нему относились различные шахматные организации. Полученная из этого эссе информация помогла мне исправить некоторые бытующие заблуждения. Помимо этого я получил доступ к личным архивам его шахматного ментора Джека Коллинза и матери Бобби — Регины Фишер. Эти бесценные связки писем, фотографии и вырезки стали еще одним важным источником для книги. При чтении письма Бобби к Джеку Коллинзу, написанного десятилетия назад, Бобби словно оживает.

Независимо от того, презирает читатель Бобби или восхищается им — а легко можно сочетать и то и другое, как объяснят эти страницы — я надеюсь, его история покажет, что, несмотря на мятущуюся душу, он был серьезным и великим художником, чьей страстью было — *знать*.

Мы не можем, и, наверное, не должны, прощать Бобби его не вполне нормальные политические и антирелигиозные эскапады, но неправильно из-за этого предавать забвению его блистательные феерии на шахматной доске. По прочтении биографии я предлагаю читателю посмотреть — и изучить — его партии, — правдивое свидетельство тому, кем он был, и что есть его подлинное наследие.

> Жил-был мальчик, шахматист, который открыл, что его дар состоял отчасти в ясном внутреннем видении возможных ходов каждой фигуры, как объектов с мерцающими или подвижными разноцветными световыми хвостами. Он видел живую ткань возможных ходов и выбирал из них те, в результате которых ткань становилась крепче, а напряжение самым сильным.

Ошибки случались тогда, когда он выбирал не самые крепкие, а самые красивые прочерки света.

Из «Дева в саду», А.С. Байетт

Глава 1
От одиночества к страсти

«Я не могу дышать! Я не могу дышать!», — крики Бобби Фишера заглушались черным капюшоном, плотно натянутым ему на голову. Ему казалось, что он вот-вот задохнется, что смерть совсем рядом. Он яростно дернул головой, пытаясь высвободиться.

Два японских охранника придавили его к полу ярко освещенной камеры, один сидел у него на спине и прижимал его руки к бокам, другой держал за ноги — лилипуты на поверженном Гулливере. Легкие Бобби были сдавлены, и он не мог нормально дышать. Ему казалось, что рука его сломана в только что окончившейся потасовке, рот кровоточил.

— *Значит, так я умру*, — подумал он. — *Узнает ли кто правду о том, как меня убили?*

Во мраке не отпускала одна мысль — неужели просроченный паспорт — причина заключения его в тюрьму. События 13 июля 2004 года развивались стремительно. После трех месяцев пребывания в Японии Бобби собрался лететь на Филиппины. Он прибыл в токийский аэропорт «Нарита» примерно за два часа до вылета. За стойкой регистрации офицер иммиграционной службы ввел номер его паспорта: Z7792702 — стандартная процедура. Прозвучал негромкий звонок, неторопливо зажглась и замигала красная лампочка. «Пожалуйста, сядьте, мистер Фишер, пока мы не закончим проверку».

Бобби это смутило, но не испугало. Вот уже двенадцать лет он кочевал из страны в страну — Венгрия, Чехословакия, Германия, Филиппины, Япония, Австрия, никогда не имея проблем с таможней и свободно пересекая границы. К загранпаспорту понадобилось добавить дополнительные страницы, поскольку уже не оставалось места для внесения новых записей, но эту проблему он решил в американском посольстве в Берне, Швейцария, еще в ноябре 2003 года.

Мозг точила мысль — правительство США, наконец, его настигло. Он нарушил экономические санкции, наложенные Госдепом на Югославию, сыграв матч с призовым фондом в 5 млн долларов против Бориса Спасского на острове Свети-Стефан, Черногория, в 1992 году. Тогда же был выписан ордер на его арест. В США его ждал суд, и наказание, если признают виновным, составит лет 10 тюрьмы или 250 тыс. долларов штрафа, а может быть, и то и другое вместе. Друг Бобби позвонил

в Госдеп в конце 90-х и спросил, может ли тот вернуться в США. «Конечно, может, — последовал невозмутимый ответ, — но как только самолет приземлится в аэропорту имени Дж. Кеннеди, мы его схватим». Как человек без гражданства, Бобби обосновался в Венгрии, и более не слышал ни единого слова от американского правительства. Прошло двенадцать лет и он посчитал, — достаточно, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Он сидел там, где ему указали, но постепенно его охватывал страх. Наконец, офицер иммиграционной службы попросил его следовать за ним. «Но я пропущу самолет». «Мы *знаем* об этом», — был короткий ответ. Следуя по длинному, узкому и темному коридору в сопровождении нескольких сотрудников службы безопасности, Бобби спросил, в чем, собственно, дело. «Мы просто хотим с вами поговорить», — ответил служащий. «Поговорить о чем?», — настаивал Бобби. «Просто поговорить», — повторил служащий. Бобби остановился, отказываясь идти дальше. Позвали переводчика, дабы избежать скандала. Бобби говорил с ним по-испански и по-английски. А секьюрити всё прибывали, и теперь уже около 15-ти человек в мрачном молчании окружали бывшего чемпиона мира по шахматам.

Появился еще один официальный представитель, который предъявил Бобби ордер на арест, в котором говорилось, что он путешествует с недействительным паспортом, за что его подвергают аресту. Бобби возражал, что с его паспортом всё в порядке, и до истечения срока действия еще два с половиной года. «Позвоните в посольство США, чтобы они подтвердили ваши слова», — был ответ. Бобби потряс головой. «Посольство США — проблема, а не решение», — пробормотал он. Бобби боялся, что у представителя посольства США — если он приедет в аэропорт — на руках будет ордер на его арест и требование на экстрадицию в США для суда над ним. Он хотел позвонить одному их своих японских шахматных друзей, но в доступе к телефону ему отказали.

Бобби развернулся и пошел куда-то в сторону, — путь преградил охранник. Другой охранник попытался надеть на него наручники. Бобби извивался, как мог, стараясь этому помешать. Несколько охранников принялись бить его дубинками, кто-то начал дубасить его кулаками. Он наносил ответные удары — руками, ногами, затем закричал, ухитрился одного охранника укусить за руку. Наконец, его повалили. Полудюжина охранников подняли его и понесли, держа за руки и ноги. Бобби всеми силами пытался вырваться из цепких рук, тащивших его в неизвестном направлении. Он яростно лягался, и ему почти удалось освободить руки. В этот момент на голову ему натянули

черный капюшон.

Но если с его паспортом всё в порядке, тогда — что происходит? Высказывания Бобби на еврейскую тему и по поводу преступлений США вызвали сильную реакцию, но разве американские граждане не находятся под защитой Первой поправки[1]? Какая взаимосвязь, в конце концов, между его мнением и его паспортом?

Может быть, налоги. Со времени неудачного иска Бобби в 1976 году против журнала «Лайф» и одного из его авторов по поводу нарушения условий контракта, он настолько разочаровался в судебной системе, что отказался платить какие-либо налоги.

Хватая ртом воздух, Бобби попытался войти в состояние Дзен, чтобы очистить свой разум. Он перестал сопротивляться, и его тело расслабилось. Охранники заметили перемену. Они освободили ему руки и ноги, остановились, церемонно сняли капюшон, а затем покинули камеру, — забрав с собой его ботинки, ремень, бумажник и… к особому огорчению Бобби — футляр из буйволовой кожи для паспорта; купленный им много лет назад в Вене. Но он был жив… по крайней мере, пока.

Подняв глаза, он увидел неизвестного мужчину с видеокамерой, снимавшего происходящее сквозь прутья решетки. Через несколько минут он исчез. Бобби выплюнул обломок зуба, отбитого либо одним из ударов, либо в момент, когда его бросили на пол, и спрятал его в карман.

Лежа на холодном цементном полу, он чувствовал, как в руке его пульсировала боль. Каким будет следующий ход, и кто его сделает? Бобби накрыл сон.

За 48 лет до этого, август 1956 года

Представляя свою белую пешку стоящей на две клетки впереди короля на воображаемой шахматной доске, 13-летний Бобби Фишер объявил свой первый ход противнику, Джеку Коллинзу: «Пешка на четвертое поле от короля». Бобби использовал описательную нотацию, при которой о перемещении фигуры на конкретное поле нужно «рассказать». Произнося эти слова, он сделал легкое, почти незаметное движение головой, едва уловимый кивок, словно толкающий невидимую пешку вперед.

Коллинза, уменьшенную копию взрослого человека — задержавшиеся в развитии ноги не позволяли ему ходить — катил

в инвалидной коляске по полной народа улице Нью-Йорка темнокожий слуга по имени Оделл. Он был настолько силен, что во времена, когда не знали еще вспомогательных наклонных пандусов, мог поднять Коллинза вместе с коляской и занести их обоих по лестнице в ресторан или домой. Оделл редко говорил, но был дружелюбен и предан Коллинзу душой и телом, и с тех пор, как познакомился с Бобби, проникся и к нему глубокой симпатией.

Рядом с Коллинзом шагала его младшая сестра Этель, упитанная, но очень милая дипломированная медсестра, почти всегда сопровождавшая брата. Она обожала его и отказалась от всего — даже от женитьбы — чтобы заботиться о нем. Хотя Джек и Этель лишь этим летом познакомились с Бобби, вскоре они едва ли не заменяли ему родителей.

Феллиниевский квартет говорил на таинственном языке с упоминанием людей, обладающих титулами времен феодализма и живших века назад. Прохожие, пока они шли по Бруклину от Ленокс-роуд и Бедфорд-авеню до иногда шумноватой Флэтбуш-авеню, обращали на них внимание. Но их это не смущало, они жили в своем мире, в котором объединялись континенты и тысячелетия, населенном королями и придворными, раджами и принцами. Пунктом назначения для них являлся китайский ресторан «Серебряная луна».

«Пешка на четвертое поле от ферзевого слона», — ответил Коллинз *basso profundo*, очень низким басом, слышимом и на другой стороне улицы.

Как профессиональный музыкант может читать ноты с листа и слышать музыку в голове, так шахматный мастер с хорошей памятью способен читать запись партии и видеть ее «глазом разума». У композитора Антонио Сальери выступили слезы радости, когда он прочел часть моцартовской партитуры еще до исполнения произведения. Таким же образом на некоторых шахматистов может эмоционально подействовать переигрывание в уме блестящей партии великого маэстро.

Фишер не только визуализировал партию без доски, фигур и печатного бланка; он составлял ее, монтируя кинофильм в своем уме. Двигаясь неспешно по Флэтбуш-авеню, Бобби с Коллинзом играли «вслепую» — формат игры, практикуемый уже веками. Существуют свидетельства, датируемые 800-ми годами нашей эры, о том, что кочевые арабы играли без доски и фигур в игру, похожую на шахматы, передвигаясь по пустыне на верблюдах. У многих любителей шахмат — и, тем более, у тех, кто не знает их правил — вид двух играющих без доски способен вызвать изумление. Удивительные подвиги памяти могут показаться

мистическими.

Коллинз более чем хорошо знал шахматную стратегию. Он являлся соавтором последней на тот момент редакции своего рода библии для шахматистов «Современные шахматные дебюты», в которой содержались тысячи вариантов позиций, анализов и рекомендаций. Бобби, ставший учеником Коллинза, уже несколько лет изучал партии прошлого и настоящего, и теперь погружался в его библиотеку, содержавшую сотни книг и журналов.

Было сыро, вот-вот мог зарядить дождь. В начале того года Фишер победил в юниорском чемпионате США, проведенном в Филадельфии, а сейчас он только что вернулся из Оклахома-сити с открытого чемпионата США, став самым юным игроком, когда-либо принимавшим в нем участие. Коллинз побеждал в чемпионате штата Нью-Йорк, он был ветераном и известным учителем шахмат. Ему было 44 года.

Странная пара продолжала свою невидимую партию. Бобби руководил в уме белыми фигурами, Коллинз — черными. Борьба шла как на качелях, каждый выступал то в роли хищника, то дичи.

Бобби до поры до времени был ниже среднего роста для своего возраста, и сейчас рост его составлял 5 футов и 4 дюйма. Но он начинал вытягиваться и одежда ему уже явно становилась мала. К 18-ти годам его рост достиг 6 футов и двух дюймов. У него были карие глаза и… улыбка во все зубы с небольшой щелью между двумя передними, улыбка счастливого ребенка, желающего, чтобы его любили или, по меньшей мере, не бранили по пустякам. Этим вечером на нем была рубашка поло, коричневые вельветовые слаксы — несмотря на август — и поношенные черно-белые 5-долларовые кеды. Говорил он слегка в нос, вероятно, ему требовалось удалить миндалины и аденоиды. Его волосы были подстрижены под ёжик, словно однажды мать Регина или сестра Джоан подрезали их коротко и с тех пор расческа их не касалась. Бобби походил больше на мальчика с фермы из Канзаса, чем с улиц Бруклина.

Обычно он шел впереди Коллинза и остальных на несколько шагов, испытывая желание идти быстрее, но сдерживаемый необходимостью объявлять ходы или получать ответы учителя. Бобби всегда делал ответный ход молниеносно, реакция рождалась где-то глубоко в подсознании — он словно видел слонов, несущихся по диагоналям, коней, скачущих через фигуры и пешки, ладей, занимающих критические поля. Иногда он расщеплял свою умственную гимнастику, отодвигая в сторону воображаемую доску для того, чтобы схватить сказочную биту и

послать незримый мяч на левые трибуны стадиона «Эббетс Филд». Даже сильнее, чем чемпионом мира по шахматам, Бобби Фишер хотел быть Дьюком Снайдером, игроком-легендой бейсбольной команды «Бруклин Доджерс».

Удивительно, что Фишер уже в 13 лет легко и сильно играл вслепую. Многие опытные шахматисты на такое не способны. Но дело вовсе было не в том, что мальчик *предпочитал* играть, не глядя на доску; просто он хотел посвящать шахматам всё свое свободное время, и двадцатиминутная прогулка от дома Коллинза до китайского ресторана была слишком долгой, чтобы оставаться без шахмат. И он как будто не замечал ни шума транспорта, ни какофонии музыки и голосов, наполнявших авеню.

В своем юном возрасте Бобби успел сыграть тысячи партий, многие из них в формате, называемом «рапид» или «блиц». Вместо обычных для «турнирных» партий двух часов, блиц-партии зачастую заканчивались за десять минут; противники получали по пять минут на партию, — или того меньше, если требовались испытания покруче. Иногда даже применяется правило, согласно которому каждый ход должен быть сделан в одну секунду. Размышлять, по существу, некогда, нет времени на внутренние диалоги типа: *Если я поставлю слона на это поле, а он отведет своего коня сюда, тогда, может быть, я переведу ферзя сюда — нет, это не годится! Тогда он заберет мою пешку. Лучше я сделаю вот что…* Годы, проведенные Бобби за игрой блиц, научили его быстро схватывать связи фигур на доске.

Двигаясь по Бруклин-стрит, Фишер и Коллинз обменивались понимающими взглядами, словно вовлеченные в тайный ритуал. По мере приближения к ресторану усиливалось желание успеть завершить партию, но времени осталось недостаточно. У самых дверей ресторана выяснилось, что в партии сделано около 25 ходов, и Коллинз предложил Бобби ничью. Хотя это был жест вежливости, Бобби испытал неудовольствие, почти оскорбление. Для него ничья была равносильна поражению, и свою позицию он расценивал, как более выгодную. Он хотел сражаться. Тем не менее, из уважения к своему учителю Бобби неохотно согласился. Он почти пропел в ответ: «О'кэ-э-эй». И сразу же переключился на то, что его ждало впереди: любимые блюда Китайской кухни *Egg Drop Soup, Chicken Chop Suey*, фисташковое мороженое и, разумеется, большой стакан молока.

Регина Вендер Фишер, мать Бобби, родилась в Швейцарии и переехала в США вместе с семьей, когда ей было два года. Лет в 16–17, уже окончив колледж, она отправилась в Германию

навестить брата, служившего там моряком ВМС США. В Берлине ее нанял американский генетик Херманн Дж. Мюллер (впоследствии ставший нобелевским лауреатом в области физиологии) в качестве секретарши и гувернантки для своего ребенка. Мюллер и Регина познакомились в берлинском университете, где она посещала курсы. Они уважали друг друга: она восхищалась его блестящим умом и гуманистическими воззрениями, он ценил ее за то, что она знала немецкий язык, умела стенографировать и быстро печатала. Она была достаточно сообразительна, чтобы понимать и аккуратно печатать на машинке его сложные размышления по вопросам химии и генетики. Мюллер советовал ей изучать медицину и хотел, чтобы она последовала за ним в Россию — он получил предложения на ведение исследовательской работы как в Москве, так и в Ленинграде, — в итоге она поддерживала с ним связь на протяжении более чем пятидесяти лет. Она была студенткой Первого московского медицинского института с 1933 по 1938 год.

Был и еще один человек, коллега Мюллера, который так-же отравился в Россию. Этот коллега-биофизик, известный как Ганс Герхард Фишер, но взявший эти имя и фамилию вместо Ляйбшер, настоящей, но звучавшей слишком по-еврейски для Германии, где набирал силу антисемитизм. Фишер получил пост в московском институте мозга, и в ноябре 1933 года он и Регина, которой было на ту пору двадцать лет, влюбились друг в друга и поженились в Москве. А через несколько лет у них родилась дочь Джоан. Молодая пара быстро поняла, что при антисемитизме, буйно расцветшем и в сталинском СССР, они и их ребенок находятся в опасном положении. Хотя Регина провела шесть лет, изучая медицину, она бросила институт до получения диплома врача, и, забрав с собой ребенка, отправилась в Париж, где и обосновалась, работая учителем английского языка.

Мать Бобби, Регина и ее муж Герхард Фишер, Франция 1930-е годы. Хотя фамилия Герхарда вписана в свидетельство о рождении Бобби, вопрос отцовства не прояснен до конца.

Она и Ганс Герхард разошлись еще прежде, чем оставили Москву, хотя и оставались формально мужем и женой. Когда вторжение Германии во Францию стало вполне вероятным, Регина, сохранившая американское гражданство, сумела забрать Джоан с собой в США, но Ганс Герхард, перебравшийся в Париж, чтобы быть поближе к дочери, был немцем, а потому ему отказали во въезде в США. Ввиду полной неопределенности своих перспектив, он покинул Европу и, в конечном счете, осел в Чили. Регина оформила с ним развод в 1945 году по причине неоказания им материальной помощи, когда она жила в Москве, штат Айдахо. Совпадение названий города женитьбы и развода (оба события произошли в разных городах, но с одним названием Москва) оказалось достаточно ироничным, чтобы найти свое отражение в заголовках местных газет.

Регина Фишер в начале 1940-х годов нигде долго не задерживалась, они с Джоан перебирались с места на место, пока США боролись с последствиями Депрессии на фоне вступления страны во Вторую мировую войну. Они жили едва ли чуть выше черты бедности. В июне 1942 года Регина забеременела вторым ребенком — Бобби — и отправила Джоан в Сент-Луис к своему отцу Якобу Вендеру на время подготовки к родам. Когда 9 марта 1943 года в чикагской больнице «Майкл Риз» родился Бобби, Регина была бездомной. Она назвала новорожденного Робертом Джеймсом Фишером, и Ганс Герхард был записан отцом в

свидетельстве о рождении, несмотря на тот факт, что он никогда не пересекал границу Соединенных Штатов. После недели, проведенной в больнице, Регина с малышом перебралась в «Sarah Hackett Memorial House», — хоспис для одиноких матерей, у которых недостаточно средств для содержания себя или своих детей. Оттуда она позвонила отцу и попросила привезти Джоан в Чикаго, но хоспис не захотел давать приют взрослому ребенку. Когда Регина отказалась выезжать, ее арестовал офицер чикагской полиции за нарушение спокойствия, и ей, Бобби и Джоан пришлось покинуть хоспис. Она отказалась от суда присяжных, ей была назначена психиатрическая экспертиза и судья признал ее невиновной. Весьма необычный отчет психиатра гласил, что она «личность с гонором (параноидальная), ворчливо-недовольная, но не психотическая». Она сразу получила работу машинистки в компании «Монтгомери Уорд» и поселилась в недорогой однокомнатной квартире на Саут-сайд в Чикаго — 2840, Саут-Лейк Парк-авеню, — таков адрес Бобби Фишера в первые недели его жизни.

Самая ранняя известная фотография Бобби Фишера (1944), сидящего на коленях матери — ему один год. Регина Фишер была бездомной, когда она рожала Бобби, и поначалу они жили в приюте для нуждающихся матерей. Фото MCF.

Как мать-одиночка Регина, поднимая своих детей, обращалась за деньгами в еврейские благотворительные фонды и другие социальные институты, к своему отцу Якобу Вендеру, и вообще ко всем, кто, как ей казалось, мог хоть чем-нибудь помочь. Деньги поступали, но их всегда не хватало, и приходили они с проволочками. Всегда в борьбе с финансовыми трудностями, не получая помощи от мужа, Регина в военные годы бралась за любую работу. Одно из первых воспоминаний Бобби из времен, когда он еще только учился ходить, было о жизни в трейлере «к западу». «К западу» могло означать Калифорнию, Айдахо, Орегон, Иллинойс или Аризону. Семья жила во всех этих местах, прежде чем обосноваться в Нью-Йорке. Умение Регины приспосабливаться к любым обстоятельствам в сочетании с отчаянием привело к тому, что она перепробовала массу профессий. Она была сварщицей, школьной учительницей, клепальщицей, рабочей на ферме, помощником токсиколога и стенографисткой — всё это в начале и середине 1940-х годов.

Шестилетний Бобби склонился в раздумье над лабиринтом. Прошло несколько секунд, он поднял огрызок желтого карандаша и начал чертить путь к королеве, заключенной в клетку замка в центре паззла. Для ее спасения рыцарю с копьем нужно найти правильную исходную точку, откуда он может устремиться к королеве, дабы вывести ее на свободу, не пересекая при этом ни одной черты. Сначала Бобби вошел в лабиринт в верхнем правом углу. Торопливо пробивая дорогу по узким проходам, кружкам, обходным путям и через барьеры, он очутился в тупике, потерпев поражение.

Он быстро стер ложный путь, отложил в сторону карандаш и, наново изучив головоломку, решил начать свой поход с другого угла. Его глаза пробежали по остальным возможным точкам старта — в левом верхнем углу, нижнем левом и правом нижнем — и затем методом от обратного проследил дорогу от принцессы к рыцарю. И, через несколько минут он обнаружил, что есть один и только один путь, ведущий к девушке — и начинался он из нижнего левого угла. Поняв алгоритм лабиринта, Бобби снова взял карандаш, и, разрубая гордиев узел, завершил решение задачи.

«Расколоть» другую задачу, в которой требовалось найти сокровище, спрятанное в более запутанном и трудном лабиринте, поначалу ему не удавалось, он хотел найти решение «в лоб», без предварительного обдумывания. Отбросив в расстройстве карандаш, Бобби взял коричневый мелок и задумался. Вскоре

ответ стал ясен, и ему стало досадно, что он не увидел решение сразу. «Посмотри, Джоани!», — с гордостью показал решение своей 11-летней сестре. Она одобрительно кивнула.

Некоторое время Бобби интересовался игрой *Parcheesi*. Ему нравилось проводить своих тигра и слона через заграждения противника, но он выходил из себя, если выброшенная кость приводила к тому, что он попадал в ловушку и его отправляли на «Старт». С другими настольными играми, такими как «Трудно?» и «Извини!», также не всё было гладко: если простое невезение рушило его планы, он сердился и бросал игру. В конечном счете, он отказался от всех тех игр, где многое зависело от везения.

Чтобы как-то занять непоседу-Бобби — по сегодняшней терминологии его можно назвать гиперактивным — Регина покупала ему книги: «50 веселых загадок в картинках для мальчиков и девочек», «Карандашные паззлы: заточи карандаш, и заточи свои мозги», в которых содержались лабиринты, рисованные паззлы и игры в слова. Бобби всегда начинал с лабиринтов. Позднее ему стали нравиться японские паззлы на составление, пространственные деревянные паззлы в форме автомобилей или животных. Он разбирал их на 15 и более частей, раскладывал случайным образом на столе или полу, а затем старался как можно быстрее заново собрать. Скорость была важна для него, как и при решении тайн, скрывавшихся в паззлах.

В начале 1949 года Регина Фишер — вместе с Джоан и Бобби — переехала в Манхеттен на восток 13-й улицы, где она сняла самую дешевую квартиру, которую только сумела найти, выходившую на заднюю дверь кухни знаменитого ресторана «У Люхова», где иногда обедали сильные шахматисты. Ржавая пожарная лестница загораживала вход в квартирку, в ней была только одна небольшая спальня, но зато арендная плата составляла всего 45 долларов в месяц.

Ниже по той же улице располагался магазинчик того типа, которые в Нью-Йорк-сити называют «candy store» — кондитерская. В нем продавали газеты, журналы, игрушки, игры, мороженое, булочки и, разумеется, сладости. В марте 1949 года, в дождливый шестой день рождения Бобби, его сестра Джоан, искавшая какую бы еще игру купить для непоседливого брата, купила в этой «кондитерской» набор пластмассовых шахматных фигур за 1 доллар. Полые фигурки имели высоту не более дюйма, а к набору прилагалась складная картонная шахматная доска с красными и белыми клетками. Ни Джоан, ни Бобби до этого никогда не видели шахмат, но на внутренней стороне крышки коробки были напечатаны правила, которыми они и воспользовались, причем

Джоан, выступая в качестве инструктора, сама их впервые прочитала. После предисловия, в котором рассказывалось, как называется каждая из фигур, следовали описания сложных правил, согласно которым эти фигуры перемещались по доске: «Ферзь двигается в любом направлении на любое расстояние, конь ходит буквой *L* и может перепрыгивать через другие фигуры и пешки», — и т. д. Добавлено было еще несколько самых простых указаний, — что белые начинают игру, и цель ее — заматовать, но не забрать, короля.

«Никто из наших знакомых не играл в шахматы, и мы не видели никого, кто бы в них играл», — позднее напишет Фишер. Нельзя сказать с уверенностью, действительно ли Фишер выиграл первую партию своей жизни, но вполне вероятно, что так оно и было, если вспомнить его увлеченность решением головоломок и тот факт, что первым соперником для него стала сестра, не испытывавшая влечения к шахматам. «Поначалу это была просто еще одна игра, — вспоминал Фишер, — только чуть более сложная». Джоан, занятая подготовкой домашних заданий — она была прилежной ученицей — быстро потеряла к шахматам интерес, да у нее и не оставалось на них времени. И Бобби обучил ходам мать. Позднее он вспоминал: «Она была слишком занята, чтобы играть всерьез. Например, она могла чистить картошку и штопать одежду, играя со мной, что, конечно, меня сильно раздражало. Обыграв ее, я переворачивал доску и уже другими фигурами обыгрывал ее еще раз. Это нам обоим надоело, и я стал искать кого-нибудь, с кем можно было бы играть всё время».

Тот факт, что шестилетний Бобби обыгрывал 36-летнюю Регину и 11-летнюю Джоан, как бы «блестяще» они ни играли, дает нам представление о той скорости, с какой росло его понимание шахмат, и самого себя. Победы придавали мальчику уверенность в своих силах и повышали самооценку. Проблема заключалась в том, что ни мать, ни сестра никогда по-настоящему не хотели с ним играть. «У моей матери шахматный анти-талант, — сообщил Бобби одному интервьюеру. — Она безнадежна».

Поскольку достойного партнера — да, и вообще, *любого* — не находилось, Бобби сделал своим главным противником себя. Расставив фигуры на маленькой доске, он играл партию за партией, сначала делая ход за белых, затем, повернув доску, за черных, при этом фигурки часто падали на пол. Он подбирал их, быстро ставил на место и делал ход. Перехитрить самого себя не так просто. Черные, например, знают, что задумали белые, и наоборот, когда за черных играл Фишер, белые знали их планы. Смысл такой игре Бобби мог придать только, если он изучал

позицию заново на каждом ходу, словно играя против реального соперника. Он «забывал» о задуманном только что плане, стараясь обнаружить ловушку или найти слабое место в лагере «противника», чтобы сделать правильный ход. Некоторым такая игра может показаться упрощенной, одуряющей и даже шизофреничной. Но она давала Бобби ощущение доски, ходов, роли фигур и всей «хореографии» шахматного действа. «В конечном счете, я ставил мат парню напротив», — усмехался он годы спустя, рассказывая об этих баталиях.

Осенью 1950 года Регина вывезла семью из Манхеттена и перевезла ее через мост в Бруклин, где она сняла недорогую квартиру недалеко от пересечения улиц Юнион и Франклин. Но жилье предполагалось временным: Регина хотела жить ближе к более респектабельным районам. Не получив медицинской степени в России из-за войны, она была полна решимости стать дипломированной медсестрой. Как только ее внесли в списки Школы медсестер на Проспект-Хайтс, странствующая семья Фишеров, граждане из ниоткуда, снова снялась с места — десятый переезд за шесть лет, — чтобы перебраться в двухкомнатную квартиру (52 доллара в месяц) по адресу 560, Линкольн-плейс в Бруклине. Никогда не робеющая, когда дело касалось нужной ей и детям помощи, Регина рекрутировала соседей в помощь по перевозке скудных пожитков — ящик за ящиком через Истерн Паркуэй в новое и, как она надеялась, более постоянное, чем прежние, жилище. Хотя новая квартира находилась на четвертом этаже, куда приходилось подниматься пешком по лестнице, близость к школе медсестер позволяла Регине не упускать детей из вида во время учебы. У Бобби и Джоан были свои комнаты, а Регина спала в гостиной на том, что называлось дневной постелью. Соседи здесь тоже были поприятнее. Район Флэтбуш населяли принадлежавшие среднему классу евреи, его начали заселять и другие национальные меньшинства, а совсем недалеко — пешком дойти — располагались Проспект-парк и Ботанические сады, а также одна из лучших городских библиотек на Гранд-Арми-Плаза.

Бобби, которому исполнилось семь лет, ненавидел новое место. Когда дождь или холод не давали выйти на улицу, он не мог найти место для игры в здании, но даже и в хорошую погоду Регина неохотно позволяла сыну играть на улице без присмотра. Иногда Бобби в компании с мальчиком, жившем в этом же доме, начинал носиться вверх-вниз по лестничным пролетам и площадкам, играя в салки, но это надоело домовладельцу настолько, что был наложен запрет — и управляющий персонал

оформил его в письменной форме — на любой вид шумной активности. Бобби нравилось забираться на свою кровать, а затем спрыгивать с нее, чтобы посмотреть, насколько далеко он может улететь. Он улетал всё дальше и дальше, делая отметки своих рекордов. Жители снизу пожаловались на стуки у себя над головой, и прыжки кровать-пол также были объявлены вне закона. Когда Бобби подрос, то начал делать ритмическую гимнастику, но и это ему запретили. Годы спустя Бобби так рассказывал об этом: «Если меня спросить, кому я обязан своим интересом к шахматам, могу ответить — домохозяину».

Бобби с трудом переносил необходимость подчиняться — всякий раз, когда мать была на учебе или работе — заботам Джоан, которая была старше его на пять лет. Регина постоянно была в действии, работая стенографисткой в дни, свободные от учебы. Когда не было работы, она получила пособие для безработных — 22 доллара в неделю. Она также активно участвовала в политической жизни, но всегда заботилась о том, чтобы у малыша Бобби была еда и чтобы кто-нибудь — Джоан, соседи, друзья — присматривал за ним в ее отсутствие.

Регина понимала, что ее сын интеллектуально одарен, но поначалу не считала его «вундеркиндом». Да, он соображал иногда даже быстрее, чем она; мгновенно распознавал шаблоны и видел аналогии, что помогало ему сразу делать верные умозаключения. Если он видел, что банк закрыт из-за выходного дня на одной улице, то и банк на другой улице тоже, по его мысли, будет закрыт.

Проблема с Бобби носила социальный характер: с раннего возраста он подчинялся собственным ритмам, находившимся в противофазе с развитием других детей. И еще — его отличало удивительное упрямство. Он мог перейти на крик, если не получал желаемое — касалось это еды, которая ему нравилась или нет, времени укладываться спать (он любил ложиться поздно), идти ему гулять или оставаться дома. Поначалу Регина с ним справлялась, но когда Бобби исполнилось 6 лет, он стал диктовать свои условия во всем, что его касалось. Бобби хотел делать только то, что нравилось *ему*, — и самому решать, когда, где и как.

«В семь лет, — рассказывала Джоан в интервью, — Бобби мог рассуждать о таких понятиях, как бесконечность, решать разные математические головоломки, но попроси его умножить два на два, и вы могли получить неправильный ответ». Хотя это и было, понятно, некоторым преувеличением, ясно, что Бобби ненавидел запоминать вещи, которые его не интересовали, и таблица умножения попадала в эту категорию. Рассказ о том, что он

понимал теорию чисел и концепцию простых чисел, их бесконечное количество, и не был способен при этом выполнить простейшее умножение, сродни мифу о том, что Эйнштейн не был способен посчитать налоги, которые ему нужно было заплатить.

Регина посетила несколько консультационных центров и агентств для одаренных детей, — одна, или с Бобби «на буксире», надеясь получить советы о том, как ей наладить учебу сына в школе и подружить его с другими детьми. Первостепенную важность она придавала образованию. Она видела, что Джоан дома получала интеллектуальную подпитку, но ее старания привить креативный фермент Бобби ничего не давали. Он мало интересовался стопками книг, которые Регина, страстный читатель, всегда имела дома. Она была выпускницей колледжа, почти доктором, но без степени, бывшей учительницей и вечной студенткой, а квартира служила местом собраний для интеллигенции, с которой она встречалась в школе или различных политических кружках. По вечерам и в выходные за кухонным столом разгорались жаркие дискуссии — иногда с друзьями, чаще — с еврейскими интеллектуалами. Разговоры вращались вокруг политики, отвлеченных идей и культурных вопросов. Обсуждали Палестину и Израиль, возможность прихода Эйзенхауэра к власти. Когда в течение месяца два великих педагога, Мария Монтессори[2] и Джон Дьюи[3], умерли, спорили об умении писать и быстро читать, и насколько это полезно для детей. Бобби и Джоан присутствовали при этих спорах, и хотя Бобби впитывал какую-то информацию, участия в них он никогда не принимал. Много позже он обмолвился, что всегда «ненавидел», беседы такого рода.

С шести лет и до двенадцати Бобби проводил почти каждое лето в лагере где-нибудь поблизости от Нью-Йорка. В первое или второе лето в лагере в местечке Пачоуг, Лонг-Айленд, ему попалась книга с прокомментированными шахматными партиями. Когда лет пятнадцать спустя его попросили вспомнить название книги, он ответил, что, *вероятно*, это были «Избранные партии Тарраша». Он назвал Зигберта Тарраша, немецкого шахматиста, «одним из величайших маэстро всех времен». Но как бы она ни называлась, главное — Бобби научился разыгрывать партии, записанные ход за ходом с помощью описательной нотации (например, ход 1. e2-e4 в ней записывается «пешка идет на четвертое поле от короля»).

В лагере скучать не приходилось, Бобби ездил на лошади по кличке «Чаб», играл с пегим теленком, иногда в софтбол и плавал на лодке на уроке «искусства-и-ремесла», но всё еще плохо

контактировал с другими детьми. Через месяц, воспользовавшись одной из открыток с заранее написанным адресом и наклеенной маркой, которыми его снабдила Регина, он отправил жалостное послание большими печатными буквами: МАМА, Я ХОЧУ ДОМОЙ.

На некоторое время Бобби забыл о шахматах. В доме появились другие игры и паззлы, и шахматный комплект, в котором не хватало нескольких пешек, был запрятан в шкаф. Но где-то через год Бобби вспомнил о них. Зимой 1950 года, когда ему было семь лет, он попросил Регину купить ему на Рождество новый комплект, побольше. Она купила ему небольшой и легкий комплект в нелакированной деревянной коробке со скользящей крышкой. Но хотя Бобби тотчас открыл подарок, он не касался шахмат почти месяц — ему не с кем было играть.

Он часто оставался один. Когда возвращался из школы, дома никого не было. Днем Регина работала, нередко и вечерами, сестра же до вечера оставалась в школе. Хотя жизнь сына заботила Регину, нужно признать, что Бобби был типичным «ребенком с ключом на шее», который жаждал, но не получал материнского присутствия, способного дать ощущение защищенности. Более того, финансовые трудности заставляли семью так часто переезжать с места на место, что у Бобби не успевало развиться чувство «оседлости». И рядом не было отца.

Регина старалась его ободрять, — это нужно каждому ребенку, дать ему крылья, чтобы он нашел себя, поощряя его занятия спортом, привлекая к семейным экскурсиям. Она хотела, чтобы он нормально учился. Но время шло, а Бобби только глубже уходил в себя, перечитывая шахматные книги и переигрывая партии прошлого. Шахматы каким-то образом делали его одиночество и неуверенность менее болезненными.

Регина считала, что она может научиться всему и добиться совершенства во всем, за исключением, быть может, шахмат, и что ее дети обладали способностью овладеть чем угодно. Все социальные работники, с которыми она делилась своими проблемами, советовали ей отдать Бобби в небольшую частную школу, где бы он получал больше внимания и мог развиваться в соответствии с собственным темпераментом. Но деньги всегда были проблемой, где их взять на платную школу. Она не получала ни денег на ребенка, ни каких-либо алиментов от Ганса Герхарда Фишера, только 20-долларовые чеки — не такая уж маленькая сумма по тем временам — приходившие спорадически, но иногда и еженедельно, от Поля Неменьи — физика, как и Герхард Фишер, Неменьи был другом, с которым Регина встретилась, будучи еще студенткой университета Колорадо, Денвер, а затем вновь с ним соединилась в Чикаго. Возможно,

именно он и есть биологический отец Фишера. Отцовство так точно и не было установлено. Регина не только отрицала отцовство Неменьи, но и письменно сообщила социальному работнику, что ездила в Мехико в 1942 году к своему экс-мужу Гансу Герхарду, и что Бобби был зачат именно во время их рандеву. Но один дальний родственник Бобби высказал предположение, что причина, по которой Регина записала Ганса Герхарда в качестве отца Бобби в сертификат о рождении, состояла в том, что она не хотела, чтобы его считали незаконнорожденным. «*Очень* похоже, что отец именно Поль Неменьи», — считает этот родственник. Не исключено, впрочем, что Регина могла и не знать, кто на самом деле отец Фишера, если она имела связь с Неменьи примерно в то же время, когда состоялся ее мексиканский вояж к Герхарду Фишеру.

В своих попытках найти какого-нибудь мальчика, с кем бы мог играть Бобби, Регина написала шахматному редактор «Бруклин Игл», — не знают ли в редакции других 7-летних игроков. Она называла сына «мое маленькое шахматное чудо». Редактор Герман Хелмс, пожилой шахматный мастер довольно высокого уровня, в своем ответе предложу ей привести Бобби вечером в январский четверг 1951 года в библиотеку на Гранд-Арми-Плаза, где он сможет участвовать в сеансе одновременной игры, проводимом шахматными мастерами.

Обычно сеанс дает *один* мастер, который переходит от доски к доске, сражаясь одновременно с несколькими соперниками. Доски располагаются по сторонам квадрата или подковы. Когда мастер подходит к доске, соперник делает ход, и мастер отвечает, после чего быстро переходит к другой доске.

Бобби в сопровождении Регины вошел в ротонду с высоким потолком библиотеки Гранд-Арми-Плаза, и был поражен увиденным. По периметру комнаты были разложены запертые в стеклянные ящички исторические шахматные комплекты в необычном исполнении, занятые библиотекой у собирателей специально для этого события. В ящичках находились также шахматные книги и древняя рукопись на немецком языке. Присутствовал набор фигур, источником вдохновения для которых послужили иллюстрации Тенниела к «Алисе в стране чудес»; два комплекта поступили из лагеря для перемещенных лиц, один резной работы, другой был сплетен из соломы; на изготовление каждого потребовалось более пятисот часов работы; один комплект пришел из Гватемалы и напоминал об архитектуре Нового света доиспанского периода. Всё это могло очаровать обычного посетителя, но Бобби пришел сюда не для

созерцания шахматных комплектов. «Они меня не слишком заинтересовали», — вспоминал Бобби. Он пришел играть.

В тот вечер мастера выступали по очереди: примерно час сеанс вел один, затем его сменял другой. Когда Бобби сел за столик со своим новым комплектом, подошедшим мастером оказался Макс Павей, 32-летний радиолог — чемпион и Шотландии, и штата Нью-Йорк, находившийся на пике формы. Павей стал первым мастером, с которым довелось сыграть Бобби. Вполне возможно, что это вообще была первая серьезная его партия против подготовленного шахматиста. Дальнейшее можно сравнить с ситуацией, когда 7-летнего ребенка, привыкшего играть в теннис с ровесниками, вывели на корт против Джона Маккинроя.

Толпа зрителей собралась у столика, за которым играл миниатюрный Бобби против уверенного в себе Макса Павея в твидовом жилете. Мальчик играл с таким серьезным видом, что к столику подтягивались всё новые зрители. Он стоял на стуле на коленях, чтобы видеть расположение всех фигур.

Бобби вспомнился его опыт решения головоломок. Он не должен торопиться с ходами, решение сразу не найти, нужно время, время, время… Павей, который как рыба в воде чувствовал себя при темповой игре — недавно он завоевал титул чемпиона США по «быстрым» шахматам — как-то очень легко и плавно перемещался по залу, едва останавливаясь у других досок, чтобы сделать ход, и возвращался к столику Бобби настолько быстро, что мальчик не успевал просчитать варианты так далеко и точно, как ему хотелось. Этим вечером было всего восемь участников сеанса, что затрудняло каждому из них и так непростую задачу борьбы с мастером — при большем их числе Павей перемещался бы от доски к доске не так стремительно.

Мастер был слишком силен. Через пятнадцать минут он, попыхивая трубкой, захватил ферзя Бобби, что закончило партию. Он любезно протянул мальчику руку и с мягкой улыбкой произнес: «Хорошая партия». Бобби еще несколько мгновений не мог оторвать глаз от доски. «Он меня уничтожил», — произнес он, не обращаясь ни к кому в частности, и заплакал.

Несмотря на свою феноменальную память Бобби, будучи взрослым человеком, не мог вспомнить ходы этой партии. Замечание его друга о том, что, быть может, Бобби надеялся выиграть свою первую партию против мастера, вызвало резкую реакцию: «Конечно, нет!» Он сказал, что Павей, вероятно, «отдыхал» на партии с ним, и его, скорее всего, позабавило, что малыш сумел продержаться против него целых пятнадцать минут. А слезы на его глазах говорили лишь том, насколько серьезно

Бобби относился к шахматам уже в то время. Даже в возрасте семи лет он не относился к себе, как к любителю. Позднее он признавал, что партия очень сильно его мотивировала.

Одним из зрителей на том сеансе был Кармайн Нигро, невысокий, лысый мужчина чуть старше сорока лет; Бобби охарактеризовал его как «очень живого».

Нигро внимательно наблюдал за партией Павей-Фишер. Ему нравились ходы Бобби. Они были не блестящими, но вполне разумными, особенно для новичка. Концентрация Бобби, казалось, защищала его от любых внешних помех. Когда партия закончилась, Нигро подошел к Бобби с Региной и представился в качестве новоизбранного президента бруклинского шахматного клуба. Он предложил Бобби посещать клуб вечерами по вторникам и пятницам. Нет, никаких взносов от мальчика не потребуется, уверил Нигро Регину. Она отвела его в клуб, который располагался в здании бруклинской Академии музыки, уже следующим вечером.

Глава 2
Одержимость детства

Когда январским вечером 1951 года семилетний Бобби в сопровождении своей матери впервые возник в дверях Бруклинского шахматного клуба, то представлял собой явную аномалию. Он стал первым ребенком, кому позволили переступить его порог. Даже появление Регины Фишер было необычным: женщины в клуб не принимались — в то время его членами являлись только мужчины, что было характерным для большинства клубов США.

Как новый президент клуба, Кармайн Нигро объявил, что Бобби — его гость, принимать которого нужно как члена клуба. Никто не решился возражать. Во многих шахматных клубах, и не только в США, детей традиционно не хотели слышать, не говоря о том, чтобы видеть. Даже Эмануила Ласкера, ставшего впоследствии чемпионом мира по шахматам, ребенком в Германии не приняли в члены местного клуба, несмотря на его очевидный талант.

Бруклинский шахматный клуб, основанный сразу после гражданской войны, был в стране одним из самых престижных. Он располагался в роскошном здании бруклинской Академии музыки, где пели Энрике Карузо и Джеральдина Фаррар. Клуб достойно соревновался каждый год в шахматной лиге Метрополии, часто побеждая в соперничестве с дюжиной клубов штата Нью-Йорк. Тем не менее, Бобби не испытывал робости в компании склонившихся над своими досками адептов игры, над которыми витали клубы сигарного дыма.

В комнате стояла тишина, нарушаемая редким стуком фигуры, в сердцах ударяемой о доску. По окончании партии соперник мог спросить: «Если бы я пошел ладьей, а не слоном, как бы вы сыграли?» или недовольно пробормотать: «Я не увидел матовую комбинацию. Вам повезло уползти на ничью». Но всегда тон был приглушен, даже если говорящий испытывал раздражение. Бобби смотрел на это в удивлении, частично понимая жаргон и пытаясь домыслить остальное.

Проблема, с которой столкнулся Бобби тем же вечером, произрастала в головах его потенциальных противников. Никто из клубных ветеранов не горел желанием играть с мальчиком, тем более что Бобби выглядел лет на пять. Волна нервных и раздраженных смешков прошелестела под высокими потолками в ответ на предложение «дать Бобби шанс». Основой служила

мысль: «*Ладно, если я проиграю равному, но если меня обыграет семилетка? Как можно! Это погубит мою репутацию!*» Но уговоры Нигро возымели свое действие, несколько игроков смягчились и согласились сыграть с ним одну-две партии.

Большинство были искушенными турнирными бойцами, по уровню некоторые даже не уступали Павею. Но, как выяснилось, опасались они зря — Бобби проиграл все партии.

Несмотря на поражения, Бобби продолжал посещать клуб. Он стал преданным членом клуба и, в какой-то мере, его изюминкой. Противостояние мальчика в сражении умов с судьей, доктором или профессором, которые были старше его в 8-10 раз, всё чаще принималось хоть и с удивлением, но с добрыми улыбками. «Поначалу я проигрывал всем подряд, и мне это не нравилось», — рассказывал Бобби впоследствии. Победители поддразнивали его немилосердно. «Рыба!», — дразнили они мальчика, используя насмешливый термин, которым назывался безнадежно слабый игрок в шахматы всякий раз, когда Бобби допускал промах. Эпитет казался еще обиднее ввиду сходства с его фамилией[4]. Бобби очень не любил это слово. Позднее он сам использовал для обозначения слабого игрока слова «слабак», или менее принятые «чудик» и «кролик».

Нигро, опытный шахматист почти мастерского уровня, почувствовал потенциал мальчика, и, понимая, что у него нет отца, занял в его отношении менторскую позицию. Он стал для Бобби учителем и приглашал его по воскресеньям к себе домой, где ему составлял компанию его сын Томми, который был чуть моложе Бобби, но играл сильнее. Томми не имел ничего против игры в шахматы с Бобби, но слушать лекции отца желанием не горел. В дни шахматных уроков Нигро значительно увеличивал содержание сыну, если тот проявлял усидчивость при изучении премудростей шахматной тактики.

Как только Бобби освоил основы шахмат, Нигро перешел к изложению возможных способов ведения начальной стадии партии, известной под названием дебют, первые ходы которого могут определить результат партии или сильно на него повлиять. Эти начальные ходы и «варианты» следуют по проторенным путям, освященным вековым опытом, и шахматистам, желающим усилить свою игру, нужно стараться их понять и запомнить. Поскольку таких вариантов неисчислимое множество, для большинства игроков трудно освоить даже маленькую их часть. Например, после того, как игроки сделали по ходу, возможно 400 разных позиций, а после двух ходов таких позиций уже 72.084 — не все, впрочем, хорошие. Но Бобби с энергией приступил к решению устрашающей задачи по изучению основных

продолжений. Вспоминая упорные штудии того времени, он говорил: «М-р Нигро был, вероятно, не самым сильным шахматистом в мире, но он был очень хорошим учителем. Встреча с ним оказалась, возможно, решающим фактором в моем продвижении вперед».

У Нигро не было проблем с обучением Бобби. Мальчик сгорал от нетерпения в ожидании очередного еженедельного урока и довольно скоро начал обыгрывать Томми. «Я посещал дом м-ра Нигро по субботам, — писал впоследствии Бобби, — а также встречался с ним по пятницам в клубе. Моя мама часто дежурила по выходным на работе в качестве сиделки, и с радостью меня отпускала [в дом м-ра Нигро]».

В 1952 году, когда ему еще не исполнилось девяти лет, Бобби впервые сыграл в соревновательные шахматы. Группа, состоящая из протеже Нигро, победила в первом матче со счетом 5:3; счет второго матча потерян и забыт. Бобби выиграл свою первую партию и свел вничью вторую против 10-летнего Раймонда Суссмана, сына дантиста, д-ра Харольда Суссмана, национального мастера из Бруклина. Д-р Суссман также был фотографом-любителем и сделал несколько фотографий Бобби, ставших каноническими годы спустя. Кроме того, Суссман стал дантистом и для Бобби. «Зубастый малый», — вспоминал Суссман.

Тем летом и осенью Бобби много играл с 70-летним кузеном деда Якобом Шонбергом, жившим в Бруклине. Регина брала сына с собой, когда ухаживала за Шонбергом, и Бобби играл с сидевшим в постели старым человеком. Годы спустя Бобби уже не мог вспомнить, в какую силу тот играл, и сколько партий они сыграли между собой, но даже по изменению интонации было понятно, что общение с Шонбергом ему запомнилось, и не столько партиями, сколько общением с родственником, хотя бы и дальним. Такие семейные встречи были обрядом, слишком редким в жизни Бобби.

Кармайн Нигро был профессиональным музыкантом и учил музыке различных стилей. Поскольку Бобби словно губка впитывал в себя все тонкости шахмат, Нигро попытался пробудить в нем интерес к музыке, и так как у Бобби не было пианино, Нигро стал давать ему уроки игры на аккордеоне, снабдив мальчика довольно потрепанным «12-басовым» инструментом, чтобы он мог практиковаться дома. Вскоре Бобби уже исполнял «Beer Barrel Polka» и другие мелодии, и почувствовал себя достаточно опытным, чтобы выступить на нескольких школьных концертах. Через год, впрочем, он заключил, что количество времени, затрачиваемое им на изучение игры на аккордеоне, мешает шахматным занятиям. «Я

достиг неплохих успехов, — вспоминал Бобби, — но шахматы меня привлекали больше и аккордеон получил отставку».

До того, как ему исполнилось десять лет, время Бобби проводил довольно однообразно: каждую пятницу вечером он посещал Бруклинский шахматный клуб, Регина сидела где-то поблизости, читая книгу или делая домашнее задание, полученное в школе медсестер. В субботу утром Нигро забирал его в машину и — если Томми Нигро не хотел играть, что было чаще — отвозил Бобби в Вашингтон-сквер-парк в районе Гринвич-виллидж, где мальчик мог найти себе партнеров и поиграть за столиком на свежем воздухе. Нигро видел перед собой и другую задачу: поначалу Бобби долго думал над ходами, что не нравилось его взрослым соперникам в парке. Нигро понимал, что их терпение небезгранично, и потому он поработал над ускорением его игры, а, стало быть, и мышления.

Чтобы стать соперником, с которым нужно считаться, после школы Бобби проводил многие часы в библиотеке на Гранд-Арми-Плаза, поглощая все книги на шахматные темы, имеющиеся на ее полках. Он стал ярым завсегдатаем библиотеки, и выказывал такую настойчивость в изучении книжной премудрости, что его фотография за чтением книги появилась в библиотечном бюллетене за 1952 год с подписью, в которой указывалась его фамилия. Так впервые фотография Бобби появилась в печати. Через несколько месяцев он обнаружил, что может следовать течению партий с помощью диаграмм без доски. Если варианты были слишком сложными или длинными, он брал книгу домой, расставлял на доске фигуры и разыгрывал партии мастеров прошлого, пытаясь понять и запомнить, как они выигрывали — или проигрывали.

Бобби читал шахматные книги и за едой, и в постели. Он ставил доску на стул рядом с кроватью и последнее, что он делал перед тем, как уснуть, и первое сразу после пробуждения, был взгляд на интересующую его позицию. Так много сэндвичей с арахисовым маслом, чашек молока с хлопьями, тарелок спагетти были съедены Бобби во время разыгрывания и анализа партий, что крошки и остатки еды буквально въелись в зубцы башен его ладей, надкрестья королей, короны ферзей и складки митр слонов. И эти остатки никогда оттуда не вычищались. Годы спустя, когда собиратель шахмат, заполучивший этот замусоренный комплект, вычистил его, реакция Бобби оказалась предсказуемо негодующей: «Вы его испортили!»

Он не оставлял шахмат, даже когда принимал ванну. У Фишеров не было душа, только ванна, и заставить Бобби, как и многих его сверстников, принимать ванну хотя бы раз в неделю

удавалось лишь с немалыми трудами. Регина — и это стало ритуалом — каждое воскресенье вечером наливала ему ванну, в которую его приходилось относить едва ли не на руках. Когда он оказывался в воде, Регина укладывала дверцу от сломанного шкафа поперек ванны, словно поднос, и затем приносила шахматы, чашку молока и ту книгу, которую Бобби изучал, помогая ему всё это расставить на доске. Бобби иногда не вылезал из воды часами, если его увлекала партия кого-то из великих игроков прошлого, и выбирался он из нее, красный как рак, лишь по настоянию Регины.

Шахматы можно изучать практически где угодно, и Бобби редко можно было увидеть без доски. Одним вечером рассерженная Регина легонько стукнула своего 9-летнего сына по голове голой ногой: «Давай, вылезай из ванной!»

Нейроны мозга Бобби, казалось, напитывались пониманием того, что может и что не по силам каждой из фигур в самых разных позициях, запоминая информацию для будущего использования. Она сохранялась в памяти, в глубинах того раздела мозга, который отвечает за абстрактное мышление: информация о пешках и полях, выгодных для размещения этих пешек, взвешивалась и лишнее отбрасывалось — всё происходило в нужном ритме и синхронизировалось. Изучая партии мастеров прошлого и настоящего, Бобби учился у всех: интуитивному комбинированию — у Рудольфа Шпильмана; накоплению

маленьких преимуществ — у Вильгельма Стейница; почти мистической технике — у Хосе Рауля Капабланки, стремящегося уклоняться от осложнений; глубокому и красивому погружению в бездну неизвестности — у Александра Алехина. Как сказал о нем один мастер: «Бобби, в сущности, вдыхал шахматную литературу. Он помнил всё, и это становилось его частью». Мальчик — и затем мужчина — видел перед собой одну главную познавательную цель, хотя и никогда не выраженную им явно — Он хотел *понимать*.

Ему особенно нравились партии-миниатюры, короткие схватки не более двадцати ходов, они, как музыкальные упражнения — и предметы искусства в себе — имели одну главную идею.

Книги для начинающих, такие как «Приглашение к шахматам», и другие учебники были скоро отброшены, Бобби погрузился в книги для продвинутых — «Практические шахматные дебюты» и «Базовые шахматные окончания»; двухтомник «Мои лучшие партии» Александра Алехина, и только что вышедшую книгу «500 шахматных партий мастеров». Особенное впечатление на него произвел сборник «Партии Морфи», — великий американец демонстрировал гениальную тактическую изобретательность и следование трем главным принципам: быстрое развитие фигур, оккупация центральных полей и мобильность — необходимость вскрывать диагонали, горизонтали и вертикали. Бобби впитает эти уроки и будет им следовать на протяжении всей своей шахматной жизни. Однажды он скажет мастеру Шелби Лаймену, что прочитал тысячи шахматных книг, и из каждой сохранил лучшее.

Нужно добавить, что эти книги не так-то просто понять даже опытному шахматисту: их можно «пробить», если только читатель тверд в намерении погрузиться в абстракцию шахмат. И то, что 8—9-летнему мальчику хватило концентрации, чтобы их прочесть, само по себе необычно. А то, что ему удалось понять содержание и впитать прочитанное, — из области чудес. Позднее Бобби увеличит степень сложности, читая книги на разных языках.

В области школьного образования достижения Бобби носили хаотический характер. Если не считать летних лагерей, первые уроки он начал посещать в бруклинской еврейской школе для мальчиков, еще в детском саду, где его научили песням (без понимания смысла) для праздников Ханука и Пурим как на английском, так и на идиш (его он не знал).

Он плохо сходился с другими мальчиками. Поначалу не мог понять смысла игры «Дрейдл» — четырехгранный волчок, с

которым играли в дни Ханука. Ему не нравилось носить униформу — белую рубашку и наглаженные брюки. И в раздевалке он мог видеть, что его пенис не такой, как у других: не был обрезан. Через несколько недель Регина забрала его из школы. Хотя она была еврейкой, но религиозные обряды не соблюдала. Бобби не прошел обряд обрезания — обычно выполняется на восьмой день рождения еврейского мальчика — и впоследствии утверждал, что его не учили ни еврейским обычаям, ни теологии, и в детстве не водили в синагогу в религиозных целях. Быть может, он просто этого не помнил.

Попытки Регины и Джоан вовлечь Бобби в школьную работу обычно кончались ничем. Бобби мог часами решать паззлы или заниматься шахматами, но начинал ерзать и суетиться, если ему предлагали читать, писать или решать арифметические задачи. Посещение бруклинской общественной школы также стало проблемой. Он был одиночкой и всегда отделялся от других детей, возможно, по причине крайней робости или боязни с кем-нибудь соревноваться. К четвертому классу он сменил шесть школ — практически по две в год — уходя всякий раз по причине плохой успеваемости или неспособности вынести учителей, товарищей или даже местоположение школы. В полном огорчении Регина записала Бобби в школу для одаренных детей. Он продержался в ней один день и отказался туда возвращаться.

В конечном счете она нашла школу, подходящую для ее проблемного сына. Осенью 1952 года Регина записала 9-летнего сына в бруклинскую прогрессивную начальную школу «Коммьюнити Вудворд», в которой обучалось порядка 150 детей. Размещалась она в величественном здании из бурого песчаника, которое раньше было частным особняком, а теперь стало одним из самых красивых учебных заведений в бруклинском районе. Философия образования в этой школе основывалась на принципах Иогана Генриха Песталоцци, швейцарского учителя XVIII века — противника зубрежки и строгой дисциплины, который считал, что нужно концентрироваться на развитии индивидуальности посредством новаторских методов. Школа продвигала концепцию *Anschauung*[5], — развитие персонального взгляда на вещи, сугубо индивидуального и присущего каждому конкретному ребенку. Стулья и парты не стояли строго по местам, как в большинстве школ, и детей поощряли забывать разницу между обучением и игрой. При изучении ранней истории Америки, например, дети переодевались в костюмы той эпохи и их учили прясть пряжу, ткать ковры и писать птичьим пером.

Но Бобби выбрал путь — шахматы, и всё, с ними связанное.

Он уже обнаружил свой талант и был принят в «Коммьюнити Вудворд» с пониманием, что научит других учащихся шахматам, а также по причине его астрономически высокого IQ = 180.

Ярким пятном его социального и физического развития в этой школе стал момент, когда Бобби приняли в бейсбольную команду, и он начал выбираться из защитной скорлупы. Он влюбился в игру, мог слышать рев толпы из расположенного неподалеку стадиона «Эббетс Филд», домашней арены «Бруклин Доджерс», когда был в школе или дома, и даже вместе с классом иногда посещал игры. У него получались перемещения по площадке и подача, но хотя бегал он быстро, для роли раннера на базе ему не хватало координации. «Он подогрел интерес к шахматам в нашей школе», — позднее говорил один из учителей. «Он легко обыгрывал любого, включая шахматистов факультета. Не важно, во что он играл — будь это бейсбол или теннис — ему важно было быть первым. Если бы он родился рядом с бассейном, стал бы чемпионом но плаванию. Но так уж получилось, что под рукой оказались шахматы».

Однажды Бобби взлетел по трем пролетам лестницы в безопасность своего дома только для того, чтобы никого там не найти. Джоан еще не вернулась из школы, оставшись в Биологическом клубе; Регина была на курсах, затем ей предстояло чтение в библиотеке, а после — ночная смена. Он нашел записку на стуле в кухне, написанную на листке книжки синего цвета «на пружинках»:

> *Дорогой Бобби — съешь суп и рисовую кашу. Молоко в холодильнике. Я буду после 3-х, заброшу продукты и вернусь на курсы. Люблю, М.*

Оставаться одному для Бобби было привычным делом с тех пор, как Регина почувствовала, что может оставлять его без надзора, и это постоянное одиночество послужило катализатором для еще более глубокого погружения в шахматы. Когда он сидел с раскрытой шахматной книгой, часто — за кухонным столом, на котором стояла шахматная доска, фигуры становились его друзьями, а книга — учителем. Но ни одиночество, ни учение не давались ему легко. Он хотел бы иметь друга, другого мальчика, с кем можно было бы играть и делить приключения, но, так как шахматы уже занимали бóльшую часть его времени, интересов и мыслей, гипотетический друг должен был не только уметь играть в шахматы, но играть достаточно хорошо.

Какая-то сила заставляла Бобби изучать секреты шахматной

доски, и это занятие приковывало его внимание на многие часы. Он радовался, когда блеск зимнего солнца переставал отбрасывать ломаные тени на стены кухни, они мешали ему думать. Когда сестра Джоан или мама Джинни — как ее звали друзья — возвращались вечером домой, в сумраке они иногда видели Бобби, который не озаботился включить свет, сидящим за шахматной доской, весь в мыслях о тактике и стратегии.

Но хотя Регина понимала, что Бобби уже достаточно самостоятелен, ее беспокоило, что он так подолгу остается дома один. Она решила найти ему кого-то вроде сиделки, кто мог бы составить ему компанию. Но проблема заключалась в деньгах: даже символическую плату изыскать было трудно. Поэтому она поместила следующее объявление в газете кампуса бруклинского колледжа, который располагался по соседству с их домом:

> *Требуется сиделка для мальчика 8,5 лет. Вечерами, иногда на уик-энды, в обмен на комнату, кухонные привилегии. Sterling 3-4110 7 до 9 вечера.*

Ответил молодой студент-математик — он даже умел и играть в шахматы — но по неизвестным причинам от работы он отказался. Бобби оставался один.

В отличие от Джоан Бобби, казалось, мало интересовался школой, а если Регина хотела помочь ему с уроками, он обычно коротко ей отказывал и возвращался к своим шахматам. Ей было нелегко противостоять его дерзости: «Я хочу играть в *шахматы*!», — безапелляционным тоном заявлял он, словно кронпринц говорил со слугой. И возвращался к своей шахматной доске, не спрашивая разрешения матери и оставляя уроки без внимания.

Но нельзя сказать, что Бобби относился без уважения к трудолюбию матери и сестры. Скорее, он был готов приложить все свои силы для совершенствования в другом: а именно, в шахматах. Дела обстояли так, что ему более важным казалось научиться выигрывать с ладьей и пешкой, чем узнавать что-либо о трех ветвях власти, или где находится десятичная точка при делении столбиком. Трое Фишеров, образцовые школяры талмудического толка, всегда учились: Джоан по своим книгам, Регина — по медицинским учебникам, и Бобби — по последним журнальным шахматным статьям. В доме по временам было тихо, как в библиотеке.

Один из немногих нешахматных интересов Бобби неожиданно обозначился летом 1951 года, когда ему было 8 лет. Регина послала его в школу Вендервеера, дневной лагерь для детей в Бруклине. Несмотря на название, школа принимала детей

более старшего возраста в свой летний лагерь, и по их программе Бобби предоставили место по окончании учебного года. Либо Регина, либо Джоан отводили его туда утром и забирали после полудня. Бобби намеревался возненавидеть школу — или, по крайней мере, невзлюбить — но неожиданно ему понравились многие подвижные игры, которые там предлагались. Главное удовольствие доставил большой открытый бассейн, где он научился плавать.

С тех пор каждое лето, когда он был в одном из лагерей, и во время, свободное от шахмат, Бобби тренировался в плавании, проходя различные тесты «Красного Креста» по плаванию. Он легко сдал на пловца «среднего» уровня, а затем и «продвинутого». Настоящая «Рыба», он любил воду, особенно, если плавание означало соревнование с другими детьми. Обладая скоростью, решительностью и отличной реакцией, Бобби входил в воду в момент, когда тренер давал свисток, в то время как другие находились еще в полете. Плавание позволяло ему двигаться и разгонять кровь по мышцам, освобождать их от зажима, вызванного неподвижным сидением за шахматной доской или с книгой. Он получал удовольствие от движения сквозь стихию воды, и ему нравился соревновательный дух сам по себе, не важно, касалось это плавания или шахмат. Казалось, кроме шахмат и плавания ему ничто больше не доставляло удовольствия.

Регина начала бояться за будущее Бобби, который не слишком обременял себя учебой, и ее беспокоило, что его увлечение шахматами становится всепоглощающим. Ей казалось, шахматы заворожили его так, что он всегда находился в некотором отстранении от окружающей его жизни; он настолько «заразился» игрой, что не сможет — не может — контролировать это увлечение, и что, в конечном счете, из-за исключения из своей жизни всего остального этот случайный интерес разрушит его жизнь.

Обсуждать с Нигро чрезмерное увлечение Бобби шахматами оказалось пустым делом. Тот лишь еще настойчивее советовал Бобби играть в них больше, изучать их упорнее и участвовать в соревнованиях чаще. Бобби стал протеже Нигро, его шахматным компаньоном. Он понимал, что у Регины туго с финансами, и потому никогда не заводил речь об оплате своих уроков, касались ли они музыки или шахмат. Нигро с Бобби стал играть с временны́м контролем по два часа каждому — обычный турнирный регламент — и после каждой партии Бобби, казалось, становился сильнее, что побуждало его изучать игру еще настойчивее, пока он не стал обыгрывать Нигро в большинстве

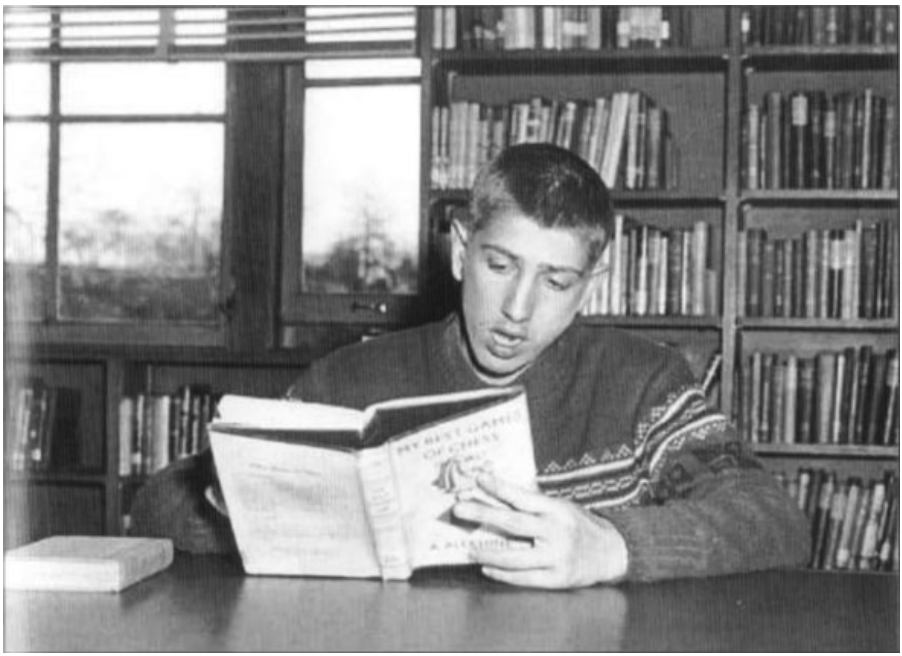
партий.

К немалому испугу Бобби, Регина настояла на том, что-бы он прошел психологические тесты с целью определить, нужно ли — или вообще возможно — как-то ослабить его всепоглощающую страсть к игре. Когда она повела мальчика к д-ру Харольду Клайну в отделение детской психиатрии бруклинской еврейской больницы, Бобби всем своим видом выражал неудовольствие. Д-р Клайн, заметивший это сразу, не стал нагружать его комплектом тестов для определения личностных качеств, интеллекта и интересов, обычно применяемых в таких случаях. Он просто постарался разговорить мальчика. «Не знаю», — угрюмо ответил Бобби, когда его спросили, почему он так много времени уделяет шахматам в ущерб школьным занятиям. — «Мне просто хочется». После простого совета Бобби не пренебрегать занятиями в школе, его попросили погулять немного. Д-р Клайн сказал Регине, чтобы она не беспокоилась относительно Бобби, что детей часто заинтриговывают, буквально захватывают игры, игрушки, спорт и другие вещи, и что по истечении некоторого времени они либо теряют интерес к ним, либо отступают в строну. Нет, он не думает, что Бобби — невротик, и он не рекомендует терапию. «Невротик» — это слово, по сути ничего не объясняет, добавил доктор, указывая, что Бобби не вредит ни себе, ни окружающим, шахматы, вероятно, просто напрягают его мозги, и ему надо разрешать играть в них, сколько он захочет. Нелюбовь к школе — это мелкое расстройство, через которое проходят многие дети, но изучение шахмат, как интеллектуальное занятие, ее замещает. Возможно, предположил он, ей нужно строить некоторые из домашних заданий Бобби в игровой форме.

Не успокоенная полностью, Регина решила поискать другого специалиста. Она узнала о психиатре и одновременно шахматном мастере д-ре Ариэле Менгарини — неаналитическом нейропсихиатре, работавшем на правительство. Он страстно любил шахматы и был не меньшим их фанатиком, чем Бобби. Он признался Регине в своем фанатизме к игре и добавил еще то, чего ей совсем не хотелось слышать: «Я сказал ей, что есть гораздо более плохие вещи, которыми способен увлечься человек, и что ей следует позволить сыну искать собственный путь в жизни».

Мало-помалу успехи Бобби в бруклинском клубе росли. Прошло несколько трудных, иногда удручающих лет, но в итоге он стал выигрывать большинство партий. Но и его партнеров впечатлили упорство и рост результатов Бобби. «Я прочел почти все шахматные книги в публичной библиотеке, расположенной по соседству, и хотел иметь собственные книги», — вспоминал

Бобби, обращаясь к тому периоду. Нигро давал ему книги на время или навсегда, Регина иногда позволяла ему их покупать, если у нее появлялись свободные деньги. Карманные деньги Бобби — 32 цента в день — не давали ему особых возможностей покупать книги, и даже когда он стал старше и его «содержание» выросло до 40 и даже 60 центов, деньги расходовались на молочный шоколад и сладости после школы.



Бобби взял за правило читать каждую шахматную книгу в бруклинской публичной библиотеке, запоминая из них всё, что могло оказаться полезным. На снимке он в возрасте 14-ти лет читает том избранных партий Александра Алехина.

По прочтении очередных, полученных им, номеров «Чесс Ревью» и «Чесс Лайф» Нигро отдавал их Бобби, которому очень нравились эти журналы и не только из-за большого числа интересных и поучительных партий с примечаниями, но и поскольку в них имелись материалы о великих чемпионах. Эти журналы были неким шахматным эквивалентом жизнеописаний римских цезарей Плутарха или художников Вазари. Говоря коротко, они его вдохновляли.

Летом 1954 года у Бобби появился шанс увидеть некоторых из великих, о которых он пока лишь читал — советская команда впервые ступила на американскую землю.

В ту эру антикоммунистической истерии, когда в США каждый, кто читал «Капитал» К. Маркса или носил красный

галстук, считался коммунистом, президент американской шахматной федерации Гарольд М. Филлипс, юрист, защищавший Мортела Собелла[6] в деле о шпионаже Розенбергов[7], сообщил едва ли не с гордостью, что ожидает вызова в комиссию сенатора Маккарти (по расследованию анти-американской деятельности) на слушания по обвинению в коммунизме просто потому, что послал шахматное приглашение советской команде. Но до этого, всё же, не дошло.

Важно подчеркнуть одно важное отличие, существовавшее на тот момент между советской и американской командами. Все советские были не просто профессиональными игроками, но и гроссмейстерами — звание, которым награждались сильнейшие мастера, отличившиеся в международных соревнованиях. Царь Николай II «изобрел» этот титул в 1914 году; он применялся в 1954 году, в ходу он и сегодня.

Советские игроки получали субсидии от государства, часто их обеспечивали дачами, где они могли изучать шахматы и готовиться к матчам. В те времена в советском обществе гроссмейстеры обладали тем же престижем, что и звезды кино или олимпийцы в современной Америке. Когда Михаил Ботвинник, ставший чемпионом мира, появился в Большом театре, поднявшийся зал устроил ему овацию. В середине 50-х Советская Шахматная Федерация насчитывала четыре миллиона членов, и игра не только входила в обязательное школьное образование, но ею заставляли заниматься и после окончания уроков. Молодые люди, обладавшие талантом, получали специальное образование, часто занимаясь один-на-один с гроссмейстерами, которым поручали воспитывать молодое поколение завоевателей мирового господства. В одном советском турнире однажды участвовало семьсот тысяч игроков. В СССР шахматы рассматривались не только в аспекте национальной политики. Они глубоко проникли в культуру и казалось, что все — мужчины, женщины и дети, колхозники, служащие и врачи — все играли в шахматы. Поэтому намеченное противостояние советской и американской команд имело своим фоном всю атрибутику Холодной войны.

За три дня до матча в редакционной статье «Нью-Йорк Таймс» было написано: «Стало до боли понятно, что русские привносят на шахматную доску весь свой жар, умение и проявляют ту же преданность своему делу, что и Молотов на дипломатических конференциях. Они здесь для того, чтобы прославлять Советский Союз. Успех в этом деле для них означает признание на родине и пропаганду побед за рубежом». Шахматы являлись для советских не просто игрой; это была война, и не

такая уж холодая, как могло показаться.

Шахматная Федерация США насчитывала в то время только три тысячи членов, не существовало никакой национальной программы по развитию шахмат или обучению им детей, и похвастаться она могла только одним гроссмейстером — Сэмюэлем Решевским. Его статус приносил ему 200 долларов в месяц — стипендия, которую ему выделили несколько восхищенных поклонников. В дополнение к этому он зарабатывал примерно 7.500 в год, читая лекции и давая сеансы. Бродил ложный слух, что дома у него не было даже шахматного комплекта.

Во многих отношениях приближавшийся матч напоминал ситуацию, при которой звезды НБА играли бы против студенческой команды. Возможность того, что студенты могут выиграть, исключить нельзя, но статистически их шансы заметно ниже, чем один из тысячи.

В среду 16 июня Бобби, надевший рубашку поло с короткими рукавами, прибыл в отель «Рузвельт» в сопровождении Нигро, чтобы присутствовать на первом раунде исторического матча. Мальчик впервые был в каком-либо вообще отеле, он посмотрел на большие часы над лестницей, затем увидел знакомые лица некоторых из тех, кто входил в Большой бальный Зал. Он узнал членов бруклинского шахматного клуба и нескольких завсегдатаев Центрального парка Вашингтона. Бобби занял свое место в аудитории, словно он присутствовал на церемонии вручения наград Академии, «сканируя» сцену «широко открытыми от любопытства глазами», — как выразился Нигро.

На сцене, на фоне бархатного занавеса, висели два флага: американский звездно-полосатый и зловеще-алый советский с серпом и молотом. Под ними, во всю ширину сцены, располагались восемь демонстрационных досок, на которых должны будут показываться для зрителей ходы в партиях. Восемь столиков с шахматными фигурами и досками были подготовлены для противников. В зале присутствовало около 1100 зрителей — самая большая аудитория в истории шахматной Америки.

Собравшиеся на сцене игроки ожидали сигнала судьи, чтобы занять свои места и начать игру. Советский шахматист Давид Бронштейн попросил стакан лимонного сока — нет, не лимонада, а настоящего лимонного сока, настаивал он — который и выпил, как показалось, залпом. Американцы заметно нервничали, чему не стоило удивляться: помимо двух предыдущих поражений, не дававших оснований надеяться на успех в этом матче, они могли вспомнить о недавнем разгроме советскими аргентинской команды в Буэнос-Айресе и французской в Париже. Дональд

Бирн, победитель открытого чемпионата США, рассказывал, что он так нервничал накануне, что весь день перед матчем старался выбросить его из головы, для чего читал романтическую прозу Натаниэла Готторна.

Наконец, после обязательных слов о том, что шахматный матч служит вкладом в дело разрядки между СССР и США, игра началась. Нигро отметил не без лестной для себя гордости, что его протеже неотступно смотрел на сцену, впитывая все детали происходящего.

Понимал ли Бобби всю политическую подоплеку матча? Вздымалось ли чувство патриотизма у него в груди, и желал ли он победы всем сердцем своей команде? Хотел ли он — или мечтал — когда-нибудь взойти на такую сцену участником матча против лучших игроков планеты? Он никогда не упоминал об этом матче, но вероятнее всего, что ответом, во всяком случае, на второй вопрос, будет «да».

Помимо самих партий, за которыми Бобби следил безотрывно, он примечал и другие вещи: любители шахмат собирались в коридорах и комнатах отеля, где они обсуждали и анализировали партии; шахматные книги и портативные шахматы для экспресс-анализа; зрители покидавшие свои места лишь на короткое время, чтобы купить бутерброд с тунцом или ветчиной и сыром у стойки в небольшом холле. Когда в зале Бобби заметил Ройбена Файна, возможно, второго по силе игрока в США, он заволновался, поскольку шахматные книги Файна были для него своего рода библией. Д-р Файн не играл за команду США, — он отошел от шахмат в 1948 году. Но на сцене присутствовал д-р Макс Павей — тот самый, с кем играл Бобби в сеансе три года назад — готовый играть за свою страну.

Когда Нигро представил своего протеже писателю Мюррею Шумаху из «Нью-Йорк Таймс», Бобби заробел и лишь смотрел на свои ботинки. Аллен Кауфман, шахматный мастер, также впервые встретил Бобби в этот день и через полвека вспоминал: «Он показался мне приятным малым, несколько стеснительным. Тогда мне и в голову прийти не могло, что я разговариваю с будущим чемпионом мира». На следующий день Шумах написал в юмористическом ключе о собравшихся на матч: «Шахматные зрители напоминают болельщиков “Доджер” с ларингитом — мужчины буйного нрава, но с приглушенными голосами».

Ну, не *совсем* уж приглушенными. По мере того, как позиции усложнялись, зрители, многие из которых отслеживали происходящее на карманных шахматах или кожаных шахматах-книжках, начали шепотом обсуждать варианты. Кумулятивный эффект был таков, что общий звуковой фон начал напоминать

шум осенней непогоды. Временами, когда на доске начиналась сомнительная или сложная комбинация, или когда миниатюрный Решевский тратил час и десять минут на *один* ход, двадцать две сотни бровей, казалось, поднимались в унисон. Если шум становился слишком сильным, Ганс Кмох, ультра-формальный судья с галстуком-бабочкой, сердито смотрел в зал и строгим тоном с голландским акцентом произносил: «Quiet, please! (Пожалуйста, тише!)». Принимая упрек, зрители смущенно замолкали, и в зале несколько минут царила тишина.

Бобби получал явное удовольствие от общей атмосферы, и держал в руках таблицу, словно он находился на «Эббетс Филд». 11-летний мальчик аккуратно заносил в нее результаты каждой партии: ноль за поражение, единицу за победу и половинку за ничью. Он посетил все четыре раунда, не догадываясь, что всего лишь через несколько лет будет сидеть напротив — в турнирах или матчах на разных континентах — четырнадцати из этих шестнадцати игроков из США и СССР, составлявших элиту мировых шахмат.

Бобби доставляло удовольствие не только следить за партиями, ему нравилась и комната для анализов. Там, вдали от ушей соревнующихся, сильнейшие мастера обсуждали и глубоко анализировали каждую партию, ход за ходом. Бобби не чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы высказывать свое мнение по поводу того, как тому или иному шахматисту стоило (или не стоило) играть, но он был очень доволен, что ему удавалось предсказывать некоторые ходы до того, как они были сделаны, и он мог понять, почему было сыграно так, а не иначе.

После четырех дней определилось унизительное для США поражение со счетом 12:20. По окончании действа аплодисменты американской аудитории прозвучали искренне и уважительно, но в кулуарах слышались горестные причитания многих американских шахматистов: «Что не так с американскими шахматами?» Редакционная статья в «Чесс Лайф» оплакивала поражение и объясняла его следующим образом: «Вновь в матче США — СССР мы видим доказательство того, что одаренный любитель редко — или никогда — бывает способен противостоять профессионалу. Не важно, насколько он талантлив от природы, любителю недостает точности, временами брутальной, отличающей профессионала высокого уровня — мастера своего дела; недостает того, почти инстинктивного дара предвидения, наработать который можно только постоянной практической игрой при разных условиях и против самых разных противников». С тяжестью на сердце Бобби и Нигро ехали в сабвее домой в Бруклин. Если Бобби что-то и унес с собой после матча, это

знание того, что советские игроки — лучшие в мире. Это понимание поставило перед ним жгучую цель.

В июле следующего 1955 года результат матч-реванша, прошедшего в Москве, оказался даже более катастрофическим для американцев: советские выиграли с еще более крупным счетом 25-7. Заголовки газет разнесли эту новость по всему миру, фотография американской команды была вынесена на первую полосу «Нью-Йорк Таймс», равно как и других крупных изданий. Море чернил было пролито для освещения того факта, что Никита Хрущев и Николай Булганин неожиданно посетили прием в саду, данный в Москве в честь американской шахматной команды. В программном заявлении Хрущев заявил, что Советский Союз теперь силен как никогда, и что он бы хотел столь долго продолжать политику разрядки между двумя странами, сколько США будут согласны вести «честный» диалог.

Тем же летом «уничтожения» американцев советскими Бобби Фишер, которому уже исполнилось 12 лет, полностью погрузился в шахматные баталии на турнире в Гринвич-виллидж. Панорама шахматных столиков, расположенных на открытом воздухе в Центральном парке Вашингтона, представляла собой кипучую смесь городской энергии и цветового разнообразия. Никаких приглушенных раздумчивых тонов бруклинского шахматного клуба, — парковые сражения окружали быстро-говорящие и неорганизованные группы шахматных любителей, своеобразной богемы этого места, игроков достаточно сильных, любивших соревноваться на открытом воздухе, иногда с утра до ночи. Шахматные столики рушили классовые барьеры: банкир с Уолл-стрит мог играть против бездомного со Скид-роу, член «Лиги плюща» — против прогуливающего занятия студента. Что касается самого парка, он представлял собой американскую версию восточного базара — с певцами народного стиля, рассказчиками, попрошайками, политическими диссидентами, непризнанными ораторами и даже заклинателями змей. Атмосфера «Всё разрешено» поощряла отвагу и изобретательность.

Несмотря на парковый нонконформизм, в 1950-е практически каждый день здесь игрались партии и проводились турниры, даже зимой, когда игроки закутывались во всё теплое и натягивали на уши шляпы, неуклюже передвигая фигуры руками в перчатках. «Поначалу мне не удавалось получить партнера, — рассказывал Бобби, оглядываясь на прошлое. — Большинство были взрослые люди, многие — настоящие старики, чего бы им тратить время на мальчишку. М-р Нигро ввел меня в “общество”, и когда я

усилился, включаться в игру стало легче». Воспоминания Бобби об однородно *пожилом* возрасте участников, вероятно, объясняются его тогдашним нежным возрастом. На самом деле столики занимали люди всех возрастов; просто не было столь юных, как он.

В те дни в парке шахматные часы использовались нечасто, но формат быстрых шахмат, известный как «блиц» (немецкое слово «молния»), пользовался популярностью. В этом случае ход нужно было делать незамедлительно, как только соперник сделал свой. Если ответ задерживался на несколько секунд, противник — или назначенный «хранитель времени» — выкрикивал слово «*Ход!*», и, если требование не исполнялось, партия признавалась проигранной. По многу раз в парке слышалось слово «Ход!». Бобби играл в этом формате по настоянию Нигро, и хотя показывал не слишком впечатляющие результаты, но он научился быстрее оценивать позиции и доверять своей интуиции.

Итак, став полноправным участником турнира, стартовавшего в Центральном парке летом 1955 года, Бобби занял свое место на деревянной скамейке и начал двигать фигуры на каменном столике с расчерченной доской со светло-красными и серыми клетками. Как только положение на доске осложнялось, мальчик обретал серьезный вид и часто становился на колени на скамейке, чтобы иметь лучшую перспективу. Розовые и белые лепестки поздно цветущих вишен иногда опускались на доску, а некоторые мягко приземлялись ему на голову. Мимо проходили хозяева собак, выгуливающие своих питомцев; они дергали за поводки, не давая животным залезать под столики и цапать за лодыжки и ботинки играющих. Любителей давать непрошеные советы, которых хватало, часто приходилось «гонять» организатору турнира Хосе Кальдерону.

В какой-то момент каждой партии Нигро ритуально отправлялся на несколько минут в ближайший ресторан и возвращался с гамбургером, французской картошкой и шоколадно-молочным коктейлем для Бобби, который поглощал свой ланч с отсутствующим видом, не выпуская из виду доску ни на секунду. Зрители тихими голосами сообщали Нигро, каково положение на доске у мальчика. Как-то раз Бобби через тридцать минут после ланча, забыв о том, что он уже поел, прошептал: «М-р Нигро, когда будет еда?»

Излучающий жизнелюбие Кармайн Нигро, первый шахматный учитель Бобби, в нью-йоркском Вашингтон-парке (1955), где Бобби играл в турнире на открытом воздухе.

В турнире 1955 года на площади Вашингтона участвовало 66 игроков различной силы и таланта. Поскольку вступительный взнос составлял всего 10 центов (собранные 6.60 долларов были переданы Красному Кресту в качестве пожертвования), принять участие мог каждый. Были те, кто едва знал, как ходят фигуры, но также и опытные клубные игроки и даже несколько мастеров. Бобби настолько поглощал процесс игры, что он не замечал, как некоторые «топовые» игроки, готовившиеся к отлету в Москву на еще один матч-реванш, останавливались у его столика, чтобы понаблюдать за игрой юнца, а один даже простоял рядом всю его партию.

Бобби обыграл подряд несколько слабых игроков, но по мере того, как он поднимался по турнирной лестнице, противники становились всё сильнее, и он начал терпеть поражения. Гарри Файанс, высокий и худой как карандаш шахматный мастер с плохой осанкой и член маршалловского шахматного клуба — одной из славнейших шахматных организаций Америки,

рассказывал, что когда он побил Бобби в этом турнире, мальчик расплакался. Когда его спросили об этом годы спустя, Бобби пришел в негодование и яростно сей факт отрицал.

Турнир перешел в октябрь, и к последним турам на улице уже было холодно и дождливо. Бобби, одетый в не особенно теплую куртку на молнии, продолжал играть, хотя его фигуры иногда соскальзывали с мокрого от дождя столика. «Все были рады, когда турнир завершился», — вспоминал Бобби.

Он занял 15-е место, и его наградили шариковой ручкой, вероятно, потому, что он был самым юным участником. Позднее он рассказывал: «Я не радовался, когда мне вручили ручку, она мне казалась похожей на те, что я всегда мог купить за четверть доллара». Через несколько недель, когда с матерью они проходили мимо аптеки, она ему указала на ручку в витрине, идентичную подаренной. На ярлыке указывалась цена — 10 долларов. «Я почувствовал себя лучше», — не без сарказма заметил Бобби.

В результате своего участия в турнире Бобби впервые увидел свою фамилию напечатанной в газете, первая ласточка того острого внимания, которое будет обращено на него всю его жизнь.

«Нью-Йорк Таймс» посвятила событию небольшую заметку, помещенную в подвале последней полосы, где обычно печатаются некрологи. Ей был предпослан заголовок — ИСТМЕН ВЫИГРЫВАЕТ НА ВАШИНГТОН-СКВЕР — 12-ЛЕТНИЙ МАЛЬЧИК БЛИЗОК К ПОБЕДИТЕЛЯМ.

Хотя победителем вышел Чарльз Истмен, чернила достались Бобби. «Таймс» рассыпалась в похвалах: «Многие из толпы в 400 человек полагают, что лучшую игру продемонстрировал Бобби Фишер. Несмотря на соперничество с более взрослыми и опытными противниками, его не могли обыграть до вчерашнего дня, когда он вошел в число 15-ти лучших в турнире».

После смерти деда Бобби по материнской линии Якова Вендера, среди его бумаг нашли этот номер газеты с пожелтевшими страницами. Бобби прокомментировал с печалью и болью: «Мой дед мало интересовался [мною] и ничего не знал о шахматах». Но ирония грустного факта не ускользнула от Бобби. Он осознал, что дед, вероятно, гордился им с самого начала его шахматной карьеры, но никогда об этом не говорил.

Глава 3
Из головы Зевса

Летом 1955 года Бобби стал завсегдатаем мест сбора любителей шахмат и в результате поднял свое мастерство на новый уровень. Нигро часто брал его с собой в Центральный Парк, где они во взятой напрокат лодке час или два медленно плыли по спокойному озеру сквозь поля лилий, подобно гребцам конца XIX века с полотен импрессионистов. Веслами работал в основном Бобби, что сделало его более широким в плечах.

Однажды в субботу днем по дороге из парка домой, Бобби заметил медную табличку на фасаде каменного дома на шикарной улице Сентрал-парк-саут, проходящей вдоль границы парка. Надпись была простой: «МАНХЕТТЕНСКИЙ ШАХМАТНЫЙ КЛУБ», но она взволновала Бобби — он смотрел во все глаза на нее и на открытое окно на первом этаже. Он даже запнулся на ходу: буквально в дюймах от него в помещении за столиком сидели два игрока, сосредоточенно передвигая фигуры по доске. Мужчинам хотелось глотнуть свежего воздуха в эти душные летние дни. Клуб казался гостеприимным. Бобби робко повернулся к Нигро: «Мы можем войти?» Учитель ответил просто: «Давай попробуем».

«Мы искали возможность укрыться от жары, — вспоминал Бобби. — Как только я увидел табличку, то сразу захотел войти, и внутри с первой минуты мне всё понравилось». Клуб был декорирован трофеями; портреты маслом легендарных шахматистов — Ласкер, Морфи и Капабланка; фотографии современных мастеров; книжные полки, заставленные книгами по шахматной стратегии. Когда они вошли, за разными столиками игралась дюжина партий. Детей Бобби не увидел.

Вальтер Шипман, один из клубных директоров, подошел к новеньким, которые замешкались в дверях. 26-летний начинающий адвокат (впоследствии станет международным мастером) приветствовал бруклинскую парочку и сразу нашел для Бобби пару. Бобби быстро разделался с соперником, который позвал другого игрока, чтобы тот испробовал силу мальчика. И второго постигла та же участь. Клубные игроки начали собираться вокруг столика Бобби — они еще не осознавали, что имеют дело с вундеркиндом, но понимали, что парнишка был чем-то исключительным. Посыпались вопросы: «Где ты учился шахматам?», «Сколько тебе лет?», «Где ты живешь?», «Где научился этому варианту?».

Бобби дебютировал в элите шахматного братства Нью-Йорка. Его представители понимали, что в отличие от большинства начинающих (хотя он и не был уже начинающим, так как играл четыре года в бруклинском шахматном клубе, куда попал в восемь лет), Бобби видел всю доску как единое целое. Он не на каждом ходу делал лучший выбор, но никогда не ставил одно- или двухходовые «дешевые» ловушки, и сам в них не попадался.

Шипман, входивший в двадцатку сильнейших шахматистов США, оценил потенциал мальчика. Он сыграл с ним «всерьез» серию блиц-партий по секунде на ход, и Бобби выиграл треть из них. Шипман вспоминал: «Меня настолько поразила его игра, что я познакомил 12-летнего парнишку с Мариусом Каспером, президентом клуба, миллионером и преуспевающим изготовителем одежды, чье предложение о бесплатном членстве Бобби охотно принял». Бобби стал самым молодым членом клуба в его истории. Каспер ему сказал, что он может приходить хоть каждый день, если захочет. Бобби сиял. Он походил на маленького мальчика, которому отдали «на разграбление» магазин с конфетами.

Манхеттенский шахматный клуб был сильнейшим в стране и вторым по «возрасту». Его основали в 1877 году, через три года после шахматного клуба Механического института в Сан-Франциско, и многие годы его членом становился практически каждый великий игрок, «производимый» в США. Шахматные энтузиасты города и даже других стран, знавшие о клубе с почти мифологической историей, приезжали в Нью-Йорк только для того, чтобы стать его членом, повысить уровень своей игры и получить шанс сразиться с великими. Его притягательность была сродни той, которой обладал Париж в 1920-х годах, но для людей искусства, устремлявшихся в город, дабы добиться совершенства под руководством опытных наставников. Клуб стал местом проведения двух матчей на мировое первенство (Стейниц-Цукерторт в 1886 году, и Стейниц-Гунсберг в 1890-91), и каждый год, начиная с 1930, принимал в своих стенах чемпионат США. Среди его членов преобладали представители еврейской нации, в их среде игра практиковалась несколько веков и получила высокое развитие. В Нью-Йорке на тот момент проживало более миллиона евреев, большинство из которых были иммигрантами, и многие из них принесли с собой в новую страну любовь к шахматам. В 1974 году Энтони Сэйди написал в книге «Мир шахмат», что «возможно, половина из всех великих шахматистов прошлого — евреи». Когда Бобби спросили, является ли он евреем, он ответил: «Частично. Моя мать еврейка».

В редких случаях, когда в манхеттенском клубе в дневное

время не находилось противников, Бобби отправлялся в Центральный парк и играл на открытом воздухе за каменными шахматными столиками неподалеку от катка Воллмана. Во время одного долгого и трудного эндшпиля стал накрапывать дождь, но ни Бобби, ни его противник не хотели прерывать игру. Бобби думал и делал ходы, размышлял и передвигал фигуры, пока одежда его намокала. Домой он пришел в промокшей насквозь одежде, в кроссовках хлюпала вода, а волосы выглядели так, будто он только что из душа, что вывело Регину из себя. Но ее гнев никогда не длился долго.

Манхеттенский шахматный клуб был разделен на четыре группы — по силе игры. Сильнейшей являлась изысканная группа «А», состоявшая из мастеров и опытных шахматистов; за ней по порядку — «А-резерв», включавшая в себя потенциально сильных игроков, далее группа «В», и, наконец, группа «С», состоявшая из шахматистов с невысоким рейтингом и просто слабых, многие из которых надеялись подняться выше по этой рейтинг-лестнице. В первые несколько недель своего членства Бобби входил в группу «С», но быстро доказал свое превосходство. Он поднялся в группу «В», где сыграл несколько турниров, но и здесь ему не понадобилось много времени, чтобы добиться победы и подняться в «А-резерв». Менее чем за год он стал сильнейшим и здесь.

Вскоре он стал посещать клуб ежедневно, оставаясь в нем с полудня до позднего вечера. Регина хотела, чтобы он отправился в летний лагерь, как это происходило раньше, но Бобби и слышать об этом не хотел. Для него Манхеттенский клуб стал нирваной, и хотя он еще не утвердился в цели — посвятить жизнь шахматам, но уже оценил вкус побед и не хотел отдаляться от игры. Бруклинский шахматный клуб давал ему возможность играть только по пятницам и иногда во вторник — итого, два вечера в неделю — и не более четырех часов «за раз». На Манхеттене он мог играть двенадцать часов в день и семь дней в неделю.

Игра не только занимала мысли Бобби, она смягчала его одиночество, и во время партии он ощущал жизнь полнее. Стояло лето, в школу ходить не нужно; он вставал поздно, уже после того, как мать и сестра уходили из дома, съедал в одиночестве завтрак в обеденное время и на метро отправлялся на Манхеттен в шахматный клуб. Регина всегда помнила о нем, приносила ему сэндвичи с печенкой, завернутые в фольгу, и пакет молока на обед, если Бобби, погруженный в свои партии, забывал о еде. Около полуночи каждый вечер она появлялась в клубе, откуда вытаскивала сына почти силком, чтобы на поезде вернуться в Бруклин.

Регина часто забирала сына из манхеттенского шахматного клуба и сопровождала его домой в метро. На снимке Бобби заснул, положив голову на плечо матери. Фото сделано его сестрой Джоан.

Этим летом и в течение следующих нескольких лет у Бобби стали появляться шахматные друзья. Поначалу это были взрослые люди, но — или потому, что Бобби стал членом клуба, или из-за изменившейся клубной политики — обещающие игроки одного с Бобби возраста или чуть старше начали допускаться в клуб, и с ними у него стали налаживаться контакты. Многие останутся на всю жизнь его друзьями или «друзьями-соперниками». Уильям Ломбарди, который станет чемпионом мира среди юношей и войдет в гроссмейстерский пантеон, был на шесть лет старше Бобби и поначалу обыгрывал его нещадно. Он был очень упорным и острым на ум молодым человеком, обладавшим отличным позиционным пониманием. Бернард Цукерман — почти столь же упорный как Бобби в аналитической работе, особенно это касалось дебютов — родившийся на несколько недель позже Бобби, станет международным мастером. Аса Хоффманн, одного с Бобби года рождения (1943), сын двух юристов с Парк-авеню, станет мастером; он также преуспел в других настольных играх, таких, как Скрэбл и Бэкгаммон, и приобрел репутацию «денежного» игрока; в том смысле, что сила его игры возрастала пропорционально увеличению ставок. Джеки Бирс, человек невысокого роста с очаровательной улыбкой и бешеного

темперамента, завоевал уважение Бобби, поскольку иногда не уступал ему в блице. Джеймс Гор, высокий рыжеволосый мальчик, консервативно одевавшийся даже в юном возрасте и принимавший покровительственный вид в отношении тех, кого он обыгрывал, оказал большое влияние на Бобби. Всех этих юных шахматистов Бобби превзойдет, но, отражая их смелую игру, он оттачивал свое собственное мастерство.

Бобби играл до сотни блиц-партий против друзей-соперников в день. По мере того, как мальчики взрослели и превращались в юношей, Бобби становился в известном смысле их лидером: если ему что-то было нужно, он это получал; куда бы он ни шел, друзья следовали за ним. «Еще одну», — произносил он в нетерпении, расставляя фигуры, и отказа не получал. Д-р Стюарт Маргулис, мастер, на несколько лет старше Бобби, рассказывал: «Я обожал играть с Бобби, просто *обожал*!» Играть против Бобби походило на чтение поэзии Роберта Фроста или длительный прием горячей ванны. По окончании игры вы чувствовали себя лучше. Быть может, вы узнавали что-то новое, или нужная для игры концентрация успокоила вас, даже если вы проиграли в большинстве партий. Игроки часто улыбались, сдаваясь Бобби, поскольку восхищались блеском его таланта.

Одним из первых гроссмейстеров, с которым встретился Бобби в клубе, был Николас Россолимо, чемпион США и некогда чемпион Франции. В день, когда они встретились, Россолимо сидел на диване, поедая рогалик с лососиной и сливочным сыром, так что разговаривал с Бобби маститый гроссмейстер с полным ртом. Ввиду этого обстоятельства — и сильного акцента Россолимо — Бобби не понял ни слова. Тем не менее, на мальчика произвело впечатление, что он находится рядом с чемпионом, который — надо же — удостаивает его беседы, хотя и нечленораздельной.

Уже через несколько месяцев после вступления в клуб Бобби, вместе с Ломбарди и Гором, стал доминировать в еженедельных турнирах по быстрым шахматам, когда на ход давалось по десять секунд. 80-летнему Харольду М. Филлипсу, мастеру и члену правления клуба, так нравился стиль Бобби, что он сравнивал его с Капабланкой, которого помнил хорошо с тех времен, когда 17-летний кубинец стал членом клуба в 1905 году.

Хотя жизнь Бобби теперь вращалась вокруг Манхеттена, подворачивались и другие «пешки», которые можно было взять. В 1955 году Нигро включил своего ученика в любительский чемпионат США, проводившийся в конце мая во время уик-энда на День поминовения. Игроки мастерского уровня участвовать в турнире не могли, и потому в нем было много не очень сильных и

малоопытных игроков. Турнир проводился по швейцарской системе (при ней пары составляются из игроков, набравших одинаковое количество очков; победитель определяется по окончании обусловленного количества туров), каждый должен был сыграть шесть партий. Местом избрали курорт на озере Мохеган, расположенный к северу от Нью-Йорка, округ Уэстчестер.

Когда Нигро выруливал на машине из города, они повели свои обычные беседы — Бобби задавал вопросы о недавно прочитанной теории, спрашивал о силе и слабости ходов, которые он или его противник делали в партии в манхеттенском шахматном клубе. Но вскоре Бобби переключился на предстоящий турнир. Кто, по мнению Нигро, будет в нем участвовать? Какой силы ожидаются противники? Как, по его мнению, выступит Бобби?

Чувствуя за вопросами неуверенность, Нигро попытался успокоить мальчика и объяснил ему, насколько для него важно набираться соревновательного опыта. Бобби затих, кусая ногти и разглядывая пейзажи из окна автомобиля, свернувшего с хайвея на дорогу, прорезавшую поля в сторону озера, где располагался курорт.

Когда они прибыли на место, Нигро собирался уплатить вступительные 5 долларов, чтобы записать Бобби по праву члена шахматной федерации США, но Бобби занервничал и заявил, что играть не будет. Он сказал, что видел, как отдыхающие купаются в озере и катаются на лодках. Ему тоже хочется. А здесь еще имелся и теннисный корт! Нигро пытался вернуть его к тому, зачем они собственно приехали. Но Бобби ответил, что раз уж комната оплачена (только 3 доллара за ночь для любого желающего, плюс скидка для участников) и они собирались провести здесь весь уик-энд, то ему хочется заняться спортом.

Нигро понял, что Бобби просто боится, как ему казалось, неизбежного проигрыша. Он уговорил мальчика переменить решение и усадил его за доску. Бобби играл, но то ли из-за неуверенности, то ли из-за потерянного интереса, очков он набрал меньше половины возможных. Годы спустя Бобби вспоминал, что его сильно расстроил результат, и он близко к сердцу принял совет Нигро: «Ты не можешь выигрывать *каждую* партию. Просто *всякий раз* показывай лучшее из того, на что способен».

Через несколько месяцев полный решимости отреваншироваться за неудачу Бобби послал регистрационную карточку для участия в юниорском чемпионате США, который должен был состояться в Линкольне, Небраска. Нигро не смог

выкроить время из своего учебного графика, чтобы его сопровождать, как и Регина — из-за работы и учебы, тем более, что ей пришлось провести дома три недели из-за хронической болезни легких. Бобби решил ехать один.

Он стоял в нетерпении у окошка кассы на станции Пенсильвания, где Регина пыталась купить ему билет до Небраски через Филадельфию. Она сэкономила достаточно денег на билет и была полна решимости отправить сына до места назначения. Согласно плану, Бобби должен был на поезде добраться до Филадельфии и там встретиться с другим шахматистом, Чарльзом Кальме, который также направлялся на турнир. Вдвоем им предстояло проехать 1400 миль. «Сколько лет вашему сыну, мадам?» — спросил кассир. Узнав, что двенадцать, кассир отказался продать билет. «Он слишком юн, чтобы ехать в одиночку». «Как вы не понимаете, — доказывала Регина, — он должен ехать! Это ради шахмат!» Кассир посмотрел поверх очков на Бобби. «Сразу бы сказали, что ему нужна медицинская помощь». Годы спустя Бобби со смехом вспоминал об этом случае: «И он продал нам билет без дальнейших разговоров. Он думал, у меня болит *грудная клетка*!».[8] С некоторым душевным трепетом Регина отпустила своего шахматного птенчика в дорогу, но прежде прикрепила ему на шею большой идентификационный жетон армии США, на котором были выгравированы его имя, адрес и номер телефона. «На всякий случай… — сказала она. — Не снимай его!» И он не снимал.

Чарльз Кальме, 16-летний подросток, родившийся в Латвии, был симпатичным и вежливым мальчиком, который провел годы в лагере для перемещенных лиц и являлся чемпионом юниорского чемпионата США. Они с Бобби сыграли не одну дюжину партий во время двухдневного путешествия, много анализировали дебюты и эндшпильные позиции. Кальме хотя и превосходил Бобби в силе игры, относился с уважением к страстному увлечению шахматами последнего.

К несчастью для участников чемпионата, город Линкольн затопила жара более чем в 100 градусов по Фаренгейту, а в зале для бальных танцев, где проходил турнир, работа кондиционеров, если они и были, почти не чувствовалась. В этом турнире, проходившем в десять туров при 25 участниках, 12-летний Бобби был самым юным. Одному было тринадцать, а некоторым даже по двадцать, и все они имели приличный рейтинг. Рон Гросс, чуть постарше и поопытнее, чем Бобби, позднее вспоминал: «Фишер был худым и непоседливым, но в известном смысле производил приятное впечатление. Он умел проигрывать. При поражении он затихал, дергал жетон на шее еще сильнее, и немедленно

расставлял фигуры для новой партии». Регина звонила Бобби каждый день в одно и то же время, чтобы узнать, всё ли у него в порядке, и когда она получила счет за телефон в конце месяца, то он составил 50 долларов — больше, чем арендная плата за квартиру.

Бобби со своим жетоном на шее сумел выйти в ноль, одержав две победы, при двух поражениях и шести ничьих, и в конце проворчал: «Гордиться нечем». Но ему вручили симпатичный приз за лучший результат для игрока, не достигшего тринадцати лет. «Но *я единственный*, кому нет 13-ти!», — быстро отреагировал Бобби. Приз был большим и тяжелым, но он настоял на том, чтобы самому доставить его домой, а не в виде посылки. «Это меня пробирало», — вспоминал он, хотя и получил его не за превосходную игру. Его напарник по путешествию Чарльз Кальме одержал победу, как и годом раньше, и получил титул чемпиона. Он не сразу возвращался на Восточное побережье, так что Бобби ехал домой в одиночестве, на этот раз автобусом, иногда глядя в окно, но бóльшую часть времени анализируя партии на карманных шахматах.

Бобби всё больше погружался в мир шахмат, и в какой-то момент он привлек внимание богатого и необычного человека по имени Э. Форри Локс. Он сам играл в шахматы и любил окружать себя шахматистами, многие из которых были оригинальными и талантливыми. Он всегда проявлял щедрость к Регине, помогая Бобби небольшими суммами денег — 25 или 100 долларов — на турнирные взносы и другие расходы. Весной 1956 года Локс собрал группу шахматистов для 3500-мильного путешествия на автомобиле по южным штатам США, включая Кубу, с остановками в городах и поселках, дабы сражаться с местными клубами.

Чтобы 12-летний Бобби мог принять участие в кубинской «гастроли», Регина разрешила ему временно не посещать школу. Она полагала, что поездка может оказаться для сына полезной во многих отношениях, познакомит его с новыми местами и людьми. Но выставила условие, что будет его сопровождать. Локс не знал, или его не заботило, что Регина, а значит и Бобби, были частично евреями, а Регину, казалось, не волновало, что Локс придерживался неонацистских взглядов (кто-то даже назвал его «Старый нацист»). Идея турне, да еще с «заездом» на политически взрывчатую Кубу, захватила Регину, страстную путешественницу. Разрешение на трехнедельное отсутствие Бобби в школе ожидалось со дня на день, и мальчик радовался перспективе отправиться в путь, где можно играть в шахматы вместо посещения скучных занятий.

Локс часто носил на лацкане маленькую эмалированную заколку черного цвета с золотой нацистской свастикой. Как ни странно, она почти не привлекала внимания. Он не носил ее всё время, но достаточно часто, и это не смущало его, когда он отправлялся в магазинчик с еврейскими деликатесами, чтобы купить любимый сэндвич с копченой говядиной, или когда он беседовал с еврейскими шахматистами. Один из них, Уильям Шнайдер, говорил, что испытал неловкость, когда он и Локс — бравировавший свастикой — возвращаясь с турнира, остановились у еврейского ресторана. Никто ничего не сказал, и даже как будто не заметил. В дополнение к свастике Локс часто одевал — если погода позволяла — альпийскую шляпу с небольшими полями и пером на ленте, украшенной эмблемами стран, в которых он побывал. Иногда он одевал «напоказ» кожаные австрийские шорты, а несколько лет даже носил гитлеровские усики. Когда он входил в турнирный зал, одетый в рубашку цвета хаки, брюки, в темном галстуке и при усах, могло показаться, что перед вами реинкарнация фюрера. В своем доме он повесил на самых видных местах нацистские флаги, выставил модели самолетов «Юнкерс» и «Мессершмит», а также картину маслом Адольфа Гитлера и других видных деятелей третьего рейха.

Локс, с его неразберихой в голове и непредсказуемым поведением, бесспорно являлся одним из самых эксцентричных людей нью-йоркского шахматного сообщества. Но, несмотря на нацистскую атрибутику, в разговорах он редко затрагивал политические темы. На его финансовый патронаж команды и игроки всегда могли положиться, к тому же он спонсировал многие шахматные соревнования, даже заметные. Он также сформировал самостоятельную шахматную группу — шахматный клуб «Лог Кэбин», которая собиралась в оборудованном подвале (декорированном под бревенчатую хижину) его просторного дома в Вест Орандж, Нью-Джерси. Немало игроков, бездомных и почти таковых, но мастерского уровня, буквально проживали — время от времени — вместе с ним под одной крышей. Жена Локса с двумя детьми жила в другом доме, город Олд Лайм, Коннектикут, и Локс редко их навещал, предпочитая оставаться в Нью-Джерси со своими шахматными приятелями.

Помимо страсти к путешествиям, Регином двигал и другой мотив: она настояла на том, чтобы стать частью команды, поскольку не доверяла одному из участников — м-ру Норманну Т. Уитейкеру-«бегающие глазки». Он был лишенным лицензии адвокатом, проведшим годы в Алькатрасе и Ливенворте за разные преступления и злоупотребление доверием, включая попытку

выманить более чем 100 тыс. долларов за сведения (ложные) о том, где находится пропавший ребенок Линдбергов[9]. Уитейкер по прозвищу «Фокс» (лиса) — так его называли в деле Линдберга, также получил срок за кражу автомобиля и изнасилование 12-летней девочки. Когда ему перевалило за 60, он сделал предложение 14-летней. Регина опасалась, что в своих педофильских устремлениях он не различал девочек и мальчиков, и не хотела, чтобы тот оставался наедине с Бобби во время путешествия. Почему Уитейкер был принят в ряды команды «Лог Кэбин», да и вообще шахматным сообществом в целом, — трудный для ответа вопрос, хотя надо отметить, что на момент организованной Локсом поездки в свои 66 лет он оставался сильным игроком, а в лучшие годы был одним из сильнейших в США. Уитейкер также обладал определенным шармом уверенного в себе человека. Его шахматная доблесть и красноречие, быть может, кому-то помогали забыть о недостойном прошлом, что лишь подтверждает расхожее мнение о том, что состав шахматной команды может быть весьма своеобразным.

По контрасту с Уитейкером одним из наиболее приятных членов шахматного каравана был Гленн Т. Хартлеб, флоридец мастерского уровня. Высокий, мягкий в общении мужчина в очках со стальной оправой и постоянной улыбкой на губах, Хартлеб приветствовал всякого, кто встречался ему на пути — чемпиона или патцера, начинающего или ветерана, ребенка или старика — низким поклоном и словом «*Мастер!*», произносимым с глубоким уважением. Когда его спрашивали, почему он использует именно это слово, он отвечал: «В жизни мы все мастера», — вспоминая поговорку чемпиона прошлых времен, — «В жизни мы все *неумехи*».

Вся разношерстная группа набилась в не внушающий доверия «Крайслер-универсал» Локса (1950 года выпуска), который вместил в себя пожитки участников, шахматные комплекты с досками, провизию и спальные мешки — кое-что закрепили (довольно шатко) на крыше — и, подобно семейству Джоуда из «Гроздья гнева», при максимальной осадке и отжатых до предела рессорах чумовая команда приготовилась к отправлению. «*Погнали!*», — весело произнес миллионер, используя свое любимое словечко, и авто отправилось со скоростью 70 миль в час в лихое путешествие (Локс был безбашенным водителем). Бобби сидел впереди между «фашистом» и штурманом.

Во время странствований по Югу, когда команда останавливалась в городах для проведения заранее оговоренных или наскоро организуемых матчей, Уитейкер всегда играл на первой доске, Бобби — на второй. Бобби, чувствовавший себя

школьным прогульщиком, наслаждался матчевой борьбой — обычно, при вполне комфортном контроле: два часа на 60 ходов. Большинство из его соперников играли довольно сильно, но справляться с ними ему удавалось. В машине он также сыграл сотни партий с членами команды, и, за исключением партий с Уитейкером, почти всегда побеждал.

«Хочу увидеть крокодилов», — громко сообщил Бобби, когда они ехали по Эверглейдс[10]. «Давайте здесь остановимся — я хочу содовую», — также часто просил Бобби. Его детские жалобы, включая традиционное: «Мы уже приехали?», — раздражали некоторых членов команды, и за спиной они стали называть его «Монстр».

Поездка оказалась не совсем бесплатной для Фишеров. Хотя Локс, человек состоятельный, мог покрыть расходы всех участников, но он бережливо выбирал, где и на что, когда и как тратить свои деньги. Иногда команда останавливалась у довольно дорогого ресторана, и он громко объявлял: «Можете заказывать что хотите, *кроме алкоголя*». Но временами Бобби и Регине приходилось платить за себя самим.

На Юге Бобби впервые столкнулся с проявлениями расизма. Черным всё еще не разрешалось сидеть у стойки бара. Бобби приходилось спрашивать у матери, что означает надпись на фонтанчике для питься: «Только для цветных». Регина приходила в ярость при проявлениях расовых предрассудков, но остальные на это внимания не обращали.

Один из мужчин начал намекать остальным, что собирается соблазнить Регину, и сообщил, что, по его мнению, она не станет возражать; и однажды ночью он стал общим посмешищем, когда Регина твердо отказала ему во входе в свою комнату.

Втиснутая в автомобиль, группа иногда уставала от разговоров на шахматные темы, и тогда вспоминались другие приключения, реальные или мнимые. Уитейкер выдавал, по меньшей мере, одну шутку в день, как правило, безвкусную: «Я знаю женщину, готовую мне заплатить тысячу долларов, чтобы увидеть меня голым: она слепая». Бобби часто просил пояснить ему их смысл. «Сынок, попозже я тебе всё объясню», — обязательно вставлял кто-нибудь.

Во время шестичасового путешествия на пароме от пристани на Дювал-стрит, район Ки-Уэст, до Гаваны Бобби и другой шахматист, Роберт Хьютон, решили играть «вслепую», представляя невидимую доску и делая воображаемые ходы. Но когда они достигли 9-го или 10-го хода и позиция стала сложной, задачи, которые нужно было решать Хьютону, оказались для него неподъемными, и он не смог продолжать. Для Бобби позиция

осталась столь же ясной, как если бы она была расставлена на доске перед ним. После еще нескольких попыток играть без доски и фигур, матч «вслепую» соперники прекратили и продолжили его на карманных шахматах. Бобби выиграл десяток быстрых партий, не потерпев ни единого поражения.

Гавана в 1956 году была развеселым и порочным городом. Туристические агентства представляли его «Жемчужиной Антилл», но его чаще и с долей провокации называли «самым сексуальным городом в мире». Город славился распущенностью нравов, его переполняли казино, бордели, уличные проститутки, бутылка рома стоила лишь 1.25 доллара. Более 250.000 американских туристов побывало в Гаване в том году, большинство с целью провести один-два «игривых» уик-энда. Но члены клуба прибыли сюда для игры в шахматы, и хотя не исключено, что некоторые его представители посещали небезызвестный Шанхайский театр или другие злачные места по ночам, но почти каждый день команда играла матч.

Но главный командный матч против шахматного клуба Капабланки стал для американцев разочарованием: хотя Бобби и Уитейкер выиграли свои партии, пятеро других американцев проиграли. Бобби дал сеанс одновременной игры на 12-ти досках против членов клуба и выиграл десять партий при двух ничьих, — «для развлечения, не за деньги», — поторопился разъяснить мальчик. Позднее он подытожил полученный опыт: «Кубинцы относятся к шахматам серьезней… Они более похожи в отношении к ним на меня. Шахматы, как сражение, и я люблю побеждать. Они тоже».

«Нью-Йорк Таймс» отметило «Лог Кэбин»-тур заголовком: «ШАХМАТНАЯ КОМАНДА ЗАВЕРШИЛА СВОЕ ТУРНЕ». В статье отмечалось, что *кэбинеры* закончили его с отрицательным счетом; они набрали 23,5 очка и потеряли 26,5, но Уитейкер и Бобби стали «забойщиками» в клубных матчах, показав результат 5,5:1,5 каждый, не считая десяти побед Бобби в сеансе.

После трехнедельного приключения возвращаться в Бруклин и школу Бобби не хотелось, но… привычная необязательность посещения занятий и возможность играть с друзьями в шахматы в Манхеттенском клубе позволили пережить «неприятность». Ретроспективно он говорил, что вспоминает с удовольствием четыре года обучения в школе «Коммьюнити Вудворт», главным образом из-за того, что неструктурированная рутина позволяла «вставать и болтаться по комнате сколько душе угодно» и одеваться, как вздумается («обычно рубашки поло, джинсы или вельветовые брюки»). Ему также нравился его статус представляющего школу шахматного игрока. В итоге не Бобби

приспосабливался к учителям и требованиям администрации, а скорее наоборот. Когда в июне 1956 года настал момент выпуска из 8-го класса, Бобби решил не посещать церемонию, поскольку не хотел отказываться от дневной партии в шахматы и также потому, что ему не нравились «любые формальности и торжества». Ему исполнилось 13 лет, и он намеревался посвятить лето шахматам. Хотя он поступал в среднюю школу в сентябре, этот переход, столь ожидаемый многими детьми, его мало интересовал.

Джек Коллинз, один из самых замечательных шахматных учителей, жил со своей сестрой Этель в Бруклине и «держал» шахматный салон в своей квартире, носивший имя «Шахматный клуб им. Готторна». Салон был открыт практически для любого, кто хотел сыграть с хозяином партию или чему-то у него научиться. Стоит отметить, что иногда плата за уроки для некоторых учеников носила символический характер. Хозяин был добродушным и высокообразованным человеком, отличался великолепным чувством юмора. Некоторые из великих игроков США — его ученики, как, например, братья Бирн и Уильям Ломбарди. Апартаменты Коллинза полнились сотнями шахматных книг, рисунков и статуэток на шахматные темы, а мебель и обивка были украшены шахматными фигурами; квартира походила на музей шахмат. Джек обменялся несколькими словами с Бобби, когда они встретились на Асбери-парк, Нью-Джерси, на чемпионате США среди любителей, проводившемся на уик-энд в День поминовения 1956 года. Коллинз пригласил Бобби посетить его салон, и двумя неделями позже мальчик возник на пороге квартиры. Вот что написал Коллинз о первом визите Бобби:

> Бобби Фишер позвонил в дверной звонок в один из июньских дней 1956 года. Я открыл дверь и худой блондин — типичный 13-летний американский подросток в свитере, вельветовый брюках и черно-белых кедах произнес: «Я — Бобби Фишер».
>
> Я уже видел его раньше и потому ответил: «Привет, Бобби, входи». Мы прошли в гостиную и сели за шахматный столик. Я знал о его некоторой робости, но и сам я при первой встрече с незнакомым человеком чувствую себя не совсем ловко. Так что лучшее, что мы могли сделать — это заняться любимым делом, то есть шахматами. На доске стояла позиция одной из учебных партий, рассылаемых мною по почте. Позиция трудная, и

я анализировал ее уже полчаса. Я кивнул в ее сторону и спросил: «Что ты думаешь о ней, Бобби?».

Бобби уткнулся в расстановку. В течение нескольких секунд он со стуком передвигал фигуры, изучая комбинации, прикидывая выигранные эндшпили, предлагая варианты, его пальцы едва успевали за мыслью. Он обнаружил несколько неочевидных продолжений, которые я не заметил. Увиденное меня поразило. Конечно, я слышал о его незаурядном таланте, но здесь впервые понял, что он вундеркинд и может стать одним из величайших игроков всех времен.

Точно так, как Бобби вошел — и там обосновался — в манхеттенский шахматный клуб предыдущим летом, точно так же он стал завсегдатаем салона Коллинза. Располагался дом учителя всего в нескольких кварталах от «Эразмской средней школы», и Бобби частенько уходил из нее во время ланча и не только, чтобы сыграть с Коллинзом, поедая захваченный из дома сэндвич, а затем возвращался в школу. В три часа пополудни он вновь был у Коллинзов, где и проводил остальное время за доской. Он обедал с Джеком и Этель, причем два приятеля нередко и за едой продолжали играть или анализировать. Бобби не расставался с доской и вечером до момента, пока не прибывали Джоан или Регина, чтобы эскортировать его домой. Бобби и Джек сыграли между собой тысячи партий — по большей части, быстрых — проанализировали сотни позиций и решили десятки шахматных задач. Бобби также постоянно брал книги из библиотеки Коллинза. Низкорослый человек, прикованный к инвалидному креслу, и взрослеющий мальчик вместе ходили в кино, обедали в ресторанах, посещали клубные шахматные события, а также праздновали дни рождения и проводили выходные. Дом Коллинза стал домом для Бобби во всех отношениях, мальчика стали считать членом семьи.

14-летнего Бобби отвлекли от партии с его другом, учителем и ментором Джеком Коллинзом.

Можно задаться вопросом: был ли Джек Коллинз более важным учителем для Бобби, чем Кармайн Нигро? Вопрос не праздный, поскольку Бобби впоследствии заявлял, что ничему не научился у Коллинза. Скорее всего, резкое отрицание роли Коллинза объясняется холодной и неблагодарной гордостью. Джек в качестве ментора Бобби заменил Нигро после отъезда в 1956 году последнего во Флориду в год знакомства Бобби и Коллинза. Бобби никогда больше не увидит Нигро.

Коллинз был одним из искуснейших игроков США, многие годы он входил в первые 50 игроков. Нигро и близко не подходил к этому уровню. Бобби говорил, что всегда считал Нигро более другом, нежели учителем, но последним он был очень хорошим. Нигро являлся профессиональным учителем и придерживался традиционных методов обучения, в то время как Коллинз, при всем своем таланте и внимательности, использовал подход Сократа. С учениками он часто расставлял позицию и говорил: «Давайте ее посмотрим», — как он поступил с Бобби в день их первой встречи, а затем просил игрока предложить план или

указать на имеющиеся возможности, что заставляло ученика думать. Он поступал так с Бобби сотни раз. Нигро и Коллинз относились к мальчику по-отцовски, но связь с последним продолжалась более пятнадцати лет. Дружба с Нигро, хотя и пришлась на период формирования личности Бобби, длилась всего пять лет.

Возвращаясь с турниров, Бобби часто заглядывал к Коллинзу, чтобы показать свои партии. Коллинз, проницательный аналитик, комментировал сделанные и не сделанные Бобби ходы. Процесс обучения шел своим чередом, но не в его традиционном понимании. Подход Коллинза заключался не в том, чтобы указывать: «Ты должен помнить этот вариант Староиндийской защиты, он гораздо сильнее примененного тобою», — скорее он полагался на «пропитывание знаниями». Вот что сказал международный мастер Джеймс Дж. Шервин из Нью-Йорка, хорошо знавший и Бобби, и Коллинза, когда впоследствии услышал об отрицании Бобби роли Коллинза в его формировании: «Полагаю, здесь проявило себя известное высокомерие; вероятно, было произнесено в момент приступа гордыни. Бобби просто *не мог* ничему не научиться у Коллинза. Например, Джек постоянно играл Сицилианскую защиту, — и Бобби стал ее применять. Его слова — просто способ для молодого человека произнести: “Я величайший. Никто меня ничему не учил, я получил всё от Бога”. Думаю, Джек помог Бобби в психологическом плане, повысил его боевитость, поскольку сам играл жестко и всегда стремился к победе».

Коллинз обратил внимание также на то, что отметил Нигро годом раньше: привычку Бобби мешкать при игре, некоторую его нерешительность, когда слишком много времени тратится на очевидные ходы. Чтобы помочь мальчику преодолеть эти пораженческие тенденции, Коллинз заказал в Германии часы со специальным десятисекундным таймером, и настоял на том, чтобы Бобби использовал их при игре, дабы приучить его думать и ходить быстрее.

Коллинз, со своей стороны, утверждал, что никогда не «учил» Бобби в обычном смысле слова. Он говорил, что «гении, вроде Бетховена, Леонардо да Винчи, Шекспира и Фишера рождаются из головы Зевса, они словно запрограммированы и *знают* до того, как их обучат». Стоит подчеркнуть, что Коллинз считал Фишера талантливым от Бога, и всё, что он мог сделать, это служить ему гидом или даже сторонним наблюдателем, ободряя талант и помогая развиваться его природным дарованиям. Он также стал ему верным другом.

Фишер, который много позднее заслужит дурную славу за свою анти-еврейскую риторику, всегда говорил, что хотя его мать была еврейкой, религиозного воспитания он не получил. Нельзя сказать наверняка, принял или нет Бобби в день (чуть раньше или позже) своего тринадцатого дня рождения 9 марта 1959 года участие в еврейском обряде Бар-мицва, читая на иврите из Торы в синагоге. Но его шахматный товарищ Карл Бюргер говорил, что когда он играл с 12-летним Бобби в парке на Рочестер-авеню в Бруклине, «мальчик что-то изучал для обряда Бар-мицва». В пользу того, что Бобби прошел обряд, говорит тот факт, что много лет спустя он отдал свои старые шахматные часы и комплект венгерскому другу Палу Бенко, гроссмейстеру. Бобби хранил их среди других вещей и сказал Бенко, что они были дарами, «полученными им на Бар-мицва».

Возможно, Бобби просто получил дары на свой день 13-летия, а сама традиционная церемония не проводилась (финансовые проблемы Регины также могли сыграть свою роль: обычно делаются небольшие взносы в течение года в оплату инструкций, которые даются мальчику 12-ти лет, чтобы подготовить его к обряду).

По достижении 13-летнего возраста Бобби реально мог ощутить себя достаточно взрослым, чтобы начать заботиться о себе самом и посчитать, что его судьба более не в чьих-то чужих руках, но в его собственных. Он стал обнаруживать признаки взросления, а применительно к шахматам — «заматерел» и стал играть более решительно.

Кривая его развития резко пошла вверх в 1956 году (ему исполнилось 13 лет). В традиционном турнире в день Поминовения он финишировал на 21-м месте. А всего лишь пять недель спустя в уик-энд 4 июля Бобби победил в юниорском чемпионате США, состоявшемся в шахматном клубе Франклина в Филадельфии. Прошло только четыре месяца со дня его рождения, как Бобби стал самым молодым мастером в истории и одним из сильнейших молодых игроков в стране.

Бобби Фишер в возрасте 13 лет (1956 год).

Многими факторами можно объяснить его метеоритный взлет: встреча с Джеком Коллинзом и бесконечные партии, сыгранные с ним и его сотоварищами (то есть, почти со всеми мастерами, посещавшими салон Коллинза); соревновательный год в манхеттенском шахматном клубе; знания, накопленные им в результате упорного изучения шахматных книг и журналов в течение почти пяти лет; структурное понимание шахматной игры, которое через изучение тактики, полученный опыт и присущие ему дарования сформировалось в его мозгу.

Но был во всем этом и личностный элемент. Проигрыши, которые он терпел в турнирах, зародили в нем неистребимое стремление побеждать («Я просто не мог думать о поражении»). И где-то на этом пути он стал более терпим к мысли о необходимости искать шансы. В итоге все нужные ингредиенты соединились нужным образом — как сказал поэт Роберт Фрост в отношении успешного образования: «Просто будьте всегда рядом, и вдруг всё схватится».

Через две недели после турнира 4-го июля должен был состояться открытый чемпионат США-1956 в Оклахома-сити. Ожидалось большое количество участников, среди которых — лучшие игроки США и Канады.

Хотя Бобби вряд ли мог надеяться быть в числе победителей, он всё же предполагал продолжить свою удачную полосу, понимая, что встречи с сильнейшими позволят ему отточить свое мастерство. Регина противилась его намерению играть. Ее беспокоило, что участие в третьем подряд за два месяца турнире может его истощить. И, кроме того, она не могла его сопровождать в Оклахому, что ее крайне беспокоило.

Но Бобби оставался тверд, как алмаз. Если он мог отправиться в одиночку в Небраску, то почему ему нельзя в Оклахома-сити? Регина неохотно согласилась, но достать деньги на поездку оказалось, как всегда, непросто. Она уговорила Мориса Каспера из манхеттенского шахматного клуба дать 125 долларов на расходы для Бобби (дорога обходилась в 93.50) и обратилась в турнирный комитет с просьбой подыскать квартиру для проживания, чтобы не тратиться на отель. Жена одного участника согласилась присматривать за мальчиком и обеспечить ему питание. Перед отъездом в целях сбора денег на поездку Бобби дал сеанс одновременной игры на 21-й доске в помещении ИМКА (Юношеская христианская ассоциация), Джерси-сити, с результатом 19 побед, одна ничья и одно поражение. За сеансом следило около сотни зрителей. Каждый участник платил доллар, два участника приглашались бесплатно. «Профит» Бобби составил 19 долларов. Ужав и свои расходы, чтобы свести концы с концами, Регина отправила его в Оклахому.

Много более сильный турнир, чем все те, в которых Бобби доводилось когда-либо играть, открытый чемпионат США проходил в отеле «Оклахома Билтмор», роскошь которого казалась не совсем уместной в городе Великих равнин, хотя декор из картин с буйволами и индейцами напоминал участникам, что они находятся в стране ковбоев.

Бобби, всё еще маленький для своего возраста (на вид — лет 9-10), стал главной новостью для опена. У него дважды брали интервью для местного телевидения, о нем писали газеты, статью дали в журнале «Оклахомец», а у его столика всегда толпился народ. И постоянные вспышки фотоаппаратов.

Сто два участника соревновались в 12-раундовом турнире в течение двух недель. Противниками Бобби становились не самые сильные его участники, но и не самые слабые. Он делал ничьи с мастерами, обыграл нескольких экспертов (так называют в США игроков с рейтингом чуть ниже, чем у мастеров), упорно боролся

во всех партиях и не потерпел ни единого поражения — абсолютный рекорд для USA-опена, если учесть, что речь идет о 13-летнем мальчике. Когда дым рассеялся, выяснилось, что он в дележе четвертого места еще с четырьмя участниками, отстав на очко от победителя Артура Бисгайера — члена манхеттенского шахматного клуба. Официальный рейтинг Бобби, подсчитанный после турнира Шахматной Федерацией США, оказался астрономически высок — 2375 баллов, что подтверждало его статус мастера и делало в рейтинг-листе номером 25. Никто в США или какой-либо другой стране не поднимался так быстро.

В конце августа 1956 года, после своего успеха в Оклахоме, Бобби отправился в Монреаль. Регина вновь договорилась о том, чтобы Бобби остановился в частном доме, на этот раз в семье Вильяма Хорнунга, одного из спонсоров турнира. 88 участников в первом канадском опене по составу, быть может, даже превосходили опен-турнир США, закончившийся за несколько недель до этого. Лучшие игроки Канады вышли на старт соревнования.

Некоторые из американских молодых звезд рискнули отправиться на север. Как обычно, Бобби — самый юный участник из представлявшего Нью-Йорк контингента, который включал в себя Ларри Эванса, Уильяма Ломбарди и Джеймса Т. Шервина (последний сыграл десять быстрых партий с Бобби между турами и все проиграл: «Именно тогда я понял, что он меня наголову сильнее», — вспоминал Шервин).

В четвертом туре Бобби втянулся в 108-ходовую борьбу — шахматный ультра-марафон, длившийся более семи часов. Противником его был Ганс Миттай — немец, иммигрировавший в Канаду. Партия, оказавшаяся самой длинной в карьере Бобби, окончилась интересной ничьей.

После фиксации результата, он поинтересовался, не просмотрел ли чего. Было *нечто* в позиции, эхо давно слышанной идеи. Мог ли он выиграть, даже перед самым предложением ничьей?

Ночью в глубоком, но неспокойном сне позиция вновь и вновь возникала в неясных грезах — сотни раз. Перед пробуждением решение пришло к нему, словно видение. Выигрыш *был*.

Бобби проснулся и сел на постели свечкой. «Нашел», — произнес он громко, не отдавая себе отчета, есть ли еще кто-то в комнате. Миссис Хорнунг только что вошла на цыпочках в комнату, чтобы разбудить Бобби и сообщить, что завтрак готов. И стала свидетелем озарения. В пижаме и босой он выбежал в гостиную, где, как ему было известно, имелся шахматный

комплект, и начал работать над окончанием, случившимся накануне. «Я знал, что выигрыш есть!» — вскричал он громко.

Фрейд полагал, что содержание сна обычно набирается из событий, мыслей, образов и эмоций, испытанных в течение предшествующих одного-двух дней. Некоторые игроки во время турнира в снах видят свои партии и находят дебютные ловушки, видят все нюансы окончаний и решения проблем, поставивших их в тупик во время партии, пробуждаясь с конкретными идеями. Экс-чемпион мира Борис Спасский однажды сказал, что его посещают «шахматные» сновидения, а Давид Бронштейн, претендент на звание чемпиона мира, рассказывал, что иногда во сне он разыгрывает целые партии, некоторые из них он мог даже воспроизвести утром на доске. Михаил Ботвинник утверждал, что во время матча за звание чемпиона мира с Василием Смысловым он проснулся однажды ночью, подошел неодетым к доске и сделал приснившийся ему ход в отложенной накануне партии.

Сны о шахматах посещали Бобби не часто, но когда они приходили, то полученные идеи всегда оказывались удачными и «выстреливали» в следующих играх. Или они объясняли, что он сделал не так в проигранной или ничейной партии. В одном интервью он сказал, что чаще в снах ему приходили разные детективные истории, которые сами по себе — сложные партии. Поскольку шахматы стали для него столь сильным мотивационным фактором, он был способен грезить об игре, любой игре, *только* в символической форме — то есть психика автоматически вместо фигур подставляла личности, заговоры и контр-заговоры вместо вариантов на доске, убийства вместо матов.

Ничья в последнем туре против Фрэнка Андерсона, чемпиона Канады, была очень нервной, до кусания ногтей… в буквальном смысле. Если он не кусал ногти на пальцах левой руки, то принимался за края рубашки, едва не выдирая из нее куски.

Бобби закончил турнир с результатом 7:3 в дележе второго места, на очко отстав от победителя, и заработал 57 долларов, которые он положил в карман, не сообщив о нежданном доходе матери.

А первый приз в первом открытом чемпионате Канады взял Ларри Эванс. Зная, что у Эванса имелся автомобиль, на котором он собирался возвращаться в Нью-Йорк, Бобби попросил, чтобы его взяли с собой. Эванс любезно согласился. Бобби не обращал внимания на красивые пейзажи, на не менее восхитительную красавицу-жену Эванса, занявшую заднее сиденье, чтобы дать мальчику возможность сесть впереди. Вместо этого в течение всей восьмичасовой поездки Бобби пытал чемпиона вопросами:

«Почему ты играешь Пирца и против Андерсона?» «Были у Шервина шансы на выигрыш или ничью в партии против тебя? И в какой момент?» «Разве Меднис не мог выиграть у тебя? Почему он принял ничью? Ведь мог дотянуть до контроля». Эванс вспоминал: «Я не подозревал, что говорю с будущим чемпионом мира и видел в нем лишь очень молодого мастера с большой энергией. Эта поездка положила начало долгой и, временами, бурной дружбы».

Через неделю после возвращения из Канады в августе Бобби купил билет на вечерний бейсбольный матч на «Эббетс Филд», чтобы увидеть игру любимых «Доджерс» против «Милуоки брейвз». И не остался разочарованным: не только «Доджерс» выиграли, но он еще и стал свидетелем представления, устроенного Джеки Робинсоном. Один из великих бейс-стилеров, Робинсон танцевал вокруг второй базы, с целью вывести питчера из себя; когда тот попытался отбросить его подальше, мяч пролетел над головой второго бейсмена и Робинсон осуществил хоум-ран.

Бобби чувствовал себя повзрослевшим, главным образом в результате своих летних путешествий в Нью-Джерси, Филадельфию, Оклахому и Монреаль, но также и из-за расточаемых в его адрес похвал и возросшего статуса в шахматном мире. Ему было тринадцать лет. Если он может обыгрывать взрослых людей в шахматы, почему бы им не обращаться с ним, как со взрослым? Он попросил мать, чтобы она больше не приходила в клуб, чтобы забрать его домой. Это его смущало. «О-кей, — ответила она. — Я не буду приходить, и ты сможешь возвращаться самостоятельно, но на двух условиях: ты должен быть дома не позднее десяти вечера в обычные дни и не позднее полуночи на уик-энды, и ты должен обучиться джиу-джитсу, чтобы уметь себя защитить». Регина не хотела, чтобы Бобби ограбили или избили на полупустой станции метро, когда он будет возвращаться ночью один из Манхеттена в Бруклин. Бобби неохотно согласился на условия сделки. Но ему не довелось обучаться джиу-джитсу, — Регина узнала, что уроки борьбы стоят минимум 8 долларов в час, а таких денег она не имела. Соглашение было принято, тем не менее, и с этого времени Бобби возвращался домой самостоятельно. С ним случился один неприятный инцидент за всё время, когда кто-то наступил на его отполированный ботинок — *нарочно*, по утверждению Бобби.

«Меня *llamo* Роберт Фишер».

В школе, в первые недели по возвращении из Монреаля,

Бобби ни разу не заглянул во введение к своему испанскому тексту, *El Camino Real*, не стал посещать два курса, и теперь ему предстояло ответить на десять тестовых вопросов. Несмотря на кубинский опыт и свои попытки говорить на спэнглише, он не сумел справиться с простыми вопросами «Где остановка?» или «Сколько стоят бананы?». Записав перевод шести из них — и всё неправильно — остальные вопросы он оставил без ответа.

Дома неудача Бобби на языковом экзамене была воспринята остро. В колледже и после его окончания Регина изучала латынь, иврит, русский, немецкий, французский и испанский языки. Она бегло говорила на многих из них (продвинулась и в идиш) и постоянно посещала языковые курсы в образовательных центрах для взрослых, чтобы повысить свой уровень. Джоан изучала испанский и немецкий в средней школе и хорошо их знала. «Прилежание!», — наставляла Регина Бобби, с ясными намеками на то, что если бы он тратил хоть малую часть того времени, что он посвящает шахматам, на языки, то стал бы первым учеником. Она постоянно подчеркивала, насколько важно знать другие языки, особенно если он собирался играть в шахматы в разных странах. И Бобби понял. Чтобы ускорить его прогресс, она стала говорить с ним по-испански, ожидала ответа, учила его, и очень скоро Бобби начат получать высокие оценки. В итоге Бобби говорил по-испански свободно.

Средняя школа «Эразмус-холл» в Бруклине была одной из крупнейших в Нью-Йорке и одной из старейших в стране. При более чем пяти тысячах учащихся, она представляла собой настоящую фабрику образования. Войдя в ее двери осенью 1956 года, Бобби чувствовал себя комфортно, хотя и не настолько, как в «Коммьюнити Вудворд». Позднее он говорил, что в «Эразмус-холл» его словно укрыл плащ-невидимка: «Поскольку в школе практически никто не играл в шахматы, другие ученики не знали, что я шахматист, — это меня вполне устраивало, и я решил никому об этом не говорить». По крайней мере, Бобби так *считал*. Другие ученики знали, кто он такой. Да и трудно было не обратить на него внимания: газета «Нью-Йорк Таймс» регулярно рассказывала о вундеркинде и печатала его фотографии: он дал несколько сеансов одновременной игры, привлекших большое внимание; его лицо красовалось на обложке «Чесс Ревью»; он даже появился с Арлен Фрэнсис в ее *домашнем шоу* на канале NBC; что касается одноклассников и невнимания к его успехам, то Бобби говорил: «Я не беспокоил их, они — меня». Он как будто не замечал, что Барбара Стрейзанд, будущая певица, была в него тайно влюблена. Она вспоминала, что «Бобби всегда был один и держался особняком. Но я находила его сексуальным». Помнит ли

он Стрейзанд? «Была у нас серая мышка…» Учителей школы, во всяком случае, некоторых, раздражала его отчужденность и отсутствие интереса к занятиям.

Октябрь, 1956

Разбрасывая на быстром шаге опавшие листья, 13-летний Бобби подошел к зданию маршалловского шахматного клуба и, перепрыгивая через ступеньки, буквально взлетел по покрытой красным ковром лестнице, ведущей в Главный зал. Это был не первый его визит, Бобби уже частый гость знаменитого шахматного клуба Нью-Йорка, где он испытывал пьянящее чувство принадлежности особому миру, в историю которого, быть может, ему суждено вписать собственную страницу.

Клуб, располагавшийся на десятой авеню, между пятой и шестой авеню, в одном из наиболее привлекательных районов Манхеттена, размещался в этом особняке (дата возведения — 1831 год) с 1931 года, когда группа богатых патронов, включая одного из Рузвельтов, купила его, чтобы их обожаемый Фрэнк Д. Маршалл, правящий чемпион США, который удерживал это звание в течение 27 лет, имел место для проживания своей семьи, и мог играть в шахматы, учить и проводить турниры. Прогуливаясь по улице между двумя рядами величавых и полных достоинства зданий с окнами, украшенными цветами, и до частной конюшни в том же квартале, Бобби легко мог перенестись мыслями в эпоху Газовых фонарей и Шелковых чулок XIX века.

Стены клуба видели почти всех знаменитых мировых маэстро — его репутация зиждилась па легендарных партиях, эпических сражениях, трудных победах и глубоко прочувствованных поражениях. В США равен с ним по статусу только манхеттенский шахматный клуб, расположенный в 49 кварталах к северу. В командных соревнованиях манхеттенский клуб обычно, но не всегда, одерживал верх.

Похожий на британский клуб офицеров, маршалловский клуб изнутри был добротно обшит деревянными панелями, обстановку облагораживали занавеси бургундского плюша, несколько каминов и дубовые столы со стоящими на них медными лампами. Именно здесь кубинский бриллиант Хосе Рауль Капабланка дал свой последний сеанс, и именно в этих стенах чемпион мира Александр Алехин играл в быстрые шахматы, а многие одаренные гроссмейстеры читали, и продолжают читать, лекции по теории шахмат. Художник Марсель Дюшам жил напротив через дорогу и являлся активным членом клуба, став в итоге великим фанатом Бобби. Нобелевский лауреат Синклер Льюис получал здесь уроки

шахмат. Если для фильма нужно было бы найти идеальный но антуражу шахматный клуб, то лучший выбор, чем маршалловский клуб, трудно и представить.

Дух благопристойности пропитывал стены клуба, так же и когда дело касалось одежды. Футболки Бобби, потрепанные джинсы и кеды возмущали Каролин Маршалл, вдову Фрэнка Маршалла и постоянную управляющую клубом, и несколько раз она доводила до его сведения, что из-за небрежения к дресс-коду ему могут закрыть доступ в клуб. Но Бобби оставил ее замечания без внимания.

Октябрьским вечером он находился в маршалловском клубе, чтобы сыграть в седьмом туре Мемориала Розенвальда, — турнира, названного по имени его спонсора Лессинга Дж. Розенвальда, бывшего председателя правления компании «Sears, Roebuck and Co.», — известного собирателя картин и шахматного мецената. Приглашение Бобби получил за победу в чемпионате США среди юниоров, состоявшемся тремя месяцами раньше, и «Розенвальд» стал первым значительным турниром мастеров в его карьере. Другие одиннадцать участников имели самые высокие рейтинги в США, и члены клуба ожидали события с нетерпением. Противником Бобби тем вечером был профессор колледжа Дональд Бирн, международный мастер, бывший чемпион открытого чемпионата США, игрок крайне агрессивного стиля. Темноволосый, красноречивый и прекрасно одевавшийся 25-летний Бирн, когда сидел за доской, всегда локтем опирался на столик, держа высоко в воздухе между двух пальцев сигарету, что придавало ему очень аристократический вид.

Регина сопроводила Бобби в клуб, но игра началась, и она отправилась в близлежащий книжный магазин, где на полках располагались тысячи подержанных книг. Она знала, что пройдут часы, прежде чем Бобби закончит свою партию.

До этого момента Бобби не выиграл еще ни одной партии, но сделал три ничьи, и казалось, что сила его возрастает от партии к партии, — он учился у противников. В шахматных турнирах участникам не только назначаются соперники, но и на каждый тур задается цвет фигур: белый или черный. Директор турнира меняет цвета, чтобы игрок, по возможности, попеременно играл то белыми фигурами, то черными. Поскольку белые обладают правом выступки, игрок, который руководит белыми фигурами, имеет известное преимущество, ибо может задать стратегический рисунок партии. И вот против Бирна Бобби выпал черный цвет.

Изучив партии Бирна по шахматным книгам и журналам, Бобби кое-что узнал о стиле противника и его любимых стратегиях. Бобби решил испробовать линию игры, с которой

Бирн ранее не сталкивался, а Бобби — не использовал. Он применил защиту Грюнфельда.

Бобби знал основы дебюта, но еще не проник во все тонкости этого начала. Пуанта его в том, чтобы позволить противнику, то есть, белым, оккупировать центральные поля, что должно сделать их фигуры уязвимыми для атак Бобби. Такой не вполне классический подход к партии ведет к непривычным позициям, но Бобби решил рискнуть.

Поскольку он не помнил варианты в точности, приходилось думать на каждом ходу, и достаточно рано у него наметился будущий цейтнот. Очень нервный по натуре, Бобби кусал ногти, крутил пряди волос, подкладывал ноги под себя, ставил локти на столик и перемещал подбородок с одной ладони на другую. Бирн только что обыграл Решевского, сильнейшего гроссмейстера США, и его шахматную силу нельзя было не уважать. Бобби не паниковал, но явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Зрители стали подтягиваться к их столику, и всякий раз, когда Бобби поднимался, чтобы посетить крошечную комнату отдыха, ему почти с боем приходилось пробивать себе дорогу. Это мешало концентрации: мысли о партии, обычно, не покидали его, даже когда он выходил из-за столика. «Зрителей приглашали садиться к вам поближе, и если вы просили их уйти, они воспринимали это почти как оскорбление», — вспоминал Бобби. Он также отметил, что теплая погода «индейского лета» и большое число зрителей сделали атмосферу зала довольно душной. Жалобы Бобби дошли до организаторов, но слишком поздно, чтобы можно было что-то сделать в этот вечер. На следующий год в клубе впервые установили кондиционеры.

Несмотря на неудобства, Бобби нагнетал давление. Как ни удивительно, уже к 11-му ходу он получил ясное позиционное превосходство. Затем неожиданно перевел коня на поле, где его мог побить противник. «Что он *делает*?» — произнес кто-то, не обращаясь ни к кому в частности. «Это ошибка или жертва?» Когда зрители изучили положение, замысел Бобби прояснился: хотя и неглубокая ловушка, но очень хитрая, и даже красивая. Бирн не осмелился взять коня; хотя он выигрывал фигуру, в итоге победу одерживал Бобби. Турнирный судья так описал наэлектризованность атмосферы, возникшей после смелой жертвы Фишера: «Искра пролетела по залу после этого хода, и все кибитцеры устремились к его столику, как рыба стремится к полынье во льду».

Именно такая неуправляемая толпа более всего не нравилась Бобби. «Я осознавал значимость этой партии, — вспоминал Аллен Кауфман, мастер, наблюдавший за ней. — Она носила

сенсационный характер, и все следили за ее ходом, не отрывая глаз. Это было нечто исключительное: сама партия и молодость Бобби создавали неповторимое сочетание».

События на доске шли своим чередом, и у Бобби оставалось лишь двадцать минут до контроля на 40-м ходу, а он сделал из них всего шестнадцать. И затем он увидел ее: следуя наработанным инстинктам, он понял, что в позиции имеется экстраординарная возможность, которая может всё переменить и придать партии особое значение. Что, если позволить Бирну забрать ферзя, самую сильную фигуру на доске? Обычно без ферзя играть невозможно, поражение практически неизбежно. Но что, если Бирн, забрав ферзя, настолько ослабит свою позицию, что не сможет ни опасно атаковать силы Бобби, ни должным образом защищаться?

Идея хода росла медленно, поначалу на бессознательном уровне, не имея рациональной основы. Словно он смотрел через узкие линзы, и отверстие начало постепенно расширяться, и мало-помалу стал виден весь красочный пейзаж в яркой иллюминации. Он не был абсолютно уверен, что может разглядеть все последствия жертвы ферзя, но, тем не менее, бросился в ее омут.

Если жертва не будет принята, размышлял Бобби, Бирн проигрывает; но если он ее *примет*, то тоже проиграет. Что бы ни предпринял Бирн, он окажется в теоретически проигранном положении, хотя партия будет еще далеко не окончена. Слышался шепот окружающих: «*Невероятно! Бирн проигрывает 13-летнему Никто*».

Бирн забрал ферзя.

Бобби, настолько сконцентрированный, что даже не слышал нарастающий гул толпы, нервно делал свои следующие ходы, словно выстреливая ядовитые дротики, едва дожидаясь ответов Бирна. Его шахматная невинность ушла, он теперь видел развитие борьбы на двадцать и более ходов вперед. Но помимо скорости, с которой выдавались ответы, ничто не показывало его волнения. Он сидел тихо, спокойный, как маленький Будда, ввинчивая в доску ход за ходом.

На 41-м ходу, после пяти часов игры, со слегка колотящимся сердцем Бобби поднял ладью дрожащей правой рукой и мягко опустил ее на доску, произнеся одно слово: «*Мат!*». Его дружелюбный противник встал из-за столика и пожал ему руку. Оба улыбались. Бирн понимал, что, являясь потерпевшей стороной, он проиграл, тем не менее, одну из величайших схваток в истории шахмат, и хотя и в таком качестве, но становится частью шахматной истории. Некоторые из зрителей

зааплодировали к большому неудовольствию участников, чьи партии еще не закончились, — их мало заботила история, вершившаяся в двух шагах. Им хватало своих забот. «*Ш-ш-ш!.. Тихо!*» Время было позднее.

Ганс Кмох, арбитр, сильный игрок и имеющий международную известность теоретик, позднее так оценил значение и важность этой партии:

> Блестящий образец комбинационной игры, явленый 13-летним мальчиком против грозного оппонента, стоит в одном ряду с шедеврами самых знаменитых вундеркиндов в истории шахмат… [игра] Бобби Фишера отличается ошеломляющей оригинальностью.

Так родилась «Партия столетия», как ее окрестил Ганс Кмох.

Партия Бобби была напечатана в газетах по всей стране и шахматных журналах всего мира, а международный гроссмейстер Юрий Авербах среди прочих отметил, как и все его коллеги в Советском Союзе: «Просмотрев эту партию, я пришел к выводу, что парень дьявольски талантлив». Британский журнал «Чесс» ослабил свою верхнюю губу, охарактеризовав игру Бобби «как блестящую и глубокую». Журнал «Чесс Лайф» назвал победу Бобби без затей — «фантастическая».

«Партия столетия» много обсуждалась и анализировалась, она вызывает восхищение вот уже более полувека, и будет, вероятно, частью шахматного канона еще многие годы. Во всей истории шахмат среди партий-бриллиантов (не только вундеркиндов) эту победу можно сравнить разве что с партией из турнира в Бреслау (1912 года), когда зрители засыпали доску золотыми монетами после того, как Фрэнк Маршалл — другой американец — также исполнил блестящую жертву и обыграл Левитского. Размышляя о партии некоторое время спустя, Бобби оставался приятно скромен: «Я просто делал те ходы, которые мне казались лучшими. Мне повезло».

Дэвид Лоусон, 70-летний американец, чей акцент выдавал шотландские корни, был среди зрителей в тот вечер. Ранее он пригласил Регину и Бобби поужинать по окончании партии, как бы она ни завершилась. Крошечного роста, Лоусон коллекционировал реликвии, особенно интересуясь вещицами, связанными с Полом Морфи, первым американским чемпионом мира (хотя и неофициальным). Лоусон увидел связь между Фишером и Морфи в их раннем взлете, хотя Бобби еще не стал сильнейшим в мире — и даже в США — шахматистом. Лоусон говорил мягко и обладал манерами Старого мира, но его приглашение объяснялось не только вежливостью. Он хотел

приобрести один из бланков Бобби, заполненных его собственной рукой, чтобы пополнить свою коллекцию и, по совпадению, посетил именно партию Бирн-Фишер, не зная, конечно, что она станет одной из наиболее знаменитых в двухтысячелетней истории шахмат.

Выбор Лоусона пал на немецкий ресторан «У Люхова», который был совсем не по карману семье Фишеров, когда они жили через улицу от него семь лет тому назад. Время было за полночь, кухня ресторана уже закрылась, и трио отправилось в круглосуточное местное заведение на 6-й авеню, «Волдорф-кафетериа», Гринвич-виллидж — место, облюбованное художниками, писателями и цирковыми. В этом месте история о бланке становится не вполне ясной. Обычно в важных турнирах под бланки подкладывается копирка, — оригинал отдается в турнирный комитет или судье для сохранения на предмет возможных спорных ситуаций. Копия остается у игрока. Этой ночью Бобби сохранил свою копию, с которой не расставался много лет. Если его просили показать бланк, он доставал копию из кармана — сложенный и довольно помятый кусок бумаги, и показывал его восхищенным поклонникам. Но какова судьба оригинала?

Кмох, судья, понимая, что Бобби — будущий чемпион, уже начал собирать подлинники его бланков, словно они были набросками раннего Рембранта. Каким-то образом, скорее всего, путем купли, Лоусон приобрел у Кмоха оригинал бланка «Партии столетия» с записью рукой Кмоха красным карандашом результата: 0–1 (что значит поражение Бирна и выигрыш Бобби). После смерти Лоусона бланк выкупил неизвестный собиратель, продал его снова, и многие последующие годы бланк хранился у другого коллекционера. Его современная рыночная стоимость (аукционная оценка) составляет 100.000 долларов.

А вознаграждение, полученное Бобби от американского шахматного фонда за ослепительную красоту? Пятьдесят долларов.

В день своего 14-летия в типичный мартовский день, когда холодный ветер пронизывает до костей, Бобби шел по Центральному парку в направлении маршалловского шахматного клуба на самую важную партию в начинающейся карьере. Он дрожал, но от холода, не от страха. Ему не терпелось оказаться в стенах хорошо прогретого зала.

Его ожидал противник — д-р Макс Эйве из Голландии. 56-летний консервативно одетый и высокого роста (далеко за шесть футов) он казался гигантом рядом с Бобби. Помимо разделявших

их четырех десятков лет возраста, они отличались во всем. Экс-чемпион мира Эйве, доктор философии и профессор математики в амстердамском лицее, обыграл своего предшественника в 1935 году в «научном» стиле. Он был сдержанным по характеру, говорил ровно и являл собой образец зрелого гроссмейстера старой закалки. За долгую жизнь ему довелось обыгрывать многих легендарных рыцарей шахмат. Но за мягкими манерами скрывалась жажда борьбы — это кажется невероятным, учитывая его академические и шахматные подвиги, но он становился чемпионом Европы среди любителей в тяжелом весе по боксу. Бобби, напротив, нервный и переменчивый честолюбец из Бруклина, только начавший ощущать свою силу — стремительно развивался, являя собой наконечник нового поколения американских шахматистов. Он гордился тем, что стал победителем юниорского чемпионата США, но еще больше вдохновляла и придавала уверенности в себе знаменитая победа в «Партии Века». За прошедшие полгода эта партия обеспечила ему новый статус, он уже не только вызывал любопытство, но был новой звездой международной шахматной галактики. Насколько Бобби хотел встречи с Эйве, настолько и знаменитый доктор был заинтригован перспективой сыграть с вундеркиндом.

Бобби вежливо пожал руку Эйве, они обменялись улыбками. Названный в афише «дружеским» соревнованием — никакие титулы не разыгрывались — выставочный матч из двух партий, спонсировавшийся манхеттенским клубом, был организован с целью дать Бобби возможность помериться силой с маэстро мирового уровня. Призовые прискорбно малые: 100 долларов, из них 65 победителю, 35 проигравшему.

Сидящие за столиком профессор и тинэйджер представляли собой почти комическую картину. Длинные ноги Эйве с трудом помещались под столом, и он сидел в небрежной позе, чуть откинувшись назад, словно не был частью начинающегося действа. По контрасту, Бобби — сама серьезность — сидел прямо (иначе ему было не дотянуться до фигур), локти искали дорогу к шахматному столику. Небольшая группа зрителей (далеко не толпа) собралась вокруг них, чтобы наблюдать за партией.

Эйве в гроссмейстерском стиле полностью переиграл Бобби уже к 20-му ходу, и тот, осознав безнадежность сопротивления, положил короля на бок, признавая поражение. Чувствуя себя униженным, Бобби выбежал из клуба в слезах, и побежал к сабвею. Со своей стороны Эйве не испытывал особой гордости от быстрой победы, так как понимал, что Бобби «всего лишь ребенок». И быстро добавил: «Но очень обещающий!»

На следующий день Бобби прибыл в клуб ровно в 2:30 на

вторую и последнюю партию матча. На этот раз у него было небольшое преимущество — он играл белыми, что позволило ему избрать свою излюбленную стратегию. Он проиграл первую партию, но был исполнен решимости не проиграть вторую. После многочисленных разменов получился эндшпиль с лишней пешкой у Бобби, и казалось, дело идет к мирной гавани. Когда Бобби предложил размен ладей, Эйве ответил предложением ничьей на 41-м ходу. Бобби долго размышлял, и, не изыскав шансов на выигрыш, неохотно ее принял.

Сделать ничью с бывшим чемпионом мира — это и не маленький кусочек сыра, и не плохие шахматы, но он был раздосадован поражением в матче. Довольно странно, что по прошествии более чем пятидесяти лет, когда практически все партии Фишера проанализированы и опубликованы — хорошие и плохие; выигрыши, поражения и ничьи — полный текст ничьей с Эйве не только не публиковался, но и сама партия осталась почти незамеченной.

В противоположность растиражированному прессой портрету Регины Фишер, как вечно отсутствующей матери, практически не занимавшейся Бобби, на самом деле она была очень любящей и заботливой. Воспитывая в одиночку двух детей и пытаясь завершить свое образование, она не могла ни проводить с сыном много времени, ни в достаточной мере обеспечивать его. Один автор договорился до утверждения, будто они с Бобби не разговаривали более тридцати лет; это неправда. Они всегда были в контакте, даже когда она повторно вышла замуж и уехала в Европу получать медицинскую степень (Бобби уже было за двадцать). Они обменивались сообщениями, звонками и подарками всю жизнь, всё делалось с любовью, даже когда мать и сын находились на разных континентах.

Большинство биографов как-то упускает из вида, что семья Фишеров была попросту бедной — по сути, на грани черты бедности — и каждое решение о том, в каком турнире участвовать, где играть, даже какие шахматные книги и журналы покупать, упиралось в нехватку денег. В 1950-60-е в начальный период жизни и затем интенсивного роста Бобби, расход в пять долларов становился бременем для матери и сына. Быть может это безденежье стало катализатором так часто критикуемой «жадности» Бобби на протяжении его карьеры. Бобби, поднимаясь по шахматной лестнице, как-то написал: «Многие люди полагают, что шахматный клуб и другие шахматные организации берут на себя мои дорожные расходы, покупают мне шахматную литературу, или иным образом меня финансируют. Было бы

неплохо, но это просто не так».

Но, хотя Регина много делала для финансового обеспечения семьи, еще более ее заботило умственное здоровье Бобби, его личность и поведение. Она не только посещала с ним психолога и беседовала с врачом о том, что ей делать с сыном, но и всегда пыталась подвигнуть Бобби к расширению своего кругозора — чтобы он посещал культурные мероприятия, занимался спортом, встречался с другими детьми, больше читал и не забывал о школьных занятиях. Она была рада, что Бобби нашел себя в шахматах. Но заботило ее отсутствие баланса, она полагала, что однобокое увлечение шахматами не есть проявление здоровья.

В 1956 году д-р Ройбен Файн — в 30-х и 40-х являвшийся одним из сильнейших шахматистов планеты — написал монографию, озаглавленную «Заметки психоаналитика о шахматах и шахматистах». Она была опубликована в третьем томе журнала «Психоанализ». Впоследствии ее издали отдельно в виде 74-страничной брошюры с обложкой, на которой была изображена шахматная доска с красными и белыми клетками. Определенный скептицизм и даже неприятие выразили многие шахматисты из тех, кто потратил время на ее чтение. Регина Фишер купила экземпляр и внимательно прочла; эту брошюру нашли в библиотеке Бобби много лет спустя, но читал ли он ее, неизвестно.

Файн, убежденный фрейдист (он напишет еще два трактата, каждый размером с книгу, посвященные теории Фрейда и истории психоанализа), занял ту позицию, что шахматы символически связаны с либидо и имеют в корне эдипов комплекс: «Король символизирует пенис мальчика на его фаллической стадии, собственный воображаемый образ мужчины, и отца, урезанного до мальчикового размера».

Он также посвятил главу психозам четырех шахматных мастеров, избранных из миллионов нормальных людей, которые играли в серьезные шахматы на протяжении многих нет. Такой выборочный подход дал ему повод утверждать, что все шахматисты не вполне нормальные люди.

На Регину книга произвела впечатление и подтолкнула к мысли (сыграли роль и шахматные регалии автора, который был международным гроссмейстером и претендентом на матч за звание чемпиона мира), что он может если не помочь Бобби, то, по крайней мере, ослабить его рабское подчинение игре. Она хотела, чтобы ее сын хорошо учился, поступил в престижный университет, спустился с небес на землю и занялся обычным трудом.

Регина договорилась, что Файн позвонит Бобби и пригласит домой просто поиграть в шахматы. Бобби отлично знал о шахматной репутации Файна, он переигрывал его партии, имел шахматные книги за его авторством в библиотеке и не один раз их перечитывал. Но Бобби испытывал определенные подозрения. Он не хотел подвергаться психологическим тестам. Файн уверил его, что просто хочет сыграть с ним несколько партий.

Ройбен Файн не был врачом-терапевтом в прямом значении слова, но он *был* известным психоаналитиком. Теория состояла в том, что проблемы многих его пациентов являлись следствием забытых психических травм, и через свободные ассоциации и интерпретацию сновидений ключ к ним всегда можно найти. Лечение обычно длилось долго — иногда, годы — отталкиваясь не только от детских, но и, по возможности, от утробных воспоминаний.

Офис Файна располагался в большом здании в западной части Манхеттена. Одно крыло занимали жилые помещения, в которых проживал он с женой и тремя детьми, в другом находился аналитический кабинет, где имелась фрейдистская кровать для сновидений, и примыкавшая к нему комната для групповых занятий. Пациенты проходили раз в неделю, как минимум, часовое обследование, стоимостью в 55 долларов, а некоторые участвовали в групповых занятиях по вечерам. На последних Файн присутствовал, сидел молча, наблюдая за тем, как пациенты общались друг с другом, затем на целый час покидал комнату, и группа продолжала занятие самостоятельно. Затем он вкратце обсуждал с пациентами итоги сессии, когда они поодиночке приходили к нему для, собственно, психоанализа. В случае с Бобби Файн хотел вначале заслужить доверие со стороны мальчика, сыграв с ним в шахматы, а затем провести классический фрейдистский анализ в сочетании с групповым занятием.

Чтобы Бобби не догадался, что его подвергают психоанализу, Файн не стал сразу заводить мальчика в аналитический кабинет, а пригласил его в жилое крыло дома. Бобби встретила жена Файна Марсиа и их дети, а затем он и Файн играли в быстрые шахматы час или два. Психоаналитик тогда был одним из сильнейших блицоров в стране, возможно, даже сильнее, чем ожидал Бобби. Файн впоследствии напишет, что Бобби «не оказался серьезным соперником. Домашние помнят, как он раздражался после каждой партии, бормоча себе под нос, что мне “повезло”».

После шести шахматных сессий, проходивших раз в неделю, когда Файну показалось, что Бобби ему начал доверять,

психоаналитик словно невзначай начал спрашивать мальчика о том, как у него идут дела в школе. Бобби мигом вскочил на ноги, поняв, что происходит. «Вы меня обманываете», — выпалил он и выбежал из квартиры, чтобы никогда не возвращаться. Файн позднее заметил, что когда бы они ни встречались впоследствии, в клубе или на турнире, Бобби всегда кидал на него сердитый взгляд, «словно я нанес ему неизмеримый вред, пытаясь немного с ним сблизиться».

Хотя может быть есть частица истины в утверждении Файна, что злость Бобби была вызвана всего лишь попыткой психоаналитика «сблизиться» с ним, снять с него «наслоения», главная причина того, что Бобби перестал с ним навсегда разговаривать, заключалась в попытке «обмана», и использовании шахмат в качестве средства. Файн хвастливо писал об «исторической иронии, когда из двух сильнейших шахматистов США двадцатого века одни едва не стал психоаналитиком другого». Это *вряд ли*.

Бобби, со своей стороны, не думал, что с ним что-то не так. В тринадцать лет его поведение в шахматных турнирах и в клубе было вполне доброжелательным, но, подобно многим тинэйджерам, он говорил иногда слишком громко, неуклюже двигался, проходя между рядами играющих, не всегда вел себя воспитанно и «не вылезал» из-за шахматной доски. Ничто в его поступках — в *то* время — не указывало на наличие серьезных проблем или продвинутого невроза.

Возможно, монография Файна дала толчок прессе; когда бы журналисты ни брались рассказывать о шахматистах, они обязательно находили в них отклонения. Бобби по этой причине часто становился жертвой извращенной интерпретации своей личности. Если у него брали интервью, то обязательно задавали покровительственно-оскорбительные вопросы («Как, у вас нет девушки?»… «А все шахматисты ненормальны?»), и он быстро понял, что сказанное им будет искажено так, чтобы он выглядел фриком. «Задавайте мне нормальные вопросы, — попросил он одного журналиста, — не надо выставлять меня ненормальным». Другому он высказал свое мнение о пишущей братии: «Эти ребята всегда пишут гадкие истории про меня. Они говорят, что я глупый, и что у меня нет таланта ни в чем, кроме шахмат. Это неправда».

В некоторых статьях утверждалось, что Бобби — ученый-идиот с ударением на втором слове. Журнал «Чесс Лайф», негодуя на такое отношение, стал на его защиту, выступив со статьей «Травля Фишера», где назвал подобную писанину «полной чепухой».

Разумеется, Фишера захватили шахматы, и он проводил многие часы за их изучением, но, вероятно, не меньше времени тратили музыкальные вундеркинды на свои упражнения, бесконечно сидя за роялем. И у него были и другие интересы, включая спорт. Он следил за хоккеем, много играл в теннис, ходил на лыжах, плавал и являлся членом «Пин-Понг» клуба в Манхеттене. Его интересовали достижения в научной сфере. И совсем *не* интересовали гипноз и доисторические животные, что утверждалось в статьях поп-культуры.

Пресса иногда негативным образом влияла на мнения тех, кто окружал Бобби. Некоторые члены манхеттенского клуба начали считать его *meshuggener* — уничижительный термин на идиш, означающий «тронутый». Но другие, и также на идиш, определяли его как *gaon* — искренний.

Но несмотря на все эти разговоры относительно Бобби, включая прозвища и обидные комментарии, он продолжал играть и всё глубже понимать шахматы. В течение одного года — от 1956 к 1957 — его официальный рейтинг вырос невероятно, ему было всего четырнадцать, а он уже официально стал мастером, самым молодым в истории США. По правилам Шахматной Федерации ему уже нельзя было участвовать в любительских турнирах, против чего он и не возражал. Бобби всегда хотел играть с как можно более сильными шахматистами, полагая это лучшим способом повысить свое мастерство. И каждый раз, когда он обыгрывал противника с более высоким рейтингом, его собственный рейтинг возрастал.

В июле, через четыре месяца после матча с Эйве, Бобби отправился в Сан-Франциско, чтобы снова сыграть на юниорском чемпионате США, который он и выиграл второй год подряд. За каждый выигрыш его наградили пишущей машинкой, а также призом и именным дипломом на пергаментной бумаге. Став обладателем сразу *двух* печатных машинок, Бобби начал по книге учиться на ней печатать — закрывая буквы лентой, чтобы запомнить их позиции, определяя стартовую позицию и затем проверяя себя, а имеет ли смысл напечатанная им фраза. Он научился быстро находить нужные клавиши — с памятью Бобби никогда проблем не испытывал — но так никогда и не научился печатать вслепую.

Венцом всех его побед стал выигрыш у гроссмейстера Сэмюэля Решевского в выставочной партии, состоявшейся в манхеттенском шахматном клубе, хотя Бобби впоследствии и не считал этот подвиг таким уж большим достижением: Решевский играл вслепую, а Бобби — нет, в формате десять секунд на ход. И все-таки это был первый гроссмейстерский скальп.

После победы на юниорском чемпионате в Сан-Франциско вместо того, чтобы вернуться в Бруклин и оттуда отправиться в Кливленд для участия в USA-опен, Бобби остался на Западном побережье. Это дало ему три недели свободы, — он играл в шахматы, путешествовал по Калифорнии. Компанию ему составили три других тинэйджера из турнира, они посетили Лос-Анджелес и Лонг-бич, где его приняли в доме шахматного игрока-антрепренера Лины Круметт, и он плавал у нее в бассейне. Элегантная агентша по связям с общественностью, Круметт организовала шахматный салон у себя дома, за посещение которого игрокам нужно было платить. В 1940-х она была одной из сильнейших шахматисток США. Встретив Бобби, она начала относиться к нему по-матерински и стала одним из немногих друзей на всю жизнь, — в итоге Лина сыграла важную роль в его карьере.

После трехнедельной паузы молодые шахматисты заняли старый автомобиль у Гутри МакКлейна — редактора «Калифорния Чесс Рипортер». Поскольку у большинства по молодости прав не имелось, за руль сел 25-летний Вильям Дж. Аддисон, который также намеревался играть в Кливленде, и компания отправилась на восток. Машина постоянно ломалась, и все старались внести свою лепту в ремонт, лишь бы поскорее добраться до цели. В поездке по раскаленной пустыне без кондиционера часто возникали мелкие ссоры, а Бобби и Жильбер Рамирес (занявший второе место в юниорском чемпионате) даже подрались. Бобби укусил за руку Рамиреса, оставив на ней шрамы, видимые и через пятьдесят лет. (Рамирес с гордостью их показывает, словно говоря: «Та самая рука — ее покусал Бобби Фишер»). Наконец машина встала окончательно, и ее пришлось бросить. Юноши прибыли в Кливленд на автобусе вечером накануне первого тура.

Перед началом игры рейтинг Бобби составлял 2298 единиц, что ставило его в первую десятку среди действующих шахматистов США. В двухнедельном турнире стартовали 176 участников. В первом туре Бобби выпало играть с канадцем, который заблаговременно зарегистрировался и заплатил турнирный взнос, но пока себя не обнаружил. Тур начался, Бобби сделал первый ход и нажал на кнопку часов, которые стали отсчитывать время оппонента. После часа ожидания канадцу засчитали поражение ввиду неявки, и Бобби получил первое очко даром. Курьезно, но это «дармовое» очко едва не вышло ему боком. В следующих пяти турах Бобби выиграл три партии и сделал две ничьи; одна ничья состоялась в партии против 27-летнего Артура Бисгайера, защищавшего титул чемпиона USA-

опена и являвшегося одним из сильнейших шахматистов страны.

Во второй половине турнира Бобби выиграл пять партий подряд, и стало понятно, что быть ему в призерах. Но сможет ли он стать победителем? Несколько участников простудилось — включая учителя Бобби, Джека Коллинза — и им засчитали поражения. Бобби режимил и держал себя в форме, — он достаточно спал, питался здоровой пищей и оставался в комнате как можно больше, стараясь держаться подальше от других игроков. Так получилось, что эпидемия неявок ввиду простуды не коснулась Бобби по жеребьевке, и не повлияла на его итоговый результат.

В последнем туре Бобби противостоял Вальтер Шипман, — тот самый человек, что первым встретился ему в манхеттенском шахматном клубе. Шипман имел репутацию опасного и цепкого бойца. Партия развивалась не но плану Бобби, поэтому он предложил ничью на 18-м ходу, которая была с готовностью принята. Бобби закончил турнир с результатом 10-2, без поражений. Артур Бисгайер, имевший самый высокий рейтинг среди участников турнира, финишировал с теми же показателями. И кто же чемпион USA-опен?

Бобби, Бисгайер и примерно двадцать участников и зрителей окружили стол директора турнира, который вел подсчеты по принятой для турнира системе определения победителя при дележе. Лучший способ выявить победителя — провести плей-офф. Но в американских турнирах, где залы арендованы на определенные даты и время, а у игроков на руках обратные билеты, для определения победителя применяется система дополнительных показателей. Существует множество систем такого рода, и все они достаточно абстрактны, как математические теоремы. Трудно найти устраивающую всех.

Пока они ждали результата, Бисгайер спросил Бобби, почему он предложил ничью Шипману в положении, где у него имелось небольшое преимущество и исход партии оставался гадательным. Ведь *выигрыш* делал его чистым победителем, он на пол-очка опережал Бисгайера. Бобби ответил, что им владели более важные соображения, чем титул. Он рассудил, что Бисгайер либо выиграет свою партию, либо сведет вничью. В этом случае Бобби обеспечивал себе, по меньшей мере, дележ первого места, а это означало 750 долларов каждому, кругленькая, по меркам Бобби, сумма. Бисгайер, который понял, что Бобби более нуждался в деньгах, чем в титуле, каким бы престижным тот ни был, отметил: «Его мысли не ограничиваются лишь пределами шахматной доски».

Турнирный директор, продолжавший свои вычисления,

поднял голову и объявил, что победителем становится Бисгайер. Впоследствии Бобби, испытавший сильное разочарование, вспоминал: «Я отошел к телефонной будке и позвонил матери, чтобы передать ей огорчительную новость. В соседней будке находился Бисгайер, который сообщал радостную новость своим близким». После этого оба они вернулись в турнирный зал, чтобы понаблюдать за завершением оставшихся партий.

Прошло еще два часа, во время которых Бисгайер принимал многочисленные поздравления с победой, как вдруг директор турнира объявил, что ошибся в расчетах. Согласно медианной системе, применявшейся во всех турнирах, проводившихся под эгидой Шахматной Федерации США, результаты всех противников суммируются, верхние два и нижние два отбрасываются, и тот, кто играл с более сильными по рейтингу (то есть имел более трудную дистанцию) объявлялся победителем. По этой системе Фишер набирал на пол-очка больше, чем Бисгайер. Но, подождите, вступил в спор Бисгайер: первая партия Фишера была им выиграна ввиду неявки противника, который не появился в турнирном зале, так что партии не было! Если ее не учитывать, то следует признать чемпионом его, Бисгайера. Контраргумент состоял в том, что не явившийся в первом туре игрок имел настолько низкий рейтинг, что для Бобби практически немыслимо было бы партию с ним проиграть, и результат ее всё равно был бы отброшен. Назад к телефонным будкам.

На этот раз Бобби сообщил Регине добрую весть с утверждением, что хотя он делит призовые деньги с Бисгайером, главное — это титул. Стоит все-таки задаться вопросом, почему он не боролся в последнем туре против Шипмана, ведь тогда он мог выиграть титул безоговорочно.

Никто раньше в таком молодом возрасте не становился победителем USA-опен, и никто никогда не побеждал сначала в юниорском чемпионате, а затем во взрослом.

Когда Бобби вернулся в Нью-Йорк, в обоих клубах — манхеттенском и маршалловском — состоялись праздничные мероприятия по поводу его победы, его же назвали новым шахматным героем США. Даже Бисгайер, не тая никаких обид, заявил, что Бобби Фишер — самый сильный 14-летний шахматист во всей истории шахмат.

После целого лета шахмат Регина настояла, чтобы Бобби стал больше уделять внимания спорту. Он начал плавать в бассейне и брать уроки тенниса, играя на бесплатных городских кортах. Он ненавидел там играть, поскольку до ближайшего приходилось

добираться на двух автобусах, а затем ждать еще целый час, пока до него доходила очередь. Тем не менее, он продолжал туда ездить до глубокой осени, пока погода не стала совсем уж промозглой. Мать с сыном обдумывали перспективу на зимние месяцы вступить в клуб с крытыми кортами, но когда узнали, что помимо вступительного взноса платить придется по 10 долларов за каждый час, поняли, «что обсуждать тут нечего», — вспоминал Бобби.

Возвратившись одним сентябрьским днем из школы, Бобби приступил к разбору почты. Он начал получать письма от болельщиков с просьбами прислать фото, автограф, даже подписанные бланки с получившими известность партиями (и не забыть дарственную надпись) — причем не только из США, но и со всех концов света. Эти письма не образовывали водопад, как у знаменитых звезд Голливуда, но почти каждый день одно или несколько таких писем поступало на адрес 560, Линкольн-плейс. Кроме того, Бобби регулярно получал непрошеные советы от шахматистов, а также предложения от компаний, желавших, чтобы он рекламировал их продукцию. Время от времени Бобби выбирал письмо наудачу и отвечал на него лично. Чтобы ускорить процесс «связей с фанатами», Регина поместила фото Бобби на недорогую поздравительную открытку, на которой имелась его подпись, и отправляла ее просителям. Она также отвечала на коммерческие предложения, но, по известным лишь ему причинам, Бобби практически не выказывал к ним никакого интереса, какие бы деньги ни предлагались.

Одно письмо, которое он едва не пропустил, несло на себе логотип манхеттенского шахматного клуба. Открыв его, Бобби не мог сдержать улыбки:

М-р Роберт Дж. Фишер
560 Линкольн Плейс
Бруклин, 38, Н.-Й.
Нью-Йорк, 24 сентября 1957

Дорогой м-р Фишер:

Вы приглашаетесь принять участие в турнире Лессинга Дж. Розенвальда за титул чемпиона США, со-спонсорами которого являются Шахматная Федерация США и американский шахматный фонд.

Соревнование также является Зональным турниром ФИДЕ в цикле борьбы за звание чемпиона мира.

Турнир пройдет в Нью-Йорке в манхеттенском шахматном клубе с 15 декабря 1957 по 6 января 1958

года при четырнадцати участниках. Регламент турнира во вложении.

Пожалуйста, сообщите при первом удобном случае, но не позднее 10 октября 1957, будете вы участвовать в турнире или нет. Если мы не получим вашего ответа до 14 октября 1957, будем считать, что вы отклонили наше предложение.

ТУРНИРНЫЙ КОМИТЕТ М. Дж. Каспер, председатель

Вальтер Дж. Фрид

И. А. Горовиц

Уильям Дж. Ломбарди

Эдгар Т. МакКормик

Вальтер Дж. Шипман

Как новый победитель открытого чемпионата США и участник предыдущего «Розенвальд»-турнира, Бобби ожидал этого приглашения. Но особенно его заинтриговало то обстоятельство, что турнир — зональный, и является отборочным к межзональному, что означало вступление на тропу, ведущую к титулу чемпиона мира. Эти турниры проводились раз в три года, и наступающий год был *нужным* годом.

Проблема заключалась в том, что «Розенвальд»-турнир пересекался со знаменитым гастингским рождественским конгрессом в Англии — ежегодным международным турниром, в котором побеждали многие шахматные легенды. Бобби получил приглашение от организаторов и хотел войти в элитный круг его победителей. Поездка должна была стать его первым настоящим путешествием за границу, первым международным турниром, в котором ожидалось участие некоторых сильнейших игроков планеты.

Он не мог решить, что же ему делать.

Обсудив ситуацию с матерью и клубными друзьями, он определился. Молодость верит в свои безграничные возможности и выказывает мало терпения. Бобби не мог отказаться от судьбы. Он уведомил комитет «Розенвальд»-турнира, что принимает приглашение участвовать в борьбе за звание чемпиона США — прелюдия, как он надеялся, к званию чемпиона мира.

В декабре незадолго до начала турнира Бисгайер предсказал, что «Бобби Фишер финиширует где-то в середине турнирной таблице или чуть выше. Он, вероятно, самый талантливый из всех участников, но у него нет опыта борьбы в соревнованиях с таким ровным и сильным составом». Логика Бисгайера казалась кристально чистой, но ведь Бобби уже *участвовал* в «Розенвальд»-турнире за год до этого. И хотя многие другие *его* турниры проходили без сильнейших игроков США, они не были такими уж слабыми. В 1956 (когда Бобби проехал девять тысяч «соревновательных» миль) и 1957 годах он непрерывно играл, анализировал и учился.

Казалось, что его сила возрастала не от турнира к турниру или от матча к матчу, а день ото дня. Каждая сыгранная или проанализированная им партия, своя или чужая, корректировала его шахматные взгляды. Он всегда работал над игрой, *его* игрой, уточняя ее, ища ответы, задавая вопросы, вытаскивая потрепанные карманные шахматы в сабвее, гуляя по улице, за едой в ресторане и сидя перед телевизором, — и его пальцы находились в постоянном движении, словно они имели собственный разум.

Зимний ветер Нью-Йорка снежными шквалами налетал на деревья Центрального парка, когда Бобби входил в манхеттенский шахматный клуб, где должен был состояться первый тур чемпионата США. Сразу благоговейный шепот прошел среди зрителей, некоторые из них произносили — как если бы Джек Демпси вышел на ринг — «*Здесь Фишер*».

Возможно, Бисгайер прав. Состав оказался сильнее, чем в прошлом году. Игроки, отказавшиеся от участия в 1956, на этот раз, как и Бобби, с готовностью приняли приглашение ввиду важности турнира. Почти каждый из четырнадцати участников надеялся попасть в межзональный, а некоторые — прошел и такой слушок — вошли в него с тем, чтобы «раскусить орешек» по имени Бобби Фишер. Им выпадал шанс встретиться за доской с будущей легендой.

Бобби подошел к своему столику и фыркнул, увидев часы-таймер. Они напоминали два поставленных рядом будильника с рычажками сбоку для каждого игрока. Бобби не любил такие часы, они занимали слишком много места, а кроме того, нужно было толкать рычажок вперед, чтобы остановить свои часы и включить часы противника. Это занимало слишком много времени, особенно в цейтноте, когда каждая секунда на счету. И, напротив, новые немецкие BHB-часы имели кнопки наверху, с которыми управляться было намного легче: рука отпускала

фигуру и на обратном ходу быстрым движением можно было хлопнуть по кнопке, что экономило одну-две секунды. Кнопочные часы задавали определенный ритм движения, и Бобби уже успел их оценить и к ним привыкнуть. Тем не менее, в 1957 году ему пришлось мириться со старыми рычажками «тяни-толкай».

Бобби начал с победы над Артуром Феуерстайном, впервые обыграв многообещающего новичка. Затем последовала ничья с Сэмюэлем Решевским, защищавшим чемпионский титул, в очень напряженной борьбе, которая придала 14-летнему юноше энергетический импульс — на следующем отрезке он одержал пять побед подряд.

В последнем туре Бобби встречался с крупногабаритным Эйбом Тёрнером — вечным студентом, чьи притязания на великую актерскую славу произрастали из того факта, что он участвовал в телевизионной программе Гроучо Маркса «Вы ставите на кон свою жизнь». Тёрнер, представлявший собой персонаж из оперы-буфф, был в действительности опасным противником, он обыграл Бобби на прошлом «Розенвальд»-турнире. Поэтому Бобби особенно внимательно подошел к их новой встрече. Но почти сразу после начала тура (на 18-м ходу) Тёрнер своим высоким голосом предложил ничью. Бобби ее принял и стал беззаботно прогуливаться по клубу, пока игрались другие партии. Он набрал 10,5 очков, и, как и в USA-опен, — без поражений. Круглолицый Ломбарди, отпавший от борьбы за чемпионский титул, противостоял почтенному Решевскому, а у Старого Лиса было на тот момент 9,5 очков. Если Решевский обыгрывал Ломбарди, он догонял Бобби и их объявили бы со-чемпионами: в этом чемпионате не предусматривался тай-брейк или плей-офф. Чтобы убить время, и, вероятно, выказать деланную безучастность до конца этой партии, Бобби начал играть в блиц с шахматными друзьями. Время от времени он подходил к столику Ломбарди-Решевский и несколько секунд изучал позицию. После одной из таких прогулок он объявил безразличным тоном, словно спорить уже не о чем: «Решевскому “крышка”». Ломбарди играл партию своей жизни, катком пройдясь по позиции Решевского. Когда дела его стали совсем безнадежны, Решевский вынул сигарету из мундштука, сжал губы и сдался. Бобби подошел к столику и сказал своему другу: «Ты играл грандиозно». Двадцатилетний Ломбарди улыбнулся и ответил: «А что мне оставалось? Ты заставил меня обыграть Сэмми!». Поражение Решевского означало, что 14-летний Бобби стал чемпионом США.

Глава 4
Американский вундеркинд

Быть Одиссеем стало уже более чем просто рутиной или привычкой. Скитания обрели статус ритуала, жертвы, которую необходимо принести для познания шахматной премудрости. После уроков в течение всего школьного года, по субботам и каждый день летом, когда он не играл в очередном турнире — и в дни, когда не посещал Коллинза — Бобби шел к станции метро на Флэтбуш-авеню и поездом через Ист-ривер уезжал на Манхеттен, выходя на Юнион-сквер. Далее по Бродвею его путь лежал на юг в сторону Гринвич-виллидж, затем в книжный магазин «Четыре Континента», торговый центр русскоязычных книг, музыкальных пластинок, газет и журналов, сувениров ручной работы, как, например, матрешек. С помощью закона о Свободе информации было установлено, что ФБР вело наблюдение и проводило расследование в отношении этого магазина с 1920 по 1970 годы, накопив 15 тысяч сообщений, фотографий, документов, касающихся тех, кто входил, выходил и делал покупки, с целью выявить советских агентов или просто потенциально сочувствующих коммунистам. В 1950-х, когда Бобби сюда зачастил, Бюро стало особенно активным, надеясь добыть информацию для комитета по расследованию анти-американской деятельности.

В этом книжном магазине имелось не слишком большое, но вполне серьезное собрание шахматных книг, последние номера «Шахматного бюллетеня», недавно основанного русскоязычного издания. В нем печатались теоретические статьи и партии последних соревнований со всего мира, но в большинстве своем игроков из Советского Союза. Фишер узнавал, когда будет новое ежемесячное поступление, и через день-два появлялся в магазине, чтобы купить свежие номера. Всем знакомым он говорил, что «Шахматный бюллетень» «лучший шахматный журнал в мире».

Он прилежно переигрывал все партии, следя за подвигами 18-летнего Бориса Спасского, — шахматной кометы, победившего в чемпионате мира среди юношей в 1955 году. Также Бобби изучал партии Марка Тайманова, чемпиона СССР 1956 года и концертирующего пианиста, применявшего в дебюте новинки, поучительные, по мнению Фишера. Перелистывая журналы, Бобби делал в уме зарубки о том, в каких дебютах чаще выигрывают, и какие считаются не слишком корректными. Он обращал внимание на партии, в которых можно было что-то «накопать». Партии

мастеров из «Шахматного бюллетеня» становились для него моделями; позднее многие из этих мастеров станут и его соперниками.

В этом магазине Бобби купил за два доллара книгу «Советская Шахматная Школа» — на русском языке и в твердом переплете. Классический труд о современном состоянии шахмат, он был выпущен как пропагандистский трактат, имеющий целью подчеркнуть «подъем советской шахматной школы на вершину мировых шахмат, как логический результат социалистического развития культуры». Даже будучи тинэйджером, Бобби мог отличить топорное советское доктринерство от блестящих образцов шахматного искусства, на которых можно и до́лжно учиться. Его впечатляла проницательность мышления советских шахматистов, умение мгновенно, на уровне интуиции проникнуть в суть позиции. Безусловно, советские были на тот момент сильнейшими в мире. Когда Бобби было четырнадцать лет, он дал интервью посетившему его русскому журналисту для журнала «Шахматы в СССР». В нем он сообщил, что хотел бы сыграть с лучшими советскими мастерами, и уточнил: «Я слежу за вашими гроссмейстерами. Я знаю их партии. Они острые, в атакующем стиле и полны боевого духа».

Бобби копался в книгах и покупал их в этом магазине многие годы, но никакая не поразила его более чем та, о которой говорили почти благоговейным шепотом: «Вопросы современной теории шахмат» Исаака Липницкого. Для шахматистов эта книга стала классической с момента ее появления в 1956 году, хотя напечатана она была малым тиражом. Его играющий в шахматы приятель Карл Бюргер, который был на десять лет старше Бобби (в будущем врач и международный мастер), впервые рассказал ему о книге и о содержащейся в ней премудрости. Бобби очень хотел прочесть ее, но сначала требовалось оформить заказ. Лишь через месяц она попала ему в руки, плохо изданная и на дешевой бумаге с большим числом опечаток.

Но Бобби внешность книги заботила меньше всего. Он завис над ее страницами, словно студент философского факультета, старающийся понять книгу Эммануила Канта «Критика чистого разума». Он боролся с русским языком и постоянно просил Регину помочь ему с переводом текста, сопровождавшего варианты в примечаниях. Она ничего не имела против, ей даже нравилось, что он учит русский. Со своей стороны Бобби был ошеломлен, как много он почерпнул из этой книги.

Липницкий подчеркивал связь между овладением центральными полями и захватом инициативы с помощью мобилизации фигур. Идея простая, даже элементарная, но

реализовать ее в практической партии — большая проблема. Липницкий не просто выдавал концепции, но и приводил логически прозрачные примеры в обоснование своих рекомендаций. Бобби включил в свой арсенал некоторые из рекомендаций Липницкого и принял на вооружение план, названный Атакой Липницкого, играя против сицилианской защиты. Годы спустя он цитировал рецепты Липницкого в собственных статьях и книгах.

После часа, проведенного в «Четырех Континентах» в поисках чего-то интересного из новых поступлений, Бобби пересекал улицу в направлении диккенсовского магазина флегматичного д-ра Альбрехта Бушке, где погружался в прошлое. Магазин располагался глубоко внутри старого офисного здания, которое за сто лет до этого было отелем «Сент-Дениз» — место, где американец Пол Морфи, неофициальный чемпион мира по шахматам, останавливался, когда играл в первом Американском Шахматном Конгрессе. Для Бобби здание представляло тотемный интерес, поскольку в нем располагался офис Шахматной Федерации США — в апартаментах, когда-то предназначавшихся для молодоженов.

Логово Бушке представляло собой небольшую комнату. Пахло плесенью, что наводило на мысли о старинных фолиантах в тяжелых переплетах, и вечно висел в воздухе неистребимый серый дым от сигар хозяина. Потрепанные шахматные книги валялись повсюду, прятались в каждом уголке, многие стояли стопкой от пола до потолка или на стульях, и на прогибающихся от тяжести полках. Некоторые лежали россыпью на полу, никакого тематического порядка не соблюдалось. Если посетитель говорил хозяину, что цена книги слишком высока, последний по своей извращенной логике говорил: «О, извините!», стирал старую цену и самодержавно писал новую — выше прежней!

Бобби проводил у Бушке часы, изучая то книгу, то журнал, останавливая свое внимание на блестящей партии, идеи которой требовалось запомнить. Он покупал много книг, возраст коих исчислялся десятками лет, такие как «Ханд-бух» Рудольфа фон Бильгера и «Модерн Чесс Инстрактор» Вильгельма Стейница. Он получал наслаждение от нахождения книг, о которых до этого не слышал, равно как и от открытия ожидаемого — известной ему книги, которую можно было найти только в лабиринте Бушке.

Средства Бобби имел самые скудные, но добрый доктор давал ему иногда скидку, чего он не делал ни для кого другого. Когда Бобби выиграл чемпионат США, Бушке вручил ему подарочный сертификат на 100 долларов, на расходование которых ушло

несколько месяцев, поскольку Бобби выбирал только лучшие книги.

От Бушке Бобби устремлялся на угол улицы к книжному магазину на Юниверсити-плейс, расположенному на расстоянии «хода пешки». В магазине имелась коллекция шахматных книг по ценам, меньшим, чем у Бушке, в сочетании с литературой авторов карибского бассейна и радикального толка. Именно в этом магазине он повстречал невысокого человека по имени Арчи Уотерс, который не только играл в шахматы, но и был также чемпионом мира по одной из разновидностей шашек — «Spanish pool», — в них играли на деньги в Гарлеме и других пригородах. Журналист по профессии, Уотерс написал по этим шашкам две книга — обе он подарил Бобби, а также обучил его тонкостям игры и стал другом на всю жизнь. Бобби прилежно изучил обе книги, также несколько других, но в турнирах никогда не участвовал. Ему нравились шашки, но он находил их гораздо менее интересными, чем шахматы. Единственное, что было общего у этих двух игр, по мнению Бобби, заключалось в том, что в обеих использовалась доска со светлыми и темными полями.

В шахматном мире Бобби в свои четырнадцать лет становится знаменитостью, но и обычные средства массовой информации также стали видеть в его необычном «бэкграунде» что-то интересное для себя, достойное для опубликования: бедный мальчик из Бруклина, которого интересуют только шахматы, плохо — или, во всяком случае, неряшливо — одетый, говорящий односложно, но который обыгрывает самых известных шахматистов. Каждая газетная история влекла за собой новые публикации и Регина, всё еще неуверенная в будущем Бобби, стала помогать ему преобразовывать в нечто осязаемое этот повышенный интерес. Ее часто цитируемое высказывание, что она всё испробовала, чтобы отвратить сына от шахмат, но «ничего не вышло», сорвалось с ее губ в момент, когда ей понадобилась защита от обвинений, что она не пыталась расширить его кругозор. Правда заключалась в том, что Бобби в качестве *raison d'etre* (оправдание существования — *фр*.) сам выбрал цель — стать лучшим в мире шахматистом, и поскольку каждая мать хочет, чтобы мечты ее ребенка сбылись, она поддержала сына, став его *pro bono*[11] пресс-агентом, адвокатом и менеджером.

С этого момента каждому турниру, в котором предполагал участвовать Бобби, каждому его выступлению предшествовал рекламный пресс-релиз, рассылаемый Региной по средствам массовой информации. Она также собрала адреса и телефоны крупнейших радио- и телевизионных компаний, газет и журналов

Нью-Йорка, и если пресс-релиз не вызывал надлежащего эффекта, она начинала звонить, писать письма или — как настоящая мать — даже сама посещала редакции, чтобы продвигать сына. И.А. Горовиц, редактор «Чесс Ревью», утверждал, что она была его «головной болью», появляясь в офисе раз за разом, с целью создать больше паблисити для Бобби. Она даже пыталась попасть на разные радио- и теле-викторины, надеясь заработать в них немного денег. Она проходила пробные тестирования для телевикторин, таких как «Высокая цена» и «Удачливые партнеры», но, несмотря на свой высокий интеллект и эрудицию, пройти их ей не удалось ни разу.

То, что Регина оказалась способной поставить интересы Бобби — из любви к нему — выше собственных, подписаться под его мечтой стать лучшим в мире, показывает ее ответное письмо, написанное в тот момент, когда сын находился в нерешительности — принять ли ему приглашение на турнир в Гастингс, или играть в чемпионате США. Вот что она написала Морису Касперу, президенту американской шахматной федерации: «Я надеюсь, что когда-нибудь Бобби станет великим шахматным чемпионом, поскольку он любит шахматы больше всего на свете».

Во время турниров — в США или других странах — она писала Бобби письма, посылала телеграммы, в которых подбадривала его, давала советы, как например: «Я вижу, у тебя 1,5 очка после двух туров, это здорово. Продолжай в то же духе, но не переусердствуй. Плавай, больше спи».

Настойчивость Регины дала результаты — Бобби получил приглашение стать участником популярнейшей шоу-викторины на телевидении «Вопрос на 64.000 долларов». Идея была в том, что он будет отвечать на вопросы, касающиеся шахмат. Несколько других участников, приглашенных на то же шоу, будут задавать эти вопросы о шахматах, и в частности, по их истории. 14-летний Бобби появился в студии 52 на Си-би-эс, одетый в свои неизменные вельветовые брюки и фланелевую рубашку с застегнутыми до шеи пуговицами. Вид у него был одновременно и уверенный, и скептический.

Система, по которой работала шоу-викторина, заключалась в следующем: соискатели выбирали категорию вопроса, например, кино, опера, бейсбол и т. п., и уровень сложности вопросов возрастал эксноненциально до самого высокого. Первый правильный ответ оценивался в 2 доллара, затем 4, 8, удваиваясь каждую неделю, если давались правильные ответы, но имея верхний потолок 64.000 долларов. Если соискатель достигал уровня 8.000 долларов и не мог ответить правильно на вопрос,

ему вручали в качестве утешительного приза новый «Кадиллак», стоивший в то время около 5.000 долларов.

Шоу «Вопрос на 64.000 долларов» пользовалось такой популярностью, что даже президент Эйзенхауэр следил за ним каждую неделю, оговаривая, чтобы сотрудники администрации не отвлекали его от просмотра государственными делами. Во время трансляции викторины — вторничными вечерами — падала преступность и сокращалось число посетителей кинотеатров и ресторанов. Вся Америка следила за шоу, и успешные участники моментально становились знаменитостями. Если бы шахматы избрали в качестве категории вопроса, то результатом стало бы резкое повышение их популярности. Шахматное братство, по крайней мере, в Нью-Йорке, было возбуждено.

У Регины едва не кружилась голова от открывающихся перспектив, Бобби, со своей стороны, волновала возможность с помощью своих глубоких познаний пройти весь путь, получив в его конце 64.000 долларов (примерно соответствует нынешнему полумиллиону долларов), разом решая все финансовые проблемы семьи.

Поначалу на пробе всё шло хорошо. Бобби правильно отвечал на вопрос за вопросом, пока его не спросили, в каком турнире Ейтс обыграл Алехина. Бобби надолго задумался, затем сказал ведущему, что это «хитрый» вопрос, так как Ейтс никогда не выигрывал у Алехина.

Удивленный ведущий — ведь Бобби уверенно и точно отвечал на все вопросы — сообщил мальчику, что Ейтс дважды побеждал Алехина: в Гастингсе-1922 и на следующий год в Карлсбаде. Бобби вышел из себя, не желая признавать свою ошибку.

Ейтс действительно обыграл Алехина в этих турнирах. Продюсеры решили всё же не выделять сегмент для вопросов о шахматах, но не из-за забывчивости Бобби или его капризности. Идея умерла но причине «таинственности» игры. Продюсеры пришли к выводу, что шахматами интересуется слишком мало людей, и большинству зрителей тема неинтересна.

Бобби взял часть вины на себя. Его мечты о богатстве рассеялись, и он скромно написал: «Полагаю, никто из нас не смог бы пройти отбор. Но, во всяком случае, общение на пробных съемках было интересным».

Вернувшись однажды домой после дежурства в больнице, Регина была встречена перед входом в дом по адресу 560, Линкольн-плейс двумя мужчинами в солнцезащитных очках и одетых консервативно. «Миссис Фишер? Регина Фишер?»

«Да», — ответила она.

Мужчины предъявили документы: Они были агентами ФБР.

«А в чем дело?»

«Мы можем войти? Не хочется говорить на улице».

«Прежде чем я на что-то соглашусь, — произнесла Регина, — скажите, что вам надо».

«Мы просто хотим задать вам несколько вопросов».

Регина колебалась: «Я не хочу отвечать на вопросы без присутствия адвоката».

«Чего вы боитесь? Вам есть что скрывать?»

«Я ничего не боюсь, — ответила Регина, — и мне нечего скрывать. Я просто не хочу говорить без адвоката».

...

Далее в тексте отсутствуют две страницы — 112 и 113.

…никнуть желание поквитаться с коммунистами путем «сотрудничества и передачи информации об активных членах партии, и не только». Если Бюро действовало исходя из этих соображений, то Регине действительно подходила роль двойного агента, шпионки в пользу правительства США. Это могло стать неплохой карьерой для нее, учитывая ее склонность к интригам, политике и путешествиям. Но ей никогда подобных предложений не делалось.

Бобби постоянно напоминал Регине, что ему хотелось бы поехать в Россию, дабы испробовать свои силы в борьбе против лучших шахматистов планеты. Помимо его поездки на Кубу и участия в канадском турнире, когда ему было 12 лет, он никогда не покидал страну, и Регина, странница по природе, заядлая путешественница, тоже хотела показать ему другие страны. Но где взять деньги на поездку?

Она отправила письмо напрямую премьеру Никите Хрущеву с просьбой послать приглашение Бобби на Всемирный фестиваль молодежи. Ожидая ответа, Бобби подал прошение на получение паспорта, а затем и на визу в Россию. Годом позже прошение на визу удовлетворили, оставалось найти деньги на перелет и бытовые расходы. Идея состояла в том, что Бобби проведет лето, или его часть, в России, чтобы пройти хорошую тренировку перед участием в межзональном турнире, который должен был состояться в Югославии.

Агенты и информаторы продолжали шпионить за Фишерами, и мысль о том, что Большой Брат следит за ней неотступно, не

отпускала Регину. Такая подозрительность в ее отношении — имевшая, впрочем, некоторые основания — всерьез затрагивала ее детей.

Она беспокоилась, что агенты ФБР могли приходить в ее отсутствие, и потому стала расспрашивать Бобби. Если они попытаются состряпать против нее дело, любая обрывочная информация, выпытанная у Бобби, могла быть использована ей во вред. Она стала учить его, что нужно говорить, если непрошеные гости придут опять: «Бобби, если они здесь появятся и зададут *любой* вопрос — даже о твоем возрасте, или в какой школе ты учишься — просто отвечай: "*Мне нечего нам сказать*". Именно эти слова, ты понял? "*Мне нечего вам сказать*"».

Она заставляла его снова и снова повторять фразу, пока не уверилась, что он ее запомнил. Ретроспективно Бобби говорил, что, вероятно, научил ее этой фразе кто-то другой, из тех, кто имел уже дело с ФБР, как самой эффективной тактике: «Это ужасно, что они могли задавать вопросы малышу: мне было восемь или десять лет в то время». Так получилось, что до вопросов не дошло, но страх в Бобби поселился очень глубоко.

Чтобы еще надежнее защитить сына, Регина купила достаточно дорогие кожаные обложки для его русских шахматных книг, чтобы названия не могли прочитать ни агенты ФБР, ни возможные информаторы, которые, увидев его в сабвее с русской книгой в руках, могли бы доставить ему неприятности.

Одним утром, когда Бобби находился в классе для занятий по геометрии, пришел студент из главного офиса с запиской для учителя. В ней говорилось, что Бобби приглашают принять участие в телешоу «У меня есть секрет», которое состоится в 16.30 этим днем. Это случилось через неделю после того, как ему исполнилось пятнадцать лет. Идея шоу на догадливость заключалась в том, чтобы угадать «секрет» участника — речь шла не о том, были или нет он или его мать коммунистами, а о том, что он являлся чемпионом США. Во время трансляции Бобби, выглядевший робким и чуть испуганным, держал фальшивую газету, отпечатанную специально для него, с бросающимся в глаза заголовком СТРАТЕГИЯ ТИНЭЙДЖЕРА ПОБЕЖДАЕТ ВСЕХ. Когда ведущий назвал своего гостя и представил его, как «Мистера Х» из Бруклина, кто-то крикнул «Ура!», и Бобби заулыбался. На вопрос члена группы «догадливых», сделало ли то, чем он занимается (и является его *секретом*), людей счастливыми, Бобби выпалил: «Это сделало счастливым… *меня*», чем вызвал одобрительный смех аудитории (знавшей секрет). Бобби поставил «догадливых» в тупик.

Регина, полная решимости доставить Бобби в Москву,

обратилась к продюсерам, чтобы они помогли с билетом не только для сына, но и для его сестры Джоан, которая бы его сопровождала. Вероятно, через прослушивание телефонов ФБР узнало о планируемой поездке в Москву. Бюро отправило симпатичного агента под видом репортера студенческой газеты, чтобы тот взял «интервью» у кого-либо из сотрудников компании «Гудсан-Тодмэн Продакшнс», продюсировавшей шоу «У меня есть секрет». Агент присутствовал в студии, но никак себя не проявил.

Поскольку одним из спонсоров шоу была компания «Сабена Эйрлайнс», удалось договориться, что Бобби получит два билета на полет в обе стороны в качестве поощрительного приза. Всё прошло втайне от Бобби, но к его большому удовольствию в конце шоу он получил два билета в Россию с посадкой в Бельгии — стране, где находился офис компании. Его настолько взволновала новость — он может побывать в стране своей мечты, — что, покидая сцену, со свойственной молодости неуклюжестью зацепился за провод от микрофона, но удержался на ногах. По окончании шоу из ФБР тотчас последовал звонок агенту в Москву, которому предлагалось организовать наблюдение за Бобби по ту сторону «Железного Занавеса».

Кто-то из манхеттенского клуба спросил Бобби, как он поступит, если его пригласят в Москве на официальный обед, на который нужно являться при галстуке; а Бобби еще в галстуке никто не видел. «В таком случае я на обед не пойду», — последовал честный ответ.

Бобби никогда не летал па самолете. Они с Джоан три дня провели в Брюсселе, посетили Экспо-58 — одну из крупнейших международных ярмарок всех времен («Восьмое чудо света», — так написал Бобби Джеку Коллинзу, описывая 335-футовый атомный монумент, чьи девять огромных сфер образовывали кристаллическую сетку железа). Пока бельгийцы впервые пробовали кока-колу, Бобби втайне от Джоан выпил слишком много бутылок бельгийского пива и на следующий день впервые в жизни испытал похмелье. Несмотря на это, он сыграл несколько семиминутных партий (все выиграл) с высоким и элегантным графом Альбериком О'Келли де Галвей, международным гроссмейстером. Еще Бобби съел так много мягкого мороженого — тоже впервые представленного на ярмарке — сколько в него вместилось. После нескольких дней удовольствий и новых впечатлений, Фишеры были готовы лететь дальше, но прежде случилась небольшая неприятность. При вселении Бобби довольно грубо высказал свои претензии персоналу отеля по поводу удобств номера (он не хотел делить комнату с сестрой), и когда они покидали отель, он получил порцию критики от

администрации, выделившей им комнату, собственно, в качестве жеста доброй воли, поскольку из-за ярмарки хозяева испытывали острую нехватку свободных номеров. Самоуверенный юнец не обратил никакого внимания на замечания и, выказывая свою неучтивость, быстрым шагом покинул отель.

Перед посадкой в самолет, отправлявшийся в Москву, Бобби заткнул уши хлопковыми затычками, чтобы уменьшить давление на барабанные перепонки (он испытывал неприятные ощущения при полете из США в Брюссель) и заглушить шум мотора, и смог спокойно поработать над вариантами на карманных шахматах.

В московском аэропорту Джоан и Бобби встретил Лев Абрамов, руководитель шахматной секции СССР; гид из Интуриста сопроводил их в «Националь» — лучшую гостиницу Москвы. Выбор удачный, поскольку один из большевистских лидеров, работавший здесь после революции 1917 года, Владимир Ленин, активно играл в шахматы, что стало одной из причин их популярности среди русских людей.

Фишеры наслаждались относительной роскошью номера с двумя комнатами и видом — через московскую улицу — на Кремль, Красную площадь и великолепие башенок собора Василия Блаженного. Бобби, словно какой-нибудь знаменитости, придали автомобиль с шофером и переводчика. За три месяца до этого русские чествовали другого молодого американца: 23-летний пианист ван Клиберн победил на международном конкурсе им. Чайковского и тем на краткий миг смягчил соперничество двух стран в Холодной войне. Бобби не надеялся завоевать подобное признание, и не думал о том, что может способствовать таянию дипломатического льда. Тем не менее, Регина полагала, что он заслуживал не меньшего уважения и внимания. Хотя многие шахматисты считали, что Бобби в некотором роде ответ Америки на «Спутник», Регина думала более практически: она читала, что ван Клиберн каждый вечер звонил своей матери в Техас, пока находился в Москве, и за это денег с него не брали. «Звони мне, — написала она Бобби, — это за счет принимающей стороны». Но Бобби не звонил.

Его уважение к советским шахматистам было огромным, и поначалу ему мнилось, что он попал на шахматные небеса. Он хотел увидеть, как обучают шахматам и как в них играют в Дворцах пионеров, поддерживаемых государством. Он хотел покупать и читать русскую шахматную литературу, посещать клубы и парки, где играют в шахматы. Но более всего он желал сразиться с сильнейшими в мире игроками. Его миссия состояла в том, чтобы сыграть с как можно большим числом мастеров и затем применить советскую систему тренировок при подготовке к

турниру в Югославии. Но у судьбы, как оказалось, планы были совсем другими.

Нечего было и думать, что советский шахматный режим позволит американцу изучить свои методы тренировки или поделится своими секретами — тем более, что тем же самым игрокам, с которыми хотел потренироваться Фишер, предстояло с ним сразиться через несколько недель. Советский шахматный истэблишмент смотрел на Бобби, как на *новинку* — нечто необычное, но с пониманием, что он может стать опасным. Никто не хотел ему помогать в игре, которая считалась национальным времяпрепровождением.

Для Бобби расписали графики экскурсий, включавшие в себя поездку по городу, обзор строящихся зданий и галерей Кремля, посещение балета Большого театра, московского Цирка и различных музеев. Для Бобби это был шанс погрузиться с головой в историю и культуру России. Но его мало интересовали такие исторические фигуры, как Иван Грозный, Петр Великий, Иосиф Сталин, Лев Толстой или Александр Пушкин. Он приехал в Москву играть в шахматы, «скрестить пешки» с сильными турнирными бойцами. Каждую свободную минуту он хотел посвятить шахматам, надеясь сыграть с сильнейшими мастерами страны. Москва — это город, где в 1925 году состоялся знаменитый турнир; где Алехин стал гроссмейстером, где жили, играли и учились сильнейшие мастера планеты; где лишь несколько месяцев тому назад состоялся матч за звание чемпиона мира. Москва представлялась Бобби шахматным Элизиумом, голова его кружилась от перспектив.

Отбросив предложение Абрамова ознакомиться с городом, Бобби попросил отвезти его немедленно в Центральный шахматный клуб, считавшийся одним из лучших в мире. По сути все сильнейшие игроки Москвы входили в него. Он был открыт в 1956 году и мог похвастать библиотекой, содержавшей десять тысяч томов и более ста тысяч карточек с дебютными вариантами. Бобби просто не мог ждать, он хотел всё это увидеть.

По прибытии на Гоголевский бульвар Бобби познакомили с двумя молодыми мастерами, которым было чуть больше 20-ти лет: Евгением Васюковым и Александром Никитиным. Он начал играть с ними блиц-партии в очередь в холле на первом этаже, выигрывая одну за одной. Лев Харитон, советский мастер, тогда тинэйджер, вспоминал, что очень скоро вокруг играющих собралась толпа. Каждый хотел посмотреть на американского вундеркинда. «В нем, сгорбившемся над доской, было что-то одинокое», — вспоминал Харитон.

«Когда я сыграю с Ботвинником [чемпионом мира]?» —

спросил Бобби почти требовательным тоном. «И Смысловым [недавним противником Ботвинника в матче]?». Ему ответили, что они на своих дачах далеко от Москвы, вне пределов доступа. Возможно, так и было.

«А Керес?»

«Кереса нет в стране».

Абрамов впоследствии утверждал, что звонил нескольким гроссмейстерам, но понимания у них не нашел и отыскать противника калибра, на котором настаивал Фишер, у него не получилось. Так это или нет, но Абрамову надоели сверх меры нахальство Бобби и частые приступы раздражения. Бобби знакомили с тяжелоатлетами и олимпийцами против его желания, — ему с ними было скучно. Русские стали называть его «мальчик». Хотя это слово скорее ласкательное, тинэйджер может посчитать его оскорблением. Бобби не любил подтекстов.

Наконец на полуофициальной основе пригласили Тиграна Петросяна. Международный гроссмейстер, отличавшийся пресным, но научно-точным стилем, — один из величайших защитников всех времен. Он превосходно играл блиц. Бобби знал о нем, разумеется, переигрывал его партии из амстердамского турнира 1956 года и видел его на матче США — СССР в Нью-Йорке четыре года назад. Еще до появления Петросяна Бобби захотел узнать, сколько денег он получит за партии с Петросяном. «Нисколько. Вы наш гость, — ледяным тоном ответил Абрамов, — и мы не платим гостям».

Партии игрались в маленькой комнате с высокими потолками — чтобы ограничить число зрителей, вероятно — поскольку их число, когда Бобби противостояли молодые мастера, достигало нескольких дюжин. Соревнование с русским гроссмейстером не носило официального характера, оно состояло из партий блиц, большинство из которых выиграл Петросян. Много лет спустя Бобби вспоминал, что стиль игры Петросяна в этих блиц-партиях ему наскучил «до смерти», и именно этим объясняется, почему он проиграл больше, чем выиграл.

Бобби Фишер играет против Тиграна Петросяна в Центральном шахматном клубе в Москве 30 июня 1958 года.

Когда Советский Союз согласился пригласить Бобби в Москву и щедро оплатить его с сестрой расходы, визу ему дали только на двадцать дней. Регина же хотела, чтобы он оставался в Европе до начала межзонального турнира и, ввиду скромных средств, она сделала попытку продлить его визу и статус гостя. Она хотела, чтобы он приобрел европейский опыт и улучшил знание иностранных языков, что она считала крайне важным для его образования. Кроме того, она знала о его желании играть в шахматы против лучших советских игроков для тренировки перед межзональным. Но всё вышло иначе.

Когда до Бобби дошло, что серьезных партий с ним играть никто не собирается, а всё ограничится блицем, он сорвался. Он посчитал, что к нему не проявляют уважения. Но разве он не действующий чемпион США? Разве он не сыграл «Партию Столетия», одну из самых красивых партий в истории шахмат? Разве он не играл с экс-чемпионом мира д-ром Максом Эйве в прошлом году? Разве он не признанный вундеркинд, коему прочат звание чемпиона мира через пару лет?

Его захватило монархическое настроение: Как они могут отказывать *ему*, шахматному Принцу? Это не тривиальная неудача, не обычное пренебрежение; по мнению Бобби такое

отношение — величайшее оскорбление, какое он мог себе представить. И он отреагировал на него, с его точки зрения, пропорционально. Ему казалось очевидным, что причина, по которой сильнейшие шахматисты уклонялись от встречи с ним, состояла в том, что они его боялись. Он сравнивал себя со своим героем Полом Морфи, которому именно по этой причине при первой поездке в Европу в 1858 году — ровно сто лет назад — отказал в матче англичанин Говард Стаунтон, тогда считавшийся сильнейшим шахматистом планеты. Шахматные историки и критики считают, что 21-летний Морфи легко бы обыграл Стаунтона. И 15-летний Фишер твердо верил, что если ему дадут шанс сыграть с Михаилом Ботвинником, чемпионом мира, советский игрок будет повержен.

В реальности Бобби не так скоро — не в ближайшие несколько дней — сумеет встретиться с советскими шахматными гигантами и обыграть их, и, поскольку в Советском Союзе ему не собирались платить денег за выступления, советские перестали быть его героями; они даже предали его, и этого он не забудет и не простит им никогда. Он сделал соответствующий комментарий на английском, ничуть не заботясь о том, что переводчица может услышать и понять его слова — что-то вроде того, что он «сыт по горло этими русскими свиньями». Она доложила об этом, хотя впоследствии Абрамов утверждал, что переводчица спутала слова свинина и свинья[12], и что они относились к меню в ресторане.

Скорее всего, навредила Бобби и открытка, посланная им Коллинзу: «Мне не нравится русское гостеприимство и сами люди. Похоже, я им тоже не нравлюсь». Прежде чем открытка отправилась в Нью-Йорк, она была прочитана русскими цензорами, и нелицеприятные слова Бобби попали в советскую прессу. Прошение Бобби о продлении визы было отклонено, и не-совсем-частная война с Советским Союзом, продолжавшаяся всю жизнь, началась.

Если отставить Бобби в сторону, то надо заметить, что в то время *любому* американскому гражданину было трудно оставаться в Москве. В середине июля сто тысяч возмущенных советских граждан, воспламененных контролируемой правительством прессой, осадили американское посольство на улице Чайковского, требуя, чтобы США вывели свои войска из Ливана. Разбили окна, напротив здания посольства сожгли портрет президента Эйзенхауэра.

Положение стало настолько серьезным, что Герхард Фишер, официальный отец Бобби, посчитал, что Джоан и Бобби грозит опасность. Под южноамериканским именем Херардо Фишер он написал Регине в Германию из Чили, выражая свою

обеспокоенность. Он спросил Регину, что она собирается делать, чтобы вывезти Джоан и Бобби из страны. Он писал, что если она не проявит активности, то сам предпримет все возможные меры, но также добавил — несколько таинственно — что и неприятности ему не нужны.

Как раз, когда паника начала овладевать Региной, она получила телеграмму от официальных лиц Югославии, что они не только будут рады видеть Джоан и Бобби в качестве ранних гостей перед межзональным турниром, но и готовы устроить тренировочные матчи с сильными югославскими мастерами. Джоан Фишер, попавшая в неприятное положение в связи с поведением брата в Москве, отправилась в Белград вместе с ним, но покинула его за два дня до начала турнира, чтобы провести остаток лета со своими друзьями в Англии. 15-летний Бобби был, таким образом, оставлен на собственное попечение — но не надолго. Его окружили функционеры, шахматисты, журналисты и просто любопытные, и уже в первые часы после приземления в аэропорту он сидел за доской, играя, анализируя и обсуждая шахматы.

В 1958 году после отказа в продлении визы в России из-за его невежливого поведения, Бобби прибыл в Югославию вместе с сестрой Джоан.

Матчевым партнером Бобби в его первой партии на европейской земле стал Милан Матулович, 23-летний мастер, пользовавшийся дурной славой: иногда, взявшись за фигуру и подняв ее, он вдруг соображал, что задуманный ход неудачен, и

тогда со словами «*J'adobe*»[13] или «Поправляю» возвращал ее на место и делал ход другой фигурой. «*J'adobe*» обычно говорят, если игрок хочет поправить расположение своей фигуры или противника, или поставить ее строго по центру, но, согласно «Правилам шахмат», это надо сделать *до* касания фигуры, иначе игрок рискует совершить мошеннический поступок. Французы обычно говорят «*Piece touchée, piece jouée*» (правило «тронул — ходи»). Матулович «J'adobe-ил» свои фигуры *после*, так что к концу карьеры заслужил прозвище «*Жадубович*». По контрасту Бобби строго соблюдал это правило и говорил «*J'adobe*» всегда до касания фигуры, которую собирался поправить. Однажды он произнес эти слова — с улыбкой, когда случайно толкнул кого-то на турнире.

В первой партии против Матуловича Бобби не обращал внимания на несоблюдение югославом этого правила, и проиграл. Остались три партии, и Бобби сказал Матуловичу, что он более не потерпит ложных «*J'adobes*». Бобби выиграл вторую партию, сделал ничью в третьей и выиграл четвертую, победив в матче со счетом 2,5:1,5. Оба выигрыша Бобби одержал в трудной борьбе, соперник сдавался в районе 50-го хода. Хотя Матулович и был до некоторой степени трюкачом, но он являлся одним из сильнейших шахматистов Югославии. Бобби посчитал, что победа заслуживала того, чтобы написать о ней Коллинзу.

Затем Бобби сыграл с одним из самых колоритных югославских мастеров Драголюбом Яношевичем, много пьющим, помешанным на женщинах любителем покера, в общем, с характером Деймона Раньона[14], нежели типичного шахматиста. Он был сильным игроком атакующего стиля, но в обеих партиях скоротечного матча Бобби не дал ему развернуться, завершив их вничью.

Бобби распаковал саквояж, забитый доверху 50-ю фунтами шахматных книг и журналов, и приступил к подготовке — анализировал варианты, изучал противников. Из двадцати, с которыми ему предстояло бороться, ему доводилось встречаться лишь с тремя: Бенко, Шервином и Петросяном. Но и остальные семнадцать не были ему совсем незнакомыми. Годы он изучал все нюансы их игры: стиль, избираемые дебюты, сильные и слабые стороны. Например, он знал, что Фридрик Олафссон часто попадал в цейтноты и потому допускал неточности в эндшпиле, а Бент Ларсен мог предложить забытый вариант, чтобы сбить противника с толку. Такие «выверты» Ларсена предугадать было трудно, но постоянное изучение Бобби партий старых мастеров до некоторой степени гарантировало его от сюрпризов. Ко всем участникам Бобби в той или иной степени подготовился.

Для справок — с ним книга-талисман Липницкого, и всегда под рукой последнее издание «Современные шахматные дебюты» с тысячами партий и вариантов. Он садился за доску каждый день после обеда, транзистор наигрывал музыку и анализ продолжался, как правило, до утра, — когда он ложился спать, на улице уже светало. Рано он не вставал. Из отеля выходил только, чтобы играть два матча и однажды, когда хороший друг Эдмар Меднис (молодой американец был в городе один день проездом на другой турнир) посетил его и убедил прогуляться по паркам Белграда.

Переезд из исторического и несколько мрачноватого Белграда в курортный город Порторож, расположенный на берегу Адриатического моря, оказал благотворное воздействие на Бобби. Его не интересовал находившийся в двух шагах пляж и многочисленные кафе, обращенные фасадом на залив Триест и открывавшие гостеприимные двери как местным жителям, так и туристам, вечерами вкушавшим дары моря на фоне величественного заката. В течение месяца пока длился турнир, Бобби редко видели вне стен отеля: он проводил бóльшую часть времени в уединении комнаты, посвящая все часы тактике и стратегии.

Двадцать один шахматист из двенадцати стран отобрался для участия в этом марафоне, имея целью перейти в категорию рангом выше. Занявшие шесть первых мест и двое, сеянных напрямую, попадали в завершающий плей-офф — турнир претендентов. Его победитель получал право играть матч за титул с чемпионом мира Михаилом Ботвинником. Бобби был не единственным участником, для кого межзональный стал первым международным турниром. 22-летний Михаил Таль из Риги, дважды становившийся чемпионом СССР, также впервые принимал участие в международном турнире. Некоторые эксперты — не из Советского Союза — прочили в победители именно его. Сильнейшие шахматисты США предсказывали, что Бобби не выйдет в турнир претендентов. Он еще слишком молод, чтобы бороться на равных с ветеранами, — у каждого из них за плечами богатый международный опыт.

Швед Фольке Рогард, президент ФИДЕ, приветствовал участников, их секундантов и тренеров на церемонии открытия: «Достаточно очевидно увеличение и так уже широкой популярности шахмат в последние десятилетия, и сила игры растет с ней вровень, поэтому турнир в Порторожe можно сравнить с самыми выдающимися по составу состязаниями прошлого».

Бобби, казалось, полагал, что легко разберется со своими

противниками. Он уверял всех, что выйдет в претенденты, и что его метод очень прост: обыгрывать «мелкую рыбешку» (патцеров) и делать ничьи с сильными игроками. Недостаток плана состоял в том, что слабых на турнире не было; все участники — если не мирового уровня, то, во всяком случае, имели высокую национальную или международную репутацию.

В качестве помощника Бобби, так называемого секунданта, выступил его близкий друг и ученик Джека Коллинза Уильям Ломбарди, тучный 20-летний семинарист, готовивший себя к стезе католического священника. Ломбарди становился чемпионом мира среди юношей (он победил во всех партиях турнира) и играл очень сильно. Бобби, которого настолько впечатлили вера приятеля в собственные силы и капитальное ведение партий, однажды сказал, что тот играл «словно дом». На тот момент в США он стоял по рангу только чуть позади Фишера.

В шахматах секундант — это помощник, советник, адвокат и мажордом человека, которому служит. Многие секунданты с особенным вниманием отслеживают дебюты других игроков, выискивая в них слабые места. Возможно, *самая* главная работа секунданта состоит в совместном анализе отложенных позиций. Иногда это означает бессонную ночь, чтобы у участника были различные стратегии на следующий день при возобновлении игры. Советские команды традиционно обслуживались целыми бригадами секундантов, где каждый исполнял свою роль. Например, один являлся специалистом по эндшпилю, другой занимался дебютами, третий — физической формой подопечных, четвертый — «для мелких поручений»; иногда в команду включался даже психолог.

Выглядевший старше, более мудрый и высокоинтеллигентный Ломбарди обращался с Бобби, как старший воспитатель. Из Порторожа он писал Регине: «Бобби чистит зубы ежедневно, но с ванной дружит плохо». Он передал свои впечатления о Порторожe:

> «Если вы никогда не видели большой международный турнир, то вам будет интересно узнать кое-что об этом классическом шахматном действе. В нем происходят события, которые напрямую не связаны с самим соревнованием. Турнир по формату, казалось бы, таков, что в нем должна вестись захватывающая борьба, ведь только шестеро победителей выходят в турнир Претендентов. Но всё, как будто, идет *au contraire*. Ощущается колоссальное напряжение. Игроки нервничают, многие попадают в острейшие цейтноты. В

результате, партии не особенно впечатляющие для турнира такого уровня».

Регина написала Джоан, что Ломбарди может плохо повлиять на боевой дух Бобби, если будет скептически оценивать его шансы. «От него этого можно ожидать», — писала Регина. Но нет никаких свидетельств, что Ломбарди, известный своей язвительностью и умением «срезать», негативно влиял на боевой дух Бобби. Напротив, опытный игрок всегда выказывал молодому свою симпатию и уважение, часто посылая ему дружеские записки и делая подбадривающие замечания. Два молодых человека проводили практически всё время каникул вместе, посещая дом Коллинза. Джеймс Т. Шервин, другой американский участник межзонального, вспоминал, что Ломбарди предполагался быть и *его* секундантом. «Бобби особо и не нуждался в услугах Ломбарди, поскольку стили их игры разнились принципиально. Колоссально одаренный Ломбарди был игроком чисто интуитивным и позиционного склада, но подготовлен он намного хуже, чем Бобби. Сила же последнего заключалась, прежде всего, в тактике».

Трудность возникла, когда Ломбарди понадобилось на несколько дней покинуть турнир, чтобы посетить ежегодный съезд ФИДЕ в качестве представителя США. На время Бобби остался без секунданта. У него имелись две отложенные партии, их он проанализировал в одиночку. Он проиграл Олафссону и сделал ничью с Талем.

Из состоявшегося перед турниром его разговора с датчанином Бентом Ларсеном и исландцем Фридриком Олафссоном, Ломбарди запомнились такие замечания относительно своего друга Бобби:

Ларсен: Бобби ребенок, я преподам ему урок.
Олафссон: Не будь таким самоуверенным!
Ларсен: Не волнуйся, я знаю, о чем говорю.

Приведший по настоянию Ломбарди себя в порядок, Бобби отправился на первый тур, одетый в темную рубашку и накрахмаленные брюки-хаки. Его противником был коренастый болгарин Олег Нейкирх, являвшийся одним из самых возрастных участников турнира (44 года) и относившийся, по меркам Бобби, к категории «мелкой рыбешки». Вероятно, из-за непривычности обстановки — первая турнирная партия — Бобби недооценил противника, но к счастью ему удалось «выпросить» ничью, хотя положение Бобби вызывало опасения. Несколько иронично Нейкирх объяснил свое предложение ничьей: «Знаете, неловко

обыгрывать мальчика. Вернусь в Болгарию — засмеют». Но еще менее ловко — *проиграть* мальчику, уточняли злые языки. Газета «Нью-Йорк Уорлд-Телеграм» написала, что ничья Бобби в его первом международном турнире «знаменует собой поворот в истории шахмат».

Игра Бобби отличалась неровностью в первых турах, он только нащупывал почву под своими шахматными ногами. После встречи с Нейкирхом он одну партию выиграл, вторую проиграл, следующую свел вничью. ФИШЕР НЕ В ФОРМЕ В СВОЕМ ПЕРВОМ ТУРНИРЕ — кричал заголовок «Нью-Йорк Таймс». Только в шестом туре, к которому Бобби в трудной борьбе набрал 50 % очков, он встретился, наконец, с одним из шахматных титанов, Давидом Бронштейном из Советского Союза.

Бронштейн выглядел именно так, как должен, по мнению большинства, выглядеть типичный шахматист. Лысый, очки в роговой оправе, часто одетый в черный костюм и белую рубашку, он стал прототипом гроссмейстера Кронштейна в фильме о Джеймсе Бонде «Из России с любовью» (только у Кронштейна имелась шевелюра), и партия, игранная на экране, основана на реальной партии между Бронштейном и Спасским. Но, несмотря на внешнюю серьезность и кажущуюся неприступность, Бронштейн имел дружеский и очень живой темперамент, его любили почти все шахматисты из-за сердечности, огромных шахматных познаний и некоторой интеллектуальной эксцентричности. Его отличал остро атакующий стиль, но за доской он словно впадал в транс. В одной партии он неотрывно смотрел на доску 50 минут, прежде чем сделать ход. Репутация Бронштейна и Смыслова, игравших матчи за звание чемпиона мира с Ботвинником, делала их фаворитами Порторожа (хотя некоторые считали, что и Таль — фаворит). Бронштейн закончил вничью матч с Ботвинником в 1951 году, но тот сохранил свое звание. Правила ФИДЕ требовали от претендента победы в матче для завоевания титула — паритет в пользу чемпиона.

Из-за отсутствия кондиционеров в зале, Бронштейн и Фишер прибыли на игру в рубашках с короткими рукавами: Бронштейн в белой, Фишер — бежевой. Фишер публично заявил перед турниром, что только один игрок может его обыграть — Бронштейн. Бобби очень упорно готовился к отражению атак своего противника.

Места Фишера и Бронштейна за столиком определялись флажками — американский на стороне Бобби, и советский — на противоположной стороне. Фишер начал игру испытанным и глубоко проанализированным оружием — Испанской партией. Он быстро захватил инициативу и организовал давление в центре.

Борьба проходила упорно, и Бобби попал в цейтнот. Пожирали время не разнообразные тактические возможности, но тягучие эндшпильные положения, богатые осложнениями. Он отчаянно хотел выиграть у Бронштейна по многим причинам: чтобы доказать самому себе, что способен на это; доказать другим, и, в первую очередь, участникам, что это ему по силам; продемонстрировать всему миру, что он великий игрок, не хуже прочих. Но часы, часы! Время таяло.

Для ограничения времени на партию (и обеспечения равных условий противникам, чтобы один не мог размышлять часами, а другой — минуты) в турнирах используются специальные часы. На самом деле, даже *двое* часов, у каждого из соперников — свои, что позволяет им распоряжаться отведенным временем по собственному усмотрению. Например, игрок волен потратить на один ход несколько секунд, а на другой — тридцать пять минут, но при соблюдении условия, что все ходы укладываются в определенное турнирным регламентом время. В межзональном турнире отводилось 2,5 часа на первые сорок ходов, и по часу на каждые следующие шестнадцать. Сделав ход, игрок нажимает на кнопку часов, что приводит к их остановке и включению часов противника. Игроки должны вести запись всех ходов, чтобы доказать, при необходимости, что они уложились во временной лимит.

На последний ход у Бобби оставалось всего несколько секунд до падения флажка, что означало бы автоматически поражение. Он сделал еще один ход, и партия была отложена, чтобы возобновиться на следующий день. Этим вечером они с Ломбарди подвергли тщательному анализу позицию, в которой у Бобби и Бронштейна было по ладье, слону и равному числу пешек. Хотя такой тип позиций чаще всего заканчивается ничьей, два американца долгие часы изучали положение, пытаясь найти шансы на выигрыш для Бобби.

На следующий день партия продолжалась еще двадцать ходов: Бронштейн потерял пешку, и начал непрерывно давать шахи королю Бобби, от которых нельзя было убежать. Итогом стала фиксация ничьей ввиду специального правила о повторении позиции — если одна и та же позиция повторяется три раза, не обязательно подряд, автоматически фиксируется ничья.

Давид Бронштейн был одним из сильнейших шахматистов мира в 1958 году, но довольствовался ничьей в сенсационной партии против Фишера, показавшей, что уровень Бобби — мирового калибра.

Некий циник как-то сказал, что самая трудная часть успеха состоит в том, чтобы найти кого-то, кто радуется за вас. Но это не относилось к ничьей Бобби с Бронштейном. В маршалловском шахматном клубе, где игроки анализировали партии межзонального, передаваемые из Порторожа по телеграфу, настроение было близким к ликованию, когда пришло сообщение о ничьей. «*Бронштейн?!*» — едва не вскрикивали зрители, словно советский игрок был Голиафом, а Бобби в роли Давида отвечал фигурой за фигуру, пешкой за пешку. «*Бронштейн?! Гений современных шахмат?!*» Невозможное случилось: 15-летний юноша сумел сделать ничью против второго или третьего шахматиста планеты. Настолько сильным оказался эффект от этой ничьей, что члены клуба стали думать об организации встречи героя, даже если он не отберется в турнир Претендентов. Предлагались тосты к шампанскому. Процесс мифологизации Бобби начался. Кто-то начал рассказывать о том, как он играл с Бобби, когда тот был еще ребенком, или видел, как он играл «Партию столетия», или разделял с ним один хот-дог, запивая апельсиновым соком на Геральд-сквер.

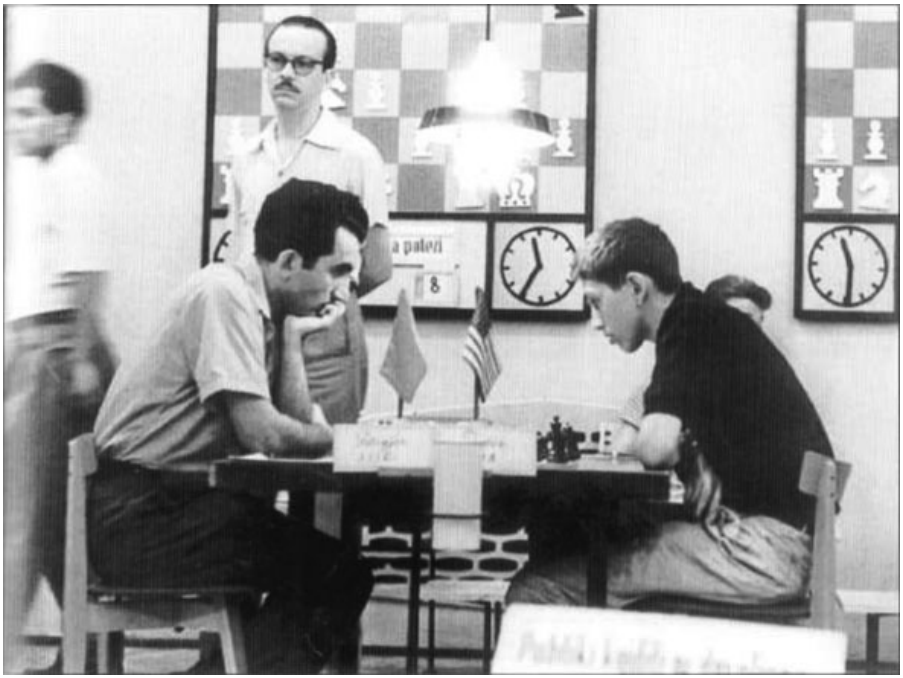
Ожидания драматически изменились, и не только касательно Бобби, но и американских перспектив в целом. Вдруг этот не по годам развившийся бруклинский мальчик не только войдет в число претендентов, но и вообще станет победителем? Быть

может, американские шахматы вознесутся на небывалую высоту на крыльях славы Бобби? Это ведь сам «*Бронштейн!*»

Хотя эта партия состоялась только в шестом туре — из двадцати двух, для Бобби всё дальнейшее происходило на эмоциональном спаде. Он едва мог сохранять концентрацию. В свободные от игры дни во время редких появлений на публике, Бобби докучали любители автографов, просили о совместных фото. Поначалу ему такое внимание нравилось, но постепенно начало раздражать, и вскоре он стал его ненавидеть. По меньшей мере, дважды его окружала толпа фанатов, и оба раза почти в истерике он из нее выбирался. Бобби выработал определенную политику: автографы только *после* партии (если он не проигрывал и не был расстроен своей игрой) и только в течение пяти минут. Иногда после партии он садился в театральное кресло, а к нему сотни людей протягивали программки, на которых он неохотно царапал свою подпись.

В конечном счете, он попросил организаторов отгородить канатом его столик, поскольку вокруг него всегда собиралась толпа зевак и часами наблюдала за ходом партии. Он жаловался, что не может сконцентрироваться. Когда к нему подходили на улице собиратели автографов, Бобби их спрашивал, играют ли они в шахматы, и если узнавал, что нет, то следовал отказ и Бобби с высокомерным видом покидал просителя. Осаждаемый фотографами, газетчиками, охотниками за автографами, он решил положить этому конец: к середине турнира перестал позировать для фото, отказался напрочь давать автографы и отвечать на вопросы.

Если не считать партии с Бронштейном, то нельзя сказать, что турнир протекал для Бобби в точном соответствии с его первоначальными планами. Он проиграл или сделал ничьи с некоторыми из тех, кого считал «мелкой рыбешкой», включая противников из Аргентины, Венгрии и Чехословакии. Но его ничьи против суперзвезды Михаила Таля, соперника по Московскому шахматному клубу Тиграна Петросяна, Светозара Глигорича из Югославии — всё это были реальные достижения, как и выигрыш у датчанина Ларсена. Годы спустя он назовет свою партию против Ларсена одной из лучших в карьере. «Фишер победил с удивительной легкостью» — прокомментировал «Чесс Ревью».



Хотя Бобби сыграл несколько блиц-партий против Петросяна в Москве, эта партия на межзональном турнире в Порторожe в 1958 году — их первая официальная встреча. Соперники разошлись миром.

С Олафссоном Фишер сыграл неудачно. Он не пытался рационально объяснить проигрыш (хотя полагал, что мог выиграть партию). Коллинзу он писал: «Я не должен был проигрывать. Черными я играл по Липницкому [далее приводились ходы]. Во всяком случае, по дебюту я стоял неплохо. Он сбросил [пожертвовал] качество за пешку, но после выигрыша качества я ошибся, и положение уравнялось. Но (снова) я попал в цейтнот и сделал несколько слабых ходов подряд, и в отложенной позиции у него были две лишние связанные проходные, которые уже было не остановить».

В последнем туре Бобби играл с Глигоричем, одним из сильнейших шахматистов мира, если не считать советских. Если он проигрывал эту партию, а все другие, отставaвшие от него на пол-очка, выигрывали свои, то не попадал в турнир претендентов. Количество уже набранных очков гарантировало Глигоричу место в турнире Претендентов, поэтому он легко мог предложить Бобби «гроссмейстерскую» ничью и успешно завершить турнир. Но он начал играть на победу, пожертвовал коня и в итоге получил за него три пешки. Бобби попал под сильнейшую атаку, но на каждом ходу находил лучшее продолжение. На 32-м ходу

Глигорич поднял глаза от доски и спросил: «*Remis?*». Фишер знал, что это французское слово означает «ничью», и немедленно согласился. «Никто не может пожертвовать фигуру Фишеру», — заявил он несколько хвастливо, и слегка улыбнулся.

Ничья обеспечила Фишеру попадание в выходящую шестерку, он стал самым молодым игроком в истории шахмат, которому удалось стать претендентом, и самым молодым международным гроссмейстером. Кое-кто даже называл его шахматным Моцартом. Обычно сдержанная в своих шахматных комментариях, «Нью-Йорк Таймс» восхищенно приветствовала Бобби в редакционной статье:

> БРАВО, БОББИ ФИШЕР
>
> Любители шахмат США поздравляют Бобби Фишера, и мы радуемся вместе с ними. 15-летний бруклинский парень стал самым молодым в истории шахмат международным гроссмейстером и отобрался в турнир претендентов, который состоится в будущем году и определит, кто встретится с Михаилом Ботвинником в матче за звание чемпиона мира. Все те, кто следил за игрой Фишера в Югославии, понимают, — он дал превосходные партии, проявил смелость и решительность, которые сделали бы честь мастеру, вдвое его старше. Мы им гордимся.

Хотя Бобби находился за пределами США всего два месяца, он не ограничился только шахматными успехами. Бобби заметно возмужал. Когда журналист в Порторожe спросил его, думает ли он о возможном матче с чемпионом мира, Бобби ответил: «Конечно, я хотел бы сыграть с Ботвинником. Но еще не время говорить об этом. В следующем году состоится турнир претендентов, рано думать о матче с Ботвинником». Подумал еще мгновение и добавил: «Но одно ясно — я не собираюсь становиться шахматным профессионалом».

Бобби чувствовал себя марионеткой в чужих руках и в Москве, и в Порторожe, и 400 долларов, полученные за целый месяц труда в межзональном турнире («Каждая партия в шахматы — это как пятичасовой экзамен», — говорил он.) его разочаровали. Тот факт, что он стал международным гроссмейстером и мог бороться за титул чемпиона мира, придавал его труду некоторую завершенность, но Бобби начал сильно сомневаться, что шахматами можно зарабатывать на жизнь. В СССР шахматные мастера жили комфортно, получая поддержку от государства, но разве мог обычный шахматист жить на призовые деньги. В США *было* несколько профессиональных

шахматистов, но никто из них не полагался исключительно на призовые. Хлеб насущный они зарабатывали, давая сеансы, уроки, создавая гостиные, продавая шахматные комплекты и путем написания книг и журнальных статей, больших доходов не приносивших.

Это была жизнь без гарантий.

Бобби встретили в аэропорту «Айдлвайл» (впоследствии переименованном в международный аэропорт Джона Ф. Кеннеди) его мать, сестра Джоан и Норманн Монат, редактор из Симон & Шустер, почти подготовивший первую книгу Бобби с его комментированными партиями, названную «Партии Бобби Фишера». «Худой, как щепка», — произнесла Регина при виде знаменитого сына, и едва не заплакала. Все четверо загрузились в лимузин и по дороге в Бруклин Монат рассказывал Бобби о книге, спрашивая, не стоит ли чуть задержать ее выпуск, дабы включить еще и партии из межзонального. В своей оригинальной концепции книга должна была содержать тринадцать партий и имела рабочее название «Тринадцать партий». Идея была в том, чтобы упор сделать на выступлении Бобби в чемпионате США 1957 года, причем все партии из него давались с примечаниями тинэйджера. Позднее добавили «Партию столетия» из 1956 года. При включении партий межзонального турнира книга приобретет необходимую солидность, и, вероятно, будет дороже стоить. Даже с партиями межзонального объем книги составлял всего 96 страниц. «Тринадцать партий», если она оставалась в прежнем варианте, по объему едва превышала бы брошюру.

По прибытии в Линкольн-плейс Бобби взлетел к себе через три лестничных пролета, распаковал сумку, отдал матери шарф, купленный в Брюсселе («Выглядит по-континентальному», — коротко бросил он, когда она его примеряла) и спустя двадцать минут вышел из дома. Монат подвез его к дому Коллинза, и через несколько секунд Бобби и Джек уже анализировали его партии из турнира. Бобби оставался у него долго, вскоре начали прибывать гости, чтобы поздравить его, что-то съесть и обсудить поражения от Бенко и Олафссона. Вечер увенчала дюжина пятиминуток, сыгранных Бобби почти со всеми из присутствующих, по очереди.

С опозданием на несколько дней Бобби пошел в «Эразмус»-школу, и поскольку пять курсов были особенно трудными — с каждым из них была связана необходимость сдавать еще и регентские экзамены, он очень быстро отстал. Но школьные преподаватели отнеслись к нему более чем мягко, и вместо критики ввиду посредственности некоторых его работ наградили золотой медалью за то, что он стал самым молодым гроссмейстером в истории шахмат. Кроме того, о Бобби

рассказала школьная газета «Датчмен», укрепив его статус школьника-знаменитости.

Через шесть дней после возвращения Бобби в США маршалловский клуб осуществил свое намерение и организовал в его честь прием, на котором присутствовало более ста гостей. Президент клуба д-р Эдуард Ласкер приветствовал всех, а затем приступил к длинному перечислению достижений Бобби, к чему сам виновник торжества остался вполне равнодушен. Он играл в это время в быстрые шахматы на боковом столике с несколькими молодыми мастерами.

Наблюдать за тем, как Бобби играет блиц, само по себе было интересно, даже если отставить в сторону глубину партий. Для него такая игра была подобна уличному баскетболу: допускался «звон». За доской, играя блиц, Бобби был в своей стихии, как Майкл Джордан, взмывающий к кольцу. Он щелкал костяшками пальцев и начинал веселую стратегию запугивания:

«Кого ты хочешь обыграть? Меня?!»

«Хрусть! Цап!»

«Да я тебя раздавлю, *раздавлю*!»

[С фальшивым русским акцентом) «Ты есть таракан. Я — слон. Слон наступай на таракан».

Он поднимал фигуру и едва ли не метал ее на нужное ноле, словно дротик в глаз быка; и она, как заколдованная, опускалась ровно в центр клетки. У него были длинные, проворные пальцы, и когда он делал ход, рука сбрасывала фигуру с изяществом пианиста, исполняющего классическое произведение. Если он делал слабый ход, что случалось нечасто, то выпрямлялся, втягивал воздух, а затем издавал звук, похожий на шипение змеи. В нескольких случаях, когда он проигрывал, то толкал с негодованием фигуры в центр доски, его ноздри раздувались, словно от дурного запаха. Он утверждал, что может определить силу игрока по тому, как тот передвигает фигуры. Слабые обращались с ними неловко и неуверенно, сильные действовали уверенно и изящно. Иногда в пятиминутке Бобби вставал и уходил к автомату с содовой, покупал себе безалкогольный напиток и возвращался к столику, «потеряв» 2–3 минуты. И всё равно выигрывал.

Через неделю Бобби снова посетил маршалловский клуб, чтобы принять участие в еженедельном блиц-турнире, окрещенном «Вечерний “рапид” во вторник» в знак уважения к скоростной системе метро Нью-Йорка. Бобби поделил 1-е место с Эдмаром Меднисом, оба набрали по 13,5 очков. Забавно, но единственное поражение Бобби нанес его ментор Джек Коллинз.

Отношения у них были непростыми. Для Коллинза Бобби

представлял собой вторую реальность — карьера мальчика давала ему «законный» шанс вознестись на тот уровень шахмат, который иначе оставался для него недоступным. Но Коллинз также выказывал по отношению к мальчику отцовские чувства, гордясь его достижениями. Он хотел видеть в Бобби приемного сына.

Бобби смотрел на их отношения иначе. Он не считал его вовсе заменой отцу, но видел в нем друга, несмотря на тридцать пять лет разницы. Его сестра Этель также виделась ему подругой, и он иногда проявлял к ней больше тепла. Бобби всегда чувствовал себя с ними комфортно, и однажды, когда Регина отправлялась в свой очередной длительный вояж, Этель предложила, чтобы Бобби пожил у них. Их квартира была небольшой по американским стандартам, — даже для двух людей. Добавить третьего было бы чересчур, так что идея ничем не кончилась.

Но Коллинз не догадывался, что у него за спиной Бобби позволял себе иногда язвить на его счет. Критика носила чисто шахматный характер. Несмотря на то, что Коллинз изредка обыгрывал Бобби в блиц и даже в тренировочных партиях с часами (в официальных серьезных турнирах они никогда не встречались), мнение Бобби о классе игры ментора — и это часто случалось не только с Бобби, но и другими шахматистами — напрочь стало привязанным к его официальному рейтингу.

«Какой твой рейтинг?» — один из первых вопросов, задаваемых игроками при знакомстве, и тот, у кого рейтинг меньше, должен быть готов к снобистской реакции и даже к тому, что его станут избегать, как человека другой касты. Рейтинг Фишера достигал отметки 2780, рейтинг Коллинза никогда не превышал 2400 — космическое расстояние, делавшее результат предсказуемым. Если бы разница их рейтингов была небольшой, вероятно, Бобби относился бы к Коллинзу с бóльшим уважением. Раймонд Вайнштейн, сильный международный мастер и ученик Коллинза писал, что он испытывал благоговейный страх перед учителем, пока не услышал злые ремарки по его адресу из уст Фишер.

В дополнение к разнице в рейтингах, Бобби не нравилось, что Коллинз получал паблисити, как его учитель, и что толпы шахматистов стремились попасть к нему на уроки в надежде стать новыми Фишерами. Бобби, вероятно, по причине нужды, испытанной в детстве, ненавидел, когда другие делали деньги на его имени. Как выразился однажды нью-йоркский мастер Аса Хоффманн: «Если кто-то готов заплатить 50 долларов за автограф Бобби Фишера, и вы собираетесь привести за 5 баксов этого

собирателя к нему, Бобби захочет и эти 5 баксов, иначе откажется и от 50-ти».

Глава 5
Гладиатор Холодной войны

Михаил Таль был известен своим неприятным буравящим взглядом, некоторым он казался зловещим. Глубоко посаженными, почти черными глазами он буквально впивался в противника, словно — как кто-то искренне считал — стараясь гипнотическим воздействием вынудить его ошибиться. Американец венгерского происхождения Пал Бенко однажды нацепил солнечные очки, играя с Талем, в качестве защитной меры.

Но Таль не нуждался в уловках. 23-летний уроженец Латвии играл блестяще. Двукратный чемпион СССР, он победил в 1958 году на межзональном турнире в Порторожe и являлся фаворитом в споре за право на матч против чемпиона мира Михаила Ботвинника, намеченного на 1960 год. Партии Таля полнились дикими, вдохновенными комбинациями, интуитивными жертвами и вообще «пиротехникой». Привлекательной наружности и начитанный, весь — сгусток энергии, латыш стремился понравиться публике и являлся ее любимцем. Его правая рука была деформирована, но это никак не влияло на его уверенность в себе.

Фишеру самоуверенности также было не занимать, но стилем он обладал совсем другим: прозрачным, кристально-чистым, экономным, конкретным и рациональным. Дж. Доннер, голландский гроссмейстер внушительных габаритов, отметил этот контраст: «Фишер — прагматик и техник. Он почти не делает ошибок. Его позиционные суждения бесстрастные, почти пессимистические. Стиль Таля более творческий, его безграничная вера в себя — опасна, ему нужно помнить об этом и не “зарываться”».

Европейцы, следившие за подготовкой к турниру претендентов, с симпатией относились к Бобби, но по другим причинам: американец просто не мог так *хорошо* играть в шахматы, как он. Тем более, в 16 лет! В Югославии, обожавшей шахматы, он стал диковиной, его осаждали любители автографов и интервьюеры. Долговязый, с походкой вразвалку, одетый в стиле, который некоторыми европейцами воспринимался как западный или техасский, он удостоился такого газетного определения: «лаконичен, как герой старого ковбойского фильма».

Бобби вытерпел взгляд Таля, когда они впервые встретились

за доской в Порторожe. Та партия закончилась вничью. Совсем недавно в Цюрихе, за три месяца до кандидатского шоу, они вновь сыграли вничью — Бобби пришел третьим, отстав на очко от занявшего первое место Таля. Но теперь ставки были слишком высоки — по результатам турнира определится тот, кто сыграет матч на первенство мира — и Бобби не собирался допускать, чтобы взгляд-«дурное знамение» заговорил его судьбу.

Турнир претендентов, проводившийся в трех югославских городах под патронажем диктатора маршала Иосипа Тито, большого любителя шахмат, игрался по круговой системе в четыре тура. В нем участвовали восемь сильнейших шахматистов планеты, стало быть, каждому предстояло сыграть с каждым из соперников по четыре партии, причем цвет фигур всякий раз менялся. Турнир должен был длиться более шести недель при очень напряженном графике. Четверо участников — Михаил Таль, Пауль Керес, Тигран Петросян и Василий Смыслов — представляли Советский Союз, трое других — Глигорич, Олафссон и Бенко — безусловно, принадлежали к элите мировых шахмат. Фишер был единственным американцем, и многим казался темной лошадкой. В одном интервью — в момент юношеской бравады — он заявил, что собирается выиграть турнир. Леонард Барден, британский шахматный журналист, утверждал, что Фишера так часто спрашивали о том, какое место он надеется занять, что он выучил сербо-хорватское слово *prvi* — первое.

Секундант Бобби, великий датчанин Бент Ларсен, которому было положено — «по штату» — помогать «нанимателю», выступая в роли и ментора, и тренера, неожиданно подверг критике победный настрой Бобби, возможно, всё еще чувствуя боль от разгрома, учиненного ему Бобби в Порторожe. Не являясь человеком, который держит свои мысли при себе, он сообщил Бобби: «Большинство думает, что с тобой неприятно играть». И добавил: «Ты странно ходишь», — походка Бобби, который словно раскачивался на длинном шаге, осталась от его спортивного прошлого: годы плавания, тенниса и баскетбола. И, не желая хоть что-то оставлять за кадром, заключил: «И ты некрасив». Бобби остался в убеждении, что Ларсен не шутил, и что обидные слова — «ранили». Его самооценка и уверенность в себе ощутимо просели.

Но это не сделало вундеркинда менее боевитым.

Всё еще чувствуя обиду от того, как с ним обращались в Москве год назад, Бобби примерял для себя роль гладиатора Холодной войны. Он даже заявил, что почти все советские игроки в турнире — его враги (исключение он сделал для рыжеволосого

Смыслова, разговаривавшего с ним мягко и вежливо). Годы спустя из документов, обнародованных КГБ, выяснилось, что Бобби не ошибался. Один русский мастер — Игорь Бондаревский — написал, что «все четыре советских противника [Фишера] делали всё, что было в их силах, дабы наказать выскочку». Большие друзья Таль и Петросян все четыре партии между собой завершили короткими ничьими, сохраняя энергию. Хотя в так называемых гроссмейстерских ничьих (в них противники не борются, а просто делят очко на двоих после полутора десятка бессодержательных ходов) и нет ничего незаконного, но они граничат с беспринципностью.

Бобби со своей стороны был исполнен яростной решимости перед предстоящими сражениями: «Я преподам этим грязным русским такой урок, который они долго будут помнить», — писал он из отеля «Топлице». Эта решимость отбросит тень на весь его крестовый поход длиною в жизнь.

Перед началом первой партии против Татя в Бледе Бобби уже сидел за столиком, когда точно по расписанию появился 23-летний Миша, чтобы начать игру. Бобби приподнялся, Таль протянул ему правую руку. Эта рука у Таля была сильно деформирована, на ней имелось только три пальца, и поскольку запястье было очень тонкое, рука напоминала клешню. Бобби, к его чести, на это внимания не обратил. Он дважды потряс руку Таля, и партия началась.

Через несколько ходов настроение Бобби испортилось. Ему перестало нравиться поведение Таля за доской и вне ее. На этот раз «пристальный взгляд» его раздражал. Таль, словно нарочно стараясь еще сильнее вывести Бобби из себя, изображал на лице легкую улыбку недоумения после каждого хода противника, словно желая сказать: «Глупый малыш, я знаю, что у тебя на уме — смешно думать, что ты можешь меня перехитрить!»

Бобби решил использовать тактику Таля против него. Он тоже пристально смотрел на Таля и даже пытался копировать улыбку презрения. Но через несколько секунд он покончил с войной взглядов и сконцентрировался на более важных вещах: событиях на доске, перспективных вариантах и способах отражения комбинации, которую Таль, похоже, замыслил.

Таль представлял собой энциклопедию кинетического движения. Дело нескольких секунд — переставить фигуру, записать ход на бланке, придвинуть голову к часам, чтобы уточнить время, состроить гримасу, улыбнуться, поднять брови и — слова Бобби — «скорчить рожу». Затем он вставал из-за столика и начинал прохаживаться по сцене, пока Бобби думал. Тренер Таля, Игорь Бондаревский описывал передвижения своего

подопечного, как «кружение стервятника вокруг столика», — стервятника, надо полагать, готового броситься на добычу.

Таль был заядлым курильщиком, он мог выкурить целую пачку сигарет за одну партию. У него также имелась привычка класть подбородок на край стола и смотреть *сквозь* фигуры на позицию, бросая взгляды украдкой на противника, а не сидя вертикально, и направляя на доску свой немигающий птичий взор, что давало лучший обзор происходящего в партии. Причудливый язык тела соперника Фишер истолковал, как попытку вывести его из себя.

Жесты и взгляды Таля бесили Фишера. Он пожаловался арбитру, но понимания не нашел. Когда бы Таль ни отходил от доски, пока Фишер думал над своим ходом, он обязательно вступал в разговоры с другими советскими участниками, — им доставляло удовольствие шепотом обсуждать ход борьбы на всех досках. Хотя Бобби немного знал русский язык, в падежах он путался. Он слышал, например, слова ferz («ферзь») или lad'ya («ладья»), и не мог понять, говорил Таль об их партии или нет. Это выводило его из себя. Бобби не мог уразуметь, почему главный арбитр не прекратит эти беседы, ведь они запрещены правилами, и он передал организаторам, что Таля нужно изгнать из турнира. Но… советские игроки десятилетиями разговаривали друг с другом во время игры, и никто не жаловался — и этот факт работал против Фишера.

Фишера возмущало также и то, что по окончании партии многие участники немедленно приступали к совместному с противником анализу окончившейся партии прямо на сцене всего в нескольких шагах от него, а не в специальной комнате. Шум отвлекал его внимание. Он написал жалобу и передал ее главному арбитру:

> *Анализ противниками оконченной партии должен быть запрещен, чтобы не создавать помех играющим. По завершении партии Рефери обязан немедленно убрать фигуры со столика, дабы не допустить анализа. Организаторам предлагается подготовить специальную комнату для анализа «post-mortem». Комната должна быть звукоизолирована, чтобы шум не доносился до продолжающих игру.*
>
> *Роберт Дж. Фишер, международный гроссмейстер*

Но реакции не последовало. Никто из других участников не присоединился к протесту, поскольку все они занимались тем,

против чего протестовал Фишер.

Бобби быстро завоевал репутацию вечного жалобщика, «Вздорного американца» и большинству его поведение пришлось не по вкусу. Они считали, что в своих поражениях он просто ищет виноватого — будь то турнирный комитет, или другие участники.

Неизвестно, отличался или нет Фишер гиперчувствительностью, но он явно страдал из-за гиперслуха — острая чувствительность к шуму и даже удаленным звукам — и было заметно, что Таль, например, ловко действовал ему на нервы. Русский мог посмотреть на Бобби с близкого расстояния или издали, и начать смеяться, а однажды в общей комнате он указал на него и громко произнес: «Бобби, ку-ку!» Бобби едва не заплакал. «Почему Таль сказал мне “ку-ку?”» — спрашивал он, и в первый и, наверное, единственный раз за всё время Ларсен попытался его утешить: «Не обращай внимания». Он сказал Бобби, что тому следует искать возможности отреваншироваться… за доской. После этого местная газета опубликовала карикатуры на всех участников, и даже изготовила сувенирную открытку. Портрет Бобби получился особенно острым, с оттопыренными ушами и открытым ртом, что делало его похожим на… кукушку.

И, понятное дело, рядом с портретом Бобби присутствовала маленькая птичка, устроившаяся на шахматной доске. Понятно, кукушка.

Зрители, игроки и журналисты начали интересоваться у Бобби, как он может два школьных месяца — сентябрь и октябрь — проводить, играя в турнире. Наконец, правда раскрылась: он бросил «Эразмус-холл». Подпись под согласием на пропуск школьных занятий 16-летнего юноши стала ударом для Регины. Она надеялась, что ей удастся уговорить его вернуться в школу в будущем — по окончании турнира. Пытаясь убедить его изменить решение, помощник директора школы Грейс Кори написала ему в Югославию письмо, в котором спрашивала, что он думает о регентских экзаменах штата Нью-Йорк. У него неплохие оценки по испанскому (90 %), и по геометрии (97 %), что означает «удачный год».

Но какие бы оценки — хорошие или плохие — ни получал Бобби, имидж его уже сформировался. Что он бросил школу, а значит, у него нет образования, знали все, и русские стали считать Фишера *nyeculturni* и принялись его дразнить. «Что ты думаешь о Достоевском, Бобби?», — спрашивал один. «Ты — утилитарист?», — вопрошал другой. «Хотел бы ты встретить Гёте?» Они не знали, что Бобби много читал не только в средней школе, но и для собственного удовольствия. Ему нравился

Джордж Оруэлл, и годами он имел под рукой «Скотный двор» и «1984». Впечатление произвел «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда. Любимой книгой был «Кандид» Вольтера, и он часто вспоминал комичные сцены из этого романа. Таль спросил Бобби, приходилось ли ему бывать в опере, и когда Бобби тут же напел арию из «Кармен» Бизе, русский на время умолк. Бобби посетил незадолго до поездки в Европу французскую оперу с матерью и сестрой в «Метрополитан-опера» в Нью-Йорке. У него имелась книга с рассказами о великих операх, и он заглядывал в нее время от времени.

Но, к несчастью — и это не имело отношения к вопросу об уровне его культуры — Бобби играл в турнире поначалу неудачно. Он сильно расстроился, проиграв две партии Талю, не упускавшему случая обидно уколоть молодого противника. Перед их третьей партией Бобби подошел к Александру Кобленцу, одному из тренеров Таля, и тихим, но максимально угрожающим тоном, произнес: «Если Таль не будет себя вести прилично, я выбью ему все передние зубы». Таль продолжил свои провокации, и Фишер потерпел третье поражение.

Возникла ситуация, в которой такой молодой шахматист, как Бобби, мог безвозвратно рухнуть в бездну поражений. Но он сумел взять себя в руки, и, несмотря на поражения, вернул оптимистическое настроение. Он нашел успокоение в абстрактном мире Льюиса Кэрролла, где всё навыворот. Он писал: «Я теперь в хорошем настроении, и у меня отличный аппетит. [Как] в “Алисе в стране чудес”. Помните? Красная королева кричала *перед* тем, как соринка попала ей в глаз. У меня хорошее настроение *перед тем*, как я выиграю все оставшиеся партии».

«Сходим в кино?» — предложил Дмитрие Белица однажды вечером накануне партии со Смысловым. Белица — югославский шахматный журналист, получивший на телевидении национальную известность в качестве футбольного комментатора. Он сдружился с Бобби в Порторожe и, относясь с пониманием к его жалобам, полагал, что поход в кино поможет Бобби отвлечься. Так получилось, что в Белграде демонстрировался только один фильм на английском языке с названием «Жажда жизни» — красочный биографический фильм о полубезумном голландском художнике Винсенте ван Гоге.

Бобби принял приглашение и сразу после сцены, в которой ван Гог отрезает себе ухо после глупой ссоры с Полем Гогеном, Бобби повернулся к компаньону и прошептал: «Если завтра не выиграю у Смыслова, отрежу *себе* ухо». Фишер блестяще руководил черными фигурами на следующий день и выиграл первую партию у русского экс-чемпиона мира. Параллель линий

жизни Фишера и ван Гога доходит только до этого момента, ухо Бобби осталось на месте.

Дальнейшее происходило по шаблону, причем не лучшему для Бобби: если он у кого-то выигрывал, то на следующий день обязательно проигрывал. Он победил Бенко, но затем проиграл Глигоричу. После победы над Фридриком Олафссоном, новое поражение от Таля. Бобби понял, что шансы на завоевание титула стремительно тают, но ему вовсе не хотелось заканчивать, как Терри Маллоу — герой Марлона Брандо в одном из самых любимых фильмов Бобби «На берегу» — «с билетом в один конец до Палукавилля».

Бобби проигрывал партии, которые мог свести вничью, и делал ничьи там, где мог выиграть. Он похудел на десять фунтов, и не из-за плохого аппетита. Гостиничный доктор прописал ему тоник, который никак не улучшил состояние «больного». Его дорожные деньги очень сильно уменьшились после потери семи чеков путешественника, и получить у матери новые оказалось непросто. Однажды он даже назвал ее «мерзкой» за то, что она отказалась восполнить недостающие средства. «Ты знаешь, что я очень экономно трачу деньги», — жаловался Бобби. Ларсен, по его мнению «угрюмый и неотзывчивый», продолжал сеять в нем сомнения, убеждая в том, что он может рассчитывать только на место в низу турнирной таблицы. Когда Ларсен повторил это публично, и слова его напечатала белградская газета «Борба», Бобби обуял гнев он чувствовал себя униженным. Ларсен был его секундантом, ему платили 700 долларов — эквивалент нынешних 5000, и Бобби ожидал, что тот будет его подбадривать, и уж во всяком случае, не станет исполнять на публике роль Кассандры.

Он проиграл Талю, но некоторые его партии заслужили высокую оценку. Гарри Голомбек, главный судья, сказал, что Фишер усиливает свою игру с каждой партией, и что, по его мнению, «если бы турнир продолжался 56 туров вместо “всего лишь” 28-ми» Бобби занял бы место гораздо выше. «Таль ему еще “не но зубам”, но его две победы над Кересом и равный счет со Смысловым достаточно ясно говорят о высоком классе».

Чемпион мира Михаил Ботвинник поставил неправильный диагноз юному американцу, написав: «Сильные и слабые стороны Фишера в том, что он верен себе и всегда играет одинаково, вне зависимости от того, кто сидит против него или других внешних факторов». Действительно, Фишер редко изменял своему стилю, и это давало его соперникам некоторый плюс, поскольку они знали наперед, какие дебюты он применяет, но Ботвинник не догадывался о той ярости, которая обуяла Фишера из-за разрушительной атмосферы, созданной Талем.

Бобби начал плести заговоры. Таля требовалось остановить, если не за доской, то каким-то иным образом. Таль, считал он, умышленно применяя непорядочные приемчики, заставил его проиграть три партии подряд, украв у него первое место: «Его жульничество лишило меня матча с Ботвинником», — писал он матери.

Был ли это клинический случай паранойи или просто детской фантазией, трудно сказать, но Бобби стал вынашивать планы — и даже переносить их на бумагу — репрессалий против Таля: «Может, стоит ткнуть ему в глаз — или в оба жучиных глаза — ручкой? Или лучше отравить? Я могу пробраться в его комнату в отеле “Эспланада” и насыпать яду в стакан». Несмотря на мечты о мести, которые в реальность не воплотились, играл он с доблестью в их четвертой по счету партии, которую журналистам обещал выиграть вне зависимости от того, на какие хитрости пустится Таль на доске и за ее пределами.

Бобби даже применил психологический трюк, несмотря на свое часто цитируемое высказывание: «Я не верю в психологию — я верю в сильные ходы». Обычно он сначала делал ход на доске, переключал часы и затем записывал ход на бланке. В этой партии на 22-м ходу он внезапно изменил процедуру, и сначала записал ход на бланке, причем использовал русскую систему нотации. Затем он подвинул бланк так, чтобы Таль смог увидеть написанное, и, пока часы его тикали, наблюдал за реакцией Таля.

Таль с атипичным лицом покерного игрока, увидел на бланке, как он полагал, выигрывающий за Фишера ход, и… вот что он написал позднее: «Мне бы очень хотелось, чтобы он изменил свое решение. Поэтому я спокойно встал со стула и начал прогуливаться по сцене. Я пошутил с кем-то [с Петросяном], бросил случайный взгляд на демонстрационную доску и вернулся на место с довольным выражением на лице». Поскольку Таль сохранил довольный вид. Фишер посчитал ход неудачным. Он перечеркнул его на бланке и сделал на доске другой, объявив шах королю Таля. Этот ход оказался ошибкой.

Бобби закрыл глаза, чтобы нейтрализовать талевские фокусы — ему не нужно было смотреть на доску, позиция отпечаталась у него в мозгу — и попытался блокировать все отвлекающие факторы. Он сконцентрировал всю энергию на нахождении единственного хода или варианта, тактической «фенечки», которая позволила бы ему выплыть из темных вод сумбура, борясь с искушением переставить фигуру или пешку на фатальное поле.

Но ничего не получалось. Он проигрывал. Трагедийно, эмоционально, экзистенциально, это была шахматная смерть. Он

плакал и даже не прятал своих слез. Таль выигран четвертую и последнюю их партию, а с ней и турнир. Эта победа приведет его на шахматный Олимп.

«Я люблю ночной мрак, он помогает сконцентрироваться», — однажды заметил Бобби. Сестра вышла замуж, Регина отправилась с маршем мира из Сан-Франциско в Москву, и бруклинская квартира осталась в его полном распоряжении — прекрасное ощущение. С ним была только его собака Хоппи, тихая хромая дворняга, единственный компаньон. Одинокий тинэйджер, его мысли и поступки ничто не ограничивало, ни семейные, ни социальные устои. Его не заставляли часто менять простыни в постели, а чтобы менять перспективу, он чередовал спальные места. Рядом с каждой постелью, покоясь на стуле, стоял шахматный комплект. Падая вечером на выбранную постель, он смотрел на доску, и в голову ему приходили мысли: посмотреть атаку четырех пешек в Староиндийской защите, доставлявшей ему трудности в быстрых шахматах? Или поработать над эндшпилем, особенно таким трудным, как ладейно-пешечный? А может быть, посмотреть какие-то партии (из тринадцати сотен) шахматистов высокого уровня, сыгранные на мюнхенской олимпиаде 1958 года?

Подобные вопросы посещали Бобби каждый вечер перед сном, прерываясь только на 45 минут, когда транслировалась его любимая радиопередача.

Полька «Путь открыт!» Эдуарда Штрауса — звук трубы к открытию гоночной калитки, эта ударная преамбула будила его, если он начинал клевать носом. Песня-заставка для ток-шоу Жана Шеферда была записана Артуром Фидлером и Бостонским симфоническим оркестром, и посыл всадника передавался Бобби, настроение улучшалось, как только он слышал первые звуки. «Похоже на цирковую музыку», — однажды произнес Бобби, находясь в приподнятом настроении, и это один из самых живых танцев, созданных сыном Иоганна. Но для Бобби важна была не музыка. Его завораживало само бранно-ворчливое ток-шоу, которое вел юморист Жан Шеферд.

Бобби не просто любил шоу, он был его фанатом. Когда в 1956 на WOR-радио оно впервые появилось в эфире — описываемое как симбиоз «кабуки» с «комедия-дель-арте» — Бобби слушал почти каждый выпуск, если находился в Нью-Йорке. Шеферд стал его благоприобретенным вкусовым ощущением: ведущий рассказывал в форме новелл о своем детстве на Среднем западе, армейских годах и взрослых приключениях в Нью-Йорке. Он сыпал шутками, затягивал

ужасным голосом канувшие, казалось, в небытие песни «салунов», играл на казу — музыкальном инструменте самого низкого порядка. Большинство шоу проходило весело, некоторые настолько мрачно, что казались почти маниакальными. У него был разученный смех — не гогот, скорее, псевдо-гогот, из-за которого он казался не вполне нормальным. Ведущий подавал себя как современного Марка Твена или Дж. Сэлинджера. Его рассказы имели второй план, *мессидж*, и их можно было рассказывать снова и снова.

Бобби посылал Шеферду записки, посещал живые представления, которое радио давало в кофе-хауз «Лаймлайт» в Гринвич-виллидж, посещал его студию на 1440, Бродвей. После шоу они вдвоем следовали установившемуся ритуалу — шли два квартала на север, поедали хот-доги у Гранта на углу Бродвея и 42-й улицы, рядом с «Центром мира», Таймс-сквер. Шеферд вспоминал, что они говорили мало, просто ели. Однажды Бобби рассказывал об игроке, с которым ему предстояло встретиться в турнире, и повторял снова и снова, «он тупой», но так и назвал его по имени и не объяснил, почему о нем такого мнения.

Время от времени Шеферд упоминал Фишера в своем эфире. Хотя он и не играл в шахматы, его восхищала сама *идея* «Бобби Фишер» и та цель, которую тот стремился достичь. «*Бобби Фишер*», — шептал он заговорщицки, словно говорил только с одним человеком, а не с десятками тысяч. — «Просто *представьте*. Приятный малый, великий шахматист, может быть, самый великий из всех, когда-либо живших на свете. Когда он играет в шахматы, он… *гадок*! Он *реально* гадок!» Несколько раз Шеферд помогал осуществлять акции по сбору денег для Шахматной Федерации США, являющейся некоммерческой организацией. Он делал это ради Бобби.

Бобби больше нравилось слушать радио, чем смотреть телевизор. Одним из его преимуществ было то, что радио не мешало смотреть на доску. Он где-то услышал, что телевизор испускает вредные лучи, и потому побаивался сидеть против вездесущего экрана слишком часто. Ему нравилась интимность радио. Когда Шеферд вел свою программу, Бобби приглушал свет в комнате и вступал в одностороннюю беседу, смягчавшую его одиночество. Наедине с мерцающей желтым светом шкалой настройки приемника, шахматной доской, расположенной под рукой, шахматными книгами и журналами, разбросанными по комнате, он отпускал свои мысли в свободное плавание.

Когда шоу заканчивалось, Бобби принимался крутить ручку приемника, стараясь найти другие шоу, другие программы. Иногда он останавливался на поп-музыке, которая, если

уменьшить громкость, тоже позволяла сконцентрироваться на шахматном анализе. Иногда он слушал ночных проповедников, часто фундаменталистского толка, которые читали свои проповеди и говорили о значении и разных интерпретациях Библии.

Заинтригованный Бобби стал всё чаще слушать религиозные радиопрограммы, такие как «Час решения» Билли Грэхема, который в проповедях призывал слушателей отказаться от мирской жизни и найти спасение во Христе. Еще Фишер слушал «Час лютеранина» и «Музыка и слово изреченное», а также вдохновительные сообщения мормонского хора из молельного дома Табернакл. По воскресеньям Бобби привык слушать радио целый день, перескакивая с одной программы на другую. В один из таких дней переключений он нашел то, что искал: программу харизматического Герберта В. Армстронга на так называемом «Радио церкви Бога». Это была плотная церковная служба, включавшая в себя песнопения и гимны, а также проповедь Армстронга, часто о естественности и практичности евангелий. «Он казался таким искренним», — впоследствии вспоминал Бобби. «Он обладал всеми основными достоинствами: верностью Богу, трудолюбием, упорством, умением не отступаться от цели. Он упрям и настойчив». Это были те самые качества, которые Бобби привнес в шахматы. Ему захотелось узнать больше.

Один из догматов веры Армстронга состоял в том, что человек не должен верить в ту миссию, которую возложили на себя врачи. В проповеди, впечатлившей Бобби, Армстронг говорил:

Мы недостойны брать преломленный хлеб, если берем его на святом причастии и затем верим в докторов и медицину, а не во Христа — тем самым ставя другого бога выше Его! Многие больны и многие умрут!

Если Господь — Целитель — *единственный* истинный Целитель — и если медицина происходит из древней языческой практики знахарей, находившихся в милости у воображаемых богов медицины, то значит, нет тогда необходимости во врачах?

Да, я в этом уверен. Но если бы все люди поняли и восприняли божественную истину, то роль врачей сильно бы отличалась от их сегодняшней роли. Нет излечения в целом вагоне, да что в вагоне, в целом поезде медицинских препаратов! Почти все недуги и болезни — результат ложных диет и неправильного питания. Истинная роль врача состоит не в узурпации прерогативы Бога, как Целителя, но в помощи в соблюдении законов природы путем предписания правильной диеты и обучения нас, как правильно жить *в согласии с законами*

природы.

Убежденный аргументацией Армстронга, Бобби купил копии его проповедей и начал рассылать их своим друзьям.

«Радио церкви Бога» Армстронга становилась международным предприятием, «Мировой церковью Бога», и в итоге стало утверждать, что у нее более 100 тысяч прихожан и слушателей. Бобби чувствовал себя комфортно в лоне этой церкви, поскольку она объединила в себе некоторые из христианских и еврейских догматов, таких как соблюдение Шаббата с вечера пятницы до вечера субботы, законы кошерной пищи, вера в приход Мессии, соблюдение еврейских святых дней и отрицание Рождества и Пасхи. В очень скором времени он погрузился в Библию, и в «Церковь» вообще почти так же глубоко, как в шахматы. По субботним вечерам после шаббата он обычно шел в манхеттенский шахматный клуб или домой к Коллинзу, где играл в шахматы, и хотя иногда он возвращался домой около четырех утра, неизменно посвящал еще целый час молитве. Он также начал проходить заочный курс «Постижения Библии», подготовленный Церковью, и старался смотреть на события в мире под углом зрения, предписанным Армстронгом. В конце каждого еженедельного урока следовали тесты, которые следовало пройти самостоятельно. Типичный вопрос:

> Какова главная причина войн и человеческих страданий?
>
> **А**. Плотские устремления человека. **Б**. Ложные политические идеологии — фашизм, коммунизм. **В**. Бедность. **Г**. Недостаток образования и экономических возможностей.
>
> Правильный ответ: «**А**» [Так отвечал и Бобби]

В конце концов, Бобби начал посылать Церкви 10 % из своих мизерных шахматных заработков, отказывался участвовать и турнире, если организаторы настаивали, чтобы он играл и в пятницу. Он начал жить по догматам Церкви, объясняя это так: «Святое Писание — наиболее рациональная, основанная на здравом смысле книга из всех, когда-либо написанных на Земле».

Бобби стал повсюду носить картонную коробку синего цвета. Когда его спрашивали, что в ней, он ничего не отвечал, но смотрел так, словно хотел сказать: «Как можете задавать мне этот вопрос? Я сильно огорчен и оскорблен». Неделя за неделей, куда бы он ни шел — в шахматный клуб, ресторан, кафетерий или бильярдную — коробка всегда находилась при нем. Наконец в середине 1960-х в ресторане, выходящем на Юнион-сквер, Бобби отошел в комнату отдыха, оставив коробку на столе. Его

компаньон не смог удержаться от соблазна. Чувствуя вину за то, что нарушает личное пространство Бобби, он поднял крышку. Внутри находилась книга с названием золотым тиснением: «Святое Писание».

Благодаря обретенной набожности Бобби перестал ругаться. Однажды вечером, когда с приятелем они поглощали мороженое в ресторане Говарда Джонсона на пересечении Шестой авеню и Гринвич, какая-то женщина постоянно входила и выходила из ресторана. То ли много выпившая, то ли в наркотическом опьянении, она бормотала четырехбуквенное слово. Бобби почувствовал себя неуютно. «Ты это слышал? — спросил он. — Это ужасно». Он не мог больше слушать ее. «Уйдем отсюда», — попросил Бобби. И приятели вышли на улицу, оставив мороженое недоеденным.

Глава 6
Новый Фишер

Мольба в голосе была настолько явной, что свидетели чувствовали себя неловко. «Ну же, Бобби. Я могу тебя подобрать. Решайся». Тишина на другом конце трубки. «Мы можем погулять». Мертвая тишина. «Можем поиграть блиц или пойти в кино». Молодой шахматный мастер, старше Бобби на несколько лет, звонил по офисному телефону маршалловского шахматного клуба, пытаясь уговорить Бобби встретиться. «Или я возьму такси. Я заплачу за него». Было два часа пополудни, и Бобби только что проснулся. Речь его, когда он, наконец, ответил, казалась заторможенной, в голосе ощущался металлический оттенок, и слова звучали так, словно один слог растягивался на два. Разговор был достаточно громок, во всяком случае, его слышали все из находившихся в офисе. «Не знаю. Нет. Да, а сколько времени? Мне надо поесть». Оптимизм звонившего возрос. «Мы можем пообедать в баре “Омаров”. Ты их любишь. Соглашайся». Успех. Через полтора часа 16-летний Бобби первый раз за день что-то ел: филе камбалы и большой стакан апельсинового сока.

Бобби, шедшего через терминал Центрального вокзала по направлению к ресторану, практически никто не узнавал, но для пригласившего его — и практически всех шахматистов — обедать с ним означало сидеть за одним столом с кинозвездой. Он становился супер-знаменитостью в мире шахмат, но чем больше славы он обретал, тем более неприятным становилось его поведение. Раздутое успехами за шахматной доской, его эго стало отталкивать других людей. Исчез Милый Бобби с притягивающей улыбкой. Появился Фишер-Проблема с высокомерным видом и — часто угрожающим — оскалом. Позволить кому-нибудь показаться на людях вместе с ним, Бобби, было с его стороны одолжением.

И его не волновало, что он отталкивал от себя людей, потому всегда находился кто-то еще, кто позвонит или предложит сыграть в шахматы, сходить в кино или пообедать в рыбном ресторане. Все почитали за честь составить ему компанию, стать частью Шоу Бобби Фишера, и он об этом знал. Одна ошибка, несогласие или несвоевременное приглашение со стороны приятеля было достаточной для Бобби причиной, чтобы прервать отношения. И остракизм мог длиться вечно; всегда находились другие, готовые занять место ушедшего.

Тому, кто не играл в шахматы, было практически невозможно

войти в окружение Бобби, но к тем, кто играл слабо, неуважение Бобби казалось еще более сильным, чем к тем, кто не умел играть вообще. Последние могли быть прощены по причине неведения, но у слабых игроков — к числу которых, по определению, относились почти все, кого он мог обыграть, — извинений не имелось. «*Каждый* способен стать мастером», — полагал Бобби.

Ирония состояла в том, что осенью 1959 года такой взгляд на вещи работал против него. Только месяц прошел после окончания турнира претендентов в Югославии, и он чувствовал себя усталым — не от шахмат, но от изматывающей двухмесячной попытки получить право на матч с Ботвинником. Неудача нанесла ему почти физическую рану, и сердце его жгла заноза горьких поражений — грабежа, как считал он сам, со стороны Таля.

И никуда не делась проблема денег. Близкие к Бобби люди задавали очевидные вопросы: Если он один из сильнейших игроков планеты, и уж во всяком случае США, почему он не может обеспечить шахматами свою жизнь. В то время как средняя годовая зарплата составляла 5.500 долларов в год, Бобби, понятно, не считавший себя «средним», зарабатывал лишь 1000 за год работы. Его призовые за турнир претендентов составили всего 200 долларов. Но если призовые невелики, почему не помогает Американский шахматный фонд? Он помогал Решевскому, даже оплачивал его обучение. Это потому, что Бобби не являлся набожным евреем в отличие от ортодокса Решевского? И вообще, все директора Фонда — евреи. Не давят ли они на него, чтобы он им подчинился? Вернулся в школу? Они что, не уважают его, потому что он «только ребенок»?

Телеграммы и звонки водопадом обрушились на него в конце ноября и начале декабря. Некоторые спрашивали, собирается ли он защищать титул чемпиона США в «Розенвальд»-турнире. Он и сам не знал. В начале декабря пришло письмо с жеребьевкой. В нем перечислялись двенадцать игроков, включая Фишера, и детально расписывалось, кто, с кем и когда играет, а также каким цветом. Бобби начал медленно беситься. Церемония жеребьевки всегда проходила *публично*, громко заявил он, во всех европейских — и в большинстве международных — турниров.

Организаторы «Розенвальда», уловившие намек Бобби, — что им стоило сделать расписание более удобным для избранных — выразили решительный протест. «Просто, — заявил Бобби, — проведите жеребьевку повторно… на этот раз публично». Ему отказали, и 16-летний Бобби пригрозил судебным преследованием. «Нью-Йорк Таймс» вступила в диспут и опубликовала статью, озаглавленную ОРГАНИЗАТОРЫ ОТКАЗЫВАЮТ ФИШЕРУ. Скандал разгорался и Бобби сообщили,

что если он откажется от игры, его место будет отдано другому. В конечном счете столкновение амбиций закончилось соглашением: Бобби принимает участие в этом году, но на следующий год жеребьевка пройдет публично. Уступка показалась Бобби достаточной, и он согласился играть. Сражение кончилось в его пользу.

В прошлые годы Бобби часто критиковали за то, как он одевался. Например, в статье, опубликованной в «Парэйд» — воскресном приложении, которое читали миллионы, — была опубликована фотография с его сеанса одновременной игры с такой подписью: «Несмотря на всё возрастающую славу, Бобби одевается неряшливо. Обратите внимание на джинсы и клетчатую [шотландка] рубашку, и сравните с костюмами и галстуками его противников». Такие уколы принижали его достоинство, какими бы мелкими они ни казались. Они отвлекали читателя не только от личности, какой он, *бесспорно*, являлся — гроссмейстер и чемпион США, но и от той персоны, каковой он себя *считал* — сильнейший шахматист планеты.

Позднее Пал Бенко, с кем Бобби играл в турнире претендентов, станет утверждать, что именно он уговорил Бобби изменить стиль одежды. Он познакомил его со своим портным в маленьком венгерском районе на Манхеттене, чтобы тинэйджеру на заказ сшили несколько костюмов. На какие деньги мог себе это позволить Бобби, остается загадкой. Возможно, деньги пришли в качестве аванса за книгу «Партии Бобби Фишера», опубликованную в 1959 году.

Когда Бобби прибыл в «Эмпайр»-отель в декабре 1959 на первый тур чемпионата США, он был одет в идеально сшитый костюм, скроенную на заказ белую рубашку, при белом галстуке *Sulka* и в итальянских ботинках. Аккуратная стрижка завершала настолько полное изменение имиджа, что его трудно было узнать. Ушли в прошлое кеды и лыжные свитера, плохо причесанные волосы, ковбойские рубашки и замызганные вельветовые брюки. Вполне предсказуемо пресса заговорила о «новом Фишере», интерпретируя портновский «апгрейд» как знак того, что он перешел в категорию молодых мужчин.

Противники Бобби старательно прятали свое удивление при виде сменившего облик тинэйджера. Но по ходу турнира удивление сменялось ошеломлением — безупречно одетый Бобби выиграл все одиннадцать партий. Фишер не только сохранил звание чемпиона США, но и совершил нечто беспрецедентное: за три последовательных года в чемпионатах он не потерпел ни единого поражения.

Последовал и финансовый водопад. Бобби получил 1.000

долларов за победу — а семейный кошелек Фишеров разбух еще больше, когда дед по материнской линии Якоб Вендер скончался, оставив Регине 14.000 в наследство. Этого было достаточно — если тратить деньги экономно — для скромных в потребностях Фишеров на несколько лет жизни.

Регина тщательно спланировала расходы. Джоан уже вышла замуж за человека со средствами и начала карьеру медсестры, поэтому Регина хотела потратить все деньги на себя и Бобби. Она создала трастовый фонд совместно с Айвеном Вулвортом, который работал с Региной *pro bono*. Он стал единственным доверительным собственником, в чьи обязанности входило вкладывать деньги наиболее выгодным, по его мнению, образом. По этому плану Регина получала 160 долларов в месяц на свои личные нужды. Поскольку она собиралась уехать из занимаемой квартиры, чтобы посещать медицинскую школу, возможно, в Мехико или в Восточной Германии, она хотела, чтобы арендная плата выплачивалась за Бобби всё то время, что он остается на 560 Линкольн-плейс. Таким образом, он получал 175 долларов ежемесячно — достаточно, чтобы оплатить арендную плату, газ, электричество — и еще что-то оставалось. Дополнительные деньги от случая к случаю добавлялись в фонд Региной и Бобби, и прибыль, получаемая от вложений, обеспечивала Бобби сносную жизнь, у него оставались некоторые деньги на карманные расходы.

Несмотря на ренту, Бобби предпочитал обедать практически каждый день дома у Коллинза, и он охотно принимал приглашения на обед от шахматных любителей и поклонников. Пока он не вырос, никто не видел, чтобы он брал ресторанный чек на себя, страдая, по определению друзей, «синдромом поврежденной кисти».

В марте 1960 года Бобби улетел в Мар-дель-Плата — курортный город на атлантическом побережье Аргентины, расположенный к югу от Буэнос-Айреса. Известный своим архитектурным стилем арт-деко и дорогостоящими деревянными настилами на пляжах, город сохранял гордую традицию проведения международных турниров. Аргентинцы были такими же энтузиастами шахмат, как русские и югославы, и к Бобби проявляли уважение везде, где бы он ни появлялся. Единственный недостаток города состоял в том, что с неба лил дождь не переставая, а с моря дул холодный ветер. Неугомонная Регина, прознав о неприятных погодных условиях, отправила сыну пару галош, ругая себя за то, что не сумела заставить Бобби взять с собой кожаное пальто.

Бобби считал, что турнир станет для него легкой прогулкой, пока не узнал, что в нем собираются принять участие Давид Бронштейн и Фридрик Олафссон в дополнение к 23-летнему гроссмейстеру из Ленинграда Борису Спасскому. Но беспокоился Фишер не из-за Спасского или Олафссона, а из-за Бронштейна.

За неделю до отъезда в Аргентину, Бобби и автор этой книги обедали в таверне «Седар» в Гринвидж-виллидж — месте обитания художников и абстракционистов, которое очень нравилось Бобби. В тот вечер Джексон Поллок и Франц Кляйн беседовали у барной стойки, а Энди Уорхол и Джон Кейдж обедали за соседним столиком — чего Бобби не заметил. Ему просто нравилась еда, которую подавали в ресторане — *и* анонимность, вызванная тем, что гости ресторана предпочитали таращить глаза на знаменитостей из мира искусства, чем обращать внимание на шахматного вундеркинда.

Мы прошли в третью кабинку от барной стойки и заказали две бутылки пива — «Лёвенбрау» для Бобби и «Хайнекен» для меня. Официантка не спросила, сколько Бобби лет, хотя ему едва исполнилось семнадцать — недостаточный для Нью-Йорка возраст, чтобы распивать пиво (18 — тогдашний лимит). Бобби делал заказ, не глядя в меню. Он управился с огромным куском жареного стейка за считанные минуты, в процессе поедания напоминая боксера-тяжеловеса, наслаждающегося последним мясным блюдом перед большим боем.

Он только что получил в письме из Мар-дель-Плата жеребьевку с указанием цвета фигур. Плохие новости: черными играть против Спасского и Бронштейна.

Во время перерыва в разговоре — такие перерывы были типичны при общении с Бобби, он говорил немного, и его не смущали долгие паузы — я спросил: «Бобби, как ты собираешься готовиться к турниру? Всегда хотелось узнать, как ты это делаешь». Проявляя непривычную разговорчивость, он начал выказывать свой интерес к моему интересу: «Слушай сюда», — ответил Бобби с улыбкой. Он выскользнул из-за своей стороны стола и подсел ко мне, зажав в углу. Затем вытащил из пальто видавший виды комплект карманных шахмат со слотами — все фигуры поставлены на свои места, готовые вступить в сражение.

Он попеременно смотрел то на меня, то на шахматы, туда-сюда — во всяком случае, поначалу — излагая учебный трактат о своем методе подготовки. «Прежде всего, я смотрю все партии моих противников, которые только мне удается раздобыть, но по-настоящему я буду готовиться лишь к Бронштейну. Спасского и Олафссона я не слишком опасаюсь». Затем он показал мне свою единственную партию с Бронштейном — ничья в Порторожe за

два года до этого. Он прокомментировал каждый ход, критикуя одни ходы Бронштейна, высказывая похвалу другим. Количество вариантов, которые он видел, было невероятно, идеи ослепляли. В процессе этого быстрого анализа он обсуждал отклонения от основных вариантов и указывал на их слабые и сильные стороны. Показ походил на кинофильм с закадровым комментарием, но с одним большим отличием: он манипулировал фигурами и говорил так быстро, что было трудно связать ходы с комментариями. Я просто не мог уследить за потоком идей, подкреплявших мнимые или реальные атаки, или их тени: «Он не мог играть *здесь* так, потому что ослаблялись черные поля… Я не думал об этом… Да, а он *не блефовал*?..»

Слоты в шахматах Фишера настолько расширились от тысяч часов анализа, что полудюймовые пластиковые фигурки, казалось, сами прыгали на место, по его желанию. Большая часть тисненых золотом букв, отмечающих название фигур — слон, король, конь и т. д. — стерлась от многих лет использования. Но Бобби, разумеется, и не нужно было на них смотреть, кончиками пальцев он ощущал и различал их все. Они ему казались любимыми животными.

«Проблема только в Бронштейне, — продолжал он, — почти невозможно его обыграть, если он хочет ничью. В Цюрихе он сделал двадцать ничьих в 28-ми партиях! Ты читал его книгу?» Меня щелчком вернули в реальность — оказывается, мы беседовали. «Нет. Разве она не на русском?» Он выглядел раздраженным и удивленным одновременно — я что, не знаю русского? «Ну, так выучи его! Это фантастичная книга. Он будет играть на выигрыш против меня, я уверен, а я не играю на ничью».

Расставив фигуры в несколько секунд, и снова почти на них не глядя, он сказал: «К нему трудно готовиться, поскольку он может играть по-разному, в позиционном или тактической ключе, и любой дебют». Он начал показывать мне по памяти партию за партией — казалось, что дюжины — обращая внимание на дебюты, применявшиеся Бронштейном против любимых вариантов Бобби. Огромный поток информации выдавался по памяти. Но он не ограничивался только партиями Бронштейна, он показывал, как действовал Паульсен в 1800-х, а Арон Нимцович экспериментировал в 1920-х, а также партии других, игранные совсем недавно — партии, выхваченные им из русской периодики.

Всё время Бобби взвешивал возможности, предлагал альтернативы, выбирал лучшие продолжения, отбрасывал неудачные, приходил к решению. Это был урок истории шахмат и

учебник игры одновременно, но, прежде всего, это был удивительный подвиг памяти. Его глаза, словно покрытые легкой глазурью, были устремлены на шахматный набор, который он держал открытым в левой руке, разговаривая сам с собой, абсолютно забыв и обо мне, и о ресторане. Его концентрация как будто была еще более сильной, чем во время игры в турнире или матче. Пальцы расплывались от скорости движения, а на лице появилась легчайшая мечтательная улыбка. Он шептал едва слышно: «Ну, если он ходит *так*… я блокирую его слона». И затем, повысив голос так сильно, что некоторые из посетителей обернулись: «Он *так* играть не будет».

У меня выступили слезы, я понимал, что в эти выхваченные из вечности минуты нахожусь рядом с гением.

Предсказание Бобби, сделанное им в таверне «Седар», исполнилось в Мар-дель-Плата. Бронштейн против Бобби в 12-м туре *играл* на победу, но когда партия перешла в эндшпиль и у соперников оставалось по равному числу фигур и пешек, ничья стала неизбежной. Турнир Фишер и Спасский закончили, поделив 1-2-е места, что стало самым крупным успехом Бобби на международной арене к этому этапу его карьеры.

А через два месяца последовала аргентинская катастрофа. Из всех городов, в которых бывал Бобби, Буэнос-Айрес он любил более всех: ему нравилась еда, народная любовь к шахматам, широкие бульвары. Но что-то неправильно пошло в игре Бобби, возник слух, который циркулировал тогда и еще многие годы после, что ночи он проводил в развлечениях, физически его изнурявших — и, во всяком случае, один раз с местной красоткой — и не готовился к партиям. Знаменитый аргентинский гроссмейстер Мигель Найдорф, не участвовавший в турнире, познакомил Бобби с ночной жизнью города, не заботясь о том, что это может помешать ему занять высокое место в турнире. И со всей бравадой 17-летнего юнца Бобби посчитал, что сил у него хватит, чтобы хорошо играть, несмотря на бессонные ночи.

Когда он ощутил глубину падения и призвал шахматную музу себе на помощь, было уже поздно.

Но какова бы ни была причина его слабой игры (когда его «достали» вопросами, он ответил, что помешало плохое освещение), Бобби из блистательного д-ра Джекила обратился в гадкого м-ра Хайда, — начинка испортилась. В турнире при 20-ти участниках он выиграл только три партии, сделал 11 ничьих и проиграл остальные. *Общее изумление*. У всех случаются черные полосы, но предыдущие результаты показывали постоянный подъем, а его результат 13,5:1,5 в Мар-дель-Плата, показанный

совсем недавно, породил у его фанатов совсем иные ожидания — первый приз, и не меньше.

Провал для Бобби стал сокрушительным ударом. Проигрывать само по себе плохо, но вдвойне неприятно видеть на вершине того, кого мечтал превзойти. Сэмюэль Решевский, его американский архи-противник, поделил первое место с Виктором Корчным. Групповая фотография, сделанная в конце турнира, показывает Бобби с пустыми глазами, очевидно, не обращающего внимания на фотографа и остальных участников. Думал ли он о своем провальном выступлении? Или полагал, что только в этот раз его порыв к победе оказался недостаточно сильным?

Он согласился играть на первой доске за команду США на шахматной олимпиаде, которая должна была состояться в Лейпциге (Восточная Германия) в октябре 1960 года, но представители американской федерации заявили, что у них недостаточно денег, чтобы оплатить команде дорогу и проживание. Инициативная группа, называемая комитетом «Человек-Человеку», попыталась изыскать средства для команды, а исполнительный директор попросил Бобби дать сеанс одновременной игры, чтобы предать публичной огласке бедственное положение команды. Сеанс должен был состояться у стен тюремного комплекса на острове Райкерс, который располагался на 413 акрах земли на середине пролива Ист-ривер в Нью-Йорке. На тот момент в тюрьме содержались 14 тысяч заключенных, с двадцатью из которых сыграл Бобби. Не приходится удивляться, что он победил во всех.

К несчастью, хотя сеанс неплохо освещался в местной прессе, ни одна газета не упомянула, по какой *причине* он проводился: а именно, чтобы привлечь внимание к финансовым затруднениям американской команды. Но если Госдеп и американские шахматные организации не могли помочь, Регина Фишер посчитала, что сможет она. Изучив документы Американской Шахматной Федерации, Регина обнаружила, что некоторые игроки (такие, как Решевский) получали финансовую поддержку, а другие (например, Бобби) нет. «Паблисити-Машина» силой в одну женщину, Регина подготовила негодующий пресс-релиз и письма в правительство, требуя публичного отчета.

Хотя Фишер отчаянно хотел поехать в Лейпциг на свою первую олимпиаду, ему начало надоедать вмешательство матери, и, во всяком случае, один раз он открыто ее раскритиковал, когда она появилась на шахматном соревновании. *Она* думала, что помогает сыну, *он* считал, что Регина — бесцеремонная, во всё вмешивающаяся мать.

Пикетируя офис фонда, Регина привлекла внимание Амона

Хеннэйси, пацифиста, анархиста, общественного активиста и помощника редактора либертарианской газеты «Католик Уоркер». Он предложил ей предпринять голодную забастовку в пользу шахмат. Она послушалась совета и ее акция, продлившаяся шесть дней, привлекла к себе известное внимание. Хеннэйси также уговорил ее присоединиться к длиннейшему в истории Маршу мира из Сан-Франциско в Москву, и она также согласилась. На марше она встретилась с Сирилом Пустаном, англичанином — преподавателем средней школы и странствующим водопроводчиком. Наличие общих интересов, совпадающие политические и религиозные взгляды — оба евреи — сплелись идеально, они поженились и осели в Англии.

Регина Фишер, всегда готовая протестовать, во главе марша мира в Москве, 1960. Отсюда она отправилась в Восточную Германию, где получила медицинскую степень.

Когда, наконец, Бобби вошел в лобби отеля «Астория» в Лейпциге, его встретил мужчина, напоминавший внешностью Гручо Маркса[15], только моложе и привлекательнее: Исаак Кэжден, капитан команды США. Кэжден и Бобби никогда раньше не встречались, но первый был легендой в шахматном мире. Международный гроссмейстер, он являлся одним из сильнейших шахматистов США в конце 1920-х и в 1930-е годы. За это время он сыграл в пяти олимпиадах и выиграл множество медалей. Его предупредили, что Бобби «трудно управляем», и Кэждена

беспокоило, как бы молодой человек не стал слабым звеном в команде.

Бобби, возможно, почувствовал обеспокоенность капитана команды, и свернул разговор на шахматную карьеру Кэждена; тинэйджер не только знал о репутации опытного бойца, но также и был знаком со многими его партиями. Кэжден оценил увертюру Бобби и позднее писал: «У меня не было с ним проблем. Всё, чего он хотел — это играть в шахматы. Он колоссальный боец». Несмотря на разницу в возрасте почти в сорок лет, игроки сблизились и оставались в дружеских отношениях многие годы.

Одним из главных событий олимпиады стал матч между СССР и США. Фишеру предстояло скрестить шпаги с Михаилом Талем, тогдашним чемпионом мира. Они сели за столик в пятом туре. Прежде чем сделать первый ход, Таль впился взглядом в доску, и долго его не отрывал. Бобби начал волноваться, уж не принялся ли Таль за старые трюки. Через десять минут Таль сделал ход. Он хотел выбить Фишера из равновесия, но его попытка пропала втуне. Фишер сделал серию агрессивных ходов, начиная на доске сражение, которое впоследствии описывали и как «бой тяжеловесов», и как «блестящая атака и контратака». Интеллектуальная рукопашная завершилась ничьей, и позднее оба игрока включили эту партию в свои сборники, считая ее одной из важнейших в своих карьерах.

Тот факт, что 17-летний Бобби боролся на равных с чемпионом мира, не прошел неотмеченным, и участники соревнования уверенно предсказывали, что не за горами матч Бобби с чемпионом мира.

На олимпиаде Советский Союз, обладавший одной из сильнейших команд всех времен, занял первое место, США пришли вторыми. Результат Бобби — 10 побед, два поражения и шесть ничьих, и… медаль за второе командное место.

Бобби Фишер (стоит) на шахматной олимпиаде в Лейпциге, 1960 год.

На банкете по случаю закрытия кто-то сказал Талю, что Бобби, изучавший хиромантию, читал по ладоням других участников, и это стало уже салонной игрой. «Пусть почитает по моей», — скептически произнес Таль. Он подошел к столу Бобби, протянул ему левую руку и произнес: «Прочти, что на ней написано». Пока Бобби изучал ладонь Таля и размышлял о тайнах линий, бугорков и завитков, вокруг них собралось множество народа, а сотни зрителей наблюдали за происходящим, сидя за своими столиками.

Почувствовав драматический настрой аудитории, Бобби выдержал эффектную паузу, будто бы еще глубже проникая в тайны талевской ладони. Затем с таким видом, будто он

открывает смысл жизни, произнес громогласно: «Я вижу по твоей ладони, м-р Таль, что следующим чемпионом мира будет…»

В эту секунду Бобби и Таль выдохнули слова — каждый свое — в унисон. Фишер сказал: «Бобби Фишер!» А Таль, который никогда не лез за словом в карман, выпалил: «Уильям Ломбарди!» (тот стоял слева). Окружающие зашлись хохотом.

Некоторое время спустя «Чесс Лайф», описывая этот эпизод, постарался найти в нем нечто вещее. Журнал писал: «Судя по самоуверенности, написанной на лице Фишера, мы можем предположить, что он “видел” себя в качестве следующего чемпиона мира».

Глава 7
Теория Эйнштейна

Бобби покинул бальную залу «Эмпайр»-отеля, расположенного в двух шагах от строительной площадки Центра исполнительных искусств им. А. Линкольна. Он только что победил в чемпионате США 1960-61, и теперь шел быстрым шагом по снежным улицам в компании с матерью, Джеком и Этель Коллинзами. Джеку передвижение в инвалидной коляске показалось чересчур утомительным, поэтому они с сестрой взяли такси до немецкого ресторана «Ворст», находящегося в нескольких кварталах от турнирного зала, чтобы отпраздновать победу Бобби. Если у кого и имелись вопросы к его победе, то не у журнала «Чесс Лайф», написавшего прямо:

> Победив в чемпионате США в четвертый раз подряд, Бобби Фишер, 17-летний гроссмейстер из Бруклина, оставил вечный след на историческом полотне американских шахмат и безоговорочно доказал, что является величайшим шахматистом США всех времен и одним из сильнейших в мире. Фишер не проиграл ни одной партии в американских турнирах, начиная с 1957 года.

С этой полу-агиографией «Чесс Лайф» была только одна проблема: несогласие Решевского и многих его сторонников.

Некоторые полагали оскорбительным провозглашение Бобби Фишера величайшим шахматистом Америки в 17 лет, что принижало репутацию 50-летнего Решевского. И не играло роли, что в том году журнал «Американский статистик» опубликовал статью под названием «Фактор возраста в мастерских шахматах», в которой автор показывал, что уровень мастера начинает снижаться с определенного возраста, возможно, «сорока лет». Решевский хотел доказать, что автор заблуждается.

Многие годы Решевский царствовал в американских шахматах, считался «величайшим», а сейчас всё рушилось, и все почести переходили к Бобби, которого многие считали невоспитанным выскочкой из Бруклина. Но с другой стороны, не меньшее число сторонних наблюдателей полагало, что «выскочка» далеко не сказал еще последнего слова, они верили, что появление Бобби намекает на возможность шахматного бума в Америке.

Представители Американской Шахматной Федерации «постановили», что именно Решевский — сильнейший шахматист Америки, и он должен это доказать. Летом 1961 года была достигнута договоренность о проведении матча из 16 партий между ним и Фишером, призовой фонд — 8.000 долларов, аванс каждому 1.000, 65 % должен получить победитель и 35 % — проигравший. Такой матч порождал драму, достойную великих исторических противостояний — Моцарта и Сальери, Наполеона против Веллингтона и Демпси против Туннея. Когда у четырех игроков мирового уровня — Светозара Глигорича, Бента Ларсена, Пауля Кереса и Тиграна Петросяна — спросили, кто, по их мнению, станет победителем, все поставили на победу Решевского и с заметным перевесом.

Решевский — низенького роста, лысый во всю голову и консервативно одетый, отличался решимостью и некоторым апломбом. Он был ледяным королем, вежливым, но кратким в речах. Бобби отличался от него во всем. Высокий, скорее долговязый, напряженный и склонный к ссорам тинэйджер, далекий от реальности шахматный принц, иногда способный совершать добрые и великодушные поступки. Их стили игры также разительно отличались. В партиях Решевского почти не было поэзии, в них отсутствовала страсть. Долго правивший чемпион имел обыкновение попадать в цейтноты, едва успевая сделать все ходы до контроля. Партии Фишера поражали кристальной ясностью, они были чистыми, но изобретательными. Бобби научился через годы практики правильно распределять время и почти не попадал в цейтноты. (Режим, установленный Джеком Коллинзом, когда он купил немецкие часы, полностью себя оправдал).

Другие различия? Фишер серьезно подготовился к матчу — напитался «книжной мудрости» — в дебютном отношении. Решевский, по обыкновению, почти не готовился и часто тратил слишком много времени на поиск сильнейших продолжений. Стиль Фишера в значительной мере основывался на тактике, иногда блестящей, Решевский относился к игрокам позиционного стиля. Он долго маневрировал в поисках малейших стратегических преимуществ и демонстрировал невероятное терпение. Он был способен выжимать победы из, казалось бы, мертво-ничейных позиций.

Но надо сказать, что цель матча вовсе не состояла в том, чтобы определить, чей *стиль* игры лучше. На повестке стоял вопрос куда более важный — определить сильнейшего *на тот момент* шахматиста Америки.

Бобби Фишер и Сэмюэль Решевский в матче 1961 года.

Борьба не шла в ритме па-де-де, скорее ход ее напоминал зигзаг пилы: выигрыш Бобби… ничьи… выигрыш Решевского. Один день Бобби — Кинг Конг, на следующий — Фэй Рэй[16]. После одиннадцатой партии, игравшейся в Лос-Анджелесе, счет стал равным 5,5:5,5. С 12-й партией возникли трудности, поскольку она выпадала на субботу. Решевский, ортодоксальный еврей, не мог играть в субботу до захода солнца. (На раннем этапе карьеры он *играл* до захода, но пришел к выводу, что это нарушение канона стало причиной смерти его отца, и потому отказался от игры в шаббат). По этой причине начало партии перенесли на 8.30 вечера. Когда кто-то указал, что партия легко может окончиться в два часа ночи, ее вновь перенесли — уже на 1.30 воскресенья.

Это повлекло за собой новые осложнения. Жаклин Пятигорская (урожденная Ротшильд, член одной из богатейших семей Европы) была одним из спонсоров матча и оплачивала расходы участников. Она была замужем за виолончелистом Грегором Пятигорским, который как раз в то воскресенье давал концерт в Лос-Анджелесе. Чтобы она могла посетить концерт мужа, Жаклин попросила перенести начало партии на 11 утра. Когда Бобби, классическая «сова», услышал о новом изменении расписания, то немедленно выразил протест. Он просто не мог играть так рано, заявил Бобби. «Это нелепо». Бобби также не понимал, почему он должен учитывать интересы госпожи

Пятигорской. Она могла прийти на партию и после концерта, она еще наверняка не окончится.

В турнирном зале — отель «Беверли Хилтон» — часы Бобби запустили ровно в 11.00. Решевский мерил шагами сцену, несколько зрителей терпеливо наблюдали за происходящим, и когда ровно в полдень красный флажок рухнул, судья объявил, что Фишеру засчитывается поражение за неявку. Тринадцатую партию наметили играть опять в Нью-Йорке в «Эмпайр»-отеле. Бобби сообщил, что хочет продолжать матч, но что следующая партия должна считаться двенадцатой. Он не хотел играть обремененным несправедливым поражением, одно очко могло решить судьбу всего матча.

И вновь Решевский нервно ходил по сцене, ожидая прибытия Бобби, на этот раз, чтобы сыграть тринадцатую партию. Около двадцати зрителей, а также большое число журналистов и фотографов находились в зале, глядя на одиноко стоящий шахматный столик и шагающего Решевского.

По истечении часа И. Горовиц, судья, объявил, что Фишеру присуждается поражение ввиду неявки. Затем Вальтер Фрайд, президент Американского шахматного фонда, только что ворвавшийся в помещение и узнавший о неявке Фишера, заявил, что победа в матче присуждается Решевскому. «Фишер нам к виску приставил пистолет», — позже заявил он, объясняя причину неожиданного прекращения одного из самых важных матчей в истории американских шахмат.

Бобби впоследствии подал в суд на Решевского и Американский шахматный фонд, требуя возобновления матча и исключения Решевского из всех соревнований до тех пор, пока не будут урегулированы спорные вопросы. Иск пролежал в суде многие годы и, в конечном счете, был оставлен без удовлетворения. Хотя два соперника впоследствии не раз встречались за шахматной доской в других турнирах, «Матч Века», как его окрестили, пал жертвой закоренелой привычки Бобби вставать поздно и слишком длинной тени от шахматного патронажа.

Бобби поднялся на лифте на тридцатый этаж небоскреба на 110, Вест-фортис-стрит, расположенного на краю Швейного квартала, где служитель указал ему на дверь со словами: «Вверх по металлическим ступеням». Бобби начал карабкаться по витой лестнице всё выше и выше, через четыре пролета. «Это ты, Бобби?», — раздался голос откуда-то сверху. Вопрос задал Ральф Гинзбург, журналист, собиравшийся взять интервью у Бобби для журнала «Харпер».

Бобби провели в странный круглый офис размером с небольшую гостиную, расположенный в башне здания с окнами во все стороны. Всё было по-флотски серым: пол, стены, ящики с документами, стол и два стула. Комната еле заметно качалась от ветра, свистевшего сквозь башенные шпили.

Гинзбург, 32-х лет, носил очки в роговой оправе и рано полысел. Любящий рисковать журналист, он раньше работал на журналы «Лук» и «Эсквайр», также был автором двух книг, включая историю линчевания в Америке. Умный и предприимчивый, он говорил громко и быстро с бронкским акцентом, и гордился «сенсационностью» своих материалов. Впоследствии он попал в тюрьму по обвинению в непристойности за публикацию в журнале статьи под названием «Эрос».

Про Гинзбурга знать это нужно не только потому, что его статья, посвященная Бобби, в следующие сорок лет использовалась в качестве источника другими писателями и биографами, но также из-за того, что она отрицательно повлияла на жизнь Бобби и породила в нем вечную подозрительность в отношении журналистов.

При подготовке к интервью Гинзбург прочитал классическую работу Элиаса Канетти «Аутодафе», написанную за восемь лет до рождения Бобби. Героем рассказа, который помог Канетти стать нобелевским лауреатом по литературе, является человек по имени Фишерле, мечтающий стать чемпионом мира но шахматам. После завоевания титула он планирует изменить свое имя на Фишер, и, став богатым и знаменитым, обязательно сошьет себе «лучшие костюмы у лучшего портного» и будет жить в «огромном дворце с настоящими ладьями, конями и пешками».

В статье Гинзбург цитировал Фишера, якобы говорившего, что он станет покупать костюмы, рубашки и ботинки у лучших портных по всему миру и «наймет лучшего архитектора, чтобы тот построил его [мой дом] в форме ладьи… со спиральными лестницами, парапетами и т. п. Я хочу прожить оставшуюся жизнь в доме, построенном в виде ладьи».

Статья, содержавшая и другой провокационный материал, стала сенсацией и послужила основой для многих вопросов, которые Бобби постоянно задавали в разных интервью и годы спустя. Когда вслед за «Харпером» широко читаемый в Англии журнал «Чесс» перепечатал статью полностью, Бобби мертвенно побледнел и закричал: «Эти ублюдки!»

Бобби настаивал, что статья перевирает им сказанное и вырывает цитаты из контекста. Например, он никогда не говорил Гинзбургу, что хочет «избавиться от своей матери». Да, действительно, Регина уехала из дома с маршем мира, встретила

мужчину, вышла за него замуж и обосновалась в Англии. Она сказала, что ему, очень независимому подростку, вероятно, лучше будет жить одному; как многие матери, она души в нем не чаяла и постоянно пыталась ему помочь, иногда выходя за допустимые рамки, что его раздражало. Они с Бобби поняли, что, живя один, он сможет вымерять свой жизненный шаг по собственному разумению, но негативная интерпретация Гинзбургом их отношений абсолютно неверна. Бобби и его мать любили друг друга.

Прослушивание пленки и чтение «расшифровки» Гинзбурга интервью могло разъяснить, что говорил тинэйджер, а что — нет, но Гинзбург заявил, что все пленки он «затер». Если так, то это очень странно: большинство профессиональных журналистов сохраняют записи на случай, если их обвинят в клевете или вмешательстве в частную жизнь. Всю правду уже не узнать, но даже если Гинзбург передал дословно всё сказанное Бобби, это очень жестокая журналистика на уровне хулиганства, ведь статья выставляла неопытного тинэйджера необразованным человеком, гомофобом и женоненавистником, что правдой не было.

И до этого случая Бобби относился к журналистам с подозрением. Но статья Гинзбурга вызвала в нем неугасающую бурю и создала недоверие к журналистам, которое он сохранял всю оставшуюся жизнь. Если его спрашивали об этой статье, он переходил на крик: «Я не хочу говорить об этом! Не упоминайте при мне имя Гинзбург!»

Чтобы «изгнать» неприятное послевкусие *дела* с Решевским и отрясти остатки оскорбительной статьи в «Харпер», Бобби решил уехать из Нью-Йорка и вернуться к тому, что делало его счастливым: Он хотел играть в шахматы — вдали от юристов, без паблисити, без угроз и контругроз. Он принял приглашение сыграть в Югославии на турнире в Бледе — при двадцати участниках и протяженностью в месяц, который обещал стать одним из сильнейших за многие годы. Но к нему требовалось подготовиться, а до его начала оставалось всего три недели.

Обычно Бобби в день пять часов посвящал работе над шахматами: просмотр партий, дебютов, вариантов, окончаний. Затем, конечно, он играл быстрые партии еще пять или более часов у Коллинза или в одном из клубов. Он любил играть блиц, поскольку при таком формате мог применять и оценивать сомнительные или экспериментальные линии за доской. Это обостряло инстинкты и укрепляло веру в себя.

Но игра в международном турнире заявленного калибра вынуждало его потратить гораздо большее время на точный и

кропотливый анализ с запоминанием огромного числа вариантов. Он перестал отвечать на звонки, поскольку не хотел, чтобы его отрывали от дела. Отказался от любых проявлений социальной активности, даже если речь шла о шахматном вечере — ему хотелось всё отбросить и остаться с доской один на один. Поэтому он побросал одежду в саквояж, и, не говоря никому, куда он едет, зарезервировал себе номер в бруклинском отделении ИМКА. Во время пребывания здесь он иногда занимался шахматами более 16-ти часов в день.

Малькольм Глэдуэлл в своей книге «Гении и аутсайдеры» описывает, как люди в разных областях добиваются успеха. Он цитирует невролога Даниэля Левитина: «Представители всех родов деятельности, будь то композиторы, баскетболисты, писатели, фигуристы, пианисты, шахматисты, преступники и… несть им числа, — добиваются успеха только одним способом — бесконечным повторением одних и тех же упражнений [магическое число мастерства: десять тысяч часов практики]». Глэдуэлл обращается к Фишеру: «Чтобы стать гроссмейстером нужно, похоже, десять лет. (Только легендарный Бобби Фишер поднялся до элитного уровня за меньший срок: ему потребовалось девять лет.) Практика не означает, что вы делаете то, в чем вы совершенны; это то, что вы делаете, чтобы добиться совершенства». По грубой оценке Бобби играл тысячу партий в год в возрасте от девяти до одиннадцати лет, и двенадцать тысяч в год в возрасте от одиннадцати до тринадцати лет, бóльшая часть из них блиц. Хотя все эти партии можно засчитать в «практику», не все были поучительными. Специфичные ходы или типичные позиции, возникавшие в этих партиях, были значащими и могли записываться «на подкорку» мозга — точно так же, как запоминается мотив или даже отдельная нота, которая чем-то «зацепила» музыканта. Изучение Бобби нюансов партий *других* имело тот же эффект: он обращал особое внимание на аккумулирование тончайших деталей.

Бобби нравилась Югославия из-за его статуса суперзвезды у местных поклонников, и одним чудесным осенним днем он вошел в турнирный зал гостиницы «Лейк Блед», где всё было в безупречной готовности. Уже 18-летний и безупречно одетый с белым платком, со вкусом вставленным в нагрудной карман, повзрослевший Бобби двигался по залу спортивным шагом, раскачиваясь на ходу. Он немного походил на начинающую кинозвезду. Многие его не сразу узнавали.

На улицах его осаждали любители автографов. На турнирах межзональном и претендентов (1958-59) — оба проходили в Югославии — он нахватался достаточно местных слов, чтобы

писать свою фамилию на сербо-хорватском языке. Фанаты приходили в восторг, когда он подписывал бланки на их родном языке. Когда какой-то зритель из Москвы попросил у него автограф, Бобби использовал кириллицу, — понадобилось заменить лишь несколько букв.

Для Бобби главным событием турнира представлялась партия против Таля во втором круге. Талю, который вел себя гораздо приличнее, чем во время последней партии — меньше пристальных взглядов и ухмылок — на шестом ходу, казалось, отказала шахматная логика, на девятом он снова ошибся, попавшись на вариант, специально подготовленный против него Бобби. Неровная игра Таля в этой партии объяснялась его нездоровьем. Бобби тоже не показал лучшей формы, но он воспользовался неудачными ходами Таля и развивал преимущество до тех пор, пока Тать не попал в безнадежный эндшпиль. Когда он сдался, раздались оглушительные аплодисменты. «Волшебник», — радостно пропел «Чесс Ревью». У Бобби почти кружилась голова от радости, которую принесла ему первая победа над одним из сильнейших шахматистов планеты, экс-чемпионом мира, человеком, кого в своих мечтаниях он намеревался убить во время турнира претендентов 1959 года.

Когда Таль с Фишером сошли со сцены, к ним кинулись журналисты с просьбой как-то прокомментировать партию. Оба соперника не без доли кокетства выдали по реплике:

> **Таль** (вздыхая): Трудно играть против теории Эйнштейна.
>
> **Фишер** (возбужденно): На этот раз он от меня не ушел!

Бобби остался недоволен своим вторым местом на турнире, и, как Таль, объяснил эту относительную неудачу несколькими ничьими, вызванными временным нездоровьем. К концу турнира он чувствовал некоторый дискомфорт в нижней части живота, и его иногда подташнивало. Когда боли усилились и он рассказал о них нескольким участникам, те посоветовали ему обратиться к врачу.

Бобби, всегда относившийся к врачам с подозрением, к тому же не очень хорошо знал сербо-хорватский язык. Сможет ли он понять диагноз? В отель «Топлице» пригласили врача, а один из югославских игроков исполнил роль переводчика. Как только врач прикоснулся к его животу, Бобби дернулся от боли. «Похоже на аппендицит, — предупредил врач. — Вам надо лечь в больницу. Если аппендикс порвется, получите перитонит и по брюшной полости распространится инфекция». Бобби спросил, а

нельзя ли обойтись без больницы. «Нет», — ответил врач строго. Бобби неохотно согласился, и его отвезли из словенского Бледа в боснийский город Баня-Лука для лечения в крупном университетском госпитале. Он едва не умолял врачей не делать операции, хотя те убеждали его, что она несложная и предупреждали о возможных осложнениях, если запустить болезнь. Они уверяли Бобби, что поставят его на ноги в несколько дней, но он противился. Он не только был философски настроен против хирургии, но и боялся анестезии. Он даже боялся принимать лекарства, успокаивающие боль. Врачи настояли не только на этом, но и на курсе антибиотиков. Но вскоре боли ослабли, и через два-три дня Бобби опять вошел в норму. Он многословно и бурно благодарил врачей за то, что те обошлись без ножа.

После страхов, связанных с аппендицитом, последовало приглашение от Би-би-си посетить Лондон для участия в шоу «Chess Treasury of the Air», и он провел в Англии примерно десять дней. Рождество в Лондоне ему очень понравилось. Празднество показалось таким, каким оно могло быть в Нью-Йорке в конце XIX или начале XX века. Его восхищала вежливость горожан и чистота улиц. Некоторое время вместе с ним находился Пал Бенко, который отметил, что хотя его отличал сильный венгерский акцент, лондонцы его понимали легче, чем Бобби с его бруклинским произношением. Бобби провел британское Рождество с матерью и ее новым мужем Сирилом Пустаном, который увидел его на шоу Би-би-си.

Бобби не только продолжал готовиться к турнирам, но и всё более сближался с Всемирной Церковью Бога, что постепенно привело к временно́му конфликту между двумя занятиями: религией и шахматами. «Я разделил жизнь на две части», — рассказывал он впоследствии одному из интервьюеров. «В одной находилась моя шахматная карьера. Здесь я хранил, если можно так выразиться, свое здравомыслие. А в другой располагалась религия. Я пытался применить то, чему научился у церкви, к шахматной карьере. Но я продолжал изучать шахматы, а не просто “полагался на Бога” при поиске ходов». Прагматическая философия Бобби напоминала старую арабскую поговорку: «На Аллаха надейся, но верблюда привязывай».

В дополнение к заочному курсу по изучению Библии, прослушиванию проповедей Армстронга и глубокому изучению Ветхого и Нового заветов, Бобби читал церковный журнал «Простая правда», выходивший раз в два месяца и утверждавший, что расходится тиражом в 2.500.000 экземпляров. Статьи были

написаны, как и подразумевает название, простым языком, и казались политическими не меньше, чем религиозными. Несмотря на это, Бобби читал каждый номер от корки до корки, и многое казалось ему разумным. Сорок лет спустя он всё еще поддерживал многие из идей, высказанные Армстронгом и изложенные в журнальных статьях.

Один выпуск содержал ужасающие предсказания Армстронга о грядущей Третьей мировой войне с иллюстрациями, согласно которым США и Великобритания будут уничтожены Соединенными Штатами Европы. Армстронг заявлял, что перед началом войны он уведет членов церкви в Иордан, где они будут спасены, потому что они «Божьи люди». Бобби в том числе.

Бобби отправил нравоучительное письмо матери, в котором с горячностью рассуждал об учении Армстронга и о своем интенсивном изучении Библии, что «совершенно изменило мои взгляды на жизнь». Он теперь убежден, что только путем точного следования интерпретации Библии, предложенной Армстронгом, он мог обрести здоровье и счастье, стать успешным и обеспечить себе вечную жизнь, и он убеждал ее читать Библию и изучать Армстронга. Но на Регину аргументы Бобби никак не подействовали, она ответила, что Армстронг и его церковь кормили Бобби чепухой и пугали страшилками. Добропорядочная и исполненная терпимости жизнь — лучшая жизнь; и можешь назвать это религией, при желании. На этом дискуссия окончилась, и мать с сыном решили больше не касаться этой темы. Никто из них не имел желания обращать другого в свою веру.

Бобби пытался жить по вере; он ощущал себя *заново родившимся*, и испытывал то же чувство ученика и уважения к Библии, которое он всю жизнь испытывал к шахматам. Он начал жертвовать на благие дела; не занимался сексом, поскольку не был женат; презирал богохульство и порнографию; и во всем пытался следовать десяти заповедям. «Если кто-то пытался жить по букве закона, то это я», — признавался он позднее в интервью для «Амбассадор Рипорт».

Но, в конечном счете, религиозные обязательства начали рвать его на части. Он не мог проводить десять или двенадцать часов за шахматами, а затем еще шесть или восемь за изучением Библии; а постоянное появление на краю сознания нечистых помыслов и другие мелкие грехи мучили его. «Чем больше я пытался [быть послушным], тем более ненормальным становился. Я наполовину спятил — голова стала почти каменной», — признавался он. Не отказываясь от Армстронга, он понял, что Каисса (богиня шахмат) значила для него больше, чем Всемирная

церковь Бога. *Но, помни о главном, главном, главном!* Шахматы *должны* стать главным делом для него; они *должны* стать его приоритетом, или мечта стать чемпионом мира ею и останется — мечтой.

Январь, 1962

Проведя в середине зимы два месяца в Швеции, Бобби обнаружил, что погода здесь не такая холодная, как он предполагал: температура держалась в районе 50 градусов по Фаренгейту. Но приехал он в Стокгольм не для того, чтобы расхаживать по мощеным булыжником улицам Старого города, гулять по подземным туннелям или готовиться к круизу по Балтийскому морю. Он приехал сюда, чтобы вновь попытаться стать игроком, которого станет уважать весь шахматный мир. Помимо призов, которые вручат победителю стокгольмского турнира, *подлинной* наградой для Бобби должен стать пропуск в турнир претендентов, который, в свою очередь, даст ему шанс на завоевание титула чемпиона мира.

«Чесс Лайф» на первой полосе подал результаты турнира таким образом:

> Стокгольмский турнир 1962 года знаменует собой начало решительного изменения расклада сил в шахматном мире. Впервые с 1948 года, когда мировое первенство стало разыгрываться через межзональные и претендентские турниры, советские гроссмейстеры не сумели получить первый приз. Отрыв Бобби Фишера в 2,5 очка отражает его полное превосходство. Ничем он не обязан удаче, ибо ни разу не стоял на проигрыш.

Достижение Бобби в шахматах — победы в Бледе и Стокгольме без поражений — это как два последовательных «сухих» счета в бейсбольной мировой серии. Большинство посчитает, что такое невозможно. Менее чем за неделю до своего 19-летия, Бобби Фишер утвердил себя в качестве одного из самых экстраординарных шахматистов в мире. Но время торжествовать или гордиться собой, или даже расслабляться, еще не настало. Цель Бобби — стать чемпионом мира, и следующий шаг на пути к ней еще предстояло сделать.

Но экономические условия, в которых существовали шахматы, чувствительно задевали гордость мизерным вознаграждением. Прежде чем покинуть Швецию, Бобби получил маленький белый конверт с гонораром за блестящую игру. В нем находился чек на сумму, эквивалентную 750 долларам, в шведских кронах. Бобби лишь сокрушенно покачал головой.

У него оставалось всего шесть недель на подготовку к турниру претендентов на острове Кюрасао, расположенном в 38 милях от побережья Венесуэлы. Победитель турнира получал право на матч с чемпионом мира Михаилом Ботвинником в следующем году.

Дома в Бруклине Бобби проходил становящуюся рутиной процедуру: отказ от социальной активности, долгие периоды работы в одиночку, анализ партий, поиск дебютных новинок. Он классифицировал изучаемые варианты по уровням важности, всегда отбрасывая неидеальные продолжения и стараясь найти «истинный ход», по его выражению, который не может быть опровергнут. В нем бушевал сократовский диалог: насколько необычной будет заключительная позиция, если он изберет эту конкретную линию? Будет ли противник чувствовать себя в ней в своей тарелке? Будет ли *он* (Бобби) чувствовать себя в ней комфортно? Какая позиция получится, если доиграть ее до эндшпиля?

Гроссмейстер Пал Бенко, бывший венгерский борец за свободу, ставший гражданином США, подобно многим другим товарищам-шахматистам работавший инвестиционным брокером, вошел в комнату Бобби в отеле «Интерконтинеталь» на Кюрасао вскоре после прибытия туда Бисгайера, секунданта Фишера.

«Мы собираемся поработать», — произнес, доедая вечерний обед, Бобби. Его тон давал понять, что Бенко свободен. Они с Бисгайером собирались просматривать партии. «Тебе нельзя здесь находиться».

«Почему же? Бисгайер также и мой секундант», — ответил Бенко.

«Бисгайер также и мой секундант», — спопугайничал Бобби, стараясь повторить венгерский акцент Бенко.

«Ты чего надо мной насмехаешься?», — обиделся Бенко.

«Ты чего надо мной насмехаешься?», — механически повторил Бобби.

«Перестань!»

«Перестань!»

Всё это время Бисгайер стоял рядом и с помощью жестов и нескольких слов пытался замять назревающую ссору.

«Убирайся из моей комнаты!», — скомандовал Бобби.

«Нет, это ты убирайся!», — довольно нелогично ответил Бенко.

Неясно, кто ударил первым, но, поскольку Бобби сидел, преимущество было не на его стороне. Последовал обмен ударами и шлепками на фоне гроссмейстерских вскриков.

Бисгайер ринулся к ним и разнял дерущихся. Бенко победил «по очкам» и годы спустя признался: «Мне жаль, что я побил Бобби. Он был больным человеком, уже тогда». В шахматных анналах это сражение стало первой дракой на кулаках между гроссмейстерами, каждый из которых являлся претендентом на титул чемпиона мира.

Через день после «боя» Бобби накропал письмо в турнирный комитет с требованием исключить Бенко. Комитет решил на письмо не реагировать.

Перед летом 1962 года Бобби набирал силу с каждым соревнованием. «Фишер растет от турнира к турниру», — сказал Михаил Таль. Он превзошел свой успех в Бледе еще более ошеломляющим триумфом в Стокгольме. Он обыграл хотя бы по разу каждого из пяти советских гроссмейстеров, с которыми ему предстояло встретиться на Кюрасао, и выходил на пик своих достижений раньше, чем кто-либо (кроме него самого) этого ожидал.

Предсказания «мудрецов» оказались полностью ошибочными, что стало ясно, когда в мае стали приходить первые новости с Кюрасао. Фишер и Таль оба проиграли свои партии первого и второго туров, и Бобби вскоре обосновался на четвертом месте. Как бы там ни было, Элиот Херст заметил в «Чесс Лайф», что претендентский турнир обеспечил нас «несколькими сюрпризами в первых раундах, которые, вероятно, не имеют аналогов в шахматной истории».

В 1962 году на Кюрасао Бобби сыграл три партии с Талем до того, как яркий русский заболел и попал в госпиталь.

Кое-кто полагал, что Бобби, должно быть, слишком много времени уделяет азартным играм, но Бисгайер утверждал, — максимум, что позволил себе Бобби, это несколько раз заглянуть в казино и немного поиграть с «одноруким бандитом», что ему быстро наскучило. Он не смотрел телевизор и не ходил в кино, поскольку считал, что это вредно для глаз, а он не хотел рисковать. Однажды он сходил на боксерский матч и пару раз посетил ночной клуб, но его сердце принадлежало шахматам.

Генри Стокгольд, шахматист, освещавший турнир для «Ассошиэйтед Пресс», привел Бобби однажды вечером в бордель. Когда Бобби появился через час и Стокгольд его спросил, как ему там понравилось, Бобби ответил — и этот ответ цитировался впоследствии часто: «Шахматы лучше».

Тигран Петросян победил на турнире в Кюрасао-1962, одержав восемь побед и сделав девятнадцать ничьих — без поражений, набрав 17,5 очков. Советские Ефим Геллер и Пауль Керес набрали на пол-очка меньше, Бобби пришел четвертым, отстав на целых три очка от трех лидеров и на пол-очка впереди Корчного.

Бобби хотел, чтобы мир знал, что в действительности произошло на Кюрасао. Он писал: «Существовал открытый сговор между русскими [советскими] игроками. Они заранее договорились делать ничьи между собой… Они консультировались во время игры. Когда я играл с русским [советским] противником, другие русские наблюдали за партией и комментировали мои ходы достаточно громко, чтобы я их слышал».

Корчной в своих воспоминаниях о Кюрасао в «Чесс Лайф» поддержал обвинения Бобби: «Всё делалось в угоду Петросяну. Он договорился со своим другом Геллером свести все партии вничью. Они также уговорили присоединиться к их коалиции Кереса… это дало им огромное преимущество перед другими участниками».

На вопрос о том, почему Бобби не выиграл, Пал Бенко всё еще переживавший драку с ним, ответил: «Он просто не был лучшим игроком».

Самооценка Бобби получила пробоину в результате сражения на Кюрасао. Его мечта — его навязчивая идея — стать самым молодым в истории шахмат чемпионом мира ускользнула от него. Он полагал, что ему на роду написано стать чемпионом мира, но этого убеждения оказалось недостаточно. Столь раннее восхождение на самый верх международных шахмат заставило его поверить, что он станет чемпионом, но русские — как он

считал, жульническим путем — доказали, что могут сдержать его устремления: и то, и другое бесило и печалило его.

Бобби *теперь* понял, что ничего в его судьбе не предопределено, но он не хотел молча растворяться в шахматной ночи. Он презирал советских за то, что они с ним сделали, и был убежден, что титул у него они украли. Бобби хотел, чтобы все об этом знали.

20 августа 1962 журнал «Спортс Иллюстрейтед» опубликовал *j'accuse* (*я обвиняю* — фр.) Бобби: «Русский сговор». Статья была перепечатана в Германии, Голландии, Испании, Швеции, Исландии, и даже русские шахматные журналы не стали закрывать на нее глаза. Бобби заявил, что никогда более не станет участвовать в турнирах претендентов, поскольку при действующей системе ФИДЕ победить могут только советские. Он писал: «При системе, выстроенной *Federacion Internationale des Echecs*… чемпионом мира всегда будет русский… Русские устроили ее таким образом». В Порторожe он подтвердил — его сила выросла настолько, что он способен обыграть любого советского гроссмейстера на пути к званию чемпиона мира. Он верил, что турнирные махинации русских стали гораздо более «открытыми» в ответ на угрозу их доминации с его стороны.

Шахматные наблюдатели готовы были согласиться, что *определенный* сговор советских на Кюрасао имел место. Но Бобби не упомянул, что ни он, ни кто другой пока не доказал, что является реальной угрозой трем ведущим советским гроссмейстерам, так что вопрос о том, зачем русским так явно сговариваться, повис в воздухе. Профессора экономики Чарльз Моул и Джон Най опубликовали аналитическую статью под названием «Был ли сговор? Статистический анализ чемпионских шахмат, 1940-64», в которой анализировались сотни турнирных результатов, включающих советских и несоветских игроков, и сделали вывод, что с 75 % вероятностью обычно русский сговор *имел* место. Но следовал и дополнительный вывод: «Фишер не был достаточно силен, чтобы на его неуспех серьезно повлиял сговор в пресловутом турнире претендентов на Кюрасао в 1962 году».

Если отставить Кюрасао в сторону, то *реальной* причиной того, почему советские всегда были среди победителей, следует признать то обстоятельство, что они превосходили остальные страны по числу участников по причине популярности игры на родине и поддержки со стороны государства. В Советском Союзе было больше элитных игроков, чем в любых других трех странах вместе взятых. И пока этот дисбаланс не исчезнет — а при

существующей системе «воспитания» он только увеличивался — два-три русских всегда выйдут из межзонального в турнир претендентов, а один-два туда попадут по посеву. Это создавало возможность русским — при желании — становиться «одной командой» и делало неизбежными обвинения, подобные выдвинутым Бобби, что никто с Запада не может стать чемпионом мира при существующей системе ФИДЕ.

Возможно, бескомпромиссная статья Бобби в «Спортс Иллюстрейтед» так впечатлила советских и весь остальной мир, что ФИДЕ пошла на решительный шаг: систему кардинально изменили. С этого момента старая система отбрасывалась — между претендентами будут проводиться матчи из 10–12 партий с выбыванием.

Остался без ответа вопрос: действительно ли Бобби Фишер никогда более не станет участвовать в борьбе за титул чемпиона мира и его мечта останется нереализованной. Некоторые недоумевали: Может быть, он вообще бросит шахматы?

Ответ последовал очень скоро.

Глава 8
Столкновение легенд

На борту океанского лайнера «Нью-Амстердам» 19-летний Бобби Фишер на обед в ресторан первого класса приходил хотя и не в смокинге, но одетым предельно консервативно — синий сержевый костюм, белая рубашка и темный галстук. Забывая, что еще совсем недавно стильная одежда его, мягко сказать, не отличала, Бобби приходил в ужас, свойственный самодовольным нуворишам, когда кто-либо появлялся в обеденном зале в слаксах и кедах.

Во время девятидневного путешествия из Нью-Йорка в Роттердам в сентябре 1962 года он спал как можно больше, играл в различные игры и отдыхал на верхней палубе, вдыхая бодрящий морской воздух. Путешествие оплачивалось из 5.000 долларов гонорара за участие в составе сборной США на олимпиаде в Варне, Болгария. По трем причинам он избрал морской путь, а не воздушный, через Атлантику: он хотел увидеть и испытать, как путешествуют «аристократы», ему хотелось отдохнуть и побыть одному, и он начинал бояться — некоторые могли бы подумать, параноидально — что советские, дабы защитить национальную шахматную честь и избавиться от угрозы их гегемонии, могли что-то сделать с самолетом, в котором он полетит.

Обличительная статья Бобби о жульническом поведении советских обсуждалась во всем мире, и шахматные руководители в России пришли в ярость. Вследствие этого Бобби начал верить, что они способны убить его, «повредив мотор самолета».

Предвкушение игры против чемпиона мира Михаила Ботвинника впервые в жизни было столь сильным, что отлетали прочь мысли о неудобствах проживания — до него доходили такие слухи — на не самом комфортном морском курорте на Черном море под названием «Золотые Пески».

Михаилу Моисеевичу Ботвиннику из Ленинграда был 51 год, и он признавался многими одним из сильнейших шахматистов всех времен. Трижды чемпион мира, он обыгрывал Александра Алехина, Хосе Капабланку, Макса Эйве и Эмануила Ласкера среди прочих сильнейших шахматистов, и являлся живой легендой. Но, как ни удивительно, несмотря на опыт, он испытывал опасения перед первой партией против Фишера. Русский, понятно, знал «Партию века» Бобби, о его практически безупречном выступлении в Бледе, ошеломляющем успехе в Стокгольме. Но имелся и еще один фактор, заставлявший нервничать: он считал

Фишера врагом Советского государства из-за обвинений, выдвинутых 19-летним американцем после Кюрасао.

На горизонте вырисовывалась мини-Холодная война — только на 64 клетках.

Фишер и Ботвинник однажды встречались — но не за доской — на олимпиаде в Лейпциге в 1960 году. Когда их знакомили, Бобби пожал руку Ботвиннику и коротко произнес: «Фишер». На этом обмен приветственными словами закончился. Хотя Ботвинник сносно говорил по-английски, сердечности за ним не водилось.

Ботвинник предполагал, что когда-нибудь Фишер станет противником его или кого-то другого в матче за звание чемпиона мира, и возможно, завоюет титул, но даже если этого не случится, шахматный мир будет анализировать его партию с Фишером на этой олимпиаде еще сотни лет. Думая о том чувстве неловкости, которое он испытает в случае проигрыша, Ботвинник предложил организаторам провести их партию в закрытом помещении: по крайней мере, он не будет видеть лица зрителей и других участников в час возможного поражения. Но такого помещения не нашлось, да и организаторы хотели, чтобы партия игралась публично — для паблисити. Из тысяч партий, игранных на этой олимпиаде, партия Фишер — Ботвинник должна была стать лакомым блюдом всего соревнования, и организаторы не горели желанием лишать любителей шахмат удовольствия.

Ботвинник в очках со стальной оправой и в сером костюме, являл собой образец серьезности и ответственности. Он был застегнут на все пуговицы, буквально и фигурально, имея вид ученого — которым, как и гроссмейстером, он также являлся. Понимая себя безусловным представителем всего Советского Союза, он тщательно подбирал слова, — вполне допуская, что они могут появиться в кратком изложении в каком-нибудь издании. Анатолий Карпов, ученик Ботвинника, сказал как-то про учителя, что тот был сама «олимпийская недоступность».

Бобби уже сыграл пятнадцать партий за четыре недели к моменту, когда настало время садиться за столик против Ботвинника, так что задолго до дуэли оружие было очищено от ржавчины. Встретившись за доской, они пожали друг другу руки и слегка стукнулись головами, усаживаясь на стулья. «Sorry», — произнес Бобби, произнеся второе слово в общении с Ботвинником. Ответа вновь не последовало.

Партия была отложена, и положение оценивалось явно в пользу американца.

Фишер ужинал один тем вечером, бегло посмотрел отложенную позицию, и, уверенный в победе, лег спать. Не так

думали советские. Михаил Таль, Борис Спасский, Пауль Керес, Ефим Геллер, тренер команды Семен Фурман и Ботвинник работали над позицией до половины шестого утра. Они также позвонили в Москву Юрию Авербаху — авторитету в эндшпильных делах — и спросили его мнение. Но тонкий путь к возможной ничьей, хотя Фишер имел материальный перевес, нашел Геллер.

На следующее утро за завтраком кто-то приблизился к Ботвиннику с вопросом: что он думает о позиции. Он произнес одно слово по-русски: «Ничья».

В 1962 году Фишер и Ботвинник сыграли свою единственную партию на шахматной Олимпиаде в Болгарии — одному было 19 лет, другому 51.

На доигрывание Ботвинник пришел в рубашке с короткими рукавами и с таким непривычным для него видом, что знавшие его поняли, — он обеспокоен и настроен на тяжелую борьбу. Бобби же и не подозревал, что ему предстоит бороться против анализа не менее чем семи советских гроссмейстеров, а не только против изобретательности непосредственного противника. Медленно до него дошла идея Ботвинника, и его лицо стало пепельно-серым. Ботвинник, редко вставший из-за доски до окончания партии, был настолько возбужден от смены декораций

на доске, что не мог усидеть на месте. Он поднялся, подошел к капитану команды Льву Абрамову и снова прошептал: «Ничья». Бобби, не забывший спор с Абрамовым в Москве-1958 — с тех они не разговаривали — немедленно пожаловался арбитру. «Смотрите, — заявил он, — Ботвинник получает помощь!»

Абрамов, по классу игры, разумеется, уступавший Ботвиннику, являлся всё же международным мастером и мог передать Ботвиннику информацию от других советских гроссмейстеров. По крайней мере, Бобби так *думал*. Официального протеста, впрочем, не последовало, поскольку собственные товарищи по команде считали его «экстремистом» и человеком с мозгами несколько набекрень.

В итоге Бобби не сумел добиться цели в партии, которую должен был выиграть. Он взглянул на Ботвинника и произнес третье слово в их общении: «Ничья». Ботвинник просто протянул руку. Позднее он вспоминал, что Бобби, лицо которого стало мертвенно-бледным, пожал ему руку и покинул турнирный зал в слезах. Команда США финишировала на разочаровывающем четвертом месте и, главным образом, из-за неудачного выступления Бобби. Удивительно, но 19-летний парень написал письмо с извинениями д-ру Элиоту Херсту, капитану команды США, в котором говорилось, что над ним довлели неприятности, не имеющие ничего общего ни с олимпиадой, ни с шахматами.

На борту «Нью-Амстердам» Бобби, возвращаясь в Нью-Йорк, написал записку своему другу Бернарду Цукерману с описанием того, как на него повлияла ничья с Ботвинником. Это сообщение было телеграфировано в Бруклин. Бобби полагал, что угодил в «ловушку» — что он попался на одну из уловок противника и сделал неудачный ход — и что перед этой его ошибкой Ботвинник, ввиду преимущества у Бобби, выглядел настолько сокрушенным, что, казалось, он вот-вот рухнет.

В своей оценке, в которой сквозила обида, Бобби высказался в том смысле, что Ботвинник, уважаемый экс-чемпион мира, никогда не был великим шахматистом, никогда «первым среди равных», как однажды Ботвинник определил себя сам. Бобби утверждал, что превосходство Ботвинника объясняется политическими обстоятельствами. Он предположил, что Ботвинник мог бы стать премьером Советского Союза ввиду своих [политических] способностей «вне шахматной доски».

Кюрасао стал для Бобби точкой невозврата в его отказе снова участвовать в цикле чемпионата мира. Партия в Варне, в которой Ботвиннику вымучить ничью помогали все его товарищи по команде, также стала поворотным пунктом. Только через два года Бобби вновь примет приглашение играть в международном

турнире. Русские утверждали, что его уход со сцены вызван «патологическим» страхом перед «рукой Москвы». Вернувшись в Бруклин, Бобби заявил, что более не хочет иметь дела с «коммунистическим жульем», как он выразился.

Немногим более чем через год — в декабре 1963 — должен был состояться очередной чемпионат США (1963-4). Местом его проведения избрали непритязательный отель «Генри Гудзон» в Нью-Йорке. Соперники Бобби падали, как кегли, по которым он наносил удар — один за другим они безропотно уступали — ни единого намека даже на ничью. Публика почувствовала, что должно произойти нечто исключительное. И оно произошло.

Бобби нанес поражения сильному чемпиону Артуру Бисгайеру и стареющему Сэмюэлю Решевскому, после чего среди зрителей начались споры, а не сумеет ли Бобби пройти дистанцию всухую — победить во всех встречах без единой ничьей? Зрителей становилось всё больше, по мере того, как слух о невероятном результате Бобби распространялся по шахматному сообществу.

Напряжение, и так всегда высокое в соревнованиях высокого уровня, нарастало. Быстрая, без намека на цейтнот безошибочная игра Бобби, давала ему психологическое преимущество над теми участниками, с которыми ему только предстояло играть. Он уничтожал каждого, кто встречался ему по пути. И 30 декабря 1963 года Бобби осталось провести последнюю партию, до этого он не проигрывал и не делал ничьих.

Турнир взял паузу в день Нью-Йорка, и последний тур начался 2 января. Результат Бобби уже обеспечил ему первое место, но как завершится турнир, сказать твердо было нельзя. Ему предстояла партия против Сэйди, его друга, который был на шесть лет старше Бобби и работал врачом в корпусе мира. Для участия в турнире ему предоставили отпуск. Он шел по дистанции очень хорошо, и победа в последнем туре давала ему шансы на второе место. Он также мог стать «спойлером», — тем, кто не даст Фишеру показать абсолютный результат в турнире. Если бы это случилось, то его «подвиг» вошел бы в шахматную историю. И в принципе Сэйди *мог* выиграть, тем более, что у него были белые фигуры.

В зале собралось несколько сотен зрителей, напряженно наблюдавших за событиями на демонстрационной доске. Большинство из них явно, но очень тихо, болело за Бобби, частично из-за того, что победа позволяла ему показать абсолютный результат. Но партия затянулась, выигрыш в ней казался весьма проблематичным. Позиция Сэйди представлялась

очень крепкой, положение Бобби — неустойчивым. Время игры истекло (контроль — по 2,5 часа), а победитель не определился. Очередь хода была за Сэйди. Молодой врач думал около сорока минут, записал свой ход на бланке, запечатал его в конверт согласно турнирным правилам и отдал главному судье. Партия была отложена для доигрывания на следующий день. Все покинули зал в убеждении, что по возобновлении игры она закончится вничью, и то в лучшем для Бобби случае. На деле всё обернулось иначе. Через тридцать минут Сэйди осознал, что записал ошибочный ход. На следующий день, когда главный судья распечатал конверт и сделал ход на доске, Бобби сразу всё понял — Сэйди ошибся. Он посмотрел на Сэйди, и легкая улыбка появилась на его лице. Ошибка Сэйди давала Фишеру возможность получить выигранный эндшпиль, и через полчаса после начала доигрывания Сэйди признал свое поражение.

Невероятный результат стал сенсацией, его подхватили СМИ, — радио, газеты, телевидение всего мира сделали событие общим достоянием: одиннадцать партий, одиннадцать побед. На этом уровне такого просто не может быть, каким бы гением ни был победитель. Первый приз Фишера за две недели напряженной и блестящей работы составил всего 2.000 долларов

Нешахматные медиа уделили турниру гораздо больше внимания, чем обычно, хотя и не могли уяснить для себя, являются ли шахматы искусством или спортом. «Лайф» и «Сетердей Ивнинг Пост» взяли интервью у Бобби. «Спортс Иллюстрейтед» подал рассказ о событии под заголовком НЕВЕРОЯТНАЯ СЕРИЯ ПОБЕД БОББИ ФИШЕРА. Шахматные издания всего мира писали о не имеющем аналогов достижении. Только Бента Ларсена, всегдашнего «очернителя» Бобби, результат ничуть не впечатлил: «Бобби играл против детей», — заявил он.

Решевский — ребенок? Роберт Бирн? Ларри Эванс? или Пал Бенко?

9 марта 1964 года Бобби Фишеру стукнуло двадцать один. Этот день рождения ставил его в один ряд с многими американцами мужского пола в ту эпоху военной напряженности: он стал призывником. Президента Джона Ф. Кеннеди убили в ноябре предыдущего года, и сменивший его на посту Линдон Бейнс Джонсон взял курс на эскалацию войны во Вьетнаме. Попасть в армию в то время означало — с большой долей вероятности — службу в Южной Азии.

Как «1-А» кандидат, Бобби должен был пройти медицинский осмотр на призывном пункте армии США, расположенном на

Уайтхолл-стрит в Нью-Йорке. В случае признания его годным, ему пришлось бы следующие два года провести в армии. Фишер был, на тот момент, патриотически настроен, но его интересы фокусировались на шахматах, и шахматное сообщество рассчитывало на то, что он будет играть в межзональном в Амстердаме. Он, правда, ранее заявил, что не примет участия в цикле ФИДЕ, поскольку всё в нем устроено в пользу советских. Но, может быть, он всё же вернется на дорогу, ведущую к званию чемпиона мира? Мир того хотел, и в глубине души Фишер тоже этого хотел — но заявил, что решение его неизменно. И всё же нашлись энтузиасты, которые стали искать пути получения для Фишера отсрочки от призыва, дабы он смог принять участие в межзональном турнире… если надумает в нем играть.

От имени Бобби официальные лица из Шахматной Федерации США связались с генералом Джорджем Б. Херши, главой призывной комиссии. Херши пояснил, что «*временную* отсрочку почти по любой причине обычно легко получить в местном призывном пункте, но, в конечном счете, Фишер, скорее всего, будет призван».

Возможно получение и более длительной отсрочки, причем абсолютно легальной, для студента колледжа. Бобби бросил среднюю школу, но «Новая школа социальных исследований» — современный колледж в Нью-Йорке — хотела включить его уникальные шахматные достижения в свой учебный процесс. Помощник директора Альфред Ланда сообщил, что Фишера не только примут в колледж, но ему дадут и стипендию. Бобби долго размышлял над предложением. И в один прекрасный день отправился в эту школу с просьбой о зачислении, но… не дошел. Его опыт школьной учебы ему сильно не нравился, и это, вероятно, стало неодолимым барьером. Без объяснений он не стал входить в здание школы и отказался просить студенческую отсрочку.

Ему вновь назначили дату и место проведения медицинского осмотра, и он сам отправился на призывной пункт. Впоследствии сообщили, что Бобби было отказано в призыве по причинам, которые никогда не раскрывались. Бобби Фишер получил группу 4F — военный рейтинг, означавший, что у рекрута обнаружились один или два недостатка медицинского свойства, которые исключают возможность прохождения армейской службы. Но физически он *казался* здоровым и выглядел превосходно.

Какая бы ни была причина, но Бобби Фишер никогда в армию не призывался.

Бобби сидел в небольшой, обшитой деревянными панелями

комнате в маршалловском шахматном клубе, в которой кроме него были только доска и судья. Напротив за доской — никого. Определившись с ходом, он записал его на бланке, который судья отнес к скороходу, а тот уже передал его в соседнюю комнату, где был установлен телетайп. Бобби ждал, оставаясь в одиночестве, отправки хода в Гавану, Куба, где его противник также сидел в одиночестве за своей доской. Когда противник делал ход, он отправлялся по телетайпу из Гаваны в маршалловский клуб, оператор телетайпа отдавал его скороходу, и в итоге ход оказывался в тихой комнате, где Фишер напряженно его ожидал.

Это был 1965 год, и Фишер принял приглашение участвовать в «Мемориале Капабланки» — международном гаванском турнире. Турнир — именно такой, который был ему нужен для возвращения на международную арену. Участвовало тринадцать гроссмейстеров и восемь международных мастеров — не такой сильный состав, как в последнем турнире Бобби, но очень высокого уровня. Гонорар в 3.000 долларов решил вопрос участия. Бобби вернулся.

Но не вполне. Дипломатические отношения между США и Кубой оставались крайне напряженными. Госдеп уже разрешал журналистам посещать Кубу, но отказывал в этом обычным гражданам. Фишер обратился за визой, поскольку регулярно поставлял материалы в «Чесс Лайф» и обещал журналу статью для «Сетердей Ревью» об этом соревновании. Это издание написало письмо в Госдеп США (как и в Шахматную Федерацию США), в котором подтверждало легальность поездки и просило разрешения для Бобби посетить Кубу. Нет сомнений в том, что главный мотив Бобби заключался в желании сыграть в турнире, но он также намеревался и написать о нем. Но Госдеп не согласился считать его колумнистом и на этом основании отказал в поездке в Гавану.

Тогда никто не знал, что ФБР следило за Бобби уже многие годы. Исходной точкой этого интереса, вероятно, было то, что они считали его мать коммунисткой, отчасти из-за проведенных ею шести лет в Москве, где она посещала медицинский колледж; следили за ней еще с тех времен, когда Бобби был ребенком. В 1958 году 15-летний Бобби посетил Москву, и ФБР решило, что Регина направила его туда, дабы он напитался «идеями».

Бюро, очевидно, трудно было представить, что кто-то мог поехать на столь дальнее расстояние просто для того, чтобы поиграть в шахматы, тем более, в политически несвободную страну. В файле ФБР, посвященном Бобби, отмечено, что его паспорт «не давал ему возможности посещать Албанию, Кубу и районы Китая, Кореи и Вьетнама, которые находились под

контролем коммунистов». Также в нем содержится меморандум от 1965 года из офиса, занимавшегося координацией всех дел, связанных с Кубой, с заключением: «цель посещения Кубы, состоящая в участии в шахматном соревновании, не считается достаточным разрешительным основанием».

Но Бобби решил участвовать в турнире, невзирая на «происки» ФБР, — его ничто не могло остановить. Помогали ему в этом официальные лица Шахматной Федерации, предложившие весьма оригинальную идею: Бобби останется в Нью-Йорке и будет играть свои партии, находясь в маршалловском клубе. В 1965 году сотовых телефонов, понятно, не было, как не было и Интернета. Но Фишер мог играть по телетайпу. Кубинские официальные лица пришли в восторг, они легко согласились на расходы в размере 10.000 долларов для оплаты открытой телефонной линии и аппарата телетайпа. Что касается остальных участников, то они не стали возражать, хотя кое-кто и выразил недовольство. Че Гевара, сильный шахматист, был главной движущей силой всего турнира.

Высказался и Фидель Кастро, назвавший ситуацию «большой пропагандистской победой Кубы». Новость стала темой для заголовков газет. Фишер пришел в ярость. Он отправил телеграмму Кастро, угрожая выйти из турнира, если премьер не пообещает ему прекратить использование его имени в политических целях. Бобби писал:

> Я тогда только приму участие в турнире, если вы немедленно пришлете мне телеграмму, где будет заявлено, что ни вы, ни ваше правительство не будете наживать политический капитал на моем участии в турнире. И что в будущем никакие политические комментарии не последуют.
>
> *Бобби Фишер*

Кастро ответил телеграммой с отказом давать какие-либо обязательства и взывая к смелости Фишера:

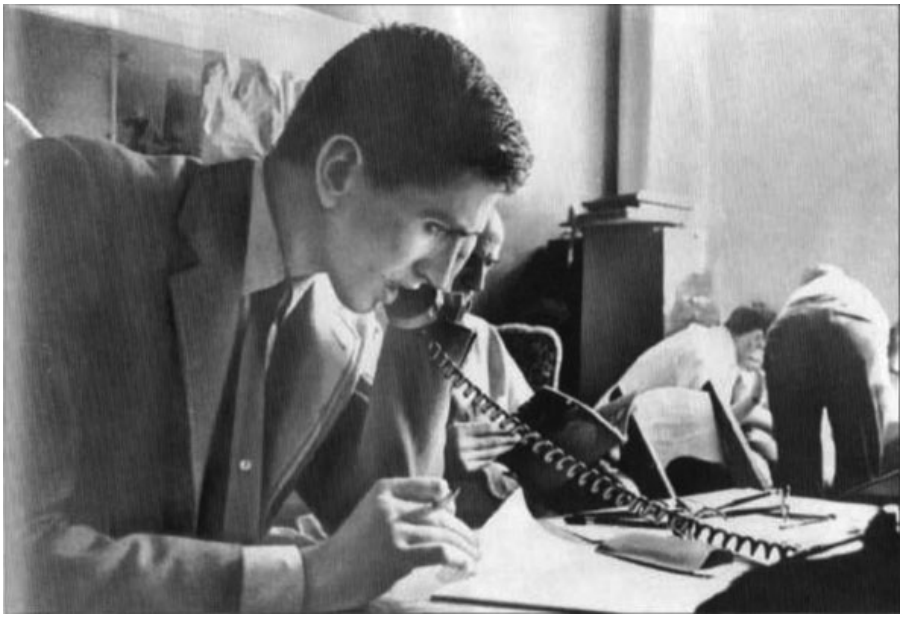
> Наша страна не нуждается в таких «пропагандистских победах». Ваше личное дело участвовать в турнире или нет. Если вы испугались и сожалеете о предыдущем решении, тогда вам лучше найти другое извинение или иметь храбрость остаться честным перед собой.
>
> *Фидель Кастро*

Получив это послание, Бобби не стал продолжать словесную перепалку и подтвердил свое участие. Он хотел играть в шахматы, дешевая сенсационность его не интересовала.

Но условия для Бобби оказались не самыми удобными. Чтобы избежать и намека на «читинг», ему пришлось согласиться на изоляцию ото всех, кроме судьи. Это был опыт стерилизации без обратной связи, без шанса прочесть язык телодвижений соперника. Пока Бобби сидел в комнате вместе с судьей, никакой обмен словами не допускался; дневной свет постепенно переходил в сумерки. Иногда, ожидая ответ противника из Гаваны, Бобби смотрел на клубный сад. Бюст Филидора, шахматиста XVIII века и композитора, считавшегося сильнейшим игроком своего времени, стоял на этажерке из шахматных комплектов и словно следил за течением партии. Тиканье шахматных часов — единственный звук, слышимый в тишине.

Обычная четырехчасовая партия тянулась из-за телетайпа восемь-девять часов, а то и все двенадцать. Турнир стал проверкой на выносливость и крепость духа. Бобби постепенно выдыхался. Противники сталкивались с теми же проблемами, но каждый этому испытанию подвергался только раз — в партии с Фишером. Бобби приходилось играть в этом странном изолированном формате каждую партию. В середине турнира кто-то спросил его, на какой результат он рассчитывает, и Бобби ответил: «Всё зависит от того, когда я сломаюсь».

Бобби выиграл первые две партии, но на длинной дистанции потерпел несколько поражений и сделал некоторое число ничьих с игроками, гораздо меньших его по калибру. Несмотря на проблески гения, это не был прежний Фишер, который прошел ураганом по чемпионату США за восемнадцать месяцев до этого. И всё же он разделил второе место, отстав на пол-очка от экс-чемпиона мира Василия Смыслова.



После запрета на поездку в Гавану в 1965 году, Бобби сидел в закрытой комнате маршалловского шахматного клуба в Нью-Йорке и играл с соперниками по телетайпу. Обыграв Василия Смыслова, он анализирует с ним партию по телефону.

Но если бы он не показал этот приличный результат, его история могла закончиться именно тогда, в тихой задней комнате шахматного клуба. Гавана стала его «камбэком» под светом прожекторов, а неудача лишь бы усилила разочарование в собственных силах, возможно, навсегда. Два провала в международных соревнованиях он вряд ли смог бы перенести. Для Бобби в любом турнире всегда существовало только одно место — первое. Но после долгого отсутствия на международной арене, играя в трудных условиях, он, вероятно, посчитал второе место приемлемым результатом.

Открыто Бобби выказывал недовольство своим результатом, но советский шахматный истэблишмент был ошеломлен тем, что Бобби сумел показать столь высокий результат в очень трудных условиях. Они остались в убеждении, что он растет как шахматист, и что если не предпринять экстренных мер, он сокрушит советскую гегемонию.

Беспокойство, вызванное стремительным возрастанием силы Фишера, побудило Всесоюзный НИИ, изучавший спортивную психологию, назначить советского гроссмейстера и теоретика Владимира Алаторцева руководителем секретной лаборатории (расположившейся поблизости от Московского Центрального Шахматного Клуба). Ее назначение состояло в анализе партий

Фишера. Алаторцев и небольшая группа мастеров и психологов работали без устали десять лет, пытаясь «решить» тайну Фишера, а также анализировали особенности его личности и поведения. Они упорно изучали дебюты, миттельшпиль и окончания американца — и отфильтрованные результаты передавали элитным советским гроссмейстерам.

Хотя он того и не осознавал, но если бы Фишер не принял приглашение на Кубок Пятигорского-1966 в Санта-Моника, Калифорния, то этот турнир не состоялся бы вовсе. «Мы *должны* заполучить Бобби Фишера», — сказал Грегор Пятигорский своей жене. За несколько лет до этого миссис Пятигорскую подвергли критике в определенных кругах за то, что она не уступила некоторым из требований Фишера, в результате чего тот отказался от участия в турнире 1963 года. Согласно ее решению на этот раз каждый из участников получал одинаковую сумму — по 2.000 долларов — что позволяло сохранить лицо и обеспечить участие величайшего американского игрока.

История о том, как Бобби развалился в первой половине турнира, очутившись на последнем месте (в дележе), но в итоге в предпоследнем туре уже делил первое место со Спасским, рассказывалась много раз. В начале соревнования Фишер выглядел истощенным, наподобие Авраама Линкольна; его щеки ввалились, а под глазами образовались огромные темные круги, указывая на серьезное нездоровье.

По мере того, как множились его поражения и ничьи, становилось понятно, что этот турнир рискует стать самым катастрофичным в его карьере, падение могло даже затмить неудачу в Буэнос-Айресе. Бобби находился на краю бездны, угрожающей самому его существованию. Необходимо было как-то наладить игру, понять, что он делает не так; требовалось извлечь уроки из поражений, иначе карьера могла если и не закончиться, то наверняка запятнаться. Краткое пребывание на дне турнирной таблицы не означает неудачу, но долгое нахождение там, отказ от борьбы — означает.

К счастью, изыскав внутренние резервы, Бобби *начал* подъем. Его способности и характер позволили ему выплыть на поверхность. Он вернулся в турнир во второй его половине и закончил в полу-очке от Спасского. Его реакция — образец амбивалентности. Он испытывал огромную радость от того, что выбрался из бездны, в которой оказался в первой половине турнира, но его угнетало, что первый приз от него ускользнул.

На церемонии закрытия супружеская чета Пятигорских позировала для фотографов со Спасским с одной стороны и

Фишером с другой. Последний со слабой улыбкой на лице выглядел немного смущенным, словно говоря: «Вообще-то я должен был выиграть турнир, и мне не в чем винить русских в этот раз… Дело во мне… и только во мне».

Борис Спасский, Грегор и Жаклин Пятигорские, Бобби Фишер (Санта-Моника, 1966 год).

Когда игроки покидали отель «Мирамар», чтобы разъехаться по своим странам и штатам, Бобби просто не стал этого делать. Не он первый из шахматистов так поступил. Как актер, остающийся в образе и отказывающийся покидать гримерную, или писатель, не желающий спускаться со своего чердака после написания книги. Нежелание рвать связь с местом, которое служило творческой мастерской многие часы, дни, недели и месяцы.

Через три недели после того, как все разъехались, Бобби всё еще оставался в «Мирамаре» в нескольких шагах от океана в окружении садов и пальм, вдыхая терпкий запах эвкалипта. Он плавал и гулял, и часто проводил остаток дня — и добрую часть ночи — за переигрыванием партий турнира, кляня себя за допущенные ошибки. Кто-то, наконец, ему сказал, что Пятигорские не будут вечно оплачивать его счета, поэтому, с неохотой он отправился домой в Бруклин.

Глава 9
Претендент

В течение 1960-х Бобби Фишер продолжал свою иногда блестящую, иногда самовредительскую карьеру: он победил на турнире в Монте-Карло и невежливо отказался позировать для фотографии с его высочеством принцем Ренье, спонсором турнира, а на публичной церемонии, когда принцесса Грейс вручала ему призовой чек, он сначала разорвал конверт и пересчитал деньги, и только затем поблагодарил ее; он возглавил олимпийскую команду США на Кубе, где выиграл серебряную медаль, выступая на первой доске, и с бóльшим почтением отнесся к Фиделю Кастро, которому подарил — с автографом — свою книгу «Бобби Фишер учит вас играть в шахматы». И в завершение покинул межзональный-1967 в Тунисе — хотя лидировал и практически обеспечил себе первое место — из-за отказа организаторов учесть его пожелания относительно времени начала партии. Пришедшему к нему в отель журналисту он не открыл дверь: «Отставьте меня в покое! — выкрикнул Бобби. — Мне нечего вам сказать». Бобби понимал, что выходя из турнира, он терял еще один шанс стать чемпионом мира, но решил не считаться с последствиями: *Он*, а не организаторы, будет решать, когда ему играть, а когда — нет.

Бобби Фишер и Фидель Кастро на Всемирной Шахматной

Олимпиаде (Гавана, 1966 год).

Наиболее важным достижением Бобби в 1969 году стала публикация давно обещанной книги «Мои 60 памятных партий», — она вышла в издательстве Симон & Шустер. Любители шахмат приняли ее «на ура», она сразу стала сенсацией. За десять лет до этого тонкая книжица Фишера «Шахматные партии Бобби Фишера» приоткрыла дверцу в мозг тинэйджера, но подверглась критике за малое число примечаний. В новой книге, в его первой — и, как оказалось, последней — серьезной работе, Фишер был каким угодно, только не кратким. Его труд стал одной из самых точных и восхитительных шахматных книг из когда-либо написанных, соперничая, по меньшей мере, с книгами Тарраша, Алехина и Рети. Фишер, как и его предшественник Морфи — американский вундеркинд XIX века — не отличался особой эпистолярной плодовитостью, и публика жадно ловила каждое написанное им слово. В книгу 1969 года он не включил «Партию Столетия» 1956 года, зато в ней нашлось место для девяти ничьих и трех поражений — проявление скромности, вещь уникальная в анналах гроссмейстерской литературы. Фишер посвятил четырнадцать страниц подробному анализу своей ничьей против Ботвинника в Варне.

Бобби сначала хотел озаглавить книгу «Моя жизнь в шахматах», но затем передумал, вероятно, зарезервировав это заглавие для будущей автобиографии. Первоначально он собирался включить в сборник только пятьдесят две партии, но работа велась постоянно, он продолжал выступать в турнирах, и в итоге книга пополнилась еще восемью партиями. Работа заняла более трех лет.

Симон & Шустер находились в непрерывном напряжении, корректировкам в годы работы, казалось, не будет конца, а в один момент Фишер уничтожил *все* примечания, вернул книгу в издательство и попросил расторгнуть контракт. Вероятно, по причине нежелания раскрывать свои секреты конкурентам. Стороны пришли к финансовому соглашению, и планы по изданию были закрыты. Но через два года Бобби изменил свое решение. Ларри Эванс, написавший вступительные статьи к партиям, полагал, что намерение Бобби всё же закончить книгу диктовалось прагматическими соображениями: «Он испытывал разочарование в человечестве, полагал, что скоро разразится ядерная катастрофа, и посчитал, что нужно потратить все деньги, которые можно заработать, прежде чем будет поздно».

«Мои 60 памятных партий» имели огромный успех. Если бы Фишер не сыграл более ни одной партии в шахматы, его

репутацию, во всяком случае, как блестящего аналитика, эта работа утверждала навсегда.

Бобби перестал участвовать в соревнованиях в конце 1968 года, и, если не считать получившую общее признание партию в нью-йоркской Лиге Метрополии-1969, он взял 18-месячный отпуск, что вызвало недоумение и даже легкий переполох в шахматном сообществе. Он не объяснял причин, но впоследствии одному интервьюеру сообщил, что отказывался играть из-за каких-то своих «тараканов». По утверждению другого, он избегал соревнований, потому что «вынашивал планы мщения. Я хотел вернуться и показать, кто в доме хозяин», хотя место проведения, призовой фонд и состав участников также играли свою роль. И он отказывался от поступавших предложений, от своих шансов.

Затем, со своей обычной непредсказуемостью, он сделал исключение: Он будет играть в матче «СССР против остального Мира». В марте 1970 Бобби прилетел в Белград и пообедал отеле «Метрополь» с журналистом Джорджем Колтановски и Ларри Эвансом, — последний писал о матче, но не играл в нем, выполняя роль секунданта Фишера. Оптимистичный и неожиданно дружелюбный Бобби раздал автографы почти всем официантам в отеле. Когда шахматная колумнистка попросила об интервью, он согласился; она вскрикнула от восторга, обняла Бобби и поцеловала его в щеку. Бобби воспринял всё это довольно спокойно, на что Эванс заметил: «В этом нет ничего необычного, но если вы увидите, как Бобби целует девушку, вот *тогда* у вас есть новость для газетчиков!» Даже Бобби засмеялся. Затем он отправился инспектировать освещение и условия для игры в театре внутри «Дома Синдиката» на площади Маркса-Энгельса. Часто используемый для профсоюзных собраний, огромный театр с куполообразной крышей был подготовлен к матчу. Бобби помещение одобрил.

Бобби походил по огромному театру, готовому к первой партии, и посмотрел вверх. На стене висела его фотография в три этажа высотой. Оглядевшись, он увидел огромные портреты двадцати участвующих в матче гроссмейстеров. Здесь был размышляющий Таль с пронзительным взглядом; Бент Ларсен с зачесанными назад светлыми волосами; Михаил Ботвинник, похожий на консервативного бизнесмена; чех Властимил Горт, который был всего на несколько месяцев моложе Фишера; друг Бобби Светозар Глигорич, располагающей внешности усатый серб, пользовавшийся симпатией и уважением буквально всех в шахматном мире; и смуглый Тигран Петросян, с кем предстояло играть Бобби.

Бобби предложил неожиданный вариант в ответ на избранный Петросяном дебют. Он позднее признался, что завлек русского в вариант, который изучал за несколько лет до этого и где подготовил отличную новинку. Первая половина партии протекала в трудной борьбе, но в итоге Бобби получил ясный перевес и на 39-м ходу одержал победу. По итогам первого раунда жюри присудило Фишеру приз за лучшую партию. Аплодисменты не смолкали три минуты, несмотря на попытки успокоить зрителей. Бобби вызывал такую же реакцию на других турнирах и матчах; фанаты часто писали ему восхищенные письма. Он даже получал матримониальные предложения. Комментируя свой выигрыш, Бобби сказал: «Я способен играть лучше».

К третьему раунду волнение в Белграде стало настолько сильным, что болельщики заполнили большой зал менее чем за полчаса. Спекулянты покинули свои обычные места у театров и кинотеатров и переместились ко входу Дома Синдиката, перепродавая входные билеты, на которые возник ажиотажный спрос. Президент Югославии Рибичич, посетивший первые два раунда, пришел и на третий.

Фишер сделал ничью, расслабился и стал смотреть другие партии. Решевский со Смысловым свою партию отложили. Вернувшись в отель, Бобби сел с Решевским, чтобы проанализировать позицию и наметить стратегию на оставшуюся часть партии. После десяти лет острейшего соперничества Бобби впервые дружески общался с непримиримым соперником на американской земле. (На следующий день Решевский одержал победу.) В четвертом и последнем раунде Бобби удержал ничью.

Советская команда одержала победу с отрывом в одно очко от сборной Остального Мира: 20,5-19,5. Русские были потрясены этим, как они считали, практически поражением. «Это катастрофа, — заявил один из членов команды. — Дома нас не поймут. Такой счет, посчитают “наверху”, означает, что с нашей культурой что-то не так». На первых четырех досках советские сумели выиграть всего одну партию из шестнадцати. Бобби Фишер показал лучший результат в команде, одержав победу со счетом 3–1 против Петросяна (два выигрыша и две ничьи). Как победивший на второй доске, он получил в награду русскую машину «Москвич».

Он хотел *выиграть* машину, но не *иметь* ее. Только получив ее, сразу захотел продать. Бобби сказал: «В прошлом году в США у нас произошло 56.000 смертей в результате несчастных случаев на дороге, и я решил пользоваться автобусом».

Все участники собрались вместе по окончании матча, чтобы

сделать общую фотографию. Как обычно, Бобби отсутствовал. Аргентинец Мигель Найдорф, знавший Бобби довольно хорошо, сказал: «Он хочет войти в шахматную историю в одиночку».

Чтобы стать чемпионом мира по шахматам, Бобби сначала надо было пройти межзональный, и он выполнил задачу очень легко в Пальма-де-Мальорка в 1970 году. На середине дистанции после одиннадцати туров он шел на втором месте, на пол-очка отставая от лидера Ефима Геллера из СССР. Их встреча в двенадцатом туре должна была стать поворотной во всем течении турнира.

Геллер шел без поражений. И, что еще более важно, он обыграл Бобби в их последних трех партиях, побеждая Фишера чаще, чем кто-либо другой. Он представлял собой серьезный вызов для Бобби, который старался сохранять выдержку и спокойствие, внимательно изучая партии Геллера из этого турнира. Геллер, разговаривавший по-морскому просто, и имевший телосложение борца-реслера, прибыл на партию с развязанным галстуком и в помятом костюме.

После нескольких минут игры Геллер оскорбил Бобби, предложив ему ничью — на седьмом ходу. Фишер откинулся на спинку стула и засмеялся. Геллер смех его поддержал. Затем Бобби ответил фразой, которую ясно мог слышать только Геллер. Случайный свидетель уверял, что Фишер произнес слова: «Слишком рано», но лицо Геллера налилось краской, а значит, ответ Бобби был более язвительным. Бытовало мнение, что Бобби выразился в том смысле, что ранние ничьи — отличительная черта советских игроков. В опубликованном после турнира сборнике партий редакторы так описали афронт Геллера на седьмом ходу: «Но почему Геллер мог думать, что Фишер примет быструю ничью? Фишер известен своим отвращением к быстрым ничьим и стремлением играть до голых королей (не всегда обоснованно). Никаких ничьих до сорокового хода — важная часть его философии».

Очень скоро Геллер грубо ошибся, и Фишер одержал победу над противником, бывшим его Немезидой.

Бобби, кажется, окончательно повзрослел в Пальма-де-Мальорка. Хотя он вышел победителем из турнира, в котором принимали участие двадцать три сильнейших шахматиста планеты, его самого результат не особенно впечатлил: «Я удовлетворен результатом, но не качеством игры». Когда ему напомнили о катастрофичном выступлении на турнире претендентов 1962 года, он ответил: «Быть может, то пошло мне на пользу. Я тогда был слишком юн». В Пальма-де-Мальорка он

стал взрослым.

Успех Бобби в Пальма-де-Мальорка вывел его на новый уровень борьбы за чемпионский титул. После неудач в турнирах претендентов в Югославии (1959) и на Кюрасао (1962), он протестовал против того, что он определил как групповое изнасилование советскими участниками, которые с помощью договорных ничьих украли у него чемпионский титул. ФИДЕ согласилась с многократно повторенными Бобби доводами и изменила систему отбора претендента на звание чемпиона мира. Федерация отменила *турнир* претендентов, в котором сильнейшие шахматисты играли по системе каждый с каждый, что, по мнению Бобби, давало советским широкое поле для сговора. Вместо турнира ФИДЕ ввело *матчи* претендентов. Фишеру выпадет сыграть с двумя советскими игроками — Марком Таймановым и Тиграном Петросяном, и одним несоветским — датчанином Бентом Ларсеном.

Аналитики и специалисты предсказывали, что Фишер выйдет победителем в матчах, но в упорной борьбе. Даже советские так думали. Таль предсказал победу Фишера со счетом 5,5:4,5 в матче против Тайманова. Фишер выражал нехарактерное для него сомнение в собственном успехе. Хотя он сыграл семьдесят четыре партии за последние девять месяцев, на финише в Пальма-де-Мальорка одержав семь побед подряд, он считал, что не находится в оптимальной форме, и что ему надо играть больше. Матчи претендентов требовали тщательной подготовки. Ничего не принимать на веру — один из ключей фишеровских успехов. Как обычно, он усердно готовился к борьбе (растянувшейся на шесть утомительных месяцев) со всеми предполагаемыми противниками.

Марк Тайманов стал его первым противником. Сильный игрок в свои сорок пять лет показывал лучшую игру в жизни; в Пальма-де-Мальорка Тайманов выступил очень мощно. Фишеру было двадцать восемь лет, и он находился в отличной физической форме. Их матч должен был начаться в мае 1971 года в Ванкувере, Канада, на территории красивого кампуса университета Британской Колумбии.

Тайманов прибыл с полным советским антуражем: секундант, помощник, менеджер, но со всей этой командой он оказался беспомощен. Бобби нанес ему шесть поражений подряд, первый сухой «вынос» на гроссмейстерском уровне в истории шахмат.

Сокрушительное поражение практически поставило крест на шахматной карьере Тайманова. Советское правительство посчитало это национальным унижением и наказало

гроссмейстера за то, что он не сумел сделать хотя бы одну ничью. Ему перестали платить стипендию и запретили выезжать из страны. По окончании матча Тайманов печально сказал Фишеру: «Ну что же, у меня еще остается музыка».

Матч Бобби с Бентом Ларсеном начался 6 июля в Денвере в четыре часа пополудни при очень жаркой и некомфортной погоде. Фишер доминировал в этом противоборстве в той же степени, что и в матче против Тайманова: он уничтожил датчанина, победив во всех партиях.

В девять часов вечера 20 июля 1971 года Бобби Фишер добился не имеющего аналога в истории шахмат успеха — он обыграл двух гроссмейстеров в матчах, не проиграв ни одной партии и без ничьих. Он добился беспрецедентной серии из девятнадцати побед подряд против сильнейших игроков в мире.

Скептики, не желавшие верить в силу Фишера, особенно из Советского Союза, предположили, что тотальный разгром Тайманова есть просто некая аберрация. Но сухая победа над молодым и имевшим высокую репутацию Ларсеном доказала, что Фишер обладает суперклассом. Роберт Бирн, с изумлением наблюдавший за матчем, сказал, что не может объяснить, как Бобби, и не только он, вообще может выиграть шесть партий подряд у такого гения игры, как Бент Ларсен.

Советские поначалу испытали облегчение, поскольку поражение Ларсена уменьшало загадку таймановского разгрома. Теле- и радиостанции прерывали свое вещание, чтобы сообщить о том, как продвигается матч. Миллионы советских людей с огромным интересом следили за ходом матча, восхищенные игрой Фишера. «Советский Спорт» выдал заголовок: «Случилось чудо».

Фишер прибыл в Буэнос-Айрес за несколько дней до начала матча против Петросяна. На этот раз он был не один. Ему секундировал Ларри Эванс, а также вездесущий Эдмунд Эдмондсон из Шахматной Федерации США выступал в роли менеджера-представителя Бобби. Петросян тоже имел команду в следующем составе: менеджер, два секунданта, жена Рона и *два* телохранителя.

Аргентина относилась к матчу так, словно это было событие мирового масштаба. Президент генерал-лейтенант Алехандро Лануссе принял у себя обоих игроков, были сделаны официальные фотографии и Лануссе подарил каждому участнику по красивой мраморной шахматной доске и набору выполненных из оникса фигур. Одинокий шахматный столик был установлен в центре просторной сцены Театра Сан-Мартин. В глубине висел сине-золотой круг футов пятнадцать в диаметре с эмблемой

ФИДЕ и девизом *Gens Una Sumus* («Мы одна семья»), а также названием шахматной федерации Аргентины. Чуть сбоку висела шахматная доска размером пять на пять футов, на которой демонстратор воспроизводил каждый ход соперников, двигавших фигуры на центральном столике. И тысяча двести внимательных зрителей могли следить за происходящим в партии. Если слышался шум, вспыхивала красным светом табличка с надписью SILENCIO (тишина).

Журналисты спрашивали Петросяна, растянется ли матч на все двенадцать партий — максимум, которого можно достигнуть, если каждая партия закончится вничью. «Быть может, я выиграю раньше», — ответил Петросян, и уверенно стал объяснять, почему игра Фишера его не впечатляет.

Предсказание Бобби было спокойным и кратким, говорившим о его уверенности в себе и своих силах. «Я — сильнейший шахматист в мире и здесь для того, чтобы это доказать. Я ждал этого момента десять лет, но мне мешали манипуляции русских. Я отбуду из Буэнос-Айреса раньше даты, на которую назначена двенадцатая партия».

Оба соперника удивили всех и, вероятно, друг друга, решительно изменив своим стилям игры в первой партии. Петросян игрок закрытого, защитного плана, действующий обычно, как неподвижная, но внимательная змея, готовый напасть на противника сразу, стоит тому допустить малейшую ошибку. Бобби исповедовал безжалостную агрессию — как правило. Знатоки ожидали, что Петросян будет и сейчас действовать в консервативном ключе, стараясь достичь ничейной гавани, чтобы прервать победную серию Бобби. Но неожиданно он проявил резкую агрессию, вынудив Бобби пассивно защищаться, чего тот крайне не любил. Петросян применил новинку, которой его снабдили советские теоретики, остававшиеся за кулисами. Он явно хотел форсировать ничью, когда внезапно погас свет. Буквально. Театр погрузился в темноту. Встревоженный Фишер спрашивал: «Что происходит? Что происходит?» Игрокам сообщили, что произошло короткое замыкание, но всё восстановят через несколько минут. Петросян покинул сцену, Фишер и тысяча двести зрителей остались сидеть в темноте. Тогда Петросян пожаловался, что Фишер продолжает изучать позицию на доске — в полной темноте — и что его часы нужно включить. Фишер согласился, и Лотар Шмид, судья из Германии и сам гроссмейстер, включил часы. Одиннадцать минут Фишер в уме анализировал позицию, не видя ее на доске. Затем свет включился.

Эта неприятность, похоже, нарушила концентрацию

Петросяна, поскольку он допустил несколько ошибок и сдался на сороковом ходу. Победа стала для Бобби двадцатой подряд. Армия журналистов и фотографов бросилась к покидавшим сцену игрокам, но они торопились покинуть театр, отказываясь давать комментарии.

Бобби страдал от сильной простуды во время второй партии. Вновь соперники поменялись амплуа, агрессором выступал Петросян. Неспособный полностью сфокусироваться на игре, Бобби понял, что дела его плохи: он пожал руку Петросяну, признавая свое поражение. Толпа неистовствовала. Жена Петросяна бросилась к мужу, чтобы его обнять. Кто-то в толпе стал скандировать: «*Тигран — тигр! Тигран — тигр!*», и аплодисменты выплеснулись из зала на улицу. Часть зрителей ринулась на сцену, чтобы поднять радостного Петросяна на плечи, но их не пропустила охрана. Но Петросяна это не расстроило, он только что добился того, чего не смогли достичь лучшие игроки мира в последних двадцати партиях на протяжении девяти месяцев. Он выиграл у Бобби Фишера.

Бобби накричал на Эдмондсона, что вокруг него слишком много людей, и в следующие десять дней борьбы Бобби согласился общаться только с молодым аргентинским шахматистом Мигелем Кинтеросом.

Уверенный в своих шансах выиграть восьмую и девятую партии матча, которые давали ему общую победу, Бобби едва ли не официально заявил, что он сместит с трона Спасского. Во время восьмой партии электричество вновь отключилось, в этот раз только на восемь минут, но на результат это уже не могло повлиять. Оба игрока делали атакующие ходы, но сдаться пришлось Петросяну, и Бобби одержал четвертую победу в матче. Ушли в прошлое разговоры, что Бобби Фишер слишком рано показал свои лучшие шахматы. Становилось очевидно, что до пика ему еще далеко.

К началу девятой партии более чем десять тысяч человек заполнили зал, лобби и все окружающие улицы. Даже в России не видели таких толп шахматных болельщиков. Петросян капитулировал на сорок шестом ходу, и Бобби Фишер стал новым претендентом на мировое первенство. У экс-чемпиона мира, известного своей непробиваемостью, Бобби сумел выиграть пять партий, сделал три ничьи и проиграл одну, одержав победу в матче со счетом 6,5:2,5.

Фишер стал первым несоветским (или нерусским) — за более чем тридцать лет — участником матча за звание чемпиона мира. Многие годы советские гроссмейстеры бились друг с другом, что гарантировало Советскому Союзу сохранение чемпионского

титула. За свои труды Бобби получил 7.500 долларов в виде призовых, и дополнительно 3.000 от Шахматной Федерации США. И, что еще более важно, он вызвал явление, невиданное для США: почти в одну ночь в стране начался шахматный бум. Продажа шахматных комплектов выросла на 20 %. Каждый журнал и каждая газета в стране написала о Фишере, часто давались фотографии и диаграмма финальной позиции против Петросяна. «Нью-Йорк Таймс Дейли Ньюс» напечатала ходы всех партий, и «Нью-Йорк Таймс» поместила статью на обложке воскресного приложения, а на следующий день и рассказ о событии на первой полосе. В последний раз шахматы появлялись на первой полосе «Таймс» в 1954 году, когда советская команда посетила США и Кармайн Нигро привел 11-летнего Бобби на матч.

Бобби Фишер стал национальным героем. По возвращении домой его начали постоянно приглашать на телевидение, и его лицо так часто появлялось на экранах телевизоров, что на улицах Нью-Йорка у него начали просить автографы. Но он стал больше, чем известным человеком, больше, чем поп-звездой. Он был американцем, который получил шанс нанести поражение советскому чемпиону. Холодная война — или ее уменьшенный вариант — должна была решаться не на поле боя или на дипломатической встрече, а в соревновании интеллектов с участием 32-х загадочных фигур.

Глава 10
Чемпион

Чтобы Бобби Фишер чувствовал себя счастливым, Американская ШФ обеспечила его номером в отеле «Генри Гудзон» в начале 1972 года. *Куда идет Фишер, туда идет шахматная нация*, верили функционеры. И поскольку он готовился играть с Борисом Спасским матч за звание чемпиона мира, его юристы и официальные лица Американской ШФ хотели всегда знать, где он находится. Едва ли не каждый день возникали вопросы: относительно призового фонда, расписания и места проведения матча. Требовалось принимать решения.

До этого жизнь Фишера в значительной мере носила кочевой характер, поскольку он постоянно переезжал с одного турнира на другой. Если он возвращался в Бруклин, чтобы готовиться к следующему турниру или матчу, то обычно уединялся у себя дома. Он часто отключал телефон и становился недоступным для внешнего мира — иногда на недели. Такой *modus operandi* в новых условиях становился неприемлемым, так как организаторам требовалось постоянно согласовывать с ним многочисленные детали предстоящего матча. Поэтому выделение номера в отеле «Генри Гудзон», где царила спокойная атмосфера, было правильным шагом. Именно в этом отеле Бобби выиграл несколько чемпионатов США, и если ему становилось одиноко в номере, или он хотел поиграть в шахматы или о них поговорить, ему всего лишь нужно было на лифте опуститься на несколько этажей и зайти в манхеттенский шахматный клуб, где его, как наиболее выдающегося члена клуба, принимали, когда бы он там ни появился, по высшему разряду.

Однажды вечером вскоре после заселения в отель Бобби лежал на кровати с пятками, нависшими над ее краем, и беседовал с осознанием важности своей персоны с двумя близкими друзьями. 1970-е были годами визита Никсона в Китай, прихода Трансцедентальной медитации, запрета рекламы табака на радио и быстрого распространения фаст-фуда. Но ничто из этого не интересовало трех людей, находившихся в комнате. Они говорили о шахматах и озабоченностях, которые испытывал Фишер.

Сэм Слоун — тонкий как тростинка биржевой маклер с легким вирджинским акцентом, на год моложе Бобби; его коньком являлись не шахматы — он участвовал в турнирах, но калибр имел далеко не чемпионский, — а закон. Обладавший

отличной памятью, он стал последним не-юристом, кто оспаривал обвинение на процессе в Верховном суде США — и выиграл его. Бобби ему доверял.

Другой — Бернард Цукерман, парень из Бруклина, всего на 22 дня моложе Бобби и международный мастер. Его прозвали «книжный Цук», поскольку многие считали — и Бобби в том числе — его лучшим в стране знатоком современной дебютной теории. Впрочем, сам он отдавал пальму первенства Бобби. У Цукермана был вызывающий приязнь взгляд, длинные ресницы и волосы до плеч — наследие 60-х. На турнирах он часто опаздывал на партию на полчаса, играл быстро и обычно предлагал ничью, никогда не получая отказа. Бобби его уважал. И Слоун, и Цукерман любили шахматы, Бобби и женщин — из этих интересов первые два Бобби полностью разделял, а отчасти и третье.

Этим вечером они были его верными друзьями и пытались снять его озабоченности относительно предстоящего матча. Хотя он только что совершил один из величайших подвигов в истории шахмат, обыграв Тайманова, Ларсена и Петросяна с общим счетом 18,5:2,5, Фишера беспокоила сила Спасского, коего, по его мнению, отличал «динамичный, индивидуальный стиль». Бобби никогда раньше Бориса не обыгрывал, и считал, что у него могут возникнуть проблемы. «Почему ты не уверен в победе?», — мягко спросил Цукерман, добавив, что Спасский ничем не лучше, например, Петросяна. «Спасский *лучше*, — ответил Бобби с некоторой горестью. — Не намного, но лучше». Не меняло оценки знание того, что Спасский, сравнивая результаты свои и Бобби в 1971 году, считал американца более сильным игроком.

Столь много стояло на карте в надвигающемся матче, что конфликт становился неизбежным. И безжалостные военные действия между советской федерацией, американской и ФИДЕ начались. Советские не жалели усилий на закулисные маневры, чтобы добиться всех возможных преимуществ. Они владели чемпионским титулом последние тридцать четыре года и не собирались уступать его американцам, тем более, «необразованному» американцу. Имелись и финансовые соображения. Шестизначный призовой фонд должен был стать самым крупным среди единоличных противостояний во всех видах спорта, кроме бокса.

Когда Исландия подала свою заявку на проведение матча, Фишер прилетел в Рейкьявик, чтобы на месте ознакомиться с условиями. Играть именно здесь ему посоветовал местный шахматист Фрейстайнн Торбергссон, сыгравший с Бобби вничью на турнире в Рейкьявике в 1960 году. Но президент Исландской

Шахматной Федерации 32-летний Гудмундур Тораринссон, инженер с вкрадчивой речью и исследователь творчества Шекспира, настороженно относился к Фишеру. Человек с массивной тростью и политическими амбициями (впоследствии он стал членом парламента) Тораринссон желал получить матч, но капризы Бобби терпеть не хотел.

Пока шли переговоры относительно места проведения матча и призового фонда, оба соперника отправились в горы готовиться к битве. Спасский укрылся на Кавказе, а Фишер обосновался в Катскиллских горах более чем в семи тысячах миль от него. «Гроссинджер», огромный гостиничный комплекс в Ферндейле, штат Нью-Йорк, расположенный в центре Борщовочного хребта — популярного вот уже более полувека среди еврейского населения Нью-Йорк-сити места проведения отпусков — стал тренировочным лагерем Бобби на четыре месяца, предшествовавшие матчу. Поскольку фишеровская Всемирная церковь Бога соблюдала ту же диету и многие из установлений шаббата, что предписывались иудейской традицией, «Гроссинджер» оказался идеальным выбором. В меню отсутствовала свинина и с захода солнца в пятницу до захода в субботу набожный человек мог блюсти религиозные установления.

В «Гроссинджере» Бобби был защищен от сторонних помех Нью-Йорка, где он находился на расстоянии 10-центового звонка от любого, кто хотел с ним поговорить; никто не мог заглянуть к нему «на огонек», разрушая концентрацию и нацеленность на работу. Отель был также известен умением приспособиться к запросам знаменитых гостей. Бобби нравилось место, он постоянно пребывал в хорошем настроении, его согревали мысли о том, насколько богаче он станет после матча. Он сберегал деньги, получаемые от продажи его книг, турнирных призов, выступлений — даже написал матери, что становится «по-настоящему обеспеченным».

На тот момент призовой фонд матча составлял 138.000 долларов — самый высокий в истории шахмат. Бобби старался не слишком задумываться о деньгах, которые вырисовывались на его горизонте. Несмотря на возраставшие суммы и признание, он писал с долей смирения, что прикладывает все усилия, чтобы «не забыть, кто он есть, и видеть перед собой вечные ценности».

Он с радостью узнал, что Регина сдала экзамены и теперь могла практиковать медицину на территории США, и Бобби надеялся, что она вернется из Европы в скором времени.

Чтобы быть готовым к тяготам предстоящего матча, Бобби тренировал свое тело, равно как и мозги, занимаясь в

гимнастическом зале отеля, плавая на скорость в бассейне и играя несколько партий в теннис каждый день. Он, казалось, оккупировал теннисный корт на время своего пребывания в отеле, и, если не считать матчи с местным профи, остальных противников-непрофессионалов он обычно обыгрывал. Подача у него была элегантная и сильная, так же точно и сильно он отбивал летящие в его сторону мячи. Ожидая подачу противника, он быстро двигал ракеткой, прыгал с ноги на ногу и раскачивал корпус, всегда готовый сместиться в нужную сторону. Возвращаясь в коттедж или отправляясь в бассейн, он часто взмахивал ракеткой в направлении невидимого мяча, ровно так, как взмахивал воображаемой бейсбольной битой, когда еще мальчишкой скакал по Флэтбуш-авеню. Физические упражнения позволяли ему находиться в отличной форме. Матери он написал: — «чувствую себя по-настоящему отлично», и все ему говорят, что выглядит он превосходно.

Только после нескольких часов физических упражнений он садился за доску. По вечерам, в состоянии спокойных размышлений, он начинал кропотливое изучение партий Спасского. Анализ под «микроскопом» часто продолжался до рассвета. Справочником, к которому он обращался чаще всего, служила книга, которую журналисты тут же окрестили «Большой Красной Книгой» — номер 27 из великолепной серии «Всемирная история шахмат», — содержавшей 355 партий Спасского в удобном формате, где через каждые пять ходов следовала диаграмма. Бобби никогда не упускал эту книгу из поля зрения и повсюду носил с собой. В ней содержались его собственные замечания о партиях Спасского с комментариями и вопросительными знаками, означающими слабые ходы, и восклицательными, означающими сильные. В качестве домашнего развлечения часто исполнялся один трюк: Бобби просил кого-нибудь выбрать из книги партию наугад, сказать, с кем и где играл Спасский, а он диктовал партию ход за ходом от начала до конца. Он запомнил более чем 14 тысяч ходов!

Хотя Бобби написал матери, что «потихоньку готовится» к матчу, на самом деле он отдавал подготовке по двенадцать часов в день и семь дней в неделю, обдумывая, какие дебюты он будет применять и какие позиции Спасскому не по душе. Настроение его улучшилось после того, как он переиграл партии Спасского из недавно завершившегося в Москве мемориала Алехина. Он сказал одному интервьюеру: — «Партии ужасны. Он стоял на проигрыш в половине из них, он играл из рук вон плохо».

Если Спасскому помогала армия, хотя и небольшая, помощников, то Фишер, в основном, трудился в одиночку.

Британский шахматист Роббер Вейд снабдил Бобби детальным анализом применяемых Спасским дебютов, занесенным в два блокнота с отрывными листами; один помеченный «Спасский: белые», другой — «Спасский: черные». В остальном Бобби опирался на собственные силы. Для прессы он излучал уверенность. «Я не волнуюсь», — заявил он. И добавил в стиле Мохаммеда Али реплику, явно предназначенную для цитирования: — «Шансы двадцать к одному [что я выиграю]».

В месяцы, проведенные Бобби в «Гроссинджере», его посетили несколько игроков, но хотя темой разговоров являлись шахматы, реальной помощи ему никто не оказывал. Ларри Эванс, затем Бернард Цукерман, немного помогли сообразно своим возможностям, но хотя он их уважал, иногда, всё же, просил отсесть от доски, чтобы они ему не мешали.

Впоследствии Ломбарди оспаривал тезис о Бобби, как тотально самодостаточном игроке, некоем острове. «Да, он действительно работал в одиночку, но учился-то на партиях других мастеров. Говорить, что Бобби развил свой талант без посторонней помощи, это то же, что сказать, будто на развитие Бетховена или Моцарта не оказала влияния музыка прежних веков. Если бы не существовали шахматисты до Бобби, у которых он мог учиться, Фишера, которого мы знаем, не было бы».

Уильям Ломбарди (слева) и бородатый Мигель Кинтерос, оба — гроссмейстеры, секундировали Бобби в матче 1972 года.

Поскольку в номере имелись две комнаты, ему нравилось время от времени принимать гостей. Чаще других его посещал

Джеки Бирс. Бобби знал Джеки с детства, и они представляли собой странную пару. Джеки — сильный «эксперт», превосходный блицор, но он всегда попадал в истории в шахматных клубах из-за своего необузданного темперамента. Одно сражение в манхеттенском шахматном клубе закончилось судебным преследованием против него, которое было всё же улажено по соглашению сторон. Ходили разговоры о случаях, когда он за кем-то гонялся на улицах, и кто-то гонялся за ним в процессе «выяснения отношений». В компании с Бобби Джеки вел себя тихо и уважительно. Он часто ночевал у Фишера в Бруклине и позднее гостил у него дома, когда Фишер жил в Калифорнии. Джеки не был ни подхалимом, ни мальчиком для битья, как его описывали некоторые авторы. Он признавал Бобби «главным» в их дружбе, но не боялся спорить, отстаивая свое мнение. Хотя Бобби, зная о репутации Джеки, соглашался на его присутствие рядом с собой, всё же он проявлял достаточно осторожности, чтобы держать его на дистанции, инстинктивно понимая, что другие не будут к нему столь терпимы.

В начале мая Фрейстайнн Торбергссон, исландский знакомец Бобби, прибыл из Исландии в США и поселился в «Гроссинджере». Поначалу Бобби чувствовал некоторую скованность в общении с ним, но чем дольше длился разговор — а продолжался он семь часов — тем более оттаивал. Хотя Бобби изначально был настроен на Белград, как на город проведения матча, существовала идея разделения матча на две части — одну провести в Белграде, другую — в Рейкьявике. Торбергссон отстаивал идею провести весь матч в Исландии. Вернувшись в шале Бобби, они вдвоем некоторое время посвятили анализу партий, и Торбергссон продолжил мягкую аргументацию в пользу проведения всего матча в Исландии.

Вежливый человек, Торбергссон пожил в России и был ярым антикоммунистом. Ему виделся предстоящий матч за звание чемпиона мира неким политическим актом, равно как и культурным; и он использовал эту линию аргументации в разговоре с Бобби, утверждая, что неправильно с моральной точки зрения разыгрывать звание чемпиона мира в стране, находящейся в зоне влияния СССР. Впоследствии он писал: «Русские десятилетиями порабощали чужие народы и свои собственные. Они использовали победы в спорте, шахматах и других областях для одурачивания людей и в качестве доказательства преимущества их системы». Он добавил, что победа Фишера станет «ударом по поднятым кулакам коммунистической пропаганды».

На следующее утро, когда исландец уезжал из

«Гроссинджера», он уже чувствовал, что Бобби готов согласиться играть весь матч в Исландии.

Ближе к началу матча Бобби покинул «Гроссинджер» и в сопровождении одного из своих юристов, Эндрю Дэвиса, выпускника Йельского университета, перебрался в Йельский клуб на Манхеттене, где и пробыл несколько недель.

По мере приближения лета интерес к матчу вырос до такой степени, что едва ли не каждое замечание Фишера или его поступок становились известны всему миру. Даже в «Гроссинджере», вдали от делового Манхеттена ему досаждали звонками, телеграммами и визитами с предложениями о том, как сделать его — и инициаторов этих предложений — богатыми. Предлагалось разработать «Шахматный набор Бобби Фишера». Требовалось одобрение. Брокер с Уолл-стрит даже пытался убедить Бобби стать «корпорацией», как «Битлз», чтобы акциями «Бобби Фишер» можно было торговать на нью-йоркской Бирже. Фишер предпочел свой путь, соглашаясь редко и не подписывая ничего.

Шахматисты рассматривали предстоящую дуэль Фишер-Спасский как самый важный матч из когда-либо игранных американцем. Журнал «Тайм» был одним из многих изданий, бивших в геополитический барабан. Он окрестил матч «Русский Медведь против Бруклинского Волка». Защита Спасским титула стала, символически, защитой Советского Союза, и это бремя становилось для русских непомерно тяжелой задачей.

Фишер, отчетливо сознававший политическую и культурную подоплеку матча, принял дополнительный груз как личную ответственность. «Завоевание титула я осознаю, как свою особую миссию», — заявил Бобби. На вопрос, не станет ли состязание матчем неприязни, он ответил: «В известном смысле. Но не между лично мной и Спасским… неприязнь направлена против русских».

Претендент в любом соревновании зачастую имеет то преимущество, что он обязан одержать «верх», чтобы выиграть; он мотивирован бороться упорнее, поскольку ему нужно доказать, что он лучше чемпиона. Обладатель титула, осознавая свое превосходство, часто играет на «нормальном» уровне, ложно полагая, что раз он *является* чемпионом, доказанное качество его прошлой игры достаточно для обеспечения победы. Одно преимущество у Спасского было, и заключалось оно в правиле «победа ввиду ничьих». Если он смог бы завершить все партии вничью, это дало бы ему 12 очков и Спасский сохранил бы свое звание, не выиграв и одной партии. Фишеру требовалось набрать как минимум 12,5 очков, чтобы сместить Спасского с трона.

Исландия, самая западная и одна из самых маленьких стран Европы, расположенная в Северной Атлантике чуть ниже полярного круга, могла показаться странным местом для проведения матча за звание чемпиона мира. По большей части необитаемый, за исключением линии побережья, остров контрастен по природным особенностям — частично покрытый обширными ледяными полями, он включает несколько активных вулканов, поднимающихся в облаках пламени из земли и окружающего его моря. Практически безлесный ландшафт с промерзшими горами, словно выхваченными из книжки с картинками — залитые лавой «заплаты» на пересеченной местности, — всё это делает ландшафт неестественным, почти лунным: американские астронавты тренировались здесь перед полетами на Луну. В 1972 году средний доход жителей Исландии едва достигал 2.000 долларов в год. Но это энергичная страна, где практически не загрязнена окружающая среда, нет городских трущоб и практически отсутствует преступность.

Так что же сделало Исландию идеальным местом для проведения матча Фишер-Спасский? Безусловно — решительность, гордость и энтузиазм местных жителей, их любовь к игре, как интеллектуальному и культурному занятию. Исландцы одни из самых образованных людей в мире, и исландские саги считаются величайшими литературными памятниками. Исландцы читают больше книг на душу населения, чем любой другой народ на планете, и — как русские — почти все жители играют в шахматы. Зимними месяцами, когда темно почти 24 часа в сутки, как можно лучше провести вечер или уик-энд, чем остаться дома или посетить комфортабельный теплый клуб и поиграть в шахматы, забывая стужу атлантической зимы с ее штормами и колющими дождями.

Многие годы исландцы спонсировали международные турниры и матчи, и возможность провести у себя соревнование, окрещенное «Матчем Века», воодушевляла всех любителей шахмат в стране. Матч 1972 года между Фишером и Спасским стал одним из лучших по организации матчей за чемпионский титул из всех, когда-либо проведенных. Он возбуждал жгучий интерес как у исландцев, так и у туристов и международной прессы, прибывших в столицу Исландии, Рейкьявик. Увеличенные снимки Фишера и Спасского украшали окна почти каждого магазина, а черно-белые доски служили задниками для огромных шахматных фигур из папье-маше.

Большинство местных жителей поначалу желало победы Фишеру, но после многочисленных фальстартов, угроз и

трудностей общего свойства, создаваемых Фишером, симпатии стали перемещаться в сторону ведшего себя по-джентльменски Спасского. Фишера не устроили финансовые условия. Победитель должен был получить 78.125 долларов, проигравший — 46.875. Помимо этого каждый участник получал по 30 % от всех теле- и киноправ. Фишер потребовал 30 % от сборов с билетов *дополнительно*, утверждая, что они могут составить 250.000, и что Спасский должен получить свою долю.

Исландские официальные лица — которые вовсе не были уверены, что им удастся добиться аншлага в зале «Лаугардалшол» на 3 тысячи мест на каждой из 24-х партий, не считая отложенных — доказывали, что сборы должны целиком идти на покрытие организационных расходов.

Фишер аннулировал билет на самолет в последнюю минуту вечером 25 июня. Авиалиния зарезервировала целый ряд кресел для него одного и загрузила холодильник самолета апельсинами, чтобы сок могли «выжимать у него на глазах», как он потребовал, в течение четырехчасового полета над Атлантикой. Тем временем продолжались переговоры между юристами Фишера — Полом Маршаллом и Эндрю Дэвисом, и исландской шахматной Федерацией — относительно денег, которые предполагалось выручить от продажи билетов. Обе стороны стояли на своем и уступать не собирались. В течение следующей недели для Бобби бронировались новые билеты, которые вновь аннулировались, и газеты стали сомневаться, а появится ли он вообще. Исландские газеты задавались вопросом: HVENAER KEMUR HINN DULARFULLI FISCHER? («КОГДА ПРИБУДЕТ ТАИНСТВЕННЫЙ ФИШЕР?») Через несколько дней после первого отказа Фишера от полета, Бобби и Дэвис отправились в аэропорт Джона Ф. Кеннеди, очевидно, чтобы лететь рейсом «Пан-Американ». Но, странно… Фишер остановился, чтобы купить будильник, и его заметили репортеры и фотографы (более сотни их поджидали Бобби, чтобы сделать фото или взять интервью). Он буквально бегом покинул терминал и на самолет не попал. Позднее его видели недалеко от ресторана «Говард Джонсон», где он обедал. Когда же все-таки Бобби отправится в Исландию?

Деньги являлись фокальной точкой разногласий, но не только они (доллары или кроны); Бобби просто шел своей дорогой. Как было написано в редакторской колонке «Нью-Йорк Таймс»: «Если он сыграет в Рейкьявике и победит — его заработки настолько возрастут, что нынешние суммы покажутся на их фоне смешными». Фишер это понимал. Он также знал, что мир желал видеть матч и что если он потянет еще немного, денег станет больше.

Мировую прессу, сказать самое малое, всё это не радовало. Иностранные газеты отражали на своих страницах недовольство читателей. «РУССКИЕ ПРЕЗИРАЮТ ФИШЕРА ЗА МЕРКАНТИЛИЗМ», — кричал заголовок в «Нью-Йорк Таймс», и ТАСС, советское новостное агентство, резюмировало: «Когда бы речь ни заходила о Фишере, на первый план выходят деньги, а спортивные соображения отступают в тень. Характерно, что его доверенные лица не шахматисты, но юристы; им он [доверил] все свои шахматные дела». Крупнейшая немецкая воскресная газета «Бильд ам Зонтаг» писала: «Фишер опустил шахматы до уровня матча по реслингу. Мы не ведали до сей поры о возможности такого снобизма и высокомерия». Лондонская «Дейли Мейл» утверждала: «Бобби Фишер самый невоспитанный, невротичный и дурного нрава молодой человек из всех, когда-либо появлявшихся в Бруклине. Что касается международного престижа, Советский Союз выиграл дебютную часть матча со счетом 10:0». Но пресса — и, как будто все остальные — не понимала проницательности Бобби в деле защиты своих финансовых интересов; не невротизм и скандальность заставляли его поступать так, а не иначе. Он инстинктивно понимал, что чем дольше он выжидал, тем более пухлым становился призовой фонд.

Бобби чувствовал, что журналистов не очень-то интересовало, куда и почему он ставит фигуры на доске, они нуждались в скандалах, трагедиях и комедиях его жизни. Для него пресса осталась загадкой, которую он так и не смог разрешить. Он отдавал себе отчет, что не может лгать в ответ на прямо поставленный вопрос, а если он отказывался отвечать, «по умолчанию» считалось, что он скрывает нечто ужасное.

Ходил слушок еще со времени его первого межзонального турнира в Порторожe в 1958 году, что он антисемит, но в частных беседах Бобби это категорически отрицал, когда играл в Натанье, Израиль, в 1968 году. Один из ближайших друзей Бобби Энтони Сэйди говорил, что никогда не слышал антисемитских высказываний от Бобби до определенного момента после матча 1972 года.

Во время матча Бобби не позволил себе ни единого антисемитского или антиамериканского высказывания; напротив, он казался высокопатриотичным, и среди его друзей, юристов и коллег было много евреев. Но Вилфрид Шид, американский новеллист и эссеист, написал заметку еще до окончания матча, которую впоследствии многие сочли пророческой. В книжном обозрении «Нью-Йорк Таймс», посвященном книге Эзры Паунда, Шид сравнил Бобби с Паундом, получившим печальную известность за свои антисемитские и антиамериканские взгляды,

и осужденный правительством США по обвинению в предательстве за его фашистские передачи. Шид писал: «Относительно Эзры Паунда, равно как и Бобби Фишера, хорошего можно сказать только одно — коллеги ими восхищаются. Но всем остальным восхищаться нет оснований».

К началу церемонии открытия в исландском Национальном Театре субботним вечером 1 июля, менее чем за двадцать четыре часа до начала первой партии, журналисты и зрители резервировали обратные билеты, утратив надежды на появление Фишера. Бобби перебрался из Йельского клуба в большой — в тюдоровском стиле — дом Энтони Сэйди, который жил со своими родителями в Дугластоне, Куинс. Как рассказывал впоследствии Сэйди, дом осадили представители прессы. Фишера бомбардировали телефонными звонками и телеграммами, фотографы и журналисты вели за домом постоянное наблюдение в надежде просто увидеть его. Заголовки с фамилией Фишера оккупировали первые полосы газет всего мира, делая «второстепенными» новости, касающиеся выдвижения кандидатов в президенты США в 1972 году.

Сэйди предположил наличие заговора, целью которого было не допустить, чтобы Фишер стал чемпионом мира. Он считал, что телефон его родителей поставили на прослушивание. «Однажды, когда Фишер говорил с Дэвисом, находившимся в Исландии, — рассказывал Сэйди, — Бобби назвал кого-то из официальных лиц исландской федерации “глупым”. Внезапно он услышал врезкой женский голос на линии, который произнес: «Он сказал: “Он глупый”». Линию, очевидно, прослушивали». Сэйди добавил, что и Фишер не сомневался в «прослушке» его телефона.

Всё, конечно, возможно. Существовала теория, разделявшаяся определенным числом американцев, например, Фредом Крамером, входившим в команду Бобби, согласно которой исландцы вошли в сговор с русскими, чтобы не позволить Бобби атаковать гегемонию советских. Но, помимо личной неприязни к Фишеру, которую испытывали к нему многие исландские официальные лица (например, Тораринссон), никаких признаков того, что они хотели помешать попытке Бобби завоевать титул, замечено не было. Некоторые представители Исландии были убеждены, что Спасский сильнее Фишера и легко его обыграет. Когда матч начался, они в приватных беседах выражали желание увидеть унижение Фишера *за доской*.

Жеребьевка цвета на первую партию не проводилась во время церемонии открытия, которую не удалось провести точно по графику. Спасский в элегантном костюме с клетчатой жилеткой сидел в первом ряду. Но другое кресло в первом ряду, где должен

был находиться Фишер, оставалось пустым и бросалось в глаза. Пока произносились речи на английском, русском и исландском языках, зрители не находили себе места, вытягивая головы и обращая взгляды в сторону входа, полуожидая-полунадеясь, что в любой момент появится Фишер во всем своем великолепии. Но этого не случилось.

Доктор Макс Эйве, представлявший ФИДЕ, согласился на двухдневную отсрочку для Фишера. «Но если он не появится к 12-ти часам вторника к жеребьевке, он потеряет все права претендента», — заявил Эйве.

На Фишера, казалось, это не произвело впечатления: он хотел 30 % от сборов за билеты и не собирался лететь в Исландию, если его требования не будут удовлетворены. Сотни людей, уже купившие или забронировавшие авиабилеты, возвращали их компании «ICF». Прибывшие со всей Исландии на первую партию и не знавшие о переносе начала матча, разочарованные, покидали помещение для игры. Среди пишущей братии распространился слух (а всего было аккредитовано около двухсот журналистов и фотографов), что Фишер уже на острове, что он прибыл на подводной лодке, дабы избежать внимания прессы, и прятался где-то внутри страны. Хотя это был всего лишь слух, несколько газет и агентств — включая солидную «седую даму» «Нью-Йорк Таймс» — сообщили об этом, как о *возможности*.

Шахматная Федерация СССР выступила с жестким протестом против решения ФИДЕ отсрочить начало матча на 48 часов, в котором говорилось, что Фишер заслужил «безоговорочную дисквалификацию». Возлагая вину на Эйве, федерация предупреждала его, что будет считать матч «проваленным», если Фишер не появится в Рейкьявике к 12-ти часам 4 июля, — «дэдлайн», назначенный самим Эйве. И тогда последовали два неожиданных звонка, один из Англии, другой из Вашингтона. Они-то и спасли матч.

Журналист Леонард Барден позвонил исландским организаторам и сообщил им, что британский банкир и любитель шахмат Джеймс Деррик Слейтер пожертвует 125.000 долларов, чтобы удвоить существующий призовой фонд — если Фишер согласится играть. Миллионер Слейтер заявил: «Деньги мои. Я люблю шахматы и давно в них играю. Многие хотят видеть матч, и всё готово к его началу. Если Фишер не прилетит в Исландию, большинство людей будет разочаровано. Я хочу снять проблему денег для Фишера и посмотреть, есть ли у него другие проблемы».

Первая реакция Фишера была сплошным позитивом. «Грандиозно, — ответил он. — Я принимаю вызов». Позднее он

сообщил журналистам, что не изучил предложение в деталях, и что решил играть матч, потому что «на кону престиж страны». И всё же потребовался еще один толчок, чтобы усадить его, наконец, за доску.

И таким толчком стал еще один звонок. Сэйди снял трубку, наверное, в двадцатый раз за день, полагая, что это очередная просьба об интервью или о заявлении со стороны Бобби. Но звонил личный секретарь Генри Киссинджера, советника по национальной безопасности при президенте Никсоне (впоследствии, государственный секретарь), желавший поговорить с Фишером. Бобби вялой походкой подошел к телефону, и Киссинджер начал говорить своим грудным голосом с немецким акцентом: «Самый слабый шахматист в мире звонит сильнейшему шахматисту планеты». Киссинджер сказал Бобби, что он должен отправиться в Исландию и победить русских в их игре. «Правительство США желает вам удачи, так же как и я».

После десяти минут беседы Бобби заявил, что будет играть «несмотря ни на что», и что интересы США он ставит выше собственных. Именно в этот момент Бобби увидел себя не просто шахматистом, а воином в Холодной войне, защищающим интересы своей страны.

После месяцев разочаровывающих переговоров миллионер Слейтер, поддержанный дипломатом Киссинджером, совершили невозможное. Что заставило Бобби бежать — на этот раз в Исландию? Очевидно, три вещи: гордость, деньги и патриотизм.

Чтобы избежать репортеров и публичного внимания, Бобби «контрабандой» переправили на самолете исландской авиакомпании «Лофтлейдир». Он совершил ночное путешествие с Ломбарди, которого заявил в тот же день своим официальным секундантом на матче. Ломбарди, крупный, бледнолицый, ревностный римско-католический священник, был, вероятно, главным вспомогательным актером драмы, развернувшейся в Рейкьявике. Тридцати пяти лет, на шесть лет старше Бобби, он стал первым шахматным мастером международного уровня, связанным с католической церковью, после Рюи Лопеса (XVI век) и Доменико Понциани (XVIII), оставившим заметный след в шахматах.

Жеребьевка цвета, которая должна была состояться днем в отеле «Эсья», привлекла внимание сотен журналистов, официальных лиц из ИШФ и членов обеих противоборствующих сторон — русских и американцев. Прибывшему Спасскому сообщили, что Фишер всё еще спит и прислал Ломбарди вместо себя. Вышедший из себя Спасский отказался от процедуры и в раздражении покинул отель. За ланчем он сообщил журналистам,

что «не покидает матч», но Фишер ведет себя недостойно. «Я всё еще хочу играть, — сказал он, — но *я* буду решать, когда». Затем он сделал заявление, вероятно, присланное ему из Москвы:

> Советская общественность и я лично выражаем свое негодование в связи с поведением Фишера. В соответствии с общепринятыми правилами поведения он полностью себя дискредитировал.
>
> Тем самым, по моему мнению, он поставил под сомнение свои моральные права на матч.
>
> Чтобы еще оставалась надежда на проведение матча, Фишер должен быть подвергнут справедливому наказанию. Только после этого я могу вернуться к вопросу о возможности проведения матча.
>
> *Борис Спасский*
>
> *Чемпион мира*

Под «справедливым наказанием» советские понимали присуждение Фишеру поражение в первой партии ввиду неявки.

Советская делегация также заявила:

> 1. Роберт Фишер должен принести извинения.
> 2. Президент ФИДЕ должен осудить поведение претендента.
> 3. Президент ФИДЕ обязан признать, что двухдневная отсрочка противоречит правилам ФИДЕ.

Эйве, соответствуя моменту, в скромной и трогательной манере заявил, что поскольку два пункта касаются его лично, он даст ответ немедленно: голландец признал, что нарушил правила ФИДЕ и осудил Фишера «не только за последние два дня, но и за весь процесс переговоров». Потратив десять минут на составление заявления — собравшаяся публика со смешанными чувствами неловкости и симпатии к президенту терпеливо ждала — Эйве громким голосом зачитал его, подписал и передал Ефиму Геллеру, секунданту Спасского.

В нем говорилось: «1. Президент осуждает поведение претендента за его неприбытие вовремя, что оставило все участвующие стороны и зрителей в неведении относительно судьбы матча, и создало большие трудности; 2. Президент ФИДЕ признает, что ему пришлось перенести начало матча на два дня, тем самым он нарушил правила ФИДЕ. Это было сделано по некоторым причинам, которые впоследствии оказались

несостоятельными. Я заявляю, что правила ФИДЕ и соглашения, касающиеся матча и одобренные ФИДЕ, впредь будут строго соблюдаться».

Лицо Эйве покрылось краской раскаяния, казалось, он едва удерживался от слез. Советские заявляли, что в соответствии с правилами Фишер проиграл матч, когда не появился в день его открытия; и что только благодаря их доброй воле соревнование продолжается. Теперь очередь Фишера делать ход.

Этим вечером Фишер составлял элегантные извинения Спасскому. Репортер Брэд Даррах из «Лайф» утверждал, что в первом черновике письма Фишер отказывался от своей доли призовых и говорил, что хочет играть из любви к шахматам. Хотя можно себе представить, как Фишер под влиянием момента восклицает: «Я докажу миру, что люблю шахматы больше, чем русские!», нетрудно догадаться, что память о бедном детстве убедит его в пользе прагматизма. Бобби всё еще хотел получить деньги, но желание доказать за доской, что он сильнее всех, стало доминировать.

В итоге было написано второе письмо, и именно его получил Спасский. Фишер отправился к отелю «Сага» ранним утром 6-го июля и прошел вместе с коридорным до номера Спасского, чтобы самому увидеть, как письмо исчезает под дверью. Вот текст письма:

> Дорогой Борис:
>
> Пожалуйста, примите мои искреннейшие извинения за мое невежливое поведение, выразившееся в отсутствии на церемонии открытия. Я был слишком занят мелкими денежными спорами с исландскими организаторами матча. Я оскорбил вас и вашу страну, Советский Союз, где шахматы занимают престижное место.
>
> Также мне хотелось бы принести извинения д-ру Максу Эйве — президенту ФИДЕ, организаторам матча в Исландии, тысячам шахматных болельщиков во всем мире, и особенно миллионам фанатов и многим друзьям, которые у меня есть в США.
>
> После того, как я не появился на первую партию, д-р Эйве объявил, что она будет перенесена без ущерба для меня. Тогда вы не протестовали против этого решения. Сейчас же мне сообщили, что Русская шахматная федерация требует, чтобы вам присудили победу в первой партии. Время выдвижения этого требования, похоже, ставит под сомнение мотивы, по которым ваша

федерация не настаивала поначалу на присуждении вам победы в первой партии.

Если это требование будет удовлетворено, оно даст вам огромный гандикап. Но и без него у вас преимущество в том, что вам достаточно набрать 12 очков в 24-х партиях для сохранения титула, в то время как мне надо набрать 12,5 очков для его завоевания. Если это требование удовлетворить, то вам понадобится набрать 11 очков в 23-х партиях, а мне всё так же надо будет набирать 12,5 в 23-х партиях. Другими словами, мне надо выиграть три! партии, не проиграв ни одной, только лишь чтобы получить ту позицию, которую вы будете занимать перед началом матча, и я не верю, что чемпион мира хочет получить такую фору в матче со мной.

Я знаю вас как настоящего спортсмена и джентльмена, и с надеждой смотрю вперед, ожидая волнующих партий в предстоящем матче.

Искренне (Ваш),

Бобби Фишер

Рейкьявик, 6 июля, 1972

Одно препятствие оставалось, и это был Советский Союз. Русский министр Сергей Павлов, возглавлявший Госкомспорт, отправил Спасскому телеграмму, в которой бешено настаивал на его возвращении в Москву. Павлов писал, что фишеровские «выходки» оскорбляют чемпиона мира, имеющего все законные и моральные основания отказаться от матча. Обычно такие «рекомендации» имели силу приказа, но Спасский отказался — вежливо и дипломатично. Он ответил Павлову, что не может нарушить собственные стандарты спортивного поведения и будет играть, несмотря на некрасивое поведение Фишера. Смелый поступок, потребовавший от Спасского силы воли и тонкого поведения.

Фишер опоздал на 20 минут на жеребьевку, и они со Спасским встретились за кулисами. После обмена рукопожатиями Спасский шутливо проверил бицепсы Фишера, словно они были боксерами «на взвешивании». Затем они отделились ото всех на несколько минут, чтобы обсудить детали. Спасский хотел некоторую отсрочку, прежде чем начнется матч. Фишер согласился, но при условии, что Спасский откажется от требования засчитать ему, Фишеру, поражение ввиду неявки. Они

пришли к соглашению и через несколько мгновений взошли на сцену под аплодисменты журналистов и благожелательно настроенной публики, терпеливо их дожидавшихся. Фишер высмотрел в середине сцены шахматный столик и тотчас раскачивающейся походкой направился к нему. Он взял белого ферзя, оценив его тяжесть, затем, не вынимая одну руку из кармана, проверил остальные белые фигуры, после чего сел на стул, протянув ноги под стол красного дерева в скандинавском стиле. Затем за столик сел и Спасский.

После представления чемпиона и претендента, их секундантов и помощников, представитель ФИДЕ Гарри Голомбек — международный мастер из Великобритании — объявил, что Геллер хочет сделать заявление до начала жеребьевки. Говоря по-русски, Геллер сообщил следующее:

> Претендент извинился письменно и президент ФИДЕ объявил, что правила ФИДЕ будут неукоснительно соблюдаться впредь. Принимая во внимание усилия, предпринятые организаторами матча в Исландии, и желание миллионов любителей шахмат всего мира увидеть матч, чемпион мира решил играть с Робертом Фишером.

Хотя заявление звучало мягко, на лице Фишера стало заметно раздражение по мере того, как ему переводили речь Геллера, и на последних словах — «чемпион мира решил играть с Робертом Фишером», означавших, что Спасский делал ему одолжение, — он побледнел от негодования. Бобби был оскорблен. На один короткий момент у него возникла мысль покинуть сцену и матч. Он полагал, что достаточно пошел навстречу советским, письменно извинившись перед Спасским и самолично отнеся письмо, и он только что согласился на просьбу Спасского отсрочить начало матча. По мнению Бобби заявление Геллера замарало первую официальную церемонию матча. Русские осудили его поведение перед лицом друзей и мировой прессы. Но всё же Бобби справился с эмоциями. К счастью быстро последовала жеребьевка цвета, и инцидент «заиграли».

Лотар Шмид, элегантный немецкий судья, передал каждому игроку по чистому конверту, и Спасский избрал тот, где было указано, что он держит фигуры. Спасский по освященной временем традиции спрятал за спиной черную и белую пешки и затем протянул сжатые в кулаки руки над доской. Фишер без колебаний хлопнул по его правой руке — и тот открыл ладонь с черной пешкой. Лицо Фишера не выразило никаких эмоций.

Несколько часов спустя на обратном пути в отель после

боулинга Бобби завернул в игровой зал, чтобы проверить условия для игры. Результатом 80-минутной инспекции стали многочисленные жалобы: он надеялся на более яркое освещение; фигуры слишком маленькие для этой доски, изготовленной по специальному заказу; сама доска не совсем то, что нужно — она сделана из камня, а ему больше нравится дерево. И наконец, он полагал, что две камеры, спрятанные на мачтах, накрытых грубой материей, будут отвлекать от игры, да и сами мачты, нависающие над сценой, словно средневековые тараны, удручали.

Организаторы немедленно приступили к решению проблем. Они хотели, чтобы всё было в абсолютной готовности к тому моменту, как в день открытия первая пешка сделает ход.

Когда Фишер проснулся днем 11 июля 1972 года, и в его сознание постепенно начала проникать мысль, что он находится в Исландии, чтобы сыграть первую партию в матче за звание чемпиона мира, то ощутил нервозность. После стольких лет трудов и печалей, всей этой суматохи вокруг матча Фишер находился на пороге достижения мечты своей жизни. «Лаугардалшол» должен стать его вселенной на ближайшие два месяца.

Все детали в игровом зале были проверены и перепроверены, чтобы обеспечить противникам максимальный комфорт. «Лаугардалшол» представлял собой стадион с куполообразной крышей (кто-то назвал его большим исландским грибом), с акустическими экранами белого цвета на потолке, которые напоминали огромных летучих мышей-альбиносов. Весь этаж был застлан коврами, чтобы заглушить шум шагов зрителей, а складные места были заменены на покрытые тканью «беззвучные» стулья. Две операторские мачты по требованию Фишера отодвинули вглубь сцены, а интенсивность освещения сцены увеличили. Изящное вращающееся кресло Имса, точная копия одного из кресел, на котором сидел Фишер в Буэнос-Айресе в матче против Петросяна, доставили на самолете из Соединенных Штатов.

Фишер стремительно прошел по закулисному коридору на сцену, слегка украшенную цветами, где его встретили вежливыми аплодисментами зрители, коих собралось примерно 2.300. Спасский сделал свой первый ход ровно в пять, и Шмид переключил часы. Фишер, одетый в белую рубашку и синий деловой костюм, направился к столику. Противники пожали друг другу руки, Фишер при этом не отрывал взгляд от доски. Затем он сел в черное кожаное кресло, поразмышлял над своим ходом 95 секунд и сыграл конем на f6.

В 1972 году Фишер достиг шахматной вершины, играя в Исландии матч за звание чемпиона мира против Бориса Спасского из Советского Союза.

Уникальный момент в жизни харизматичного вундеркинда — чтобы оказаться на занятом им сейчас по праву месте, ему пришлось побороть накопившееся недовольство тем, как с ним обходились советские долгие годы. Все об этом знали, — не только собравшиеся в «Лаугардалшол», но и весь мир. Как сказал гроссмейстер Исаак Кэжден: «Это было самое важное “в одиночном разряде” событие в шахматах [из всех, когда-либо случавшихся)». Одиночка-американец из Бруклина, вооруженный всего лишь одним «камнем» — своим гением — готов был ударить им по гегемонии Советского Союза.

Фишер дважды покидал сцену во время партии (до откладывания), один раз — пожаловаться, что апельсиновый сок, оставленный им в отведенной ему комнате, недостаточно охладился. Тотчас принесли кубики льда. Он также попросил бутылку холодной воды и порцию *skyr*, исландского десерта, напоминающего йогурт. Эта просьба смутила сотрудников кафетерия, так как у них *skyr* отсутствовал. К счастью, он нашелся в ресторане по соседству.

Ходы, которые делались на доске, воспроизводились и на 40 телевизионных мониторах замкнутой телевизионной системы, расставленных в разных точках стадиона. В кафетерии, где зрители поглощали местные хот-доги (из мяса молодых баранов) и запивали их бутылками двухпроцентного исландского пива, обсуждение происходящего на сцене носило бурный характер. На

цокольном этаже исландские мастера более спокойно и деловито оценивали и объясняли ходы на демонстрационной доске, а в комнатах для прессы опытные гроссмейстеры барственно обозревали мониторы и анализировали происходящее в уме — к удивлению и благоговейному страху большинства журналистов. В игровом зале правили тишина и порядок. Если они нарушались, Лотар Шмид включал белый электрический сигнал на английском и исландском языках с призывом:

THÖGN!
SILENCE!

Партия шла своим чередом и, по мнению экспертов, должна была закончиться вничью. И вдруг на 29-м ходу в равной позиции Фишер сделал один из самых рискованных ходов в своей карьере. Не испытывая недостатка во времени (он уравнял на 17-м ходу и теперь имел перед Спасским преимущество во времени), Фишер пожертвовал слона за две пешки ходом, который взбудоражил зрителей и заставил Спасского выгнуть аркой брови. Размен выглядел как ошибка школьника. Гроссмейстер Эдмар Меднис рассказывал впоследствии: «Я не мог поверить, что Фишер способен на такую ошибку. Как вообще ее мог допустить элитный мастер, *любой* мастер?»

По первому впечатлению казалось, что Фишер, распираемый желанием захватить психологическую «бровку» выигрышем первой партии, перешел черту допустимого. Но при более близком изучении стало казаться, что партия не вышла за ничейные границы. Затем Фишер пожаловался Шмиду, что одна из камер, которая просвечивала сквозь дыру в бело-голубом знаке ФИДЕ, расположенном на заднике сцены, мешала ему думать. Жалоба осталась без внимания.

На 41-м ходу Спасский решил отложить партию: это позволяло ему проанализировать позицию ночью. Поскольку пять часов игры — официальное время до откладывания — еще не прошли, он взял 35 минут на себя. У Спасского оставались слон и три пешки против пяти пешек Фишера. Он запечатал ход и передал большой черный конверт Шмиду.

Фишер анализировал позицию всю ночь и появился в зале усталым и неспокойным за две минуты до того, как Шмид вскрыл запечатанный конверт. Следуя традициям ФИДЕ, Шмид сделал записанный ход Спасского за него, показал Фишеру бланк, чтобы он мог удостовериться, — воспроизведен правильный ход, и запустил часы Фишера. Фишер отвечал почти сразу по ночному анализу, последовало несколько ходов.

Затем Фишер указал на отверстие для камеры, на которую он

жаловался накануне, и быстро покинул сцену, пока его часы были включены. За кулисами он яростно начал жаловаться на камеру и заявил, что не сделает ход, пока ее не демонтируют. Официальные лица ИШФ быстро связались с Честером Фоксом, владельцем теле- и киноправ, который согласился на удаление камеры. Всё это заняло время, а часы Фишера, пока убирали камеру, продолжали тикать. Когда Бобби вернулся на сцену, на его часах стало на 35 минут меньше.

Фишер продолжил биться за ничью, но Спасский играл по-этюдному точно, и его позиция всё усиливалась. Наконец, стало ясно, что Спасский проводит пешку в ферзи. Не делая свой 56-й ход, Фишер остановил часы и протянул руку в знак признания поражения. Он не улыбался. Спасский не смотрел ему в глаза, пожимая руку, он продолжал изучать позицию. Фишер подписал бланк, беспомощно махнул рукой, словно говоря: «А что мне еще делать?», и покинул сцену. Нетрудно было догадаться о его душевном состоянии.

Хотя в истории матчей за звание чемпиона мира были случаи, когда проигравший первую партию одерживал общую победу, не могло быть сомнений, что Фишер расценивал проигрыш в первой партии едва ли не равносильным поражению в матче. Он не просто проиграл, он не смог доказать себе — и публике — что может выиграть одну-единственную партию у Спасского. Их личный счет на этот момент состоял из четырех побед Спасского, двух ничьих и ни одной победы у Фишера. В следующие несколько часов Бобби всё глубже погружался в сомнения и неопределенность, но затем его психологическое состояние пошло на поправку: поскольку в его счетных способностях не приходится сомневаться и он никак не слабее, значит, во всем виновата отвлекавшая его камера.

На следующее утро, в четверг 13 июля, американская делегация объявила, что Фишер будет играть, только если *все* камеры удалят из зала. Фишер настаивал, что только он мог знать, мешают они ему или нет. Но он отказался идти в зал проверять исправления и оценивать переделки.

Шмид объявил, что вторая партия начнется в пять вечера, и если Фишер не появится в течение часа после начала игры, ему засчитают поражение. И, в дополнение к этому, кто-то из советской делегации намекнул прессе, — если Фишер не придет на вторую партию, Спасский, вероятно, вернется в Москву.

Спасский появился на сцене без двух минут пять под общие аплодисменты. Ровно в 5:00 Шмид запустил часы Фишера, поскольку тот должен был играть белыми фигурами. В отеле «Лофтлейдир» Ломбарди и представители Американской

Шахматной Федерации тщетно упрашивали Фишера отправиться в турнирный зал. Полицейский автомобиль с работающим мотором был припаркован рядом с отелем, чтобы быстро домчать Бобби по Судерлансбраут-бульвару до зала, если он изменит свое решение. В 5:30, пока часы Фишера продолжали идти, юрист Честера Фокса в Рейкьявике согласился на удаление камер из зала на одну партию, на время откладывая окончательное решение вопроса. Когда об этом сообщили Фишеру, он потребовал, чтобы его часы установили в начальное положение. Шмид не согласился, заявив, что всему есть предел. За запертой дверью у себя в номере сидел Фишер в нижнем белье и с отключенным телефоном — картина каменной непреклонности. Он мнение менять не собирался: «Если я прошу о чем-то, а мне в этом отказывают, я не играю».

Зрители, словно загипнотизированные, продолжали смотреть на два пустых кресла (Спасский ушел за кулисы) и доску с 32 фигурами на своих исходных полях. Двигалась только минутная стрелка, и менялся красный индикатор в форме звезды на часах Фишера. Одиночество на сцене.

Ровно в 6:00 Шмид остановил часы, вышел к переднему краю сцены и объявил о первом в истории матчей на первенство мира поражении ввиду неявки. «Леди и джентльмены, согласно правилу № 5 регламента Роберту Фишеру засчитывается поражение. Он не появился в зале в оговоренное время».

Спасскому устроили стоячую овацию. Он сказал Шмиду: «Жаль», а кто-то в зале, обозленный на Фишера, выкрикнул: «Отправьте его назад в США!»

Менее, чем через шесть часов после поражения Фишер представил формальный протест, который не был удовлетворен комитетом ввиду того, что Бобби не пришел на партию. Комитет поддержал решение судьи, но после некоторых колебаний и душевных волнений. Все понимали, что Фишер не примет это решение легко. Так и произошло. Последовала мгновенная реакция — немедленный заказ обратного билета. Его пытался уговорить Ломбарди, по по всему казалось, что Фишер не будет продолжать матч, если с него не снимут поражение. Сам Шмид выразил искреннее сожаление в связи с очевидными последствиями для карьеры Фишера, если он бросит матч: «Что случится с Бобби? Какой еще город согласится проводить матч с его участием?»

Но у Бобби были и сторонники. Югославский гроссмейстер Светозар Глигорич высказал мнение, что камеры, беспрерывно направленные на него, кажутся ему человеческими глазами и отвлекают внимание. Владимир Набоков, родившийся в России

писатель, автор книги «Защита Лужина» (о гении, жившем исключительно шахматами), заявил, что Бобби «абсолютно прав», возражая против использования камер на матче: «Он не должен быть объектом клацаний и вспышек этих приборов [на их высоких треножниках] над ним».

Извещенный о решении и понимающий последствия д-р Эйве, вернувшийся в Голландию, послал телеграмму Шмиду со своим решением на случай, если Бобби откажется явиться на следующую партию:

> В СЛУЧАЕ НЕЯВКИ ФИШЕРА НА ТРЕТЬЮ ПАРТИЮ ПРЕЗИДЕНТ ФИДЕ ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО ПРИ НЕПОЯВЛЕНИИ ФИШЕРА НА ЧЕТВЕРТУЮ ПАРТИЮ МАТЧ БУДЕТ ЗАКОНЧЕН И СПАССКИЙ БУДЕТ ОБЪЯВЛЕН ЧЕМПИОНОМ МИРА.

Фишер стал получать тысячи писем и телеграмм, убеждавших его продолжить матч, а Генри Киссинджер позвонил ему еще раз, на этот раз из Калифорнии, взывая к его патриотизму. «Нью-Йорк Таймс» даже напечатала открытое обращение к Фишеру с призывом продолжать борьбу. В редакционной статье, озаглавленной «Трагедия Бобби Фишера», газета писала:

> Вполне вероятно, что вспышки его темперамента приведут к тому, что матч за звание чемпиона мира так, по сути, и не состоится, а Спасский удержит корону ввиду отказа Фишера играть.
>
> Надвигающаяся трагедия тем сильнее, что в течение последних десяти лет были все основания рассчитывать на убедительную демонстрацию Фишером своего превосходства, как только ему представится возможность…
>
> Можем ли мы надеяться, что на этой поздней стадии конфликта он восстановит душевный баланс и выполнит свои обязательства перед шахматным миром, продолжив матч против Спасского без лишнего драматизма? Хотя и значим перевес в два очка, который имеет советский чемпион, доска всё еще готова для дуэли, которая может оказаться одной из самых блестящих в истории древней игры.

Возможно в результате интереса Киссинджера к матчу и двух его разговоров с Бобби, президент Никсон также отослал свое приглашение Бобби через фотографа «Лайф» Гарри Бенсона посетить Белый Дом после окончания матча, не важно,

выигрывает он его или проиграет. Никсон сказал, что ему правится Бобби, «потому что он боец».

В попытке сгладить ситуацию и побудить Фишера продолжить матч Шмид объявил, что в соответствии с правилами он имеет право перенести матч со сцены в заднюю комнату. В приватном разговоре со Спасским Шмид воззвал к его «спортивному духу», пытаясь получить согласие на свое предложение, направленное на спасение матча. Спасский, всегда поступающий как джентльмен, выразил понимание ситуации.

К тому времени, как до Фишера донесли сведения об этом предложении, он уже зарезервировал билеты на все три рейса до Нью-Йорка на день третьей партии. Ему понадобилось несколько часов на обдумывание предложения и за девяносто минут до начала партии он заявил, что готов попробовать, если будет обеспечено абсолютное уединение и никаких камер.

Почему Фишер *согласился* продолжить игру? Вероятно, сказались все факторы: вера в способность одолеть дефицит в два очка, желание получить деньги (даже при проигрыше матча он получал 91.875 долларов призовых, в дополнение к предполагаемым 30.000 за теле- и киноправа) и огромное желание осуществить то, о чем он всегда заявлял едва ли не со времени своего первого официального матча: доказать, что он самый талантливый шахматист на планете.

Спасский появился вовремя за кулисами; сначала он сел в кресло Фишера и, вероятно, не зная, что его снимает камера, улыбнулся и крутанулся на нем несколько раз, как ребенок. Затем он пересел на свое кресло и стал ждать. Фишер опоздал на восемь минут, выглядел очень бледным и соперники обменялись рукопожатиями. Спасский, руководивший белыми фигурами, сделал первый ход, Фишер ответил. Внезапно Фишер указал на камеру и начал кричать.

Спасский вскочил на ноги. «Я ухожу!» — объявил он коротко в манере русского князя, и сообщил Фишеру и Шмиду, что возвращается на сцену, чтобы играть там.

Шмид вспоминал впоследствии, что «какое-то время не понимал, что делать. Затем я остановил часы Спасского, нарушая правила. Но мне как-то надо было выходить из невероятной ситуации, не теряя контроля над происходящим».

Они продолжали разговаривать, но их голосов не было слышно. Шмид положил руку на плечо Спасскому, и говорил: «Борис, вы обещали мне, что будете играть здесь. Неужели вы нарушите обещание?» Затем он повернулся к Бобби и произнес: «Бобби, пожалуйста, успокойтесь».

Спасский в замешательстве раздумывал секунд десять, и

затем опустился в кресло. Фишеру сообщили, что это камера внутренней телесистемы, совершенно бесшумная, которая транслирует изображение на большой экран, расположенный на сцене. Никаких копий делаться не будет. Аргументация неожиданно подействовала.

Фишер извинился за необдуманные слова, и соперники занялись своим прямым делом. Они сыграли одну из лучших партий матча. После своего седьмого хода (на его часах прошло пятнадцать минут, на часах Спасского — пять) Фишер на короткое время вышел из комнаты. Когда он проходил мимо Шмида, тот заметил, что Бобби был весь серый. «Он выглядел, как смерть», — говорил Шмид позднее. Да, но также воодушевленный, негодующий и полный почти маниакальной решимости.

Когда партия была отложена на 41-м ходу, позиция Фишера была подавляющей. Партия возобновилась на следующий день, и Бобби, радостно возбужденный от предчувствия близкой победы, согласился доигрывать ее на главной сцене. Перед началом игры Спасский бросил короткий взгляд на записанный ход Фишера, выигрывавший форсированно и означавший, что в исходе сомнений быть не может: Бобби имел ясный выигрыш. Спасский остановил часы, признавая поражение.

Запыхавшийся Фишер взбежал на сцену, опоздав на пятнадцать минут. Спасский уже был на пути в отель. «Что происходит?», — спросил он, и Шмид ответил: «М-р Спасский сдался». Фишер подписал бланк и покинул сцену, не произнеся ни слова. Дойдя до выхода, он уже не мог сдержать улыбки при виде ожидавших его болельщиков.

Хотя нелепо предполагать, что результат матча Спасский-Фишер можно было бы предсказать после двух партий, из которых каждый выиграл по одной, но определенные выводы сделать уже *можно* было. Дело в том, что первый выигрыш Фишера у Спасского означал больше, чем сокращение разрыва в счете. Создавался фундамент, нужный Бобби для доказательства самому себе, что он способен доминировать в матче. Ничья не имела бы никакого значения. Он демонстрировал раньше, что способен сделать, хотя и не часто, ничью против Спасского. Выигрывая, Бобби не только пил первую каплю крови противника, но и начинал верить, что рана, нанесенная им, затянется не скоро.

Бобби Фишер в Рейкьявике (Исландия, 1972 год).

Пока Фишер вел вторую войну против камер в Рейкьявике, камеры в Нью-Йорке транслировали его эпическую борьбу за доской. 35-летний профессор социологии Шелби Лаймен, мастер, стоявший довольно высоко среди игроков США, вел почти каждый день пятичасовую программу на общественном телевидении, комментируя партии ход за ходом по мере того, как информация и живой комментарий передавались ему по телефону репортером Пи-би-эс из Исландии. Он показывал каждый новый ход на демонстрационной доске и пытался предсказать, какой будет следующий ход Спасского или Фишера. В примитивном интерактивном формате зрители звонили на студию и предлагали свои ходы. Частыми гостями на шоу были гроссмейстеры, они оценивали предложения зрителей и обсуждали шансы противников.

Лаймен был красноречив «по-домашнему» и, в дополнение к глубокому анализу матчевой борьбы, давал объяснения ходов, понятные новичкам. Например, однажды он сказал: «Недостаточно уважать слонов абстрактно, за ними нужно приглядывать!» После первых трансляций аудитория возросла до нескольких миллионов зрителей, а через два месяца Лаймен стал звездой, люди останавливали его на улицах и просили автограф. Настолько популярным стало шоу, что оно вытесняло из спорт-баров Нью-Йорка трансляции бейсбольных и теннисных матчей, а когда канал начал освещать собрание демократов в Вашингтоне, студию «затопили» тысячи звонков с просьбой вернуть на экраны

показ матча. Руководители канала пошли навстречу просьбам телезрителей и вернулись к матчу.

Фишеровская харизма и энергетический посыл изменили имидж и статус шахмат в США и других странах. В Нью-Йорке возросший спрос привел к тому, что шахматные комплекты были раскуплены в таких супермаркетах, как «Блумингдейл» и «Мэйси». Трудно было и издателям двух книг Бобби — «Мои 60 памятных партий» и «Бобби Фишер учит вас шахматам» — поспеть за спросом покупателей. Шахматные клубы испытывали наплыв желающих стать их членами, во время матча списочный состав маршалловского клуба удвоился и достиг шестисот, а в ШФ США вступило еще десять тысяч человек. Впервые в своей жизни шахматные мастера могли прилично зарабатывать уроками, поскольку число желающих возросло многократно. Люди играли в шахматы на работе, во время обеда, в ресторанах, на ступенях своих домов и в садах на заднем дворе. Точно сказать нельзя, сколько людей приобщилось к шахматам из-за того антуража, который окружал матч Фишер-Спасский, но некоторые оценивают это число в миллионы.

Вне пределов доски атмосфера, безусловно, давила на Спасского (менее привыкшего, чем Бобби, находиться в центре внимания) тяжелым психологическим прессом. Это могло подействовать отрицательно на остроту его мышления, — в пятой партии, на 27-м ходу он совершил, вероятно, самую грубую ошибку в своей карьере. Борис сдался, и поединок стал одним из самых коротких в истории матчей на первенство мира.

Гроссмейстер Мигель Найдорф, оставаясь сторонним наблюдателем, сравнил следующую, шестую партию с симфонией Моцарта. Фишер создал сокрушительную атаку и завлек короля Спасского в матовую сеть, вынудив его капитуляцию. Фишер потом признавался, что это его любимая партия в матче, и многие гроссмейстеры, такие как Ларри Эванс, отмечали, что партия настолько красиво была исполнена, что стала, вероятно, поворотным пунктом всего матча.

Фишер начал говорить друзьям, что, по его мнению, матч закончится в ближайшие две недели. Он повеселел и даже делал попытки сухо острить на английский манер. В начале августа, глядя через венецианское окно своего номера в северную пустоту сырого дня, он обронил: «Исландия хорошее место. Я должен вернуться сюда летом».

Как впоследствии стало известно, Регина Фишер в парике блондинки и стильно одетая прилетела из Англии и посетила Бобби в «Лофтлейдир». Она хотела подбодрить его и поздравить с победой в матче, до которой, казалось, было рукой подать. Она не

хотела быть узнанной. Любопытство журналистов касательно нее могло, по ее мнению, отвлечь их от самого главного момента в жизни ее сына. Она провела ночь в номере Бобби, но не отправилась в «Лаугардалшол», чтобы посмотреть на его игру, а улетела в Объединенное Королевство.

Регина Фишер — в парике блондинки дли маскировки — секретно посетила Бобби в его номере в отеле во время исландского матча. Бобби готовился к следующей партии с Борисом Спасским.

Во многих отношениях «несчастливое число 13» оказалось поворотным в противостоянии Фишера и Спасского. Девяти-с-половиной-часовой марафон, в котором Фишер даже с лишней пешкой имел трудную позицию вплоть до откладывания. Он не нашел ничего утешительного во время ночного анализа и по возобновлении игры был вынужден искать шансы на ничью. На 69-м ходу вконец измотанный Спасский ошибся. Когда он осознал свой промах, то едва мог смотреть на доску, раз за разом отворачивая голову от раздражения и унижения. Фишер после хода, которым он забирал подарок Спасского, откинулся в кресле и стал мрачно-задумчиво смотреть на русского, изучая его. Долго, очень долго он не отводил взгляда. В нем был оттенок сострадания, который обратил эпизод в аристотелиевскую трагедию: ужас Спасского в сочетании с жалостью Фишера. Спасский сделал, наконец, свой ход, но сдался на 74-м ходу.

С этого момента Фишер перестал искать шансы, которые часто нужны для выигрыша партии. По причине необычной для него осторожности следующие семь партий — с четырнадцатой по двадцатую — завершились вничью. После матча Фишер объяснил, что он не играл специально на ничью, просто понимал, что три очка преимущества достаточны для завоевания титула, если он не позволит Спасскому выигрывать.

После двадцатой партии общий счет стал 11,5:8,5 в пользу Фишера. Ему нужно было сделать всего две ничьи или выиграть одну партию из оставшихся четырех, чтобы вырвать титул из рук русских, и у России. Будущее Фишера виделось светлым.

Перед заключительной неделей матча советская делегация в длинном и абсурдном заявлении обвинила Фишера в том, что он «воздействует» на поведение чемпиона мира с помощью «химических веществ или электронных средств». Невероятно, но полицейский департамент Рейкьявика и исландские ученые провели расследование. Они разобрали кресло Спасского, просветили его рентгеновскими лучами, взяли образцы соскобов со всех окружающих предметов и даже проверили воздух на сцене. Здоровяк-полицейский, разгуливающий по сцене с пустым пластиковым пакетом, которым он пытался «захватить» воздух, напоминал персонажа из чаплиновской комедии. Один «объект» все-таки нашли в кресле Спасского, которого не было в идентичном кресле Фишера! Но секретным оружием оказался кусочек древесного заполнителя, помещенный туда производителем. Фишер захохотал, услышав об этом, и сказал, что его не удивили бы и более грубые методы со стороны русских.

Дональд Шульц, член фишеровской команды, находился там, когда этот кусочек просвечивали рентгеном, и он видел рентгеновский снимок. Но он также видел и второй снимок, на котором этого кусочка не было. Ему пришла в голову мысль, что один из русских поместил что-то в кресло, чтобы смутить Бобби, но по зрелом размышлении удалил его каким-то образом, дабы не возникло подозрений, что они сами его туда положили.

Русские потребовали снять осветительный прибор, расположенный над сценой, чтобы изучить, не спрятаны ли в нем какие-либо устройства, способные повлиять на игру Спасского. Когда полицейский, стоя на стремянке, начал откручивать шар, он крикнул вниз, что внутри что-то *есть*. Русские и американцы устремились к спускающемуся по лестнице полицейскому, который сообщил им о своем открытии: «Две дохлые мухи!»

Со смущением дело закрыли, стало понятно, что советские, оглушенные перспективой потери «их» титула, искали «компромат», который мог бросить тень на достижение Бобби.

Лондонская «Таймс» подытожила шахматный цирк с юмором, но ядовито: «Это началось как фарс Беккета — “В ожидании Годо”. Затем обернулось кафкианской трагедией. Сейчас дело вышло за кафкианские границы. Возможно, Стринберг здесь будет в самый раз».

Двадцать первая партия началась 31 августа, и Фишер, игравший черными, провел эндшпиль в блистательном стиле; при откладывании казалось, что у него шансы на выигрыш. Если он сумеет его добиться, то 21-я партия станет последней в матче. Для победы над Спасским и завоевания титула чемпиона мира ему требовалось набрать 12,5 очков, и выигрыш давал это магическое число.

На следующий день шотландец Гарри Бенсон — главный фотограф для «Тайм Лайф» — встретил Спасского в отеле «Сага». «Ждите нового чемпиона, — сказал он. — Я не опечален. Это спорт, и я проиграл. Бобби — новый чемпион. А мне нужно погулять и подышать свежим воздухом».

Бенсон немедленно отправился в отель «Лофтлейдир» и позвонил Фишеру по местному телефону. «Вы уверены, что это официальное заявление?», — спросил Бобби. Когда ему ответили, что да, он произнес: «Ну, что же, спасибо».

В 2:47 пополудни Фишер появился на сцене «Лаугардалшол», чтобы подписать свой бланк. Шмид сделал официальное заявление: «Леди и джентльмены. М-р Спасский по телефону признал свое поражение в 12:50. Это обычный и законный способ сдачи партии. М-р Фишер выиграл партию под номером 21 и стал победителем в матче».

Лотар Шмид поздравляет Бобби Фишера после того, как он выиграл Чемпионат мира по шахматам против Бориса Спасского (Рейкьявик, Исландия, 1972 год).

Зрители пришли в неистовство. Фишер улыбнулся, когда Шмид пожимал ему руку, затем неуклюже кивнул в сторону публики, чувствуя себя не совсем в своей тарелке, и собрался уходить. Перед выходом он остановился на мгновение и мимолетно взглянул на толпу, словно хотел ей что-то сказать или махнуть рукой. Затем он быстро исчез за кулисами и покинул здание. Толпа окружила его машину, за рулем которой находился Саэми Палссон, его телохранитель. Теле- и радио-репортеры протягивали свои микрофоны и камеры в сторону закрытых стекол. Ломбарди располагался на заднем сиденье, и машина с тремя седоками тронулась в путь. И только много позже в дороге Фишер позволил себе широкую детскую улыбку. Он — чемпион мира по шахматам.

Через два дня после победы в матче в отеле «Лаугардалшол» в его честь был устроен роскошный банкет. Присутствовал и Борис Спасский, так же как арбитр Лотар Шмид и президент ФИДЕ Макс Эйве, руководивший торжеством. Событие

планировалось за недели до матча, и места были распроданы задолго до его окончания. Более тысячи людей посетило мероприятие (перекупщики получали от 75-ти до 100 долларов за 22-долларовый билет), и теперь они с удовольствием поедали блюда из мяса барашков и молодых поросят, поджаренных на гриле над углями жаровни, которые им разносили официанты в шлемах викингов. «Викинги» следили за тем, чтобы бокалы были полны напитком под названием «Кровь Викинга» — гремучая смесь красного вина и коньяка. На той самой сцене, где Фишер и Спасский сражались в течение двух месяцев, теперь играл оркестр, и музыка представляла собой приятное попурри из «Сказок Гофмана» и «Травиаты». Весь вечер был пропитан ароматом Старого мира, словно событие происходило в 1872 году в огромном европейском пивном саду, а не в 1972 под крышей исландского стадиона.

Но виновник торжества? В зале начали шептаться: «Он не придет!», «Он должен придти… даже сестра его здесь!», «Он не поступит так со Спасским!», «Ему ведь надо еще получить чек!», «Он уже в Бруклине!» и «Он не придет!»

Когда прошел целый час без каких-либо признаков появления чемпиона, а пирующие уже основательно распробовали напитки в бокалах с Кровью Викингов, д-р Эйве поднялся на сцену и оркестр заиграл гимн ФИДЕ: «*Gens Una Sumus*». В этот момент в вельветовом костюме темно-коричневого цвета, который ему сшили на заказ в Рейкьявике, появился Бобби. Не дожидаясь окончания музыки, он прошел в голову стола и занял свое место. Спасский располагался в двух местах от него, и с некоторой задержкой Фишер протянул ему руку для рукопожатия. Эйве позвал Фишера на сцену, водрузил ему на плечи большой лавровый венок и провозгласил Чемпионом мира. Затем он передал ему золотую медаль и сертификат. Коронация завершилась в мгновение ока.

Изучая медаль, Фишер прошептал Эйве: «Но на ней нет моего имени». Эйве улыбнулся и ответил: «Мы не знали, что чемпионом станешь ты!» Не сказав больше ничего, Бобби вернулся за стол. Эйве продолжал говорить и упомянул, что правила будут изменены к следующему розыгрышу первенства мира, главным образом из-за Бобби Фишера, благодаря которому к шахматам было привлечено внимание всего мира.

По мере того, как Эйве произносил свою речь, Бобби скучнел и казался всё более одиноким, возможно, потому, что тысяча с лишним людей регулярно устремляла свои взгляды на него. Но даже те, кто был с ним знаком, как будто боялись к нему приближаться. Два крепких исландца размером с ресторанный

холодильник, оба — шахматисты — сидели рядом с ним, и если кто-либо приближался к Бобби, чтобы взять автограф или поцеловать, или просто высказать поздравления, его не так уж вежливо направляли в другую сторону.

С непривычного места Бобби изучал сцену в зрительском ракурсе, как смотрели на них со Спасским любители шахмат в течение двух месяцев. Он погрузился в воспоминания, и можно было только догадываться, о чем они. Может быть, он переигрывал в уме некоторые из партий со Спасским? Или обдумывал варианты, которые следовало избрать — взвешивал, корил себя, что сыграл по-другому? Или он ругал себя за всё то беспокойство, что причинил окружающим — все эти споры о деньгах, камерах, освещении?

Желание отдаться старым привычкам взяло верх, он вытащил карманные шахматы и начал анализировать последнюю партию матча. Спасский подсел к нему ближе и слушал его замечания. Диалог казался естественным, словно они продолжали играть. «Мне следовало пойти *сюда* записанным ходом», заметил Спасский, передвигая пластиковую фигурку и пытаясь показать, как он мог спасти партию. «Это ничего не меняло», — ответил Бобби. Он показал русскому все варианты, которые рассматривал после откладывания. Вскоре гроссмейстеры Ефим Геллер и Роберт Бирн подключились к спору. Летали руки над доской едва больше листа из блокнота, пока четыре гроссмейстера предлагали свои ходы. Со сцены доносилась музыка — *Les oiseaux dans la charmille* (Птицы в беседке — *фр*.) Оффенбаха, но эти четверо на нее не обращали внимания.

Фишеру в итоге вручили два призовых чека, один от Исландской Шахматной Федерации, а другой — от Джеймса Слейтера, миллионера, чье финансовое предложение спасло матч. Бобби получил в сумме 153.240 долларов. Ему также подарили коллекционный предмет — огромную книгу в кожаном переплете и в специальном футляре об истории Исландии. Гудмундур Тораринссон частным образом пожаловался — но не Бобби — что исландская шахматная федерация потеряла 50.000 на матче, поскольку не были получены деньги за теле- и киноправа.

На банкете после выигранного матча Бобби, который часто казался безразличным по отношению к женщинам, удивил сановную публику, танцуя с исландской красоткой.

Когда Бобби собрание утомило, он выскользнул через заднюю дверь со своим другом аргентинским шахматистом Мигелем Кинтеросом и отправился искать приключений с исландскими девушками, которых он надеялся «подцепить». Ему так хотелось побыстрее покончить с официозом, что он забыл взять памятную книгу об Исландии, и ее так никогда и не нашли.

Прежде чем Спасский покинул Исландию, Бобби отправил русскому в отель любезное письмо и кинокамеру в подарочной упаковке в знак дружбы. Спасский внешне не испытывал никаких враждебных чувств к человеку, нанесшему ему поражение, хотя знал, что ему предстоят трудные времена по возвращении в Москву. Его последний комментарий о Фишере был таким: «Фишер — человек искусства, но для нынешнего века — он редкий человек. Мне нравится Фишер, и мне кажется, я его понимаю».

Лимузин мэра Линдси ожидал Бобби, когда его самолет приземлился в Нью-Йорке. Свита Бобби состояла из телохранителя Саэми Палссона с женой и Мигеля Кинтероса. «Здорово вернуться в Америку», — таков был единственный комментарий Бобби для ожидавших его репортеров. Мэр

предложил Фишеру торжественный проезд-парад (с серпантином и конфетти) маршрутом «Каньон Героев» по Бродвею в нижнем Манхеттене — редкая честь, которой ранее удостоились такие звездные личности, как Чарльз Линдберг, Франклин Д. Рузвельт и астронавты Аполлона, но Бобби идея не вдохновила. Друзья и советники сказали ему, что если он примет эту честь, то станет единственным шахматистом, который когда-либо удостаивался такого проезда, и вероятно, никогда более никакому шахматисту такой чести не окажут. Он остался непоколебим: «Нет, не хочу», — решил Бобби. Он всё же согласился на «скромную» церемонию на ступенях Сити-холла.

Бобби получил сотни поздравительных писем и телеграмм, и одна, которой он более всею гордился, была такой:

> Дорогой Бобби,
>
> Ваша убедительная победа в Рейкьявике является красноречивым свидетельством вашего абсолютного мастерства в самой трудной и амбициозной игре. Чемпионство, выигранное вами, является великим личным триумфом для вас, и я рад присоединиться к бесчисленному числу ваших сограждан в выражении вам сердечных поздравлений и лучших пожеланий.
>
> *Искренне ваш, Ричард Никсон*

«Скромная» церемония вылилась в «День Бобби Фишера» в Нью-Йорке. Более тысячи поклонников собралось у лестницы Сити-Холла, когда мэр Линдси награждал Бобби золотой медалью (а не ключом от города, как ошибочно писали) и объявил его «величайшим мастером из всех». Многие из друзей Бобби присутствовали на церемонии — Джек и Этель Коллинз, Эдмар Меднис, Пол Маршалл (юрист Бобби) и его жена Бетти, и Сэм Слоан. На этот раз Бобби произнес речь: «Я хочу опровергнуть злой слух. Думаю, его запустили в Москве. Неправда, что Генри Киссинджер звонил мне по ночам и подсказывал ходы». Аудитория взревела. «Я не мог себе представить, что дождусь того дня, когда шахматы будут на первых полосах газет нашей страны, а в газете “Правда” им будет посвящен один абзац». В тот день Бобби не был старым брюзгой Бобби: он подавал себя элегантно, с юмором, и с готовностью роздал тысячи автографов. «Нью-Йорк Таймс» в огромной редакционной статье подытожила его главные достижения:

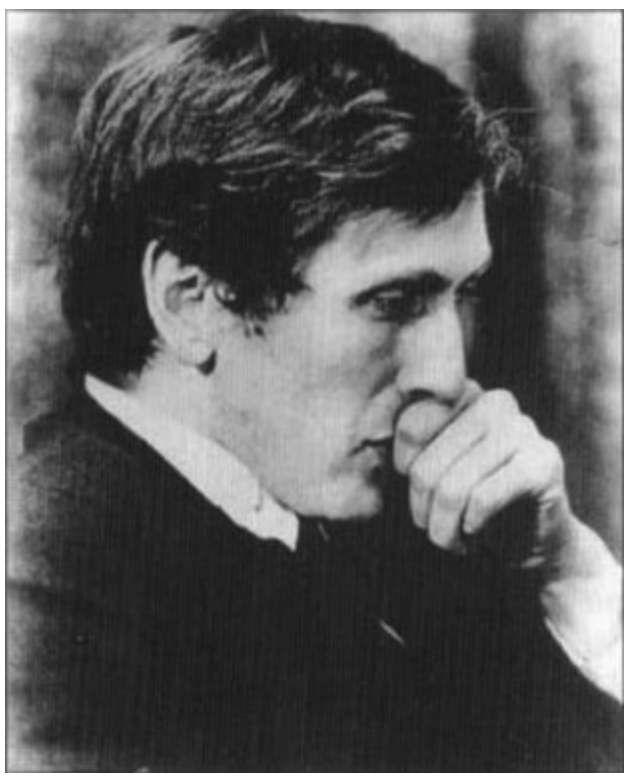
> Фишер сделал больше, чем просто выиграл титул чемпиона мира, который он так долго, может быть,

навязчиво, считал своим. Он изменил образ и статус шахмат в умах миллионов, внезапно увеличив многократно аудиторию шахмат как спортивной дисциплины, и число людей, реально играющих в шахматы… В более широком смысле матч Фишер-Спасский имел уникальное политическое значение… Результатом матча, несмотря на сопряженные с ним трудности и проблемы, стало понимание возможности расширения отношений между СССР и США.

Фишер, герой Холодной войны, направился в Нью-Джерси, где ненадолго стал гостем своего юриста Пола Маршалла. Так осаждали Бобби репортеры, что на некоторое время Маршалл вынужден был установить охрану перед своим домом-дворцом, чтобы хранить журналистские орды на расстоянии.

Глава 11
Выпавшие годы

Долгий, почти монашеский поход Бобби Фишера за титулом чемпиона мира, хотя и не совсем целомудренный, оставлял ему мало времени на общение с прекрасным полом. «Я хочу встречаться с девушками, — заявил Бобби, вернувшись в Лос-Анджелес в 1973 году. — Веселыми девушками с большими грудями». Ему было 29 лет, и хотя он имел некоторое число кратковременных связей, еще ни разу не переживал романтических отношений. Теперь же с деньгами, полученными в Рейкьявике и новым жильем — апартаменты, предоставленные ему за скромные 200 долларов в месяц Всемирной церковью Бога — он ощутил, что может начать новую жизнь. Он хотел больше читать — и не только шахматные журналы — зарабатывать больше денег, продолжать свои религиозные искания и, возможно, встретить ту, которую сможет полюбить. Одним словом, он возжелал дать новый импульс своей эмоциональной и духовной жизни.



После завоевания чемпионского титула Бобби не раз появлялся в различных телевизионных шоу и получил беспрецедентную медиа-«раскрутку». На снимке он в конце 1972 года во время передачи The Merv Griffin Show думает над ходом.

Но не всё было альтруизм и кипение жизни; бытовые реалии отбрасывали свою мрачную тень. Его отчуждение от прессы создавало нарастающий ком проблем. Ему доставили боль несколько порушенных связей с шахматными организаторами в США (он больше не разговаривал с Эдмондсоном, исполнительным директором Шахматной Федерации США), и где-то на ближнем горизонте маячили советские со своими, как он подозревал, недостойными методами борьбы.

Период послерейкьявикской лени растянулся почти на целый год, после чего Бобби решил, что для него приоритетом должно стать накопление как можно больше денег, причем всегда на его условиях. Так, работая со Стэнли Рэйдером, главным советником Всемирной церкви, он созвал пресс-конференцию в августе 1973 года, чтобы публично обсудить свои планы.

Рэйдер был юристом и ближайшим советником Армстронга. Он сильно разбогател, работая на Церковь, и Бобби впечатлили проявления его благосостояния: «феррари», лимузин с шофером, дом-дворец в Беверли-Хилл и полеты на частном реактивном самолете. Рэйдер управлял 70-ти миллионной годовой прибылью Церкви, получаемой, главным образом, за счет «десятины», которой облагались ее члены. Бобби сам отдал Церкви более 60.000 долларов из призовых, полученных в Исландии, а совокупный взнос составит примерно 100.000 долларов.

На пресс-конференцию в гостиной Рэйдера собрались десятки журналистов и фотографов. После двух интервью на ТВ после исландской победы, за двенадцать месяцев это было практически первое появление Бобби на публике. Слова «уединенный» и «затворник» постоянно встречались в газетных статьях о нем. Буквально через несколько дней после победы в Рейкьявике в «Нью-Йорк Таймс» вышла статья под заголовком «ЧЕМПИОН ОСТАЕТСЯ ЧЕЛОВЕКОМ-ЗАГАДКОЙ», в которой обсуждался вопрос, а будет ли он когда-нибудь играть вообще. «Ассошиэйтед Пресс» подхватила тему, опубликовав статью «БОББИ ФИШЕРУ НЕ НУЖНЫ СЛАВА, ДЕНЬГИ; ОН СТАНОВИТСЯ ЗАТВОРНИКОМ». Идея странная, поскольку в тот момент у Бобби не было намерения самоизолироваться или отказываться от денег; он просто хотел заняться личными делами, коими пренебрегал многие годы. Кроме того, в тот период чемпион мира должен был защищать свой титул один раз в три года. Хотя публика ожидала

увидеть Фишера за доской, его менее чем годовое выключение из шахматной жизни не было чем-то из ряда вон выходящим.

На пресс-конференции говорил в основном Рэйдер, а он умел это делать — как-никак, был первым в классе при выпуске из Университета (Калифорнийская школа юристов). Бобби, одетый консервативно, слегка нервничал, стоя рядом с ним. Фотографы непрерывно щелкали затворами аппаратов, и Бобби заметно раздражался при каждой вспышке. Рэйдер заявил голосом одновременно звучным и экспрессивным, что Фишер сообщает — он скоро вернется к 64-х клеточной доске с 32-мя фигурами… очень скоро. «Мы готовим серию сеансов одновременной игры и матчей на начало будущего года. Мы думаем о выставочном матче, в котором Фишер будет играть со всеми членами олимпийской команды Голландии *одновременно*». Репортер выстрелил вопросом: «А как насчет нового матча за звание чемпиона мира?» Рэйдер и Бобби обменялись короткими взглядами, и юрист ответил: «Не исключается». Репортер немедленно задал вопрос вдогонку: «Будет ли этот матч под эгидой ФИДЕ?» Рэйдер не колебался: «Вряд ли, но вопрос может обсуждаться». Рэйдер также упомянул о том, что планируется турне по России и Южной Америке.

Журналисты решили добраться до Бобби: «Чем вы занимались последний год?», — был один из вопросов. Бобби протянул в ответ: «Ну, я читал, работал над шахматами, переигрывал разные партии, как-то так». Последовало еще несколько вопросов, на которые Бобби отвечал очень коротко и с апломбом, затем кто-то спросил, живет ли он в апартаментах, оплачиваемых церковью. «Это личное, — ответил Бобби. — Я не хочу отвечать на личные вопросы». Журналисты спросили его о предложении в 1 млн долларов за новый матч против Спасского в Лас-Вегасе. Рэйдер бросился отвечать: «Начать с того, что предложение Лас-Вегаса не составляло твердые 1 млн долларов. Они сказали, что предлагают миллион, но может получиться меньше, а Бобби не захотел соглашаться ни на какое предложение, меньшее 1 млн».

Рэйдер отметил, что помимо матчей вне рамок ФИДЕ, в 1975 году должен состояться официальный матч за звание чемпиона мира, и противником Бобби станет тот, кто пройдет отбор в системе матчей претендентов. «После защиты титула в 1975 году, — добавил Рэйдер, — ему будет легче отстаивать свои финансовые интересы».

На этом конференция завершилась. «Это всё. джентльмены. Спасибо», — сказал Рэйдер, и они с Бобби заторопились к выходу. Журналисты смотрели друг на друга в недоумении, не веря, что

вот так внезапно всё закончилось. В результате о «событии-которого-не-было» в прессе почти ничего не появилось.

Рэйдер имел свои причины помогать Фишеру. Поскольку Бобби мог делать миллионы, и если он будет продолжать выплачивать «десятину» церкви, то может стать одним из самых крупных ее жертвователей. И чем больше паблисити получал Бобби, тем больше паблисити получала и церковь. Но прежде чем ожидания сбылись, возникли проблемы.

Заманчивые финансовые предложения продолжали сыпаться под ноги Бобби, но ничто его не устраивало:

— Кинокомпания «Уорнер Бразерс» предложила миллион долларов за серию звукозаписей, рассказывающих, как правильно играть в шахматы, но Бобби захотел наговорить текст сам. Текст, написанный Ларри Эвансом, перевели на несколько языков и с помощью фонетического рендеринга максимально упростили его для Бобби. Но, когда сделали пилотную запись, ему не понравился собственный голос, а профессиональный диктор, предложенный на замену, не получил его одобрения. В итоге весь проект отменили.

— Антрепренер, узнавший о миллионном предложении корпорации «Хилтон» из Лас-Вегаса на матч Спасский-Фишер, предложил увеличить сумму до 1,5 миллиона, если они согласятся играть в его родном Техасе. Ничего не вышло.

— Издательская компания предложила Бобби «маленькое состояние», согласно сообщениям прессы, за написание книги о матче Спасский-Фишер. Бобби отказался.

— Телепродюсер пожелал, чтобы он принял участие в создании серии фильмов о шахматах, которые можно было бы продавать по всему миру. Соглашения стороны не достигли.

— Бобби предложили 75.000 долларов + остаточные роялти + новый автомобиль просто за то, чтобы он сказал в рекламе, что ездит только на этой машине, что было бы правдой, поскольку Бобби других машин не имел. Он отклонил предложение.

— Самое известное предложение поступило в 1974 году сразу после боя Мохаммеда Али с Джорджем Форманом (известного, как «Побоище в джунглях») в Заире. Правительство этой страны предложило Бобби 5 млн долларов за матч длиной в месяц против Карпова, если он будет проведен в этой стране. «Мало, — ответил Бобби. — Как они смеют предлагать 5 млн за матч в целый месяц длинной? Али получил вдвое больше за один вечер!» (Это не так). Именно после этого матча Али стал называть себя «Величайший», и Бобби это тоже не понравилось. «Али украл этот титул у меня, — заявил Бобби. — Я использовал эпитет “Величайший” на телевидении в отношении себя задолго до

него».

Бобби *принял*-таки одно предложение, но не на миллионы долларов, а на 20.000. Его пригласили в качестве почетного гостя на первый филиппинский международный шахматный турнир в 1973 году, и в дополнение к почестям, упомянутым выше, ему оплатили все дорожные расходы. Он целый месяц пребывал на курорте в отеле «Тропикал-пэлас» в пригороде Манилы. На турнире он сделал церемониальный первый ход и сыграл партию с президентом Маркосом, которая закончилась ничьей после восьми ходов.

Журналисты спросили Бобби, почему он принял это приглашение на Филиппины — его первый «официальный выход» в качестве чемпиона мира, — отказавшись от многих подобных предложений из других стран. «Я был здесь в 1967 году, — последовал ответ. — Я не был еще тогда чемпионом мира, но со мной обращались так, как будто я им был». По словам Касто Абундо — шахматиста, называвшего себя «юным Пятницей» Бобби в тот его визит — Бобби работал над шахматами каждый вечер, уже начав подготовку к неизвестному еще сопернику по будущему матчу на первенство мира. Закончив занятия, он часто шел часа в три ночи на долгую прогулку, и ложился спать не раньше четырех. Фильм, снятый во время визита, показывает Бобби в расцвете сил. В традиционной для себя свежей белой рубашке «баронг» и нередко с гирляндой цветов, он выглядел отлично, часто улыбался. Филиппинцы его полюбили; Маркос принимал его во дворце и на яхте; жена Маркоса, Имельда обедала с ним; вокруг него постоянно роились девушки, словно он был звездой кино. На остановке в Бангкоке по мути в Манилу он купил много кассет с тайской музыкой, которые по много раз прослушивал ночами, разбирая партии. Ко времени возвращения в США его любовь к людям Филиппин только возросла.

Пол Маршалл, юрист Бобби в течение всех переговоров во время матча, заявил, что с тех пор, как Бобби вернулся из Исландии, он получил предложений на общую сумму 10 млн долларов — но отказался ото всех. Интерес Бобби к деланию денег был очевидным, поэтому возникло много предположений относительно того, по каким причинам он действовал против своих финансовых интересов. Один его друг отнес это на счет его ментальности «Победитель получает всё», объяснив поведение Бобби так: «Если кто-то предлагает ему 1 млн долларов, он думает, что здесь можно получить больше, и хочет всё». Гроссмейстер Ларри Эванс предпочел дать более нейтральное объяснение: «Думаю, он полагает, что отдавая свое имя в

пользование другим, он унижает свое достоинство». Международный мастер Джордж Колтановски предположил, что Бобби просто не верит людям и не хочет быть обманутым: «В немецком языке есть для этого специальный термин: *Verfolgunswahnsinn*, что значит “мания преследования”». Но, вероятно, лучшее объяснение того, почему Бобби отклонил все финансовые предложения, дал сам Бобби: «Люди пытаются меня эксплуатировать. Никто не заработает на мне и десяти центов!» Как, впрочем, вскоре выяснилось, и он на них — во всяком случае, в ближайшей перспективе.

Пока сплетались и расплетались все эти финансовые интриги — предложения, дискуссии, переговоры, принятие предложений и отказы от них — Бобби шел своим путем, но под влиянием и водительством Церкви. Ее представители окружили его молодыми, неординарными женщинами — своими членами — но поскольку никакая физическая близость не допускалась, иллюзии Бобби вскоре рассеялись. После встреч с восемью различными «кандидатками», каждая из которых прошла по сценарию «без секса», он перестал надеяться на Церковь, как дорогу к любовной жизни.

Его отношения с Церковью всегда носили двусмысленный характер. Он не являлся ее зарегистрированным членом, поскольку не согласился на крещение путем полного погружения в воду, осуществляемого Армстронгом или одним из его служителей. И так как он не считался полностью обращенным членом Церкви, его иногда воспринимали и трактовали как «сотрудника» или, менее вежливо, «крайнего» — человека на краю или периферии Церкви, но не полностью осознавшего в ней свою миссию. Церковь налагала на своих членов ряд правил, часть из которых Бобби казалась нелепой и он им отказывался следовать; например, запрещалось слушать тяжелый рок и соул-музыку (а ему нравился стиль «ритм и блюз»), смотреть кинофильмы, кроме тех, что имеют рейтинг G и PG[17], встречаться и дружить с не-членами Церкви, заниматься сексом до свадьбы.

Но, несмотря на нежелание Бобби следовать всем принципам, проповедуемым Церковью, жизнь его вращалась вокруг нее. Он посещал курсы изучения Библии, хотя они были доступны только членам Церкви (для него Церковь сделала исключение); обсуждал личные и финансовые дела с Рэйдером и Армстронгом; каждый день не меньше часа посвящал молитве, и это помимо времени, уходившего на штудирование церковного учения. Будучи в Нью-Йорке, на прогулке по Манхеттену со своим другом Бернардом Цукерманом Бобби упомянул Сатану. Саркастичный по характеру

Цукерман спросил: «Сатана? Почему тебе меня с ним не познакомить?» Бобби пришел в ужас. «Как? Ты не веришь в Сатану?»

Поскольку он всё больше жертвовал денег Церкви, то подучал льготы, которые полагались только самым высоким по рангу ее членам, такие, как возможность летать иногда на частном реактивном самолете и изредка пользоваться лимузином с шофером; приглашения на эксклюзивные мероприятия, такие как вечеринки, концерты и обеды; продолжающийся парад ярких и красивых женщин, к которым он не мог прикоснуться. Ему также был обеспечен доступ к личному тренеру Церкви, Гарри Снайдеру, бывшему чемпиону-штангисту, который проявил к Бобби особый интерес. Он тренировал его в плавании, тяжелой атлетике, теннисе и футболе; они стали друзьями.

С теми же прилежанием и упорством, с коими он напитывал себя шахматными знаниями, Бобби начал непреклонную борьбу за получение общих знаний. Библиотека колледжа «Амбассадор» Всемирной Церкви, к которой он имел доступ, была весьма тематически ограничена. Она содержала книги по религии и теологии, но Бобби нуждался в видении мира и с других точек зрения, хотел изучать разные темы; он ни разу более не переступил порог этой библиотеки после того, как узнал, что ее помещения опрыскали противотермитными инсектицидами.

Ботвинник, возможно, был прав, когда говорил, что Бобби недостает общей культуры и систематического образования. Бобби начал с посещения книжных магазинов Пасадены, и когда изучил их запасы, то на автобусе стал ездить в Лос-Анджелес, рыская по полкам всех магазинов, которые попадались ему на пути. Он стал ненасытным читателем.

Появилось много теорий за истекшие годы, объясняющих, почему Фишер, в конечном итоге, возненавидел евреев, включая спекуляцию, будто спусковым крючком для риторики Бобби послужила его неприязнь к друзьям-евреям матери времен его детства; что он стал антагонистом официальных лиц Американского Шахматного Фонда, большинство из которых были евреями; что его разочаровал Стэнли Рэйдер, еврей по национальности, но перешедший во Всемирную Церковь; что на него как-то повлиял нацизм Форри Локса; и что воздействовали некоторые идеи, почерпнутые им в литературе, попадавшей ему в руки во время проживания в Калифорнии. Возможно, сложились вместе все эти факторы.

Описание еврея, ненавидящего свое еврейство, в книге «Злой сын» писателя, лауреата пулитцеровской премии Давида Мамета,

хотя и спорное, может быть применено к Бобби: «Еврее-ненавистник начинает с предположения, которое возвеличивает его и умиротворяет: что существуют силы зла, которые он, к его чести, открыл и смело предъявил всему миру. В борьбе с ними он находит свою славу. Побеждая зло — становясь, тем самым, богом — через признание, никак не меньше, за собой божественного начала. Не зная обычаев собственного “племени”, он, отступник, дрейфует в сторону тех, кого он считает *Другими*…, предполагая, как свойственно молодости, что они обладают особыми достоинствами. Но эти новые группы привлекают отступника лишь потому, что они чужие».

По крайней мере в одном важном случае Бобби осознал, что *Другие* были не такими уж привлекательными, как он поначалу представлял. Всё более и более он отчуждался от Всемирной церкви Бога. Согласно предсказаниям Герберта В. Армстронга близилась катастрофа мирового масштаба, он утверждал, что Мессия вернется в 1972 году. И когда наступил 1973 год, Бобби уже не требовалось убеждать относительно зла, связанного с Церковью. В интервью, данном «Амбассадор Рипорт» (резкая и спорная публикация, критикующая церковь) он сказал: «Реальным доказательством для меня стали те [ложные] предсказания… показавшие мне, что он [Армстронг] просто мошенник… Я думал: “Так не должно быть, я ведь отдал все мои деньги. Все вокруг твердили об этом [что 1972 станет годом ухода Церкви в безопасность] многие годы. А теперь он практически отрицает свои слова, хотя я помню, что он говорил об этом сотни раз”… Если вы говорите об исполнении пророчества, то он — воплощение Элмера Гантри[18]. Если Элмер Гантри был Илией, то Армстронг — “Христос” мошенников от религии. Он не мог быть истинным пророком Бога. Или Бог — мазохист и любит, когда из него делают дурака, или Герберт Армстронг — ложный пророк».

Бобби и не заметил, как призовые деньги Рейкьявика почти растаяли, а Рэйдер и Армстронг летали по всему миру, наслаждаясь роскошной жизнью и предлагая дары мировым лидерам. «Всё это мерзостно», — сказал Бобби.

Заглянув в букинистический магазин в даунтауне Лос-Анджелеса, Бобби наткнулся на пыльную старую книгу под названием «Протоколы сионских мудрецов». Хотя попалась она ему на глаза случайно, ее содержание легло на подготовленную почву. В ней, фантастичной по жанру, раскрывался грандиозный план еврейских лидеров по достижению мирового господства. Впервые опубликованная в 1905 году, эта книга, ко времени прочтения ее Бобби, некоторыми всё еще полагалась аутентичной — *не*фантастичной. Даже сегодня предрасположенные верить в

нее не сомневаются в точности приводимых фактов, и за годы, прошедшие с момента появления книги, она внесла весомую лепту в распространение антисемитизма. Для разжигания ненависти к евреям книга использует психологический прием «от противного», выдвигая обвинения против не-евреев: «Безгранична мерзость *гоимов*, что пресмыкаются перед силой, но безжалостны к слабым, беспощадны к ошибкам и попустительствуют преступникам, не готовы мириться с конфликтами свободной социальной системы, но терпеливы до мученичества перед яростью смелого деспотизма».

Читая «Протоколы», он верил в подлинность текста на страницах книги, и *мессидж* книги резонировал с настроем его души. Он начал рассылать экземпляры книги друзьям. Одному из них написал: «Я тщательно изучил “Протоколы”. Полагаю, что каждый, кто считает их подделкой, мистификацией и пр., обманывает себя, не знает о них ничего или попросту лицемерит!» Один из самых воинствующих антисемитов и расистов в США того времени, Бен Классен только что написал свою первую книгу «Природы вечная религия», и Бобби, почти ничего не имевший против «черных», принял мысли Классена касательно евреев. «Книга показывает, — написал он, — что Христианство само по себе выдумка евреев, являясь еще одним орудием в их борьбе за завоевание мирового господства». Как Регина всю свою жизнь многократно обращалась к различным «верованиям» — всегда либерального и гуманистического толка — так и Бобби стал вечным прозелитом. Пешка не идет слишком далеко от королевы.

Однажды Бобби отослал обе книги — «Протоколы» и «Природы вечная религия», Джеку и Этель Коллинз, не спрашивая их, хотят ли они это читать. Он дал их адрес продавцу книг напрямую, а затем написал извинительное письмо за то, что сообщил их адрес.

Развивающееся кредо Бобби состояло не только в антисемитизме, — он полностью отпал от Всемирной церкви Бога и превратился в ярого анти-христианина. Он перестал верить Старому и Новому Заветам Библии — книги, являвшейся краеугольным камнем его системы верований. Идея Бога в виде мужчины, появляющегося на Земле, а затем совершающего «акт исчезновения», как выразился Бобби, на две тысячи лет, и «невероятна, и нелогична».

Несмотря на свои как-будто антирелигиозные взгляды, Бобби любил использовать цитаты из песни, написанной Лесом Крейном — ведущим радио- и теле- ток-шоу. Основанная на поэме «Desiderata», ее стихи доносили до слушателя мысль, что каждый

во Вселенной имеет право в ней находиться. Очевидно, Бобби не видел ножниц между мягким приятием идей, передаваемых в форме песни и поэтики, и его крепнущей философией исключительности, отвергавшей всех людей, которые не верили в то, во что верил он.

Коллинзы не знали, что и сказать Бобби о его новообретенных убеждениях, которые им казались противоречивыми: если каждый имел право здесь находиться, то почему Бобби с такой яростью нападает на евреев? После дарения книги Классена, Бобби послал Коллинзам наполненную ненавистью книгу «Тайное мировое правительство» генерал-майора, графа Череп-Спиридовича. Граф начинал книгу заявлением, что евреи сатанисты, и предложил теорию существования еврейского заговора, цель которого — захват власти над миром. Бобби прислал вдогонку письмо: «Вам понравилась посланная мною книга?» Джек Коллинз не ответил на него; вероятно, ни он, ни Этель книги читать не стали.

Но Бобби не был столь однолинеен. Хотя многое из круга его чтения составляли книги, замешанные на ненависти, он читал и другую литературу, например, написанную Дэгом Хаммарскьёльдом остроумную книгу афоризмов и поэзии «Markings», Эрика Хоффера «Истинный верующий», которая во многом отрицает армстронгизм. О ней Бобби сказал: «Величайшая опасность для авторитарной организации, подобной Всемирной Церкви Бога, состоит в том, что когда власть позволяет себе немного расслабиться, это чувствуют и “подданные”. И тогда истинные верующие начинают терять свой страх. Большинство людей — овцы, и они нуждаются в поддержке других».

Тем не менее, несмотря на признание ценности определенных либеральных идей, Бобби начал ожесточаться сердцем против мира и терять сострадание к попавшим в беду людям. Он также прочитал Ницше, и на него сильно повлияли такие его книги, как «Антихрист» и «Так говорил Заратустра». Хотя немецкий философ относился крайне неприязненно к Христианству (он называл Христа идиотом), он не был антисемитом, что создавало, вероятно, конфликт в верованиях Бобби.

По телефонным разговорам и письмам Регина стала чувствовать дрейф Бобби в сторону расистских и религиозных предрассудков, и ей пришлось написать ему, когда он отказал в финансовой помощи своему официальному отцу Герхарду Фишеру, жене Герхарда и их детям, которые после короткого пребывания за решеткой в Южной Америке, куда они попали за

участие в политических протестах, только недавно вышли на свободу. Они улетели во Францию. Слова Регины не были такими уж мягкими в попытке образумить своего сына:

> Я была шокирована, когда ты отказался обсуждать эту тему или сделать что-нибудь… позволить ближнему пойти ко дну, не проявив ни малейшего интереса. Это плохо и для того, кто на сильной стороне. Процесс этот неспешный, но личность постепенно разрушается. Чем больше личность по масштабу и таланту, тем сокрушительнее ее распад. Глупая, грубая личность не умеет страдать; она не может поверить, что ее поведение ее же и недостойно. Если ты думаешь, что я "накручиваю", прочти "Алая буква" Н. Готторна… Подумай о миллионах людей, которые считают тебя гением и примером для себя. Не так легко находиться на твоем месте. Но даже если бы тебя никто не знал, просто быть приличным человеком — уже работа в наше непростое время. Да, проще закрыть на всё глаза. Но именно так поступали люди в нацистской Германии, когда других людей пытали и убивали, а детей травили газом, как паразитов. Было удобнее не слышать и не говорить об этом, поскольку иначе совесть заставила бы что-то делать.
>
> И не обижайся на меня. Помни, что бы ты ни делал, и что бы ни случилось с тобой, я остаюсь твоей матерью, и нет ничего, от чего бы я не отказалась ради тебя, и ничто этого не изменит.
>
> *Люблю,*
>
> *Мама*

Начали распространяться слухи о нарастающем отчуждении между Бобби и его матерью. Хотя Бобби *действительно* отдалился от некоторых людей — таких, как Джек и Этель Коллинзы — которые, но сути, заменили ему родителей, он оставался близок со своей матерью, как о том свидетельствует продолжавшаяся между ними переписка. Как говорится, они могли согласиться не соглашаться.

Жизнь Бобби того периода была посвящена не только теологии, политике и философии. Он вел сражения и на юридическом поприще.

Древний афоризм «Говорить стоит дешево, пока вы не наняли адвоката» неприменим к Бобби, ибо его делами *pro bono*

занимались два юриста высокого уровня. Не отказываясь окончательно от материальной поддержки со стороны «Церкви», хотя и не испытывая от этого удовольствия, Бобби пользовался услугами Стэнли Рэйдера в качестве «местного» юриста в Калифорнии для текущих и будущих дел, и Пола Маршалла в Нью-Йорке по вопросам, возникавшим как следствие матча в Рейкьявике. Были начаты три дела, все в 1973 году, касающиеся авторских прав. Первое возникло в связи с 64-х страничной брошюрой «1972, матч за звание чемпиона мира Борис Спасский против Бобби Фишера: памятная программа Исландской Шахматной Федерации», в которой приводились партии с примечаниями Глигорича. В ней рассказывалась и история матча — до, в течение и после — не в очень лестных для Бобби тонах. И Рэйдер, и Маршалл посчитали, что нужно подавать в суд, поскольку Фишер не давал разрешения на публикацию брошюры, а его фамилия на обложке ложно подразумевала, что он участвовал в ее подготовке. Маршалл написал письмо «прекратить и воздерживаться впредь» премьер-министру Исландии и президенту Исландской Шахматной Федерации, но так и осталось неизвестным, сколько экземпляров брошюры было продано в магазинах в США, прежде чем тираж изъяли из продажи.

Затем появилось сообщение, что в 1974 году готовится к опубликованию книга «Бобби Фишер против остального мира», написанная Брэдом Даррахом — автором журнала «Лайф», который работал на матче и имел эксклюзивный доступ к Бобби. Маршалл изучил вопрос о возможности запретить опубликование книги, поскольку согласно Бобби Даррах явным образом нарушил контракт: предположительно, у него имелось право писать только статьи, но не книгу о Бобби. Добиться желаемого с помощью так называемого «предварительного запрета» в суде было почти невозможно, и Маршалл посоветовал Бобби подождать, пока книга будет напечатана. Затем, если в ней обнаружатся нарушения со стороны Дарраха, например, клевета или вторжение в личную жизнь, судебный иск можно даже усилить. Маршаллу была хорошо известна репутация Дарраха как человека, способного открыть очень личные детали жизни своих героев. Бобби всё же решил обратиться в суд, но проиграл дело: судья отказал ему в иске, поскольку он был очень слабо обоснован и без достаточных свидетельств.

Третья проблема судебного свойства возникла, когда иск на Бобби подал Честер Фокс, поскольку тот помешал ему сделать фильм об исландском матче. Хотя Бобби получил множество повесток с предложением дать разъяснения по делу, он упорно

отказывался это сделать и дело затянулось.

Продолжая внимательно следить за всеми этими судебными исками, Бобби начал подготовку к защите титула чемпиона мира, до которой оставался примерно год.

Анатолий Карпов, бледного вида, невысокий и худосочный 23-летний студент экономического факультета ленинградского университета, который всегда выглядел плохо постриженным, совсем не казался достойным соперником Бобби Фишеру — 32-летнему экс-вундеркинду из Бруклина, чемпиону мира с физическими кондициями настоящего атлета и королевской уверенностью в своих силах. Но Карпов прошел отбор к титульному матчу, победив последовательно в трех претендентских матчах, в которых сыграл 46 жестких партий, потерпев только три поражения. По сравнению с Бобби того же возраста, Карпов опережал его в достижениях на несколько лет, и многие шахматисты — и не только советские — предрекали, что он пойдет дальше Бобби, когда повзрослеет. Прежняя Немезида Бобби — Ботвинник — стал шахматным учителем Карпова.

Надеясь, что матч станет новым «Рейкьявиком» при взрывном интересе со стороны СМИ, если не с финансовым успехом, города со всего мира начали подавать заявки на право его проведения. Всех превзошла Манила, предложившая ошеломляющие 5 млн долларов — сумма, которая — если бы матч состоялся — сделала бы его самым прибыльным спортивным событием (если, конечно, шахматы это спорт) из когда-либо состоявшихся. Оставалась одна проблема — Бобби Фишер.

Он прислал петицию в ФИДЕ с требованием изменить правила, в которой перечеркивался старый метод определения победителя в матче. Прежние правила гласили, что если после 24-х партий счет равный, правящий чемпион сохраняет титул. Бобби потребовал, чтобы матч состоял из неограниченного числа партий, и что первый, кто одержит десять побед, станет победителем. Ничьи не считаются, но если оба противника одержат по девять побед, то чемпион сохраняет свой титул.

ФИДЕ согласилась на идею игры до десяти побед, но проголосовало против правила 9:9. Также была отвергнута идея безлимитности, ФИДЕ предложила ввести предел в 36 партий — число, показавшееся Бобби несуразно малым. Вряд ли это можно было назвать компромиссом. Бобби утверждал, что его система приведет к уменьшению числа ничьих, увеличению числа партий с полноценной борьбой, поскольку соперники будут стремиться к победе, а не к получению пол-очка.

Фишер послал телеграмму в чрезвычайный комитет ФИДЕ,

размещавшийся в Голландии, в которой заявил, что его предложения относительно условий матча «обсуждению не подлежат». Он также отметил в «Чесс Лайф Ревью», что его требования не являются беспрецедентными и применялись во многих великих матчах прошлого: «Стейниц, Чигорин, Ласкер (тоже), Гунсберг, Цукерторт… все играли по системе до десяти побед (и некоторые с оговоркой 9:9). Идея его предложения в том, чтобы игроки боролись “от ножа”, а публика получала достойное зрелище за свои деньги».

Полковник Эдмунд Б. Эдмондсон, исполнительный директор Шахматной Федерации США, безуспешно пытался заставить ФИДЕ изменить свою позицию, или убедить Бобби изменить свою. История махинаций, использованных для того, чтобы сделать реальностью матч Фишер-Карпов, достаточно обширна, чтобы только ею одною заполнить целую книгу — и такую книгу стоит написать! — но детали в ретроспективе утеряли драматизм.

Фишер продолжал свою бескомпромиссную политику: ФИДЕ *должна* изменить правила в соответствии с его требованиями, иначе он просто не станет играть. Тоном господа Бога он заявлял своим друзьям: «Я *накажу* их и не стану играть», — словно вынесение наказаний являлось его суверенным правом. Стал вырисовываться *дэдлайн*, после которого матч либо мог состояться, либо умирала сама его идея. Этот момент наступил… и прошел, и ни единого слова от чемпиона мира. ФИДЕ дало Бобби еще один день на изменение решения. Наконец Эйве направил ему телеграмму:

> ВАШ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ, СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫЙ ДУХ И ВЫДАЮЩЕЕСЯ МАСТЕРСТВО ПОРАЗИЛИ ВСЕХ В ТЕЧЕНИЕ ГОДА, КОГДА ВЫ БОРОЛИСЬ ЗА ПРАВО СТАТЬ ЧЕМПИОНОМ МИРА. ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ ФИДЕ ПРОСИТ ВАС ЕЩЕ РАЗ ОБДУМАТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАЩИТЫ СВОЕГО ТИТУЛА.

Бобби не ответил, и пресса обратилась к Эйве за комментариями. Ответ был короткий: «В настоящий момент мы в патовой ситуации». Впрочем, Бобби готовился поставить мат самому себе.

На следующий день он прислал (приводится выдержка из нее) ответную телеграмму:

> ФИДЕ РЕШИЛА ПРОТИВ МОЕГО УЧАСТИЯ В МАТЧЕ ЗА ЗВАНИЕ ЧЕМПИОНА МИРА 1975 ГОДА. ПОЭТОМУ Я СНИМАЮ С СЕБЯ ЗВАНИЕ ЧЕМПИОНА МИРА ФИДЕ. ИСКРЕННЕ ВАШ БОББИ ФИШЕР.

Эхо его решения прозвучало по всему миру.

«Нью-Йорк Таймс» опубликовала статью международного мастера Роберта Бирна «Бобби Фишер боится поражения», в которой утверждалось, что страхи Бобби нередко удерживали его от участия в турнирах из-за опасения проиграть одну-две партии в начале соревнования, что могло выключить его из призовой гонки. Главный страх каждого элитного шахматиста, говорилось далее в статье, «страх совершить необъяснимую ошибку, от которой ни у кого нет иммунитета», — случайную ошибку. Даже Пол Маршалл, юрист Бобби, упомянул о «страхе» Бобби: «Бобби боится неизвестного, всего того, что лежит за пределами его контроля. Он пытается исключить любой элемент случайного из своей жизни и из своих шахмат». Но все они просмотрели одно: за доской Фишер никого не боялся. Он мог нервничать перед партией, как нервничают некоторые великие актеры перед выходом на сцену, но не следует путать подобное состояние со страхом. Волнение было для Бобби матерью предвидения, держало его в тонусе и служило, скорее, на пользу. В конечном счете, именно предельная уверенность в себе делала его великим игроком.

Психоаналитик М. Барри Ричмонд, доктор медицины, написал диссертацию, озаглавленную «Значение решения Бобби Фишера», идеи которой согласовывались со статьей Роберта Бирна. В ней утверждалось, что Фишера следует трактовать, как глубокого художника, феномена уровня Пикассо. Ричмонд утверждал, что нежелание Бобби защищать свой титул говорило об ответственности, которую он ощущал, как носитель звания Чемпиона Мира: его попытка формировать, создавать и изменять свою собственную вселенную правил сопрягалась с этим бременем ответственности и не имела ничего общего со страхом.

Не сделавший хода даже пешкой, Анатолий Карпов 3 апреля 1975 года был провозглашен д-ром Эйве, президентом ФИДЕ, двенадцатым чемпионом мира. В этот день Бобби стал первым чемпионом, по своей воле отказавшимся от титула и шанса побороться за свою часть призового фонда… в *5 млн долларов!* Этот отказ стал крупнейшим в истории спорта. Победитель получал 3.5 млн долларов, а проигравший гарантированно уносил с собой 1.5 млн. Ото всего отказался Бобби, и всего лишь из-за спора о правилах.

«Не имею понятия, почему Фишер отказался защищать титул», — холодно заявил Анатолий Карпов. Хотя он стал чемпионом, но без убедительного портфолио и его право носить корону тень Фишера подвергала сомнению. Он также лишился миллионов долларов, которые получил бы, если бы матч

состоялся. Его хватило лишь на комментарий: «Беспрецедентный случай в шахматной истории».

Чтобы просто уйти в сторону от всей этой шумихи — недоразумения с матчем и постоянного роения репортеров и фотографов вокруг себя — Бобби предпринял двухмесячный кругосветный круиз. Его прошлые путешествия на кораблях — в Европу и обратно, с Филиппин в США через Гонконг — проходили в атмосфере отдыха: никаких телефонных звонков, почты, беспокоящих людей, замечательная еда круглый день. Небеса обетованные. Бобби отрастил бороду, его почти не узнавали, — он обрел мир и инкогнито ранних путешествий. К нему вернулось спокойное настроение, во всяком случае, на время поездки. Но он по-прежнему размышлял о расовых и религиозных вопросах, и однажды написал Этель Коллинз, что ему понравилась Индонезия, где он провел несколько дней на ферме, пока корабль находился в балийском доке. Отметив, что большинство людей — мусульмане, Бобби с одобрением отнесся к тому, что они сохранили свою «культурную чистоту». В Нью-Дели он купил за 15 долларов дорожные шахматы из сандалового дерева — со вставляющимися фигурами и красивым, тщательно проработанным дизайном — но почувствовал себя виноватым из-за того, что купил их задешево. Он понял, что мастеровой, который вырезал эту красоту, получил, вероятно, лишь малую часть от продажной цены.

Бобби был доволен жизнью, обосновавшись в квартире на цокольном этаже на Мокингбёрд-лейн в Южной Пасадене — тихом и спокойном месте вдали от мира, где он жил вот уже несколько лет. Его друзья из Церкви, Артур и Клаудия Мокароу, владели домом, и Клаудиа стала своего рода буфером для Бобби, отвечая на просьбы, отгоняя репортеров, и выполняя роль мажордома и местной Горгоны — она даже рассматривала поступавшие предложения (и отказываясь ото всех) без консультаций с Бобби.

Слова поддержки он слышал из неожиданных источников. Мэр Нью-Йорка Эдвард Кох написал ему письмо, в котором пытался убедить его вернуться за шахматную доску. «Ваше исключительное мастерство и гений, проявленные в самых трудных партиях, являются источником гордости для меня и всех тех, кого озаряет свет ваших замечательных достижений».

Довольно часто фотографы и репортеры высаживались десантом перед домом в надежде сделать фото Бобби или взять интервью. Однажды он сказал, что единственная вещь, вызывающая у него страх, называется «журналист», и для того,

чтобы незаметно для прессы покидать дом и проникать в него от Бобби требовалась изобретательность Гудини и ловкость гимнаста. Иногда Бобби охватывала паника.

Если с ним хотел встретиться друг, он или она должны были сначала связаться с Клаудией, она спускалась вниз и либо говорила о контакте с Бобби лично, либо оставляла для него сообщение, а затем уже сам Бобби мог — при желании — сделать нужный звонок. На звонки Бобби отвечал напрямую лишь тогда, когда он сам их инициировал. Клаудиа отвозила его в труднодоступные места Лос-Анджелеса, или же он на автобусе добирался туда, куда ему хотелось. Бобби стал человеком рутины: около четырех часов пополудни он поднимался с постели и отправлялся в Лос-Анджелес или даунтаун Пасадены для первого обеда, затем рысканье по книжным магазинам, и поиск, поиск, поиск. Ему нравилась индийская и китайская кухня, и он поглощал огромные блюда разных салатов при любой возможности.

Когда книжная «охота» заканчивалась, он возвращался в Южную Пасадену ранним вечером для занятий в гимнастическом зале, затем сорок пять минут плавания, сауна. Ближе к ночи он был дома на Мокингбёрд-лейн, где погружался в мир чтения и работы над шахматами: наступал *мир и покой*. Если его не посещал никто из друзей, он редко выходил из дома поздним вечером, наслаждаясь безопасностью и комфортом своего жилища.

В его квартире повсюду валялись книги, журналы и одежда, пахло свежими апельсинами: Фишер покупал их, и другие фрукты и овощи целыми сумками. Каждый день он выпивал несколько одно-двух пинтовых кружек морковного сока. На столах и полках лежали дюжины бутылочек с витаминами, примочками, индийскими травяными настоями, таблетками на яде мексиканских гремучих гадюк, экзотическими чаями — все они, как верил Бобби, помогали ему выдерживать правильную, здоровую диету, — и излечивать от болезней, которые время от времени его поражали. Зачастую он брал с собой в ресторан переносную соковыжималку, заказывал завтрак и просил, чтобы ему принесли пустой бокал. Затем распечатывал упаковку с полудюжиной апельсинов, которые самолично выжимал на столе под смущенно-недоуменными взглядами официантов и посетителей ресторана. Он стал набирать вес, у него наросла мускулатура — он находился в отличной физической форме.

Бобби накопил сотни шахматных журналов на пяти или шести языках, всевозможных шахматных книг, большинство из которых ему прислала мать. Живущая в Йене (Восточная

Германия) за «Железным занавесом», где она завершала свое медицинское образование, Регина могла покупать последнюю советскую шахматную литературу совсем за недорого, и она регулярно отправляла ее почтой своему сыну, иногда делая покупки наудачу, иногда по его заказу. Ему даже пришлось ее попросить больше этого не делать, — ему попросту негде стало хранить эту литературу.

Глубокой ночью он переигрывал партии из разных турниров: от Латвии до Англии, и от Югославии до Болгарии — он присвистывал и вскрикивал, анализируя ходы. Он так громко восклицал «Да!», «Абсурд!», «Этот конь!» или «Всегда ладью на эту горизонталь!», что его голос слышался на спокойной улице за окном. Вскрики Бобби иногда пугали случайных прохожих, несколько раз на него жаловались соседи.

К концу 1970-х Бобби не сыграл ни одной турнирной партии после Рейкьявика. Он продолжал работать над шахматами, но больше времени посвящал размышлениям над религиозными вопросами. Как-то раз его заметили на парковке с пачкой антисемитских листовок, в которых провозглашалось превосходство арийской расы. Он не только раздавал листовки прохожим, но и помещал их на ветровых стеклах автомобилей под «дворники». Постепенно его сбережения таяли, а кроме роялти, поступавших два раза в год за книги «Бобби Фишер учит шахматам» и «Мои 60 памятных партий», приносивших ему 6.000 долларов в год, других доходов он не имел.

То ли по собственному желанию, то ли по необходимости, Бобби выехал из дома Мокароу и обосновался в Лос-Анджелесе, в маленькой, неопрятной, темной и недорогой комнате на Орандж-авеню, в одном квартале от Уилшир-бульвара. Но в скором времени арендная плата стала слишком тяжелым бременем для Бобби. Он написал матери, которая жила в Никарагуа, где лечила *pro bono* местных бедняков, с просьбой о помощи. Она немедленно попросила его сестру Джоан посылать ее ежемесячный чек Социальной помощи Бобби для оплаты арендной платы. Джоан собирала чеки Регины, а затем помещала деньга в банк, чтобы у матери накапливались сбережения к моменту ее возвращения в США. Бобби получал и расходовал эти деньга в течение многих лет.

Его проживание на Орандж-авеню не стало постоянным, он начал арендовать жилье в бедных кварталах Лос-Анджелеса рядом с МакАртур-парк, снимая комнаты в домах, которые можно назвать ночлежками, иногда на одну ночь или неделю.

В скором времени его — непричесанного, физически несобранного — уже было не отличить от остальных

опустившихся обитателей этих районов. Его десять 400-долларовых костюмов хранились на каком-то складе, но он, как-будто, и думать бросил о том, чтобы прилично одеваться. Он перестал работать регулярно, отрастил брюшко, одевался во что попало, редко брил бороду или делал прическу у парикмахера, у него даже выпали пломбы из зубов.

Это последнее обстоятельство было так раздуто за многие годы прессой, что вошло в книгу «Бобби Фишер — городские легенды», в качестве *доказательства* его «сумасшествия». Где-то как цитата приводились якобы его слова о том, что он удалил пломбы из-за опасения, как бы советские не повредили ему мозг, посылая вредоносные радиосигналы через металл в его зубах — и едва ли не в каждой книге о Бобби или биографической справке с тех пор упоминается эта выдумка. Либо цитата была выдумана или запомнилась неверно, или Бобби издевался над журналистом, который записал всё это. Правда состояла в том, что он удалил пломбы по причине, как он полагал, разумной заботы о своем здоровье. Он сочувствовал Этель Коллинз, поскольку она страдала от хронических проблем с деснами.

Бобби верил, что вставные зубы и металлические пломбы (особенно серебряные) вредили периодонтальному здоровью, поскольку раздражали десны. Он был также убежден, что ртуть, содержавшаяся в большинстве пломб, оказывала токсический эффект на его тело.

Поэтому Бобби попросил дантиста удалить все пломбы в блиц-режиме (процедура заняла несколько минут), и он рекомендовал Этель сделать то же самое. Он признавался, что есть без пломб «неудобно», но это лучше, чем потерять все зубы, а именно так — считал Бобби — произойдет, если пломбы сохранить.

Через много лет в Исландии он сказал своему близкому другу Гардару Сверриссону, что история о «радиосигналах» через пломбы была выдумкой: причина, по которой он их удалил, заключалась в том, что пломбы создавали проблем больше, чем решали.

Но плохо было то, что зубы без пломб теряли поддержку и стали более хрупкими. Они легче портились, и начали постепенно разрушаться. Со временем он потерял много зубов. Поскольку он больше не верил в визиты к дантистам (да и не мог их себе позволить), в коронки, импланты или вставные зубы, его плохие и недостающие зубы еще более делали его похожим на бродягу.

Несмотря на сердечное общение с Коллинзами и его попытку обратить их в свою веру относительно теории заговоров, он

глубоко ранил Джека Коллинза, отказавшись написать предисловие к его книге «Мои семь шахматных вундеркиндов» (1974). Джек сказал ему, что если тот просто напишет коротенькое предисловие, то он сумеет получить солидный аванс у издателя. Коллинзу нужны были деньги, — он не бедствовал, но ему постоянно их не хватало, поскольку жить приходилось на зарплату Этель, работавшей сиделкой на неполной ставке. Свою просьбу он выразил в сердечной форме без просительных ноток, но Бобби в своей безжалостной манере ему даже не ответил. Пришлось Ломбарди его замещать.

Когда Бобби начинал себя чувствовать непереносимо одиноко, он направлялся на север в Пало-Альто погостить у сестры и ее мужа, Рассела Тарга, ученого из Стэнфордского института, специалиста по экстра-сенсорному восприятию. Джоан была еврейкой, как и Рассел и их трое детей, и после многократного выслушивания его антиеврейских тирад семья попросила своего гостя к ним больше не приезжать.

Недалеко от Джоан проживал его друг гроссмейстер Петер Байасас с женой Руфью, и Бобби гостил у них по несколько недель. За четыре месяца Фишер и Байасас сыграли семнадцать пятиминуток, и Бобби выиграл все. Байасас утверждал, что ему ни разу не удалось добраться до эндшпиля: Бобби стирал его с доски в очень короткое время.

Трижды Бобби ездил в Беркли, расположенный в районе гавани Сан-Франциско, чтобы повидаться с Уолтером Брауном, австралийско-американским гроссмейстером. Они разбирали несколько партий Брауна из его последних турниров, но в шахматы не играли. Однажды они предприняли долгую прогулку на закате, чтобы полюбоваться прекрасным видом на город через залив. Во время прогулки Бобби долго разглагольствовал относительно Всемирного еврейского заговора и сделал много антисемитских замечаний, но когда они вернулись и сели ужинать вместе со всей семьей, Бобби прекратил свои бредни. На третий визит Бобби остался ночевать у Брауна. После ужина он попросил воспользоваться их телефоном и говорил по межгороду весь остальной вечер — «часа четыре», вспоминал позднее Браун, который в конце концов не выдержал и сказал: «Знаешь, Бобби, прекращай разговор, мне это не по карману». Бобби положил трубку и тотчас сказал, что ему нужно срочно уезжать и что он не может остаться на ночь. Больше они никогда не разговаривали.

Вернувшись в Лос-Анджелес Бобби написал матери, спрашивая, когда она сможет его навестить с надеждой на ответ «скоро», и посоветовал ей плыть из Англии, а не лететь. Он рассказал, что его прошлые морские путешествия оказались

«новым опытом». В конце письма последовали инструкции: «Напиши мне на почтовый ящик и не включай мое имя в адрес. Это не обязательно».

Он просто не хотел общаться с незнакомыми людьми, и категорически потребовал от Джека Коллинза, чтобы никакой *почты* — даже важной, хвалебной или личной — ему не пересылали. Возможно, его беспокоило, что письмо могло содержать яд, а пакет — взрывчатое вещество.

Шахматные коллеги Бобби — включая Роберта Бирна — говорили, что настоящей причиной его уединения и нежелания, чтобы хоть кто-то знал, где он находится в данный момент, был страх — он боялся убийц из КГБ. Бобби верил по их словам — что советские были взбешены его победой над Спасским и, следовательно, принижением их великих культурных достижений, и потому намеревались его убить. Конечно, страхи Бобби многими рассматривались как проявление зарождающейся паранойи, и хотя крайне маловероятно, что КГБ плело заговор против него, даже у параноиков могут быть настоящие враги. В рестораны Бобби всегда приходил со своими лечебными препаратами и снадобьями, способными, по его мнению, мгновенно обезвредить яды, которые могли подсыпать ему в пищу или подлить в напитки агенты КГБ. Ханс Рее, голландский гроссмейстер и опытный журналист, подытожил: «Безусловно, у Фишера были невыдуманные враги, по-настоящему могущественные». Он далее указал, что Михаил Суслов, один из наиболее влиятельных лидеров в СССР, издавал инструкции по свержению (не убийству) Бобби путем создания обстановки, «неблагоприятной для Фишера». Рее заключил: «В документах [КГБ] нет ничего, что указывало бы на наличие в его недрах планов физического устранения Фишера. Но это не значит, что таковых планов не было вообще». Важно то, что Бобби был убежден в их наличии и действовал соответственно.

Частично желание Бобби уединиться может быть объяснено его чтением. Ницше говорил, что одиночество делает нас жестче в отношении самих себя, и более мягкими по отношению к другим. Он считал, что и то, и другое улучшает характер человека. И поскольку Ницше оказал на Бобби некоторое влияние, тот, возможно, стал следовать его курсом, не отклоняясь ни на йоту. Отказываясь читать письма, которые могли быть хвалебными, или те, что могли пойти ему на пользу, как, например, письма от старого друга или содержащие приглашение быть почетным гостем в Вест-Поинт (Военная академия США), он намеренно поддерживал свое уединение.

Ясно, что Фишеру было очень трудно принимать во внимание

что-либо, не входящее в им составленное расписание. Он настолько отдался «пути истины», давая одновременно волю случайным чувствованиям, что попросту не хотел отвлекаться на тривиальность — в его понимании — похода к почтовому ящику, где его могли ждать письма от неизвестного или нежелательного отправителя.

Поскольку Джека Коллинза знали, как учителя Бобби, и он всегда был открыт к контактам — его телефонный номер имелся в справочнике номеров Манхеттена — он ежедневно получал много звонков и сообщений от людей, которые по тем или иным причинам хотели связаться с Бобби. К несчастью для них и даже к еще большему несчастью для Бобби, после того, как Коллинз получил письмо с просьбой больше не передавать для него сообщений, эта линия оказалась перерезана и просьбы о контактах перемещались в мусорное ведро забвения.

В общем, Бобби погрузился в депрессию, но всё еще находил в себе силы каждый день подниматься с постели и выходить на улицу. Он оставался внимателен к окружающему миру и не ограничивал свою физическую активность. Но в ретроспективе чувствовал себя плохо из-за упущенной возможности получить часть от той суммы в 5 млн долларов в 1975 году. Кто знает, когда представится следующая возможность заработать столько денег? По правде сказать, сводить концы с концами ему надоело. Также мозг подтачивали мысли о неудаче в поисках романтической любви, и его постоянные религиозные сомнения. Накапливающиеся печали стали одной из причин его нежелания общаться с людьми… только, если он не чувствовал себя очень комфортно и безопасно рядом с ними. Поэтому он каждый день наматывал на ноги многие мили в пеших прогулках, погруженный в мечтания, или зависая в медитациях.

Спортивный обозреватель однажды написал, что Фишер — быстрейший ходок из всех, кого он видел вне олимпийских игр. Шагал он широко, слегка раскачиваясь при ходьбе, его левая рука высоко взмывала в такт с левой ногой, правая рука — в такт с правой ногой, в необычном каденсе. Другой журналист, Брэд Даррах — именно на него подавал в суд Бобби — говорил, что когда он гулял с Фишером, то чувствовал себя словно Доупи, один из семи гномов, пытающийся поспевать за обычными людьми. Былой друг Бобби Уолтер Браун так говорил о прогулках с Бобби: очень быстро более трех миль — от манхеттенского шахматного клуба до Гринвич-виллидж на западной стороне Манхеттена, обед в средиземноморском ресторане и прогулка назад на восточную сторону, еще три мили. Прогулки позволяли

Бобби думать — или забываться в мыслях — и держать себя в форме. Он считал их — вместе со спортом и чтением — одним из своих любимых времяпрепровождений.

Однажды после посещения спортивного зала, где тренировал Гарри Снайдер — а он продолжал дружеские отношения с тренером даже после разрыва с Всемирной церковью Бога — Бобби совершил одну из своих длиннейших прогулок вокруг Пасадена-сити. Он прошел вдоль Футхилл-фривэй, затем вернулся назад и повернул у Лек-авеню, минуя медицинский факультет «Кайзер Перманент». Его остановил полицейский патруль. Где-то в этом районе было совершено ограбление банка, и Бобби подошел под описание грабителя. У него спросили имя, адрес, возраст, место работы и пр., и хотя Бобби утверждал, что отвечал на вопросы корректно, полицейским он показался подозрительным. Его внешний вид ему только повредил — неаккуратная одежда, испачканная сумка из магазина с соковыжималкой и книгами не самого «доброго» содержания. Чем больше вопросов ему задавали, тем более воинственным становился Бобби. Возможно, по причине его нервозности, или оттого, что он перемещался из одной ночлежки в другую, но Бобби не смог вспомнить свой адрес. Его отвезли в полицейское управление и поместили за решетку за бродяжничество (грабителя уже поймали), хотя он имел 9 долларов с мелочью при себе. Его раздели, затолкнули в камеру и не дали сделать ни одного звонка. Более того, позднее он утверждал, что с ним обращались грубо и морили голодом.

Чтобы мир узнал, через что он прошел в эти два дня, Бобби после освобождения описал подробнейшим образом свои мучения в эссе объемом в 8.5 тысячи слов, озаглавленном «Меня *пытали* в тюрьме Пасадены!» Хотя и не отличающийся виртуозностью стиля при описании тюремных застенков таких писателей, как Торо и Мартин Лютер Кинг мл., документ представлял собой впечатляющий отчет об отталкивающих деталях его пребывания в тюрьме. Рассказ Бобби, стиль которого характеризовался некоторыми, как напыщенный и мелодраматичный, если ему верить в основе, поистине *ужасен*. Он был невиновным, утверждал Бобби, но его провели голым по помещению и угрожали упрятать в сумасшедший дом.

Бобби на собственные деньги издал эссе в виде 14-страничной брошюры с красно-белыми полосами на обложке, напоминающими тюремную решетку, и подписал ее «Роберт Д*. Джеймс (профессионально известный как Роберт Дж. Фишер или Бобби Фишер, чемпион мира по шахматам)». Он напечатал ее тиражом 10 тысяч, что обошлось ему в 3.257 долларов. Как в

своем безденежье Бобби сумел набрать нужную сумму, загадка. Он продавал брошюру по доллару за штуку, Клаудиа Мокароу следила за дистрибуцией и вела учет продаж. В нарушение собственных правил *прайвеси*, Бобби даже включил в выходные данные свой почтовый индекс, чтобы читатель мог заказать «дополнительные экземпляры». В известном смысле довольно иронично, но он извлек прибыль из проекта — после вычета всех расходов на напечатание, доставку и рекламу. Через двадцать пять лет оригинальная копия «Меня пытали…» была продана на аукционе коллекционеров за более чем 500 долларов. Коллекционер попросил Бенко узнать, не согласится ли Бобби поставить автограф на свое *j'accuse*. Бенко выполнил просьбу, но Бобби отказал: «Да, я написал брошюру, но у меня остались тяжелые воспоминания о тюрьме. Нет, не подпишу».

Памфлет важен с той точки зрения, что позволяет получить представление о состоянии ума Бобби на то время (май 1981 года): ярость от того, как с ним обращаются на основании ложного обвинения; нежелание покориться власти; использование псевдонима (даже Регина стала адресоваться в письмах к нему как к «Роберту Д*. Джеймсу», под «Д» понимая «Даллас») для самозащиты; и его самоопределение как «Чемпион мира по шахматам». Относительно последнего Бобби заметил своему другу, что его никто не обыграл. Он отказался от титула Чемпиона мира ФИДЕ, но верил, что истинный Чемпион мира — он, и никто другой. Более того, он утверждал, что не выиграл титул в 1972 году в Исландии, уже тогда он *был* Чемпионом мира: титул у него украли русские.

Жизнь Бобби после Рейкьявика пресса окрестила «Выпавшими годами», что было правдой: жизнь на задворках Лос-Анджелеса бóльшую часть времени, двадцать лет вне поля зрения прессы, отказ от выгодных предложений, почти бродяга, попытка стать незаметным, чтобы защититься от выдуманных угроз.

Деньги, впрочем, он легко мог заработать, стоило только проявить желание. Но разбудить это желание, заставить его принять то, что само плывет в руки, было очень нелегко. Во-первых, тем, кто хотел что-то предложить, нужно было его *найти*, — задача трудная, поскольку он постоянно менял адреса, практически никому не давал номер телефона, и не имел автоответчика. Использование вымышленных имен также затрудняло процесс «выслеживания». Почтовый ящик в одной его квартире именовался «Р. Д. Джеймс». Во-вторых, если выйти на него *удавалось*, он никогда не принимал первого предложения, и обычно называл сумму, которая вдвое-втрое и более превышала

заявку, что делало его нерыночным. В-третьих, он отказывался подписывать контракты, что делало достижение соглашения невозможным для большинства корпораций или индивидуалов на легальной основе. Ходили разные истории, которым автору не удалось найти свидетельств, что когда он совсем оставался без цента в кармане, то принимал короткие телефонные звонки от шахматистов за 2,500 долларов «за штуку», и давал уроки по телефону за 10.000 долларов. Если эти истории верны, то как эти звонки можно было устроить, как долго они длились, и кто их делал, остается неизвестным.

Известно, впрочем, что канадская вещательная корпорация хотела взять интервью у Бобби для документального фильма: он потребовал 5.000 долларов только за обсуждение темы по телефону, не давая никаких обещаний. Сеть отказалась. Репортер из «Ньюсдей», — издания, имевшего самый большой тираж из всех ежедневных таблоидов в США, — пожелал взять у него интервью, но Клаудиа Мокароу ответила: «возвращайтесь к издателю и попросите 1 миллион долларов, а затем можно обсудить, согласится ли Бобби на предложение». Репортер «Лос-Анджелес Таймс» Карол Дж. Уильямс добрался до Бобби с просьбой об интервью и получил ответ — 200.000 долларов. Предложение отвергли «из принципа». Внештатные фотографы готовы были заплатить 5.000 долларов любому, кто поможет просто установить местонахождение Бобби, чтобы можно было сделать хотя бы одну фотографию, и 10.000 долларов самому Бобби, если он *позволит* ее сделать. Из этого ничего не вышло. Эдвард Фокс, свободный журналист для британской газеты «Индепендент», написал о Бобби: «Прошли годы, и последние фотографии Бобби устаревали всё больше. Никто не знал, как теперь выглядит Бобби Фишер. Вакуум его отсутствия заполнился туманом слухов и фрагментарной информацией. Он существовал, как водоворот возвращавшихся фактов и цитат из вторых рук. То там, то здесь “видели” его запущенную, бородатую физиономию».

Телешоу с налетом сенсационности «Теперь можно сказать» потратило недели в начале 1990-х годов, пытаясь выследить Бобби для показа в своей программе, и сумело заснять несколько секунд его пребывания на парковке, когда он выходил из автомобиля по пути в ресторан с Клаудией Мокароу и ее мужем.

Бобби Фишер! Впервые за почти два десятилетия его увидели на публике. Его брюки и пиджак были помятыми, но он не выглядел «бесхозным», как писали в некоторых газетах. Волосы его поредели, он прибавил в весе и отрастил бороду, но ошибиться было нельзя — это он, широкоплечий, ходящий вразвалку Бобби Фишер.

Глава 12
Фишер-Спасский, возвращение

Шахматный дракон Бобби не только шевелился в своей пещере, он бил хвостом. Он не мог больше терпеть растоптанную жизнь, перебиваться «с хлеба на воду» на чеки матери и получая иногда деньги из случайных источников, — Бобби хотел вернуться за шахматный столик… отчаянно. Но желание вернуться в схватку объяснялось не только денежными мотивами — это была жажда боя, игры, которой ему так не хватало; престиж; тишина (он надеялся) турнирного зала; шелест приглушенных голосов любителей (черт бы их побрал); *жизнь* шахмат. Джонатан Свифт определил войну, как «сумасшедшую игру, в которую мир обожает играть». Фишер именно так ощущал шахматы. Но сумеет ли он найти, в экзистенциональном смысле, обратную дорогу к шахматам? У Германа Гессе в его замечательном романе «Игра в бисер» есть персонаж, чье ощущение «игры» было таким же, как у Фишера; «Тот, кто испытал игру внутри себя — в ее предельном выражении — не останется игроком; он не сможет пребывать отныне в мире многозначности и перестанет приходить в восторг от изобретений, сложных конструкций и комбинаций, поскольку он познает новые радости и восторги». Разница лишь в том, что радости и восторги вне шахматной доски не имели для Фишера значения.

Спасский дал ему шанс вернуться в шахматы. Он связался с Бобби в 1990 году и сообщил, что Бессел Кок, стремившийся в том году стать президентом ФИДЕ, проявил заинтересованность в организации матч-реванша Фишер-Спасский, и что призовой фонд обещает составить миллионы — хотя и не 5 млн, собранные на матч Фишер-Карпов в 1975 году.

Голландский бизнесмен и просто очень богатый человек Бессел Кок был президентом бельгийской банковской корпорации SWIFT, и являлся организатором нескольких международных шахматных турниров. Кок заявил благородную цель: он хотел, чтобы карьера Бобби продолжилась, и желал быть привилегированным свидетелем его партий, как и большинство шахматистов.

Запланировали встречу для обсуждения условий матча, причем Кок согласился оплатить все расходы Бобби на перелет первым классом до Бельгии и проживание в пятизвездочном отеле «Шератон» в Брюсселе. Чтобы избежать внимания

журналистов, для Бобби забронировали номер на имя Браун. Он сообщил Коку, что по прибытии ему потребуются деньги на карманные расходы. В отеле его ожидали 2.500 долларов наличными.

Помимо Бобби Кок пригласил в Брюссель также и Спасского с женой Мариной. Четыре дня трио провело в загородном доме Кока, но не всё время посвящалось обсуждению условий предполагаемого матча. Фишер и Кок присоединились к Спасскому и сыграли парный матч в теннис; были стильные ужины при свечах и послеобеденные беседы, несколько раз выезжали в Брюссель. Жена Кока Пьиретта Брудхайерфс, юрист по профессии, рассказывала, что имела с Бобби «нормальный, дружеский» разговор, и не совсем шахматный. По ее словам, он не проявил никакой эксцентрики, о чем не уставала писать пресса, за исключением, единственно, громкого голоса. «Может быть, потому, что он живет один, и никто его не слушает», — добавила она, ощутив его одиночество. Он не запретил ей себя сфотографировать.

Одним вечером мужчины, к которым присоединился голландец Ян Тимман, номер три в мировом рейтинге, отправились в «похабный» — как его определила Брудхайерфс — ночной клуб в даунтауне Брюсселя. Тимман так вспоминал о своей первой встрече с Фишером: «Самое забавное, что я как-то раз мечтал о том, чтобы встретить Фишера в ночном клубе. Воочию увидеть его в таком месте я совсем не надеялся. Когда я вышел на международный уровень, он как раз перестал [играть]». Рассуждая о том, кого можно считать величайшим шахматистом всех времен, он сказал: «Мое мнение — таковым является Фишер».

В качестве призового фонда была обозначена сумма 2.5 млн долларов. Хотя Фишер финансово находился в плохом положении, такой фонд для него оказался неприемлемым. Спасский ни с чем не спорил, но это, впрочем, значения не имело, — Кок уже принял решение не финансировать матч. Неонацистские высказывания Фишера относительно евреев показались ему «более чем отвратительными», и он понял, что масштабный матч при участии Фишера будет сопряжен с крупными неприятностями. Спасский улетел обратно в Париж, а Бобби на поезде отправился в Германию.

Оказавшись в Европе — а впервые он здесь побывал почти двадцать лет назад — Бобби решил остаться здесь на время. Герхард Фишер, официально считавшийся его отцом, жил в Берлине и в свои 82 года не отличался хорошим здоровьем. Пресса прознала, что Герхард находится где-то в Германии, и что

Бобби въехал в страну, и журналисты начали выслеживать его отца, чтобы взять интервью у знаменитого сына. Они рассчитывали, что он захочет увидеться с отцом, но состоялась ли встреча — кто знает?

В конце 1980-х в соревновании шахматной Бундеслиги Германии Борис Спасский встретил молодую женщину по имени Петра Штадлер. Он почувствовал в отношении нее чувства, близкие к отцовским, и посчитал, что, быть может, Бобби будет интересно с ней встретиться, поэтому он дал ей его адрес в Лос-Анджелесе и предложил написать ему письмо, приложив свою фотографию. В 1988 году она именно так и поступила, и к ее удивлению Бобби позвонил из Калифорнии. Еще в начале разговора он спросил, является ли она арийкой. Вспоминая эпизод годы спустя, она утверждала, что ответила: «Я думаю, да».

Фишер пригласил ее прилететь к себе в Лос-Анджелес, где она остановилась в отеле, и следующие несколько недель они провели вместе, стараясь ближе узнать друг друга. Затем Петра вернулась домой в Зеехайм. К тому времени Фишер окончательно обеднел, и ему не на что было лететь с ней в Германию. Теперь, благодаря любезности Кока оказавшись в Германии, Бобби посетил Петру и с «карманными деньгами», полученными от Кока, чеками социальной помощи от матери и небольшими роялти за книги он прожил почти год в Зеехайме и в близлежащих городах, перемещаясь из отеля в отель, чтобы избежать журналистов, и проводя с Петрой как можно больше времени, пока длились их отношения.

Петра вышла замуж за русского гроссмейстера Рустема Даутова в 1992 году, и в 1995 году написала книгу под названием «Фишер, каков он есть: один год с шахматным гением». Борис Спасский увидел текст и написал Бобби письмо с извинением за то, что познакомил его с Петрой. Письмо датировалось 23 марта 1995 года.

Он писал Бобби, что с добрыми намерениями знакомил его с Петрой, но уже вскоре после их знакомства она «стала слишком много рассказывать о вас посторонним». Предполагая, что Петра может открыть его секреты, Спасский просил Бобби «быть с ней осторожным».

После публикации откровенной книги Петры, Спасский сильно расстроился, и прежде всего, потому что не хотел, чтобы женщина или ее книга встали между ним и Бобби, это могло разрушить их добрые отношения. В результате письма Спасского Бобби перестал разговаривать с Петрой, но принял дружеские извинения и его сердечные отношения со Спасским сохранились.

Находясь в Германии Бобби отправился в Бамберг, чтобы посетить Лотара Шмида, который был судьей на их матче со Спасским в 1972 году. В замке Шмида находилась, вероятно, самая крупная в мире частная шахматная библиотека. Бобби хотел изучить ее и оценить имеющиеся у Шмида шахматные наборы и фигуры — подлинные произведения искусства. Они также вместе анализировали некоторые партии, причем у Шмида сложилось впечатление, что Фишер не утратил мастерства за годы самоотлучения от соревновательных шахмат. Шмид утверждал, что Фишер анализировал по-прежнему блестяще.

Побыв некоторое время гостем в доме Шмида, Фишер перебрался в гостиницу в Пулвермюле, расположенном неподалеку от Бамберга в долине между Нюрнбергом и Байреутом. Гостиница была известна тем, что в ней с радостью привечали шахматистов, ее хозяин Каспар Безольд был шахматистом-любителем. Здесь гостил Тигран Петросян, когда участвовал в турнире в Бамберге в 1968 году, и шахматисты со всей Европы частенько останавливались в ней на отдых.

Шмид сделал необходимые приготовления, чтобы Бобби мог остановиться в Пулвермюле, и, дабы оградить его от журналистов, зарегистрировал его под вымышленным именем. Проживание в спокойной баварской гостинице доставляет, как правило, только удовольствие; можно восстановить силы, совершать длительные прогулки по сельским окрестностям, наслаждаться сочной немецкой кухней, декадентскими десертами, пить из глиняных кружек пива «Rauchbier», сваренного из солода и хмеля, знаменитых на всю Свободную землю Баварию. Но больше всего Бобби понравилось, что никто в гостинице, кроме Безольда и его сына Михаэля, подающего надежды шахматиста, не знали, кем он является. Бобби давал Михаэлю уроки, и через восемь лет молодой человек стал международным гроссмейстером, возможно, вдохновленный этими встречами с величайшим игроком в мире.

Бобби изучал немецкий и практиковался в нем, так что через три месяца мог довольно свободно на нем объясняться. Он хотел и дальше оставаться в Пулвермюле, во всяком случае, пока позволяли деньги, но его выследил репортер из журнала «Штерн». Бобби немедленно выехал из гостиницы и его более никогда не видели в Пулвермюле.

Вернувшись из Европы, Бобби среди накопившейся за месяцы почты от Клаудии Мокароу, нашел необычное письмо. Оно изменит его жизнь.

Я ХОТЕЛА БЫ ПРОДАТЬ ВАМ ЛУЧШИЙ В МИРЕ ПЫЛЕСОС!

Этими словами начиналось письмо. Под этим заголовком был нарисован от руки пылесос, причем раскрашенный. Почему это письмо направили Бобби, и как отправитель узнал его адрес? Странный текст продолжался:

ТЕПЕРЬ, КОГДА Я ВАС ЗАИНТЕРЕСОВАЛА, ПЕРЕВЕРНИТЕ СТРАНИЦУ.

Это было письмо от 17-летней девушки Зиты Райкшани, одной из наиболее обещающих шахматисток Венгрии. Она послала его в Шахматную Федерацию США с просьбой переслать его Бобби. «Теперь, когда я вас заинтересовала, — шел текст, — я хочу назвать истинную причину моего письма». Почему вы прекратили играть? Почему вы исчезли? спрашивала она. Девушка писала, что он не выходит у нее из головы с тех пор, как она прочитала о нем в книге о чемпионах мира по шахматам. Бобби отметил, что марка на конверте была погашена очень давно, и что от Зиты есть *еще одно* более позднее письмо в кипе нераспечатанной корреспонденции. Она была настойчива и хотела получить ответ.

Вот так и получилось, что однажды утром — около 6 часов по венгерскому времени — в квартире у Зиты раздался телефонный звонок. Ее отец, функционер ФИДЕ, поднял трубку и тотчас разбудил дочь. «Вставай, это Бобби». Бобби сказал, что ответил ей из-за того, что уж очень «странны» ее письма, сильно отличающиеся от писем обычных фанатов, и что он благодарит ее за них. Добавил, что не играет потому, что русские жульничают, и в дальнейших разговорах и переписке уточнил свою теорию, утверждая, что Карпов с Каспаровым заранее составили свои партии, и что, по его мнению, эти двое являются агентами русского режима. Он спросил, не еврейка ли она? «Никакому советскому, и никакому еврею верить нельзя», — утверждал он. Если она возражала, то он прекращал разговор и не звонил месяцами. Но звонок раздавался снова, часто глубокой ночью; и также они начали переписываться.

Наконец он спросил ее, не хочет ли она его навестить. Бобби пообещал прислать билет на самолет, и что она может пожить у его знакомых, поскольку у него комната небольшая. В этом он не ошибался: посетив как-то сына, Регина написала ему потом, что у него буквально негде повернуться.

Зита немедленно запросила визу летом 1992 года и после многих недель бюрократических проволочек прибыла в Лос-

Анджелес. Бобби встретил ее в аэропорту. Она не сразу узнала его из-за бороды. Хотя он оплатил ей билет в оба конца, Зита обнаружила, что у него практически нет денег. Она дала ему несколько сот долларов, но сути всё, что у нее было. Часть он ей вернул почти сразу, согласившись дать интервью иностранному журналисту за 300 долларов. То, что Бобби согласился на интервью за такие незначительные деньги, показывает, насколько бедственным стало его финансовое положение. Неизвестно, в каком издании интервью появилось, и появилось ли вообще.

Зита оставалась в Лос-Анджелесе шесть недель в доме Роберта Эллсворта, юриста, помогавшего Бобби в его делах. Она встречалась с Бобби каждый день. Им нравилось общество друг друга, и, несмотря на большую разницу в возрасте (ей было 17, ему — 47), они нашли общие темы в своем прошлом. Оба начали играть в шахматы серьезно в возрасте восьми лет, оба — умные и любители поспорить. Бобби увлекался иностранными языками и, в дополнение к свободному владению испанским, неплохо знал русский и немецкий. Зита говорила на немецком и английском почти без акцента. Бобби был чемпионом мира — во всяком случае, таковым себя считал — и она хотела стать чемпионкой мира. Впоследствии в интервью Зита утверждала, что единственная причина, по которой Бобби ею заинтересовался, состояла в том, что «я ничего не хотела от него получить».

Когда Бобби смущенно показал ей свою комнату, она не могла поверить, что он так живет. Едва ли больше 35 квадратных футов, маленькая ванная и односпальная кровать. «Он стыдился своей бедности», — вспоминала она впоследствии. Книги, коробки и магнитофонные ленты, сбитые в высокие кучи. Содержание этих лент? Согласно Зите, в них были записаны теории заговоров, разработанные Бобби. Он сообщил ей, что планирует написать книгу, которая *докажет*, как советские шахматисты жульничали в шахматах, и на лентах сохранялись его мысли по этому поводу.

Бобби с Зитой сыграли одну партию в шахматы: их новый формат — Фишер-рэндом. Она утверждала, что выиграла и затем испугалась — он может разозлиться, поскольку она — женщина, и даже не мастер. Больше они не играли, а только анализировали партии.

Однажды вечером, когда они пошли вместе обедать, он заметил ремонтного рабочего на здании с низкой крышей на другой стороне улицы. Это агенты «Моссад» (израильская спецслужба), за ним шпионят, сказал он; частое проявление его «навязчивой идеи», отметила Зита.

Бобби объяснил, почему не играет почти двадцать лет —

просто не было достойных предложений, хотя и не пояснил, что понимает под словом «достойный». Достойный призовой фонд? Условия игры? Противник? Число партий? Быть может, это всё и многое другое. Он также был в ярости от президента Никсона, который хотя и обещал, что пригласит его в Белый дом в 1972 году, но приглашения так и не прислал. Бобби ярился по этому поводу два десятка лет. В интервью, которое Зита впоследствии дала Тивадару Фаркашази, она утверждала, что Бобби всё еще ждал извинений от американского правительства за нанесенное ему Белым Домом оскорбление.

Зита не смогла выяснить, кто вносит плату за квартиру, какая бы незначительная она ни была. Знала только, что не Клаудиа Мокароу. Зита полагала, что, вероятно, Бессел Кок. Ей не было известно, что Кок более не хотел поддерживать Бобби ни в чем. На самом деле квартирную плату и другие базовые расходы выплачивались с помощью чеков социальной помощи его матери.

Регина вернулась в Калифорнию из Никарагуа после нескольких приступов головокружения, как следствие проблем с сердцем. Ей было 77 лет, она думала об операции и хотела сделать ее в США. Когда Бобби услышал о хирургическом вмешательстве, они с Зитой, оба — безденежные, воспользовались самым дешевым транспортом, который сумели найти — неудобный автобус «Грейхаунд», чтобы, проехав три сотни миль вдоль атлантического побережья, добраться до Пало-Альто. Помимо поддержки матери, Бобби также хотел познакомить ее с Зитой.

Регина собиралась имплантировать электронный стимулятор сердца. Бобби, не веривший докторам, пытался ее отговорить, — они спорили на эту тему часами. Как медицинский работник, Регина знала больше о возможных рисках, но Бобби боялся имплантации чужеродного объекта в организм матери и того воздействия, которое тот может на нее оказать. Регина оставалась твердой как алмаз, и согласилась на операцию. Она дожила до 84 лет.

Добравшись до США и встретившись с Бобби, Зита выполнила, по крайней мере, часть из задуманного. Она узнала, почему Бобби Фишер не играл в шахматы: он ждал достойного предложения, и оно должно составить (эхо Филиппин и несостоявшегося матча с Карповым) 5 млн долларов.

Хотя Зита отрицала, что имела интимную близость с Бобби в те шесть недель, что она находилась в Лос-Анджелесе — «и мыслей таких не было», говорила она — он в нее влюбился. Он называл ее своей девушкой, и как-то раз назвал невестой. Бобби отдавал себе отчет, что для дальнейших шагов — например,

женитьбы после ее совершеннолетия — нужны деньги, и это придало дополнительный импульс искать матч, который даст ему финансовое благополучие.

Отец Зиты был дипломатом и официальным лицом ФИДЕ, а сама Зита имела знакомства в шахматном мире, которые могли ей помочь в поиске спонсора для матч-реванша Фишер-Спасский. Если Бобби даст ей письмо, в котором говорилось бы о его заинтересованности в матче, она может сделать определенные шаги в нужном направлении. И Бобби написал такое письмо от руки. Удивительно, что человек, который редко подписывал финансово-значимые письма, дал 17-летней девушке право говорить от его лица. В середине мая Зита улетела домой.

Прошел целый год, прежде чем она нашла нужного человека — Яноша Кубата, известного международного шахматного организатора, который знал людей, способных собрать 5 млн долларов на матч. Когда она впервые посетила офис Кубата, то неодолимым рубежом стала секретарша. Но однажды в аэропорту по громкой связи она услышала, как объявили его имя, и в этот раз встреча состоялась. Он поначалу скептически отнесся к утверждениям девушки, но когда она показала письмо Бобби и дала сверхсекретный телефон Бобби, Кубат признал ее, как полномочного представителя интересов Фишера. И согласился помочь.

Месяц спустя в июле 1992 года Кубат, Зита и два представителя югославского банка прибыли в Лос-Анджелес, чтобы поговорить с Бобби о возможном матч-реванше между Фишером и Спасским. Президент банка Ездимир Васильевич дал своим сотрудникам полномочия предложить 5 млн с одним условием: матч должен начаться через три недели в Югославии. Бобби понятия не имел, кто такой этот Васильевич. Позднее он узнал, что банкир — один из самых влиятельных людей в Сербии, вовлечен в валютные спекуляции, подозревается в незаконном обороте оружия и, предположительно, является создателем финансовой пирамиды. Он был на шесть лет моложе Бобби, но действовал в отношении Бобби по-отцовски.

Переговоры шли по синусоиде, но число требований Бобби было существенно меньше тех 132-х, которые он выставил перед матчем с Карповым в 1975 году. В предполагавшемся матче Фишер-Спасский он хотел, чтобы победитель получил 3.35 млн долларов, а проигравший — 1.65 млн. Матч должен быть безлимитным до десяти побед одного из соперников, ничьи не в счет. Если оба одержат по девять побед, матч будет считаться окончившимся вничью и призовые делятся поровну, но Фишер сохранит титул бесспорного чемпиона мира по шахматам. Он

настаивал, чтобы матч в прессе и в рекламе назывался матчем за звание чемпиона мира. И последнее, он хотел, чтобы во всех партиях использовались новые изобретенные им часы.

Бобби также пожелал, чтобы 500.000 долларов были выданы ему в качестве аванса — *до того*, как он отправится из Калифорнии в Югославию. Это был деликатный пункт. Кубат боялся, что Васильевич не согласится на выплату аванса до подписания Бобби контракта, который на английский перевела Зита. В прошлом Бобби нередко покидал проекты еще до их начала. Чтобы матч стал реальностью, ему нужно было одолеть свою природу. Перед отлетом Кубата в Белград, где он должен был собрать деньги, Бобби всех изумил: он подписал контракт без единой претензии. Через несколько дней Кубат вернулся в Калифорнию с деньгами, и Бобби начал готовиться к оставлению своей крохотной комнаты. Поскольку он направлялся в зону военных действий, существовала вероятность, что ему не удастся скоро вернуться в Калифорнию.

Бóльшая часть его пожитков — 52 картонные коробки, собранные из разных мест — были отправлены на платный склад, и Фишер улетел в Белград, оттуда добрался в Черногорию, чтобы на месте проинспектировать условия игры и привести себя в форму перед началом матча. Спасский согласился на все условия контракта, и сообщил из своего дома под Парижем: «Фишер вытаскивает меня из забвения. Это чудо, и я ему признателен».

Свети-Стефан, Югославия, сентябрь 1992

В зависимости от направления ветра, слабое эхо тяжелой артиллерии слышалось иногда через горы из Сараево, расположенного в семидесяти милях к северу. Балканская война достигла тогда, во время так называемой эры распада Югославии, своего пика. Восемь тысяч человек погибли за две недели августа в Боснии и Герцеговине, где полыхала война, и миллионы покинули свои дома за несколько месяцев до того. Тяжелые бои между силами, верными боснийскому правительству, и сербскими нерегулярными частями велись в Восточной Герцеговине в пятидесяти милях от зала, где проходил матч.

Но в Черногории на Адриатике, одном из красивейших мест в Европе, всё было мир, радость и веселье вечером 1 сентября. Факельщики, одетые в традиционные черногорские костюмы — свободные белые шаровары, рубашки и яркие зеленые жилеты — рядами обозначили путь через перешеек, выводящий к хорошо

оборудованному отелю «Маэстраль», в тринадцатом веке служившему средневековым фортом, а в недавнем прошлом — одним из мест отдыха маршала Тито.

49-летний Бобби Фишер был описан журналистом, работавшем на матче для «Нью-Йорк Таймс», как «располневшая, лысеющая, бородатая личность средних лет, с поразительно — иногда — пустым выражением лица». Но взгляд в никуда свидетельствовал не о лености ума, а об определенном отсутствии интереса к окружающему миру. Лишь несколько вещей воспламеняли фишеровскую страсть — его политические и религиозные теории, неустанный поиск темных заговоров, иностранные языки, чувства к Зите и, разумеется, неизменная любовь к шахматам.

Он только что постригся и подрезал бороду, был аккуратно одет в коричневый костюм, сшитый на заказ в Белграде. Окруженный четырьмя телохранителями в солнцезащитных очках — два спереди и два сзади — он медленно шествовал по каменистой тропинке вместе с Зитой, словно Цезарь и Клеопатра вступали в Рим, улыбаясь и кивая доброжелательно своим подданным. Они были на пути к церемонии открытия уже знаменитого матч-реванша и также к 19-му дню рождения Зиты — и, поскольку они находились в средневековом окружении, празднество проходило в антураже XIV века, с музыкантами, народными танцами и акробатами, и фейерверками, выстреливающими с лодки, расположенной недалеко от берега.

Всё это время улыбка играла у Зиты на лице, очерченном рамкой прямых светло-рыжих волос и полускрытом очками в толстой розовой оправе. Маленького роста она казалась ребенком рядом с Бобби, который при своих шести футах и двух дюймах возвышался над ней на целый фут.

В течение всего празднества Бобби сидел на настоящем троне рядом со спонсором матча Ездимиром Васильевичем, находившемся несколько в тени, который восседал на таком же троне: два со-короля, один — шахматный, другой — финансовый. Васильевич купил отель за 500 млн долларов, так что 5 млн призового фонда не слишком его обременили. Когда контракт после его подписания Фишером возвратился Васильевичу, серб воскликнул: «Я только что *сделал* 5 млн долларов!», поскольку он был готов продолжать переговоры с Бобби и поднять призовой фонд до 10 млн в случае необходимости. Он проявил достаточно осторожности, чтобы Бобби никогда этого не узнал.

Еще до начала игры было много смешанных чувств, противоречивых спекуляций и сложных реакций в шахматном мире касательно матча. В редакционной статье «Нью-Йорк Таймс»

гроссмейстер Роберт Бирн подытожил все теории и домыслы: «На одном полюсе — радость от возвращения Бобби после двух десятилетий небытия. Он ведь гигант американских шахмат, мало кто из гроссмейстеров может сказать, что на него не повлияли идеи Бобби, или не потрясли его гениальные партии. Если он способен играть на том же высочайшем уровне, если он будет играть еще матчи, если он вступит в борьбу за звание чемпиона мира если, если, если… — тогда нас ждет новая шахматная лихорадка в стране, возможно, в мире, как это было во времена о́но, когда м-р Фишер обыграл м-ра Спасского в матче два десятилетия назад». Но еще важнее, чем вопрос о том, возникнет ли новый «бум Фишера», был вопрос, сумеет ли присущий ему огромный талант проявиться на шахматной доске. Оставалось только гадать, какова его сила после столь долгого отсутствия, даже Бобби не мог быть уверен, что сохранил блеск и чувство игры на кончиках своих пальцев. Игра — и победа — в матч-реванше со Спасским должны были до некоторой степени доказать, что Фишер сохранил свою доблесть. Но Спасский в возрасте 55 лет отступил в конец первой сотни в рейтинг-листе ФИДЕ, поэтому многие шахматисты сомневались, что матч станет мерилом того, может ли Фишер называться сильнейшим игроком в мире. Бобби попросил Глигорича («Глигу») сыграть с ним секретный тренировочный матч из десяти партий, чтобы набрать форму. Бобби вышел из него победителем, но только три партии стали достоянием публики: в одной победил Бобби, две другие — ничьи.

Гарри Каспаров, правящий чемпион, был одним из тех, кто принижал значение матча. Когда его однажды спросили, хотел бы он встретиться с Фишером в матче за звание чемпиона мира, Каспаров отрезал: «Абсолютно, нет. Не думаю, что Фишер по-прежнему силен. Борис и Бобби спускаются с горы, они мне не угроза». Лондонская «Дейли Телеграф» предложила атипичное мнение относительно начинавшегося матча: «Вообразите, что вы услышите конец шубертовской “Неоконченной симфонии” или 10-й Бетховена, или увидите недостающую руку “Венеры” Микеланджело. Именно такие чувства вызывает возвращение Фишера у шахматистов всего мира».

Прежде чем часы начали отсчитывать время в первой партии, Бобби получил порцию критики за согласие играть в раздираемой войной стране. США и некоторые другие страны, равно как и ООН, пытались изолировать Сербию из-за ее поддержки насилия против мусульман и других меньшинств. 7 августа Кубат дал интервью агентству «ДойчеПресс», в котором утверждал, что правительство США дало Фишеру разрешение играть в Сербии.

Либо Кубат очень хотел так думать, либо заявление служило дымовой завесой для общественности, дабы сделать в глазах публики матч более законным.

За десять дней до начала матча Бобби получил из Казначейства письмо следующего содержания:

Матч-Реванш Фишер-Спасский

ТРЕБОВАНИЕ ПРЕДОСТАВИТЬ ИНФОРМАЦИЮ, И ПРЕКРАТИТЬ И ВОЗДЕРЖИВАТЬСЯ ВПРЕДЬ ОТ ПОДОБНОГО РОДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

FAC129405

Дорогой м-р Фишер:

До нас дошли сведения, что вы планируете сыграть шахматный матч на денежный приз в Федеральной Республике Югославия (Сербия и Черногория) (далее "Югославия") против Бориса Спасского, который начинается 1 (или около того) сентября 1992 года. Как гражданин США вы должны соблюдать запрет, обусловленный Исполнительным ордером 12810 от 5 июня 1992 года, налагающим санкции на Сербию и Черногорию. Казначейство США, офис контроля за зарубежной собственностью ("FAC"), облечен полномочиями по исполнению ордера.

Исполнительный ордер запрещает гражданам США реализацию любых контрактов в поддержку коммерческих проектов в Югославии, равно как и на экспорт услуг в Югославию. Цель этого письма состоит в том, чтобы проинформировать вас, что реализация вашего соглашения с корпоративным спонсором в Югославии играть в шахматы будет означать поддержку коммерческой активности указанного спонсора. Любая транзакция, осуществленная в этих целях, нарушает Генеральную Лицензию № 6, которая допускает лишь транзакции связанные с поездками, но не в коммерческих или деловых целях. Кроме того, мы полагаем ваше присутствие в Югославии с этой целью является экспортом услуг в Югославию в том смысле, что югославский спонсор получит выгоду от использования вашего имени и репутации.

Нарушение Исполнительного ордера наказывается штрафом в случае гражданского иска — не более 10.000 долларов, и при уголовном иске — не более 250.000 долларов для одного человека, 10 годами тюрьмы или и тем, и другим. По указанным причинам вам

предписывается удержаться от каких-либо видов активности из описанных выше. От вас также требуется предоставление в офис отчета в 10-дневный срок по получении данного письма, в котором бы прояснялись детали всех и каждой из транзакций, а также обстоятельства их осуществления в связи с планируемым шахматным матчем в Югославии против Бориса Спасского. Отчет должен быть направлен по адресу:

Казначейство США, офис контроля за зарубежной собственностью, отделение исполнения наказаний, 1500 Пенсильвания-авеню, Нью-Йорк, флигель, 3-й этаж, Вашингтонский округ, 20220. При возникновении вопросов, касательно этого дела, свяжитесь с Меретом М. Эвансом: (202) 622-2430.

Искренне (подпись)

Р. Ричард Тьюкомб

Директор

Офис контроля за зарубежной собственностью

М-р Бобби Фишер

для передачи, отель Свети Стефан (№ 118) 85 315 Свети Стефан Черногория, Югославия

машинописная копия

Чарльз П. Пашаян, мл., 1418 33-я стрит, Нью-Йорк Вашингтон, округ Колумбия 20007

Чоат & Чоат Поверенные адвокаты

Пасифик Мучуал Биллинг 523 вест сикс стрит № 541 Лос-Анджелес, СА 90014

Посольство США Белград, Югославия

Бобби, — анархически высокомерный к Госдепу США и переставший платить налоги с 1977 года, остался равнодушен к письму, грозящему штрафу в 250.000 долларов и 10-летнему заключению за нарушение санкций. Что касается публики, то общее мнение было такое: «И что они сделают, бросят в тюрьму на десять лет за передвигание деревянных фигурок по шахматной

доске?» Но, но мнению Чарльза «Чипа» Пашаяна, юриста Фишера *pro bono*, Казначейство может и обязательно оштрафует его и посадит в тюрьму. 28 августа 1992 года он отправил Бобби письмо, в котором, по сути, умолял отложить матч, указывая на то, что Васильевич, дабы продемонстрировать миру свои добрые намерения, обещал пожертвовать 500 тыс. долларов Международному Красному Кресту в помощь пострадавшим на Балканах. Пашаян верил, что Казначейство оценит гуманитарный жест и, в конечном счете, согласится на проведение матча, дав Фишеру специальную разрешительную лицензию. Если Бобби немедленно вернется в США, матч может состояться после того, как санкции будут сняты. «Настоятельно необходимо, чтобы вы подчинились требованиям», — предупреждал он. Бобби проявил свойственное ему упрямство, и хотя он не мог аргументированно обосновать свое решение начать матч, его сердце, характер и кошелек возобладали. Как гонца с плохой вестью, Бобби Пашаяна… уволил.

Югославский премьер-министр Милан Панич, чье желание снять эмбарго объяснялось причинами более вескими, чем интересы шахмат, поддержал Бобби и сообщил о надвигающемся матче следующее: «Просто представьте, что санкции запрещают потенциальному Моцарту писать музыку. Что, если эти партии окажутся самыми великими в шахматной истории?» Когда матч переместился в Белград, президент Сербии Слободан Милошевич встретился с Фишером и Спасским и попросил разрешения сфотографироваться с ними. Он воспользовался случаем в пропагандистских целях, чтобы заявить перед иностранной прессой: «Матч важен, так как играется в то время, когда на Югославию наложены несправедливые санкции. Это ярко доказывает, что шахматы и спорт не подчинены политическим интересам». Милошевичу впоследствии гаагский Международный трибунал предъявил обвинения в совершении преступлений против человечества, и он умер в тюрьме.

Несмотря на потерянные годы, Бобби снова стал самим собой. Его список требований неуклонно рос. Стратегия Васильевича состояла в том, чтобы давать ему всё, что он захочет, даже если пункт и не упоминался в контракте. Бобби отверг шесть столиков, как недостаточно хорошие, затем попросил один с шахматной олимпиады, проходившей в Дубровнике в 1950 году. Но даже и этот столик плотнику пришлось слегка переделать, дабы удовлетворить требованиям Бобби. Фигуры должны быть правильного цвета и размера, и он выбрал те, что также использовались на той олимпиаде. Особенно ему понравились маленькие, контрастных цветов, купола, венчавшие головы

слонов, что резко отличало их от пешек. Трудно поверить, но Бобби отверг один набор потому, что длина носа коня ему показалась чрезмерной; анти-семитиский налет этой претензии вряд ли прошел незамеченным теми, кто о ней услышал. При тестировании размера фигур и пешек в отношении к размеру клеток, он помещал четыре пешки на клетку, чтобы проверить, не налагались ли они на ее края. Нет, не налагались, поэтому он принял и размер фигур. Он попросил, чтобы освещение подогнали так, чтобы фигуры не отбрасывали теней. Да, и зрителей нужно отодвинуть на расстояние 65 футов от сцены.

Изобретенные Бобби новые шахматные часы, работавшие иначе, чем традиционно используемые в турнирах, требовалось изготовить для матча специально, и Васильевич справился с задачей. Бобби настоял на том, чтобы они использовались на матче. Перед началом партии каждому из соперников дается по 90 минут, с добавлением после каждого хода по две минуты. Теория Бобби состояла в том, что при новой системе игрокам не придется более лихорадочно изобретать ход, когда на их часах лишь несколько секунд, поэтому исчезнут цейтнотные ошибки. Гордость шахмат — глубина концепций, доказывал Фишер, а не победа, основанная на механических средствах.

Не все требования Фишера касались условий игры. Он также хотел, чтобы унитаз на его вилле подняли на один дюйм.

Рип ван Винкль из рассказа Вашингтона Ирвинга просыпается через двадцать лет сна и возвращается в родную деревню, где многое изменилось. Когда Бобби Фишер — шахматная версия Рип ван Винкля — появился через двадцать лет, более всего изменился он *сам*. Улыбающегося, вызывающего симпатию Бобби Фишера, который сразу после матча 1972 года очаровывал телеаудитории различных шоу и публику, собравшуюся на ступенях Сити-холла Нью-Йорка, заменил развязный Бобби Фишер, полный страхов, раздражения и пикировки.

Само желание Бобби пообщаться с прессой было удивительно, но новый Фишер созвал пресс-конференцию вечером накануне начала матча. У него не раз брали интервью в течение его шахматной карьеры, иногда это были целые группы журналистов, но сейчас речь шла о первой официальной пресс-конференции за более чем двадцать лет, и Бобби свернулся в кольца, готовый броситься на любой вопрос. Большинство из собравшихся журналистов ожидало увидеть Бобби Фишера подобным привидению, кем-то абсолютно отличным от того, кто победил в Рейкьявике. Многие никогда не видели его «во плоти» — и никто не видел его за два десятилетия отшельничества.

Бобби вошел уверенным шагом, смотрелся он крупнее и здоровее, чем ожидалось, и быстро занял свое место на сцене. Внешне он выглядел может и не так впечатляюще, как лайнбекер в американском футболе, но шириной плеч походил на атлета или отошедшего «от дел» пловца олимпийских игр.

Бобби настоял на том, чтобы все вопросы были переданы ему заранее для ознакомления, он их просеивал в поисках тех, на которые собирался ответить. Спасский, чувствовавший себя неловко, сидел справа от Бобби, и Васильевич, куривший пенковую трубку и выглядевший расслабленно, слева. После нескольких минут неуклюжего молчания, Бобби поднял глаза и громко произнес имя журналиста, название издания, которое тот представлял, и зачитал первый вопрос: «Начнем с нахального вопроса от “Нью-Йорк Таймс”», — грубовато начал Бобби:

> **Роджер Коэн**: Почему, отклонив множество других предложений, вы приняли это?
>
> **Бобби Фишер**: Это не совсем так. Насколько мне помнится, Карпов, например, был одним из тех, кто отказался играть со *мной* на *моих* условиях, в основном совпадающих с теми, по которым мы будем играть в этом матче.
>
> **Р. К.**: Если вы обыграете Спасского, вызовете ли вы Каспарова на матч за звание чемпиона мира?
>
> **Б. Ф.**: Типичный вопрос от м-ра Коэна, работающего для «Нью-Йорк Таймс». Можете прочитать, что здесь написано?
>
> (Фишер повернулся и указал на баннер за сценой с надписью «Матч за звание Чемпиона Мира». Аудитория зааплодировала).

По традиции, за редким исключением, представители медиа не аплодируют на пресс-конференциях, поскольку тем самым они выражают согласие с говорящим, а не просто получают информацию. Хотя большое число журналистов было заинтересовано в посещении неоднозначной пресс-конференции Бобби Фишера, им предложили платить по 1000 долларов за аккредитацию на Свети Стефан. Поэтому многие решили не освещать матч — по крайней мере, не «изнутри». В тот день в помещении присутствовало не более тридцати представителей прессы, но всего собралось более ста человек. Аплодисменты, вероятно, прозвучали из нежурналистских рядов, часть публики решила таким образом выразить свои антиамериканские и профишеровские настроения.

Бобби продолжил читать вопросы от Коэна, не отвечая на них

прямо, а просто давая комментарии, вроде «Ну, посмотрим» или «Проехали», пока не прочитал последний вопрос Коэна: «Правительство США предупредило вас об ответственности за нарушение санкций?»

> **Бобби Фишер**: Секундочку. [Он извлек письмо из своего кейса и поднял его.] Это предписание об информировании о незаконной активности из Казначейства в Вашингтоне, август 21, 1992. И вот мой ответ на предписание не защищать мой титул здесь. [Он плюнул на письмо, что вызвало шквал аплодисментов.] Это мой ответ.

Васильевич, также аплодирующий, смотрел на него с одобрением и улыбался; Бобби откинулся на стуле, вращаясь на нем вправо-влево, и словно грелся, подобно Муссолини, в лести своих подданных.

Плевок Бобби Фишера облетел землю. Его анти-американизм был подвергнут жесткой критике в редакционной статье «Дейли Ньюс» («Фишер продал свою честь») и «Нью-Йорк Таймс» («Трагедия Боснии и Бобби»), а журналы, газеты и телевидение разнесли эту новость по всем континентам. Общее мнение склонилось к тому, что плевок Бобби дурно пах бессердечием на фоне резни в Боснии и явно попирал если и не международные законы, то общепринятые нормы морали. Эксцентричный поступок Бобби находился в одном ряду с такими символами антиамериканизма, как приветствие «Хайль Гитлер» Эзры Паунда, позирование Джейн Фонды на северо-вьетнамском танке или пропагандистские трансляции «Розы Токио»[19] во время Второй мировой войны.

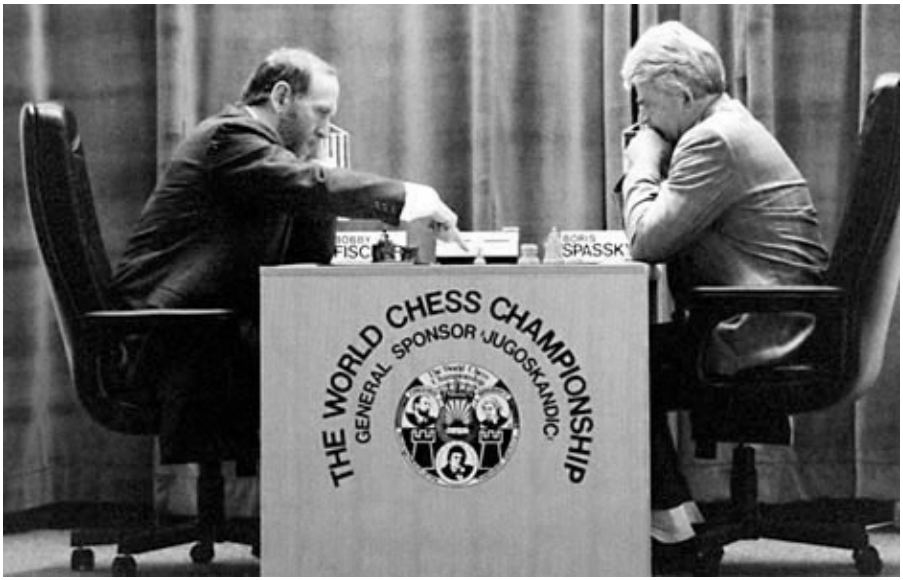
Одно из самых неожиданных критических замечаний пришло от близкого друга и бывшего учителя Джека Коллинза, Йоды американских шахмат. «Он мне осточертел и вызывает у меня отвращение», — сказал Коллинз. Затем, вспомнив о низкопоклонстве, с которым Бобби принимали в Югославии, Коллинз добавил: «Они делают “шишку” из дурака». Другой близкий друг Уильям Ломбарди, впрочем, не согласился: «Да, Бобби предал шахматы и всех нас. Но он всё еще чудо, и может многое сделать для игры. Бобби с Борисом делают деньги. Я не могу их упрекнуть».

Бобби продолжал делать жесткие — во всяком случае, спорные — заявления, отвечая на вопросы журналистов. Когда его спросили о его взглядах на коммунизм, он ответил: «Советский коммунизм в основе своей — маска большевизма, а тот в свою очередь — маска иудаизма». Отрицая свой антисемитизм, Фишер

указал с ухмылкой, что арабы тоже семиты: «И я ведь точно не анти-араб, верно?» Назвав Каспарова и Карпова «мошенниками» за их, как он считал, неэтичную кооперацию, он включил и Корчного в список ненависти: «Они полностью разрушили шахматы своими аморальными, неэтичными, заранее составленными партиями. Эти парни — грязные собаки».

Хотя Зита присутствовала на пресс-конференции, на вопросы она не отвечала, по крайней мере, публично. Позднее в полуофициальном интервью, данном югославскому журналисту, она заявила, что не собиралась выходить замуж за Бобби, но ее привлекла его честность. Она добавила: «Мне нравятся гении и люди с приветом», — не уточнив, к какой категории она относит Бобби, и относит ли вообще.

2 сентября 1992 ровно в 15:30 Бобби быстрым шагом подошел к доске, сел в кресло, протянул через стол правую руку и они со Спасским обменялись рукопожатиями. Он был одет в голубой костюм с галстуком в красно-белую полоску, что, до некоторой степени, придавало ему патриотический вид. И если оставались сомнения относительно его национальности, то их снимал американский флажок на столике, лицом к аудитории. Рядом со Спасским, ставшим гражданином Франции, стоял трехцветный флажок Франции. Лотар Шмид, судивший матч 1972 года между этими двумя гроссмейстерами, вновь присутствовал на сцене — он и запустил часы. Когда Шмид нажимал кнопку, волна ностальгии накрыла собравшихся. Прошло двадцать лет с последнего поединка, но трое главных участника как будто мало изменились — лишь седые волосы, дополнительные морщины и увеличившийся объем талии. «Лаугардалшол» преобразовался в отель «Маэстраль». Исландия стала Югославией. Бобби остался Фишером. Борис — всё тот же Спасский. Игра — те же шахматы.



Бобби Фишер и Борис Спасский, Югославия, 1992 год.

Через несколько минут Бобби нацепил на лоб широкий коричневого цвета кожаный козырек, дабы противник не видел, на что он смотрит. Когда очередь хода была за ним, он опускал козырек и подбородок его часто едва не касался груди — тогда он походил на игрока в покер, скрывающего карты от посторонних.

Двадцать лет «ржавчины» забылись, Бобби играл так же сильно, как в 1972 году: агрессивно, безжалостно, блестяще, нападая то на одном фланге, то на другом. Противники смело жертвовали фигуры.

Шахматисты всего мира следили за партией с помощью факсов и телефонов, и на их коллективный вопрос дал ответ пятидесятый ход Бобби. Спасский сдался. Гроссмейстер Яссер Сейраван написал: «Да, сомнений нет, Бобби вернулся! Безупречно проведенная партия. Точность до последнего хода». Те издания, что за день до этого критиковали Фишера за его некорректные политические высказывания, вынуждены были признать, что за доской он более чем корректен: «Играя мощно, американский шахматный гений находится в прекрасной форме». Но, перефразируя Аристотеля, надо сказать, что одна партия не делает чемпиона.

Во второй партии Бобби, казалось, играл в свою силу… до опять-таки пятидесятого хода, на котором он допустил ужасный просмотр, преобразовавший выигрышную позицию в ничейную. В некоторых отношениях он повторил эту ошибку и в третьей партии: позволив потенциальному — или, по крайней мере, *возможному* — выигрышу ускользнуть у него из рук.

Комментарий Бобби по окончании партии был обезоруживающе честен. «Похоже, это был не мой день. Я надеюсь, что это был не мой день. У меня проблемы». Бацилла сомнения начала пробуждаться. Если третья партия оказалась «не его днем», это могло говорить о том, что долгое отсутствие за доской не прошло безнаказанным и мешало ему возродиться прежним Фишером. Четвертая и пятая партии почти доказали ему, что он действительно в кризисе, или основательно проржавел: Бобби проиграл обе партии.

Одним из зрителей на матче был уважаемый всеми Андрэ Лилиенталь, 81-летний русский гроссмейстер, проживший бóльшую часть жизни в Венгрии. Они с женой приехали из Будапешта в Свети-Стефан, чтобы следить за ходом борьбы. Лилиенталь никогда не встречался с Фишером, и по завершении четвертой партии их познакомили в ресторане отеля. «Гроссмейстер Лилиенталь, это Бобби Фишер», — сказал человек, который их знакомил. Два шахматных гиганта пожали друг другу руки и Бобби произнес: «Гастингс, 1934-5: жертва ферзя против Капабланки. Бриллиант!»

Комментарий в стиле Бобби в том отношении, что он старался помнить и разносить людей по категориям по их партиям, и необязательно учитывать что-то еще. Годы спустя Лилиенталь всё еще тряс в изумлении головой из-за того, что Бобби помнил его знаменитую победу над Капабланкой, случившуюся на пятьдесят лет раньше.

После матча Спасский писал:

> Моей установкой было думать не о результате матча а том, как помочь Бобби восстановить былую форму. Шестая партия стала критической. Я играл на ничью белыми, но Бобби так плохо вел партию, что у меня позиция стала выигрышной. Это мне давало шанс лидировать с тремя победами и двумя ничьими!
>
> Мог ли Бобби пережить такое положение дел? Я не знал, и это создало для меня трудную психологическую ситуацию. Я хотел выиграть матч, но… *боялся* выигрывать: Бобби мог просто покинуть матч и шахматы навсегда. Эта неопределенность помешала мне выиграть (в шестой партии). Бобби выкрутился, показав боевой дух, и его творческая энергия восстановилась. К нему вернулась уверенность в своих силах и [с этого момента] он стал играть намного лучше.

В следующие два месяца в матче были приливы и отливы, но начиная с девятой партии Бобби, карабкаясь вверх, вышел в

лидеры и начал постепенно наращивать преимущество. Ставки были огромными: тот, кто выигрывал первым десять партий, завоевывал львиную долю призовых денег и обеспечивал себе «чемпионство». Во время матча Фишер несколько раз разражался тирадами, но в результате пресс-конференций продолжал терять друзей и наживать новых врагов. До конца матча он дал девять пресс-конференций, не считая коротких комментариев, которые он делал вместе со Спасским по окончании каждой партии. Вот некоторые из противоречивых заявлений Бобби для прессы:

> • «Думаю, что я сдюжил, если учесть, что последние двадцать лет нахожусь в черном списке мирового еврейства».
>
> • «Нет, я не жалею о плевке на то письмо».
>
> • «Этот человек [Каспаров] паталогический лгун, поэтому я не обращаю внимания на его слова».
>
> • «Я подал в суд на компанию “Тайм Инкорпорейтед”… Я выставил им счет в десять млн долларов, или даже в несколько сот миллионов по различным делам — клевета, нарушение условий контракта, и т. д. Я провел два года в суде, потратил кучу денег и массу времени. Это был Федеральный суд, между прочим. Затем судья просто заявил: “Здесь нет дела. Я отставляю всё это в сторону, не передавая дела в суд”. [Тяжба была не только против “Тайм Инкорпорейтед”, но также против Брэда Дарраха, автора книги “Бобби Фишер против остального мира”; согласно подписанному Бобби контракту Даррах получал право писать статьи, но не книгу. Шахматная Федерация США также предполагалась ответчицей, поскольку книгу рекламировала].
>
> Поэтому я считаю, что правительство США и “Тайм Инкорпорейтед” вошли в преступный сговор с целью лишить меня сотен миллионов долларов; вот причина, по которой я не плачу налоги — федеральный и штата Калифорния, начиная с 1976 года… Точнее, с 1977».

К 30-й партии Бобби выиграл девять, Спасский — четыре. Партии 26, 27, 28 и 29-я завершились вничью; каждому из соперников становилось всё труднее одолевать своего визави. Оба устали. В последней партии Спасский сделал свой 27-й ход — в безнадежном уже положении — и затем сдался. Фишер играл решительно и выиграл партию, можно сказать, со всеми удобствами.

По его собственным стандартам Бобби снова стал чемпионом

мира, и на 3,5 млн долларов богаче. Он сделал то, что Чарльз Краутхаммер шутливо назвал в журнале «Тайм» величайшим «камбэком» с тех пор, как Наполеон Бонапарт с одномачтовым флотом отправился в поход с острова Эльба в 1815 году. Гроссмейстер Яссер Сейраван сказал, что качество игры, показанное Фишером, ставит его в первую десятку в мире. Несколько месяцев спустя гроссмейстер Арнольд Денкер заметил касательно своего друга и соперника: «Правда, матч против Спасского не стал превосходящим все остальные, но после такого долгого перерыва этого вряд ли можно было ждать. Да, он выиграл убедительно. Матч между ним и действующим чемпионом мира [Каспаровым] превзошел бы всё из того, что мы видели, и создал бы колоссальное паблисити для шахмат».

Бобби заявил, что хотел бы сыграть матч за звание чемпиона мира против Каспарова, но прежде нужно провести несколько тренировочных матчей против молодых игроков для «разогрева», а уже затем можно встретиться лицом к лицу с Каспаровым в 1994 году. Но прежде, чем Бобби смог рассмотреть в деталях будущего противника, ему пришлось встретиться один на один с могущественным *не*-шахматным соперником — правительством США. Предметом разногласий стало нарушение санкций, пятнадцатилетний налоговый долг, а также налоги с полученных за победу в матче миллионов.

На банкете закрытия Бобби уговорили выйти на танцпол для нескольких туров с молодыми сербками, после чего он произнес слова благодарности на сербо-хорватском языке гостеприимным хозяевам и народу Югославии.

После получения всей причитающейся ему суммы призовых (в течение 48 часов после окончания матча, опровергая слухи о том, что Васильевич слово свое не сдержит) Бобби по ранее достигнутой договоренности встретился со своей сестрой Джоан в белградском отеле «Интерконтиненталь». Всё еще *оставался* нерешенным вопрос относительно причитающихся Бобби денег за телевизионные права на показ матча — около 1 млн долларов. (Бобби их так и не получил). Джоан забрала бóльшую часть денег и на поезде отправилась в Цюрих, где открыла счет на имя Бобби в «Юнион-Банке» Швейцарии. Так было сделано, поскольку они не знали, остановят ли Бобби при пересечении югославской границы за нарушение санкций, и, если это произойдет, не постарается ли правительство США лишить его части, если не всех, денег.

Васильевич тем временем делал шаги по организации нового матча для Бобби, который должен был состояться в Белграде и Испании, с Любомиром Любоевичем, ведущим югославским шахматистом и одним из сильнейших тактиков мира. Бобби

встретился с Любоевичем, они понравились друг другу, и оба выразили желание играть.

Планы Васильевича касательно Бобби всегда содержали и тайные мотивы. Очевидно, что он не извлек коммерческой выгоды из матча Фишер-Спасский, несмотря на билетные сборы, продажу сувениров, постеров, телевизионных прав и т. д. Он «продюсировал» матч с целью привлечения мирового внимания к эмбарго, наложенному на Югославию, и для того, чтобы показать миру, как США и другие нации пытаются помешать важному культурному событию. Через несколько месяцев после окончания матча финансовый карточный домик Васильевича начал рушиться. Пятьсот тысяч вкладчиков залили два миллиарда долларов в подвалы его шестнадцати банков под обещание 15 % годовых. В итоге выяснилось, что он не может платить проценты по вкладам. Он бежал в Венгрию, затем в Израиль, предположительно с мешками денег — чтобы избежать наказания и с надеждой организовать правительство в изгнании. Через несколько лет его выдали Сербии и поместили в Центральную тюрьму Белграда по обвинению в хищении чужого имущества. Бобби постепенно стал ненавидеть Васильевича, считая его сионистским агентом. Пришло понимание, что полученные им 3.5 млн долларов за победу в матче были незаконно собраны Васильевичем. Деньги он, впрочем, не вернул.

В прессе проскальзывали сообщения, что Бобби предъявят обвинение и экстрадируют в США. Бобби хотел вернуться в Калифорнию, но рисковать не желал. В середине декабря он получил телефонный звонок от своего юриста, который сообщил, что большое жюри собиралось рассмотреть его дело, и почти наверняка оно проголосует за обвинение. Плевок, символически эквивалентный сжиганию американского флага, очевидно, привел правительство в гневное состояние. Бобби немедленно покинул Белград — вместе с секундантом Эугенио Торре и двумя телохранителями, предоставленными Васильевичем — и секретно отправился в маленький городок Мадьярканиша на самом севере Сербии, на границе с Венгрией. Васильевич выбрал это место для Бобби по нескольким причинам: его население на 90 % составляли венгры, поэтому жители Будапешта и окрестностей могли спокойно пересекать границу, а значит, Зита легко могла навещать его. Также, если бы Бобби захотелось быстро уехать из Сербии в Венгрию, вероятно, ему бы это удалось, поскольку на пропускных пунктах не хватало персонала и вряд ли кого из охраны он бы чрезмерно заинтересовал. Тот факт, что Мадьярканиша был известен как «город тишины», также делал его привлекательным для Бобби… по крайней мере, на первое время.

15 декабря 1992 года большое жюри федерального суда Вашингтона, округ Колумбия, выдвинуло обвинение из одного пункта против Бобби Фишера о нарушении им экономических санкций, наложенных по исполнительному ордеру президента Джорджа Буша. Соответствующее письмо было послано Бобби в Белград, и, после объявления обвинения, федеральные представители выписали ордер на его арест. Оставалось неясным, насколько быстро — или агрессивно — правительство намерено его преследовать.

В середине зимы в Мадьярканиша нечего делать. Бобби не хотел писать письма или получать их из страха быть выслеженным правительством США, пытавшимся его арестовать. При общении но телефону он просил одного из телохранителей набирать номер и лишь затем передавать ему трубку. Никакие номера телефонов для ответного звонка никогда не оставлялись. Пытаясь перехитрить правительственных ищеек, он вначале остановился в маленьком отеле, затем переехал в гостиницу на окраине города. Когда погода стала теплой, Бобби перебрался в центр здоровья и реабилитации, но не по причине плохого самочувствия, а из-за наличия бассейна и гимнастического зала. Через некоторое время он переехал в другой отель. Иногда его посещал старый друг Светозар Глигорич и оставался вместе с ним неделю или около того.

В конце мая 1993 года Полгары, царственная шахматная семья из Венгрии, посетила Бобби — Ласло, отец, и две его не по годам развитые дочери — Юдит, шестнадцати лет, и София, девятнадцати. Обе девушки были шахматными вундеркиндами. (Старшая из сестер Жужа 23 лет, гроссмейстер, находилась в то время в Перу на турнире.) Бобби обрадовался их приезду, так как соскучился по шахматному общению.

Вскоре после их отъезда он начал чувствовать, что обстоятельства на него давят. Финансы потихоньку таяли — он опасался съездить в Швейцарию за деньгами, а если бы попросил, чтобы швейцарский банк переслал ему деньги в банк Мадьярканиша, то снова нарушал санкции. Не имея возможностей общения и не зная, чем заняться, Бобби начал чувствовать одиночество и скуку. («У меня нет здесь друзей, только Глига и телохранители», — писал он Зите.) Ему нужно было каким-то образом выбраться из Югославии.

Не называя страну, куда бы он хотел уехать, Бобби искал совета у юриста в Лос-Анджелесе, и, не упоминая имен на случай прослушивания телефонов, он пользовался услугами англоговорящего юриста в Мадьярканиша для сбора информации. Страна, куда стремился Фишер, называлась Филиппины, но кроме

Торре Бобби никому об этом не говорил. Добраться до Филиппин было очень непросто.

Если бы Бобби удалось добраться до Венгрии, избежав ареста, он бы смог напрямую вылететь на Филиппины. Если *прямой* полет окажется слишком рискованным, можно было арендовать маленький частный самолет где-нибудь в Венгрии или даже Югославии, и полететь в Грецию или Египет, а оттуда в Манилу. Другой возможный путь — морской, но он мог занять слишком много времени. Бобби опасался, что его деньги в швейцарском «Юнион Банке» могут быть секвестрированы, поэтому хотел их получить как можно быстрее.

В итоге Бобби посчитал, что путешествие на Филиппины — хотя он очень хотел туда попасть — слишком рискованно, и кроме того, он узнал, что его деньги не могут быть секвестрированы. Пока он размышлял обо всем об этом, пришли оглушившие его новости.

Зита на автобусе приехала из Будапешта и сообщила, что беременна… и не от Бобби.

Можно представить шок, гнев и печаль, испытанные Бобби. Он не мог понять и принять, что его любовь к Зите не была взаимной. Его предложение жениться было категорически отвергнуто. Горькие споры продолжались всю ночь. «Он был груб, — сказала Зита. — Он повел себя очень, очень некрасиво… он оскорбил того, кого я люблю». Ближе к рассвету Бобби отправился спать, Зита проснулась раньше его. Она оставила прощальную записку с объяснением, что всё это не имеет связи с тем, почему она не хочет выходить за него замуж. Дело просто в том, что она его не любила.

Проснувшись, Бобби написал письмо с извинениями, но она не ответила.

Когда Жужа Полгар вернулась в Будапешт, ее семья нанесла второй визит в Мадьярканиша, специально для того, чтобы она могла встретиться с Бобби. Сопровождал семью в «Пассате ФВ» Жужи Янош Кубат. Описывая свое первое впечатление от Бобби, Жужа вспоминала: «Меня удивило, насколько он высокий и крупный. Несколько полноватый, но не толстый, и руки и ноги его казались огромными. Он был дружелюбен и открыт ко мне с самого начала, и задал мне массу вопросов, в частности, о моей недавней поездке в Перу».

Жужа спросила его, почему он остается в Мадьярканиша — древний город, маленький и бесцветный — хотя мог бы жить в Будапеште, Париже Восточной Европы, городе с большим числом ресторанов (включая его любимую японскую кухню), кинотеатрами, книжными магазинами, термальными ваннами,

концертными залами и библиотеками. Она добавила, что там он смог бы общаться с некоторыми великими венгерскими игроками, которых он знал, например, Бенко, Лилиенталь, Портиш и Сабо.

Бобби слушал внимательно. Он понимал, что в Будапеште ему легче было бы продолжить ухаживания за Зитой. Он выразил это желание в шахматных терминах: «Я был в проигранных позициях и раньше… гораздо худших, чем эта, и я выигрывал!» Ласло Полгар пригласил Бобби погостить у них в загородном доме в любое время. Оставался только один вопрос: не остановят ли его на границе и не выдадут ли американским властям?

Предусмотрительные Полгары при пересечении границы задали на пропускном пункте именно этот вопрос. Их уверили, что проблем у Фишера не возникнет, если он захочет въехать в Венгрию. Бобби был скептически настроен и написал своей подруге Миёко Ватаи в Японию: «Думаю, венгерские власти арестуют меня, как только я пересеку границу».

Понимая, что его следующий ход может разрушить ему жизнь, Бобби, чье существование на шахматной доске всегда опиралось на подготовку и расчет, решил, что люди в отчаянных положениях должны принимать отчаянные меры. Две недели спустя Бобби, Эугенио Торре и два телохранителя направились в арендованном автомобиле в сторону границы Венгрии, где их попросили предъявить паспорта и… пропустили. Если полицейские и узнали Бобби и поняли, что его разыскивают, то этого никак не показали.

Въехав в сверкающий Будапешт, Фишер поселился в одном из наиболее элегантных и романтических отелей города, «Геллерт» на берегу Дуная, где сразу пообедал на террасе. Бобби не терпелось искупаться в термальной ванне, он ощущал себя в раю. Даже супервизор посыльных создавал домашнюю обстановку. Человек, отнесший багаж Бобби в комнату, узнал в нем гонимого чемпиона и предложил сыграть партийку.

Глава 13
Пересекая границы

«Тебе не нужны телохранители в Будапеште, — сказал Бенко Бобби. — Здесь телохранители есть только у русских мафиози». Бенко беспокоило, что два сербских телохранителя — грудь колесом — с шеями как у реслеров и с автоматическим оружием будут привлекать больше внимания к Бобби, чем если бы он гулял по городу один. Но Бобби еще не был готов от них отказаться. Не только потому, что они его защищали, но и ввиду того, что они исполняли его поручения, работали шоферами и иногда составляли компанию за обедом. Да и вообще, он мог обратиться к ним за помощью в любое время дня и ночи. Главным образом, разумеется, их работа заключалась в обеспечении *безопасности* Бобби. Он полагал, что нуждается в защите от правительства США, которое могло его убить, не озабочиваясь экстрадицией и возвратом домой для дорогого и непопулярного суда. Его беспокоил и Израиль. Поскольку его высказывания не могли понравиться евреям, он боялся, что «Моссад» или горячий сердцем про-израильский патриот может попытаться его убить. И он всегда верил, что советские желают ему смерти из-за международного унижения в результате матча 1972 года и его обвинений русских в мошенничестве. Чтобы защитить себя, Бобби купил тяжелое пальто из лошадиной кожи, весившее более тридцати фунтов; он надеялся, что оно окажется достаточно толстым, чтобы защитить его от удара ножа. Не исключено, что он носил пуленепробиваемый жилет.

Все эти страхи, сдобренные паранойей, в глазах Бобби служили достаточным оправданием мер, принимаемых для охраны его жизни. Хотя многие считали эти страхи воображаемыми, он отвечал на возможность физической расправы точно так, как на угрозы за шахматной доской. Он хотел быть эвентуально готовым ко всему — атаке с *любого* направления. Его постоянный страх быть арестованным, убитым или оскорбленным утомлял его, и, быть может, по этой причине он спал по десять-двенадцать часов каждую ночь. Он всегда боялся того, что скрывали тени, и этот не отпускающий ни на минуту страх в сочетании с вечным задором атаковать ветряные мельницы, его истощал.

Как только он пообвык в отеле «Геллерт», Полгары пригласили его провести часть лета в их загородном доме в городке Надьмарош, расположенном в 35 милях севернее

Будапешта в зеленом районе излучины Дуная в Славянских холмах Венгрии. Когда он и его два телохранителя ехали вдоль берега Дуная, Бобби отметил, что воды реки не того цвета, которого он ожидал. В отличие от вальса Штрауса «Голубой Дунай», эти глубокие воды имели грязно-коричневый цвет.

В Надьмароше Бобби и его двух охранников поселили в маленьком коттедже, но он всегда ел и проводил основную часть своего времени в большом семейном доме. Все сестры играли с ним, но, уступая его желанию, не в шахматы, а в *Фишер-рэндом*. Изобретенная Фишером игра представляет собой вариацию стандартных шахмат. В исходной позиции все пешки на своих привычных позициях. Фигуры — на последнем ряду, но размещаются случайным образом, на «неправильных» клетках. Таким образом, игроки, проведшие годы за изучением дебютов, не имеют большого преимущества: память и книжные знания (за исключением тех, что касаются окончаний) более не важны. На первый план выходят воображение и изобретательность. Так получилось, что 18-летняя София, средняя из сестер, выиграла у Бобби три партии подряд. Жужа сыграла с ним «бессчетное количество» партий, но относительно своего результата всегда говорила коротко, что она «действовала неплохо». Она также отметила, что аналитические способности Фишера вызывали благоговейный страх.

Ласло Полгар слыл человеком, не особенно выбирающим выражения. Когда Бобби заявил, что ужасы «Освенцима» выдумка, отказываясь признать, что в нем нацисты убили более миллиона человек, Ласло рассказал ему о родственниках, которых уничтожили в концентрационных лагерях. «Бобби, — сказал он, хмуря брови, — ты действительно думаешь, что моя семья исчезла в силу магических причин?» Бобби никак не поддержал свое высказывание, но только упомянул о различных книгах, где отрицался Холокост.

Бобби не изменил себе: даже будучи гостем в еврейской семье, он имел дерзость высказывать свои антисемитские взгляды. Жужа вспоминала: «Я поначалу пыталась вернуть его к реальности, излагая факты, но вскоре поняла, что убедить его невозможно, и сменила тему». Юдит высказалась прямо: «Он — величайший шахматист, но “с приветом”: больная психика». Ее отец соглашается: «Он был шизофреником».

Несмотря на бесчувственность и глухое упрямство Бобби, Полгары оставались гостеприимными хозяевами и продолжали развлекать гостя и заботиться о нем. В конечном счете Бобби сменил пластинку — вместо монологов ненависти к евреям перешел на шахматы. Он рассердился, однако, когда Ласло

показал ему книгу, опубликованную в 1910 году хорватским писателем Исидором Гроссом. В книге описывалась вариация шахмат, которые казались предшественницей *Фишер-рэндом* — с теми же самыми правилами. Пробормотав что-то о еврействе Гросса, Бобби начал менять правила своих шахмат, дабы сделать их отличными от версии Гросса.

Юдит Полгар, её мать, Бобби Фишер и София Полгар.

Одним летним днем семья отправилась «на природу» в аквапарк «Вышеград». Они пригласили Бобби к ним присоединиться, равно как и телохранителей. Когда они пересекли на пароме реку и очутились в парке, Бобби оказался в своей стихии: он плавал и нежился в горячих трубах. Он даже взбирался на гигантский водный настил и скатывался с него снова и снова. «Как большой ребенок», — тепло вспоминала Жужа.

Ласло внимательно наблюдал за тем, как Бобби обращался с тремя дочерьми. Бобби более всех выделял Жужу, но она говорила впоследствии, что не замечала его растущей привязанности. Ласло замечал, и ему это не нравилось.

После трех с половиной недель венгерское телевидение прознало, что Бобби находится в Надьмароше и послало туда кинобригаду, чтобы сделать фильм. Операторы спрятались в лесу на расстоянии 50-ти ярдов и снимали Бобби с помощью телескопических линз. Когда их случайно обнаружили, возникла паника. Бобби являлся беженцем, и, понятно, не хотел, чтобы мир

узнал, где он прячется. Он послал телохранителей за операторами, и те вывернули кассеты из камер: никто не хотел связываться с двумя амбалами. Бобби попросил у Полгар молоток, сел на каменном полу гостиной и церемониально, но с нарастающим раздражением разнес кассеты в куски.

Полгары предложили Бобби дружбу и временное спокойствие, но теперь стало понятно, что пресса знает о его месте обитания. Он уехал из Надьмароша тотчас, вернулся в Будапешт, упаковал вещи и стремительно покинул «Геллерт». В сопровождении двух охранников, которые теперь выступали в качестве носильщиков, он зарегистрировался в отеле «Реге», расположенном у основания горы Буда через улицу от квартиры Бенко и в 15-ти минутах езды на автобусе от центра города. Затем, следуя совету друга, он расстался с телохранителями, поскольку они слишком заметны и их присутствие рядом с ним потенциально опасно.

Будапешт, по которому бродил Бобби в 1993 году, быстро менялся. Не находясь более под советской пятой, город и вся Венгрия избавились от «Железного занавеса» и страна открыла границу с Австрией. Многие предприятия были приватизированы, и только маленький процент остался привязан к России. Казалось, что люди на улицах обмениваются флюидами и волнами свободы. Всё это можно было ощутить, просто гуляя по улице Ваци, главной улице города с магазинами, торгующими всем на свете. Люди улыбались друг другу и долго по вечерам не расходились по домам.

Когда Бобби решил, или, по крайней мере, поверил, что его больше не преследуют и за ним не шпионят, то начал свободно гулять по городу, на трамваях и автобусах добираясь до тех мест, куда ему хотелось попасть. Хотя его, безусловно, узнавали, но почти никогда не подходили. Бобби чувствовал, что здесь он чужак и не является настоящим жителем Будапешта. Даже прожив в городе несколько лет, он называл себя «туристом».

Он продолжал навещать Полгаров в Будапеште, а в те дни, что не играл с ними в шахматы или пинг-понг, отправлялся в дом 82-летнего Андрэ Лилиенталя и его жены Ольги, на 30 лет моложе мужа. Лилиентали были гостеприимными хозяевами, они обожали Фишера, а он уважал Лилиенталя, человека, однажды обыгравшего чемпиона мира Михаила Ботвинника. Старому гроссмейстеру было что рассказать, и слушать его было, словно читать книгу шахматной истории.

Хотя Ольга была почти ровесницей Бобби, она обращалась с ним по-матерински — например, готовила еду, которую, как она

знала, ему нравилась. Он разговаривал с Ольгой по-русски, и позднее она утверждала, что Бобби знал язык «очень прилично». Все годы, что он жил в Будапеште, Бобби почти каждый день изучал русский язык, и Ольга исправляла ему грамматику и ставила произношение. В своей библиотеке он собрал целую коллекцию русско-английских словарей, а также книг по грамматике русского языка. Лилиенталь и Бобби между собой говорили по-немецки.

Однажды, когда Бобби начат развивать свои взгляды на евреев, Лилиенталь его остановил: «Бобби, — спросил он, — ты разве не знаешь, что я еврей?» Бобби с улыбкой ответил: «Ты хороший человек, приятная личность, поэтому ты не еврей». Хотя риторика Бобби была очевидно анти-семитской, он скорее использовал слово «еврей» в качестве универсального уничижительного определения. Любой «плохой» по мнению Бобби, — еврей или нееврей — *был* евреем. А любой «хороший», как Лилиенталь, еврей или нет, был *не* евреем. «У меня есть право на обобщение», — написал Бобби о своей склонности к стереотипизации.

Почти каждый вечер после обеда, когда он гостил в доме у Лилиенталей, Бобби смотрел самые разные телепередачи из России — концерты, новости, фильмы — которые он предпочитал венгерским и доступным американским. Такие просмотры помимо прочего помогали ему совершенствоваться в русском языке. Затем Бобби с Лилиенталем переключались на шахматы и погружались в анализ партий до глубокой ночи. Они никогда не играли между собой.

Поскольку Лилиенталь поддерживал мнения Бобби, последний отвечал подарками: спутниковая антенна, пылесос, кожаные изделия, которые он покупал при поездках в Вену, и особые подарки на дни рождения и по случаю праздников. Его отношения с Лилиенталями в чем-то походили на отношения с Джеком и Этель Коллинзами: все трое они создавали семейную атмосферу взаимной поддержки на фоне шахмат, которая могла сохраняться долгие годы.

Но после четырех лет дружеского общения с Лилиенталями два события привели к разрыву. Андрэ тайно сфотографировал Бобби за обедом в канун Нового года и отослал снимок в «Шахматный бюллетень», русский шахматный журнал, который его опубликовал и заплатил Лилиенталю 200 долларов в качестве гонорара. Бобби пришел в ярость, увидев номер журнала, которая возросла многократно, когда он узнал, что Лилиенталю за фото заплатили.

Бобби постоянно говорил про роялти, которые ему

причитались за русское издание его книги «Мои 60 памятных партий», и Лилиенталь послал письмо президенту ФИДЕ Кирсану Илюмжинову, подписав его именем Бобби (не предупредив того об этом) с просьбой о встрече. На одной из пресс-конференций в Югославии Бобби заявил — чтобы просто открыть дискуссию о том, как много ему должны и не платят, — что русские издатели должны ему 100.000 долларов, а в действительности невыплаченные долги исчисляются «миллионами». Илюмжинов в то время был президентом Республики Калмыкия, расположенной на северных берегах Каспийского моря. Будучи очень богатым человеком и страстным любителем шахмат, он решил заплатить Бобби часть причитающихся ему роялти. Он передал сообщение Лилиенталю, что готов заплатить 100.000 американских долларов наличными самому Бобби при встрече.

Встречу устроили — на обеде у Лилиенталей. Прошло восемнадцать лет с тех пор, как Бобби разорвал все отношения с ФИДЕ, отказавшись играть матч с Карповым, поэтому дружелюбия он не излучал, хотя Илюмжинов не имел отношения к этой организации на момент фиаско с упомянутым матчем. Илюмжинов, прекрасно владеющий английским языком, приветствовал Бобби и передал ему чемодан с деньгами. Бобби сел и решительно пересчитал каждый доллар. Обед прошел оживленно и в дружеской обстановке: Бобби показал Илюмжинову, как играть в *Фишер-рэндом*, и засыпал его вопросами относительно политики, проводимой русским правительством. Илюмжинов вспоминал: «Меня поразило, насколько хорошо Бобби знал всё происходившее в нашей стране. Он называл фамилии политиков и членов правительства, спрашивал, кто, по моему мнению, победит на выборах».

Вечером последовали предложения относительно условий возможного примирения Бобби с ФИДЕ, и Илюмжинов предложил Бобби перебраться на жительство в Калмыкию, где ему выделят землю для постройки дома по его спецификациям. Президент федерации обещал Бобби более акра земли в Элисте, столице Калмыкии. Бобби поблагодарил президента, спросил о системе медицинского обслуживания в Калмыкии, но предложения переехать не принял. Илюмжинов также обещал найти миллионы на новый матч Фишера со Спасским, но Бобби ограничился заявлением, что его сейчас интересует *Фишер-рэндом* и ничего более. Каким-то образом во время беседы Бобби выяснил, что на письме, присланном Илюмжинову, стояла его поддельная подпись. Было уже поздно, и Илюмжинов намекнул, что ему пора уходить, но прежде он попросил Бобби о совместной фотографии. «Нет, — невежливо ответил Бобби, пребывая в молчаливой ярости

относительно двух предательств Лилиенталя (фотография и подделка его подписи), — 100.000 долларов, переданные мне вами, не включают совместную фотографию». Отвергнутый поклонник, Илюмжинов раздраженно покинул дом, а Бобби, обиженный друг, вышел вслед за ним — с деньгами. Бобби всегда считал, что легче простить врага, чем друга. Он никогда больше не встречался с Лилиенталем.

Когда Бобби, наконец, приступил к написанию книги о том, как его обманывали различные издатели, то посвятил ее «Старому еврейскому мошеннику Андрэ Лилиенталю, чья подделка моего имени на его письме в ФИДЕ стала той соломинкой, что переломила хребет верблюду [написание анти-еврейского трактата]».

В конечном счете Фишер потерял, как друзей, не только Лилиенталей, но и семью Полгар. Софию Полгар пригласили дать сеанс одновременной игры в американское посольство в Будапеште, и Бобби вышел из себя, — как она вообще могла рассматривать такое предложение, полагая, что его враги — то есть правительство США и, стало быть, американское посольство — должны быть врагами и для Полгар. Бобби поссорился не только с Софией, но и со всем семейством из-за этого сеанса. Шокированный Бобби спросил Софию: «Как ты можешь даже разговаривать с этими людьми?» Но она отправилась в посольство и показала в сеансе хороший результат. Полгары прекратили после этого все контакты с Бобби, а он — с ними.

Пытаясь устроить свою жизнь в Будапеште, одновременно отчуждая от себя всех и каждого, Бобби также не оставлял надежды завоевать Зиту. Эта кампания не могла кончиться хорошо по определению. За почти восемь лет, прожитых в Венгрии, он сумел лишь несколько раз уговорить ее с ним встретиться — в одном случае это была вечеринка, устроенная в Болгарии, по случаю его пятидесятилетия. В тот раз он опять предложил ей выйти за него замуж, хотя она чувствовала себя вполне комфортно рядом с бойфрендом и имея на руках ребенка. «Это не обсуждается», — отрезала она. «А что насчет твоей сестры Лиллы?», — спросил он. Когда Зита передала матери слова Бобби, добавив, что он ищет жену, как коннозаводчик, та пришла в ужас.

Теория Зиты заключалась в том, что Бобби овладела идея-фикс о воспроизведении себя, подобно тому, как Генри VIII мечтал о сыне. Она чувствовала, что Бобби не отпускала навязчивая мысль — *Я должен жениться, у меня должен родиться ребенок, я не могу не иметь потомства, иначе мой гений исчезнет безвозвратно*. Фишер начал собирать фотографии других

венгерских девушек, с которыми хотел бы встретиться, и даже рекрутировал своего друга и помощника Яноша Риго — международного мастера и шахматного организатора — в качестве свата. Девушки должны были обладать определенным набором качеств, иначе он не собирался с ними встречаться. Качества предполагались следующие: 1) блондинки с голубыми глазами, 2) молодые, 3) красивые, 4) хорошо умеющие играть в шахматы. Когда Риго показывал ему очередную порцию фотографий, Бобби почти всегда отвергал кандидаток по причине неполного соответствия его требованиям. Он даже поместил следующее рекламное объявление в нескольких венгерских газетах (собственное описание достаточно много говорит о нем самом, также как и то, что он не стал выдвигать все четыре требования, дабы не заузить чересчур список кандидаток):

> Одинокий, высокий, богатый, привлекательный американец средних лет с покладистым характером хочет познакомиться с красивой, юной венгерской девушкой для серьезных отношений. Одну или более фотографий, пожалуйста.

Он дал Риго адрес для ответов, и несколько их было получено, но ни один не подошел под его перфекционистские стандарты; Бобби отбросил их все.

Бобби продолжал читать анти-семитскую литературу, так же как и нео-нацистские трактаты, яростно убеждая практически всех, кто попадался ему на пути, в том, что понятия «зло» и «еврей» неразделимы. Однажды, поздним вечером возвращаясь домой с одного мероприятия, с Риго в качестве водителя, он отказался посадить в машину еврейского шахматиста, пока тот не согласится заявить, что Холокоста не было.

Вот некоторые из многих книг ненависти, прочитанных Бобби в Будапеште: «Миф о шести миллионах» Дэвида Хоггана, «О евреях и их лжи» Мартина Лютера, написанная в 1543 году, и «Еврейские ритуальные убийства» Арнольда С. Лииза. Он также прочитал отчет нацистского генерала Эрнста Кальтенбруннера, лидера СС, которого признали виновным на нюрнбергском процессе и казнили. Ожидая суда в тюрьме, Кальтенбруннер написал письмо своей семье, и Бобби оно поразило. Приведем некоторые выдержки из него:

> Моя судьба в руках Бога. Я рад, что никогда не отделял себя от него. Не могу поверить, что меня сделают ответственным за ошибки наших лидеров, поскольку в короткий период моей активной работы я

прилагал все усилия для выработки разумных подходов, как внутри страны, так и вне ее… Они должны с большим вниманием отнестись к моим словам… У нас нет собственности, достойной упоминания. Возможно, единственное, что может вам помочь — небольшая коллекция марок… Разве не было моим долгом открыть дверь социализму и свободе, как мы их себе представляли и желали достигнуть?.. Я не оставляю надежд, что правда станет известна и приговор будет справедливым.

Когда Бобби узнал, что сын Кальтенбруннера еще жив и проживает в Вене, он посетил его, чтобы обсудить вопрос — правда или вымысел концентрационные лагеря. Если *правда*, тогда он хотел знать, не раздута ли вся история Холокоста сверх всякой меры, и что утверждения о миллионах загубленных жизней всего лишь миф. Бобби был разочарован встречей с сыном казненного лидера СС. Молодой Кальтенбруннер был записным либералом и дискуссии об отце его не интересовали, а также лагеря, или еще что-то, связанное с нацизмом или антисемитизмом. Но он *был* шахматным любителем! Для Кальтенбруннера факт, что его дом освятил своим присутствием великий Бобби Фишер — не важно, по какой причине — был равен визиту президента страны. Когда Бобби ушел, Кальтенбруннер прикрепил к креслу, в котором сидел Фишер, табличку с гравировкой: В ЭТОМ КРЕСЛЕ СИДЕЛ ЧЕМПИОН МИРА ПО ШАХМАТАМ, РОБЕРТ ДЖ. ФИШЕР.

Летом 1993 года вышел художественный фильм «В поисках Бобби Фишера» и заслужил прекрасные отзывы. Изначально имевший название «Невинные ходы», фильм получил другое перед самым выходом на экран, — продюсеры решили воспроизвести название книги, которая легла в основу киносценария. Использование имени Бобби, по их мнению, должно было помочь раскрутке. «В поисках Бобби Фишера» — подлинная история мальчика Джоша Вайцкина, проявившего удивительный талант в шахматах. В нем рассказывается о том, как он достиг успеха за доской, несмотря, поначалу, на родительские сомнения, но затем с ободрением с их стороны и его замечательного шахматного учителя Брюса Рандольфини (его роль исполнил Бен Кингсли). Это один из самых уважительных и прочувствованных фильмов из когда-либо сделанных о шахматах. Бобби никто не играет, но он появляется в документальных кадрах. Создателей фильма вдохновили его достижения в Рейкьявике, в нем изучается так называемый феномен Фишер-

бума, приведший к росту популярности шахмат в мире после 1972 года. Фильм собрал в прокате более 7 млн долларов и был номинирован на премию «Оскар». Бобби негодовал и всегда раздражался, если в его присутствии упоминали этот фильм, утверждая, что в нем незаконно используется его имя, а значит, произошло вторжение в личную жизнь. Когда посчитали окончательные сборы, продюсеры были разочарованы, полагая двусмысленное название фильма причиной относительно низкой посещаемости, и — крепкие задним умом — сожалели, что использовали имя Бобби.

Создатели фильма не спросили Бобби, согласен ли он на использование его фамилии, и он не получил за это никакой компенсации. Бобби утверждал, что фильм сделал «сотни миллионов долларов», что, конечно, сильное преувеличение. «Монументальное мошенничество», — писал он. Юрист пояснил ему, что поскольку он — фигура публичная, продюсеры «Парамаунт пикчерс» имели право использовать его имя. Но хотя по Фишеру «Парамаунт» поступила неэтично и нечестно, никаких исков от него не последовало. После всего этого он постоянно жаловался и писал только отрицательно о фильме, хотя никогда его не смотрел, а ему все рассказывали, что в фильме дается превосходная картина вхождения ребенка в мир шахмат.

Бобби постепенно перестал бояться поездок и посетил много стран: Германию, где часто бывал в компании с Бенко, который играл в этой стране за какую-то команду… Австрию с Риго, чтобы закупиться в магазинах… Швейцарию для встреч со своими банкирами… Аргентину для продвижения *Фишер-рэндом*… Филиппины, Китай, Японию по социальным и деловым причинам. Совершил загадочную поездку в Италию, якобы для встречи с членом мафии, поскольку восхищался семейной схемой построения мафии и поведенческими правилами, и ему хотелось узнать об этом больше. Действительно ли в этом состояла причина его посещения Италии, уже не узнать.

В начале 1997 года срок действия паспорта Фишера истек. Хотя его можно было возобновить в посольстве США в Будапеште, Бобби испытывал беспокойство: что, если паспорт конфискуют, а он окажется в Венгрии взаперти, без возможности путешествовать и даже, не исключено, будет лишен доступа к своему банковскому счету? Или, что еще хуже, его арестуют? Он рассматривал все возможности, словно анализируя шахматную задачу, и пришел к выводу, что не хочет быть запертым в Венгрии. Бобби попросил Риго отвезти его в Берн. По прибытии он вошел в американское посольство, стараясь сохранять спокойствие, хотя с внутренним трепетом. Причина, по которой он решил обратиться за

обновлением паспорта в Швейцарии, а не в Венгрии, состояла в том, что если его блокируют и принудят остаться, он всё еще будет иметь доступ к деньгам, лежавшим на депозите в «Юнион-Банке» Швейцарии. Риго ожидал его в машине, припаркованной рядом с посольством, вооруженный списком телефонных номеров для экстренных звонков на случай, если Бобби задержат или арестуют. У него также был набор ключей от депозитарных ячеек и других запертых ящиков. Через сорок минут Бобби вышел из посольства с широкой улыбкой на лице: ему выдали новый паспорт гражданина США со сроком годности до 2007 года. Он мог спокойно возвращаться в Будапешт.

Конечно, была одна страна, куда Бобби отправиться не мог, если не хотел подвергнуться аресту: США. В связи с этим в 1997 году возникла эмоциональная дилемма. Регина умерла, и Бобби хотел присутствовать на ее похоронах. Некоторые шахматисты в Вашингтоне высказывали предположения, что он, изменив внешность, тайно посетил США, сначала прилетев в Ванкувер (Канада), а затем через границу в Сиэттл, и уже оттуда на автомобиле в Калифорнию, где инкогнито присутствовал на церемонии. Согласно этой гипотезе, он не разговаривал с сестрой, племянниками и ни с кем другим. Он просто стоял в стороне, никем неузнанный.

Менее чем через год сестра Бобби Джоан в возрасте 60 лет внезапно скончалась от сердечного удара, и Бобби снова испытывал мучения от невозможности проявить уважение усопшему члену семьи. Это вынужденное отделение от семьи только усилило его ненависть к США, которую он испытывал, начиная с 1976 года, когда проиграл дело в суде и отказался после этого платить налоги. Неясно, почему в те годы, когда Бобби уклонялся от встреч с властями США, сестра и члены ее семьи не посещали его в Европе; мать, впрочем, однажды навестила сына в Будапеште.

После раскола с Полгарами и Лилиенталями в будапештской жизни Бобби стало меньше общения, но, поскольку к изоляции ему было не привыкать, внешне отсутствие тепла от этих двух семей на нем никак не проявлялось. И всё же разрыв двух помогавших ему связей не мог пройти безболезненно.

Каждый день он вставал поздно и завтракал в отеле — обычно, в своей комнате, но иногда и в гостиной — плавал во внутреннем бассейне или отправлялся в одну из многих городских термальных ванн, затем наносил визит в библиотеку или книжный магазин. Иногда он менял этот порядок и отправлялся на долгие прогулки, погружаясь в воспоминания

вблизи пещер горы Буда, или пил кофе на террасе «Хилтона» на Касл-хилл. Риго обычно подбирал его на машине у отеля около семи вечера, чтобы отправиться на ужин. Бобби намеренно варьировал кухню — японскую, китайскую, индийскую, венгерскую, даже кошерную, меняя рестораны каждый вечер. Иногда компанию ему составляли Пал Бенко, Лайош Портиш или Петер Леко — молодой венгерский гроссмейстер — или кто-то еще. Бобби просто сидел, прислонившись спиной к стене, обычно в углу и вдали от окон — тактические уловки, чтобы не быть узнанным посетителями ресторана или прохожими. Он всегда платил по счету за каждого, сидевшего с ним за столом.

Он носил с собой бутылку с водой и только иногда позволял себе алкоголь. Однажды он выпил чуть больше нужного палинки — сливовый бренди, который изготовляется в Венгрии и Трансильвании, и считается полезным для пищеварения после еды — и опьянел. Он настолько не был привычен к большим дозам алкоголя, что похмелье длилось три дня.

Многие интересовались, в каком объеме овладел Бобби венгерским языком за восемь лет жизни в Будапеште. Жужа Полгар полагала, что он почти не говорил по-венгерски; Зита утверждала, что он знал всего семь слов, *gymulcsriz*, его любимый десерт, было одно из них; и Риго считал, что он знал около двух сотен слов, достаточно, чтобы сделать заказ, узнать дорогу и донести свои желания продавцам в магазине и т. п. Дело в том, что большинство взрослых венгров знали русский язык, многие владели и немецким, а юное поколение говорило на английском, и это помогало Бобби при общении.

Раз или два в неделю Бобби ходил в кинотеатры, где смотрел популярные американские фильмы. Он говорил, что увидел себя в герое Джима Кэрри в фильме «Шоу Трумэна», что иногда чувствовал себя так, словно жил в кафкианском мире, где он — Бобби — подобно Трумэну, единственный *настоящий*, а остальные — актеры.

Возвращаясь в свой номер около одиннадцати вечера Бобби читал, слушал музыку и новости Би-би-си. Он решил написать анти-американскую книгу, в которой хотел представить аргументы против страны, связав их как-то со своим недоверием и враждебностью по отношению к евреям (и к своим личным врагам, которых он называл «Евреями» вне зависимости от их национальности). Стягивала это всё в один узел ненависть, которую он всё еще ощущал в связи с потерей личных вещей, годы хранившихся где-то на складе в Калифорнии, и проданных с аукциона, когда не была заплачена арендная плата. В качестве подготовки к написанию книги Бобби проводил часть ночи за

записью на магнитофонные кассеты своих анти-семитских и анти-американских проповедей.

И когда уже приближался рассвет, он переигрывал партии из последних турниров, с безошибочностью хирурга препарируя каждый ход с помощью внутреннего микроскопа, находя неточности, ошибочные концепции и ложные заключения — особенно внимательно относясь к тем из них, которые допускались, как он верил, ворами и мошенниками от шахматного мира. Каждая партия становилась детективом. И никогда целью анализа не являлся поиск убийцы, но всегда — разоблачение «читинга».

Он стал заметно прихрамывать, и некоторые из коллег убеждали его обратиться к врачу, — ужасный опыт, на который Бобби мог согласиться, только если боль стала бы слишком сильной. Когда страдания стали непереносимыми, он сдался, подвергся обследованию и получил ответ, что у него охрит — воспаление яичка. При ходьбе он инстинктивно «оберегал» железу и потому хромал. Обычно десятидневный курс антибиотиков смягчал боль, или же с помощью несложной операции «на месте» можно было снять давление на больной орган. Бобби не согласился ни на одно, ни на другое. Вместо этого стал рассказывать всем, что его хромота вызвана застарелой травмой ноги (он сломал ногу много лет назад), и продолжал страдать от охрита, пока опухоль не уменьшилась сама собой. Он прихрамывал до конца жизни.

«Как писал Адольф Гитлер в книге “Моя борьба”, евреи — не жертвы, они мучители!», — почти кричал Бобби во время прямого эфира на радио «Калипсо» в Будапеште 13 января 1999 года. Сколько из 1.5 млн жителей Будапешта и десяти млн жителей всей Венгрии слушали Бобби, когда он излагал свои пропитанные ненавистью воззрения, неизвестно, но интервьюера Томаса Моната настолько потрясли его слова, что он не понимал, как реагировать на всё это. Выключить микрофон? Заставить его замолчать? Эхо разглагольствований Бобби слышалось и годы спустя во всем мире, так как шоу транслировалось вживую.

Инициатива, по словам Пала Бенко, исходила от Бобби, который сам обратился на радиостанцию с предложением дать интервью. Первое после победного матча 1992 года против Спасского. Поначалу всё шло нормально, и на вопрос, почему он выбрал для проживания Венгрию, последовал вежливый ответ («Мне нравятся минеральные ванны, люди; чудесный город»), но вскоре он начал обнаруживать нетерпение, говоря, что хочет обсуждать гораздо более важные темы. Если мир, во всяком

случае, жители Венгрии, предпочли не замечать его антисемитские высказывания во время пресс-конференции 1992 года, то сейчас не услышать его почти истеричные высказывания на радио «Калипсо» семь лет спустя было невозможно.

Логическим обоснованием — по Фишеру — излагаемого им вздора служило то, что все его личные и памятные ему вещи — представляющие понятный интерес для него и некоторый для отдельных коллекционеров — хранившиеся на складах «Бекинс» в Пасадене, Калифорния, были выставлены на аукцион в силу того, что его агент Роберт Эллсворт не оплатил счет в 480 долларов. «Эти вещи стоили десятки миллионов долларов, даже сотни, и все украдены!» — причитал Бобби. Затем, следуя непостижимому логическому изгибу, он приравнивал потерю собственности к заговору, замышленному евреями, и его аргументы были пропитаны таким ядом и вульгарностью, что радиостанция хотела прервать передачу. Монат воззвал к нему: «Вы мне позволите задать вам более дружеские вопросы на шахматную тему?» Набычившись и повысив голос, Бобби ответил: «Нет, не позволю!» Он продолжал свои разглагольствования, рассказывая о том, как «его преследуют евреи», и заявляя, что «Холокоста не было», используя при этом слово из четырех букв для характеристики «еврея Эллсворта». Он словно чувствовал, что для него может оказаться первой и последней эта возможность живого эфира, где бы он мог назвать вещи своими именами и рассказать слушателям передачи и всему миру о несправедливостях, совершавшихся в отношении него. Его ненависть изливалась в эфир, пока Монат больше уже не мог терпеть: «М-р Фишер, вы повредились в уме», — произнес он и отключил микрофон.

Факт потери Фишером личного имущества несомненен: он оплачивал счета за хранение своих вещей около десяти лет, его контейнер содержал большой сейф с такими предметами, как поздравительное письмо от президента Никсона в связи с исландской победой, медаль чемпиона мира, врученная ему ФИДЕ, письма, бланки, рисунки, трофеи, статуэтки, записные книжки, фотографии, книги и сотни других «единиц хранения». Большой потерей для шахматного мира стала утрата оригинальных бланков партий, игранных Бобби в серии сеансов одновременной игры в странах Южной Америки, о которых он намеревался написать книгу, так как сыграл в них немало интересных партий. Если их продавать «поштучно» — а партий были тысячи, если верить Бобби — или как один большой «кэш» коллекционеру, то цена одних только бланков равнялась примерно 100.000 долларов.

Бобби перечислял Эллсворту, своему агенту, около 5 тысяч

долларов в год на оплату хранения и минимальных налогов на собственность (пять лотов), которой он владел в Клируотер и Тарпон-Спрингс, Флорида, а изначально принадлежала его деду (Бобби выкупил ее у матери в 1992 году). Все эти расходы в сумме составляли около 4000 долларов в год, и 1000 долларов уходила на менеджмент Эллсворта. Помещение для хранения было зарегистрировано на имя «Клаудиа Мокароу и Роберт Д. Джеймс», и поскольку Эллсворт аккуратно платил по счетам каждый год, компания могла не знать, что вещи в контейнере принадлежали Бобби Фишеру. Каким-то образом Эллсворт допустил промашку — по невнимательности или по ошибке клерка — и не заплатил 480 долларов, а согласно контракту компания имела право освободиться от содержимого помещения. Когда Эллсворт узнал о своей ошибке, то ощутил вину в полной мере, и можно представить, каким ударом распродажа вещей оказалась для Бобби: «Вся моя жизнь!», — кричал он в бешенстве.

Эллсворт осознал ошибку достаточно быстро, чтобы успеть на аукцион и купить предметов на 8000 долларов, не претендуя на комиксы и другие памятные вещи, которые, по его мнению — ошибочному, как выяснилось — не представляли интереса для Фишера. Гарри Снайдер, бывший тренер Бобби по физической подготовке, сопровождал Эллсворта на аукцион, а сын Снайдера отправился в Будапешт вместе с двенадцатью ящиками вещей Бобби. Когда тот их получил, то произнес: «А где остальное?» Он заявил, что на хранении должны были находиться более сотни ящиков и утверждал, что ему вернули лишь один процент «пожитков».

Он просто не мог с этим смириться. Прежде чем всё улеглось, он дал тридцать пять радиоинтервью — все они вышли в эфир — большинство на маленькой филиппинской общественной радиостанции и некоторые продолжались по два часа — в которых он распространялся о том, что стал жертвой заговора, в который были вовлечены еврейская клика, правительство США, русские, Роберт Эллсворт и компания «Бекинс Сторидж».

Складывалось впечатление, что Бобби всё чаще погружался в состояние паранойи, в основе которой лежала вера, что различные группы людей и организаций плели вокруг него заговоры с целью его уничтожения. Состояние Бобби напоминало одну из форм синдрома Туретта, при которой мозг приходил в возбуждение, и он начинал безудержно честить евреев в самых непотребных выражениях: слова просто извергались из него сплошным потоком, и он не мог — и не хотел — себя контролировать. Он не находился в бреду и не страдал галлюцинациями — во всяком случае, об этом нет свидетельств

— поэтому его нельзя было назвать психотическим типом. (Один психиатр, д-р Магнус Скулассон, который хорошо знал Бобби в конце его жизни, настаивал на том, что термин «психотический» неприменим к Бобби). И правда, вне стрессовых ситуаций (таких, как потеря личных вещей в фирме «Бекинс») он был вполне адекватен и мог быть приятным в общении, дружелюбным и даже, временами, рациональным (если не затрагивать опасных тем). Д-р Энтони Сэйди, один из старейших и ближайших друзей Бобби, написал письмо в «Чесс Лайф» относительно выступлений Бобби на радио, в котором утверждал: «Его паранойя усиливается с годами, и он еще более изолирован, чем когда-либо, находясь в чужой культуре». Сэйди добавил, что СМИ слишком «педалировали» тему, публикуя самые одиозные высказывания Бобби, и что прессе лучше оставить его в покое.

Когда Бобби прочитал комментарии Сэйди, то пришел в ярость. Он зло выбранил его за то, что тот живет в США, стране, истинно чуждой — по его определению — культуры, и назвал Сэйди евреем (это не так).

Запах камфорных деревьев в Камата, пригородном районе Токио, интриговал Бобби. Многие японцы собирали или обрывали ароматические листья, кипятили их и дышали паром, утверждая, что это помогает при простуде; другие считали, что камфорный пар вреден. Вне зависимости от того, какая из двух сторон права, деревья привлекали общее внимание, включая и Бобби. Если собрать несколько листьев и растереть их между пальцев, то можно почувствовать их резкий запах. Бобби всё больше полагался на гомеопатические средства, как альтернативу для выписываемых ему лекарств от болей, и повсюду искал натуральные снадобья; поиск лекарственных трав, вероятно, и вверг его в пучину проблем.

Он прибыл в Токио 28 января 2000 года, сообщив друзьям, что уедет из Будапешта «на несколько месяцев», и оставив свои вещи на квартире у Бенко. Он никогда не вернулся. В Японии его ждало приглашение погостить у Миёко Ватаи, президента японской шахматной ассоциации, женщины, которую он знал с 1973 года, когда впервые посетил страну в поисках места для проведения так и не состоявшегося матча с Карповым. Многие годы они переписывались, она была у него как в Лос-Анджелесе, так и в Будапеште. Миёко — одна из сильнейших шахматисток Японии — признавала, что как шахматист Фишер для нее — идол, и еще до встречи с ним она прочитала о нем всё, что смогла найти, и переиграла все его партии. Она любила его.

Перед друзьями, впрочем, Бобби отрицал, что состоит в

романтических отношениях с Миёко, которая была на два года моложе его.

Бобби всё еще искал женщину, готовую выносить ему ребенка, и надеялся, что может повстречаться с разными филиппинками, из которых ему удастся выбрать подходящую кандидатку. По этой причине Бобби начал постоянно курсировать между Токио и Филиппинами, оставаясь в Японии чуть меньше трех месяцев (в иммиграционных целях) и точно так же поступая на Филиппинах, проживая — до некоторой степени — жизнь, сходную с жизнью одного из героев фильма «Капитан Парадиз», где главный герой имел жен в двух разных портах и наносил по очереди визиты каждой из них. Бобби, правда, не был женат, но находился в интимных отношениях с Миёко в Токио и другими женщинами на Филиппинах, и такого рода попеременные ухаживания продолжались несколько лет.

Бобби и Миёко — обоим далеко за пятьдесят — жили спокойной жизнью в тихом пригороде Токио, называемом Икэгаме: они путешествовали к различным *onsen* — горячим источникам — ходили в кино, совершали длительные прогулки, дышали воздухом в парках, где никто не узнавал Бобби; словом, вели незаметную романтическую жизнь людей среднего класса. Редкая фальшивая нота прозвучала, когда Бобби и Миёко посетили американский кинофильм «Перл-Харбор». Когда японские истребители «Зеро» начали бомбить корабли Battleship Row[20] и потопили линкор «Аризона», Бобби начал громко аплодировать. Он оказался единственным хлопающим в зале к заметному смущению японцев. Его привело в шок, что никто не поддержал аплодисменты.

Но близился трехмесячный срок, и, перед падением флажка на иммиграционных часах, Бобби уезжал на Филиппины.

Жизнь в Багио, расположенном в 130 милях от Манилы, была более экзотичной, чем в Японии. Половину городского населения составляли студенты (примерно 150.000), поэтому вероятность встретить девушку предпочитаемого им типа (молодую и красивую) была выше. Любопытно отметить, что в месяцы, проведенные им в Японии, он не отступал ни на шаг от Миёко.

На Филиппинах Фишер гостил у поклонника в «Багио кантри клаб» три месяца, играл в теннис каждый день, встречался и обедал с Торре и, иногда, с горделивым Флоренсио Кампоманесом, бывшим президентом ФИДЕ. В конечном итоге Бобби снял дом в том же компаунде, где жил Торре, и, как постоянный обеденный гость, часто наслаждался блюдами, которые готовила жена Торре.

На вечеринке, устроенной Торре в загородном клубе в 2000

году, Бобби встретил привлекательную молодую женщину по имени Жюстин Онг, изменившую свое имя на Мэрилин Янг — филиппинку китайского происхождения, и они начали встречаться. Несколько месяцев спустя она объявила, что беременна. Идея аборта была чудовищна для Бобби, он отказался ее даже обсуждать. При рождении ребенка, названного Джинки, Мэрилин записала в свидетельстве о рождении имя Бобби, как отца. Он обещал поддерживать мать с ребенком, что и сделал, купив им дом на Филиппинах, и посылая время от времени подарки ребенку и деньги Мэрилин. Его друзья говорили, что он не был уверен в своем отцовстве, но, как его самого поддерживал Пауль Неменьи, не будучи уверенным, что является отцом, так и Бобби решил помогать Джинки и даже не возражал считаться формально ее отцом. Этот уговор действовал в течение семи лет — Бобби посылал открытки маленькой девочке, подписывая их «Дэдди», а мать с ребенком затем навещали его. Один из друзей, видевший их вместе, отметил, что Бобби тепло относился к Джинки, но не казался ей близок настолько, как можно было ожидать, если бы он действительно считал себя ее отцом.

В одной из своих радиотрансляций (9 августа 2000 года) из Токио для «Радио Багио» Бобби упомянул, что его арестовали в Японии примерно в это время за хранение наркотиков по «сфабрикованному обвинению», но мало что добавил по этому поводу, — только лишь то, что провел в тюрьме 18 суток, прежде чем его освободили, и насколько абсурдно обвинение, поскольку он не употреблял не то что наркотики, но даже и аспирин. Арест произошел весной или летом 2000 года и не имел никакого резонанса (во всяком случае, автору никаких следов в СМИ найти не удалось); возможно, японские власти, не зная, кто такой Фишер, просто увидели иностранца, часто улетающего и прилетающего в страну с рюкзаком трав — типично для торговца наркотиками — и допросили его. Фишера, не любившего сотрудничать с официальными лицами, просто могли поместить за решетку более за позицию, чем за что-то еще.

Вероятно, наиболее ужасное выступление Бобби состоялось 11 сентября 2001 года. Ему позвонили с «Радио Багио» на Филиппинах (он в то время жил в Токио), чтобы он прокомментировал нападение на США — удар по двум башням Торгового центра и зданию Пентагона. Интервью оказалось кратчайшим по его меркам, только двенадцать минут, но оно привело к международному возмущению, поскольку прошло целиком в прямом эфире. Бобби провел фронтальную атаку на страдающую нацию.

Говоря, что думает, Бобби не отдавал себе отчет — а если отдавал, то ему, вероятно, было всё равно — что оно определяет точку невозврата в его отношениях с правительством США, евреями всего мира и абсолютным большинством американцев, которые чувствовали себя ранеными и испытывали гнев от кровавой бойни 11 сентября, и хула и проклятия Бобби не могли быть ими прощены. Если сказать, что выступление Бобби стало одним из самым ненавидимых американцами за всю историю радио, то это не станет преувеличением.

Далее приводятся выдержки из него:

> **Фишер**: Да, это замечательные новости. Давно пора дать этим гребаным американцам по головам. Настало время покончить с США раз и навсегда.
>
> **Интервьюер**: Вы счастливы от того, что случилось?
>
> **Ф.**: Да, я аплодирую… К черту США. Я хочу увидеть, как их стирают с лица земли.
>
> **Ф.**: США построены на лжи. Они основаны на воровстве. Посмотрите на всё то, что я сделал для США. Никто в одиночку не сделал больше, чем я. И я действительно так считаю. Знаете, когда я выиграл звание чемпиона мира в 1972 году, Америка имел образ футбольной страны, бейсбольной, но никто не думал, что это интеллектуальная страна. Я перевернул общие представления в одиночку, так ведь?
>
> **Ф.**: Надеюсь, у нас дела пойдут по сценарию «Семь дней в мае»[21] и здравомыслящие люди возьмут власть в США…
>
> **И.**: «Здравомыслящие люди»?
>
> **Ф.**: Здравомыслящие люди, военные люди. Да. Они посадят в тюрьму евреев; они уничтожат несколько сотен тысяч из них, по крайней мере…
>
> **Ф.**: Я желаю смерти президенту Бушу! Я желаю смерти США. К черту США! К черту евреев! Евреи — преступники. Они увечат [обрезают] своих детей. Они убийцы, преступники, воры, лживые ублюдки. Они выдумали Холокост. Его ничто не подтверждает… Это замечательный день. К черту США. Плачьте вы, плаксивые дети! Войте, ублюдки! Наступил час расплаты.

Глава 14
Арест и спасение

Бобби Фишер был не-осужденным преступником на свободе, над головой которого висел дамоклов меч приговора на десять лет тюрьмы. После девяти лет отсутствия у правительства явного интереса его преследовать, он перестал ощущать себя беглецом, скрывающимся от правосудия. Он мог посетить почти любую страну, был мультимиллионером, рядом с ним находилась любящая его женщина, и хотя за ним не было страны, современный «Летучий Голландец», незримо бороздящий моря, Бобби чувствовал себя в относительной безопасности. Но когда он узнал, что дорогие ему вещи пошли с молотка, всё пошло наперекосяк; он потерял не только старые письма и бланки, но и часть самого себя.

Он взаправду терял себя, его хватка слабела.

Это заговор, считал он, и правительство США действует заодно с евреями. Он хотел, чтобы мир узнал о его сокрушительных потерях. Именно тогда начались его радиопередачи. Большинство транслировала маленькая радиостанция в Багио, и если бы это происходило десятью годами раньше, он, вероятно, продолжал бы жить ставшей уже привычной жизнью, поскольку на волну этой станции настраивались немногие. Но в 2001 году Интернет уже вошел в жизнь планеты, его злобные тирады разнеслись по всему миру, и сказанное им заставило правительство США вновь обратить на него свое пристальное внимание.

Многие газеты опубликовали редакционные статьи, осуждающие высказывания Бобби относительно 11 сентября; Шахматная Федерация США предприняла шаги по исключению его из своих рядов; шахматисты, и в том числе некоторые из его ближайших друзей, простивших торговлю ненавистью в Югославии, теперь испытывали возмущение. Множество писем поступило в Белый дом и министерство Юстиции с требованием его ареста; многие утверждали, что сделать это нужно было давно. Бюрократический маховик завертелся, медленно набирая ход, и хотя министерство Юстиции решение приняло, требовалось время, чтобы определить, где и когда можно арестовать Фишера.

Бобби хватало ума, чтобы понять — чем чаще он выступал но радио, называя США «дерьмовой криминальной страной», требуя нового Холокоста для евреев и распевая «смерть президенту», тем

выше шансы на арест. Но ничего не происходило, и он стал чувствовать себя неуязвимым, продолжая свободно путешествовать. Поскольку его ни разу не задержали в аэропорту и на таможне, и не задали ни единого вопроса, он перестал себя сдерживать, изливая в эфир накопившуюся злобу.

Но все-таки в отношении правительства США Бобби проявлял известную сдержанность. В его паспорте (который он продлил на десять лет в 1997 году) уже не хватало места на тех страницах, где ставят печати при въезде или выезде из страны. С 1997 по 2000 год, живя в Венгрии, он побывал во многих европейских странах, а с 2000 по 2003 год пятнадцать раз летал из Токио в Манилу и обратно. В какой-то момент на таможне ему сказали, что в паспорте нужны дополнительные страницы. Удобнее всего было отправиться в американское посольство в Токио или Маниле, но он решил осуществить эту операцию в Швейцарии, где хранились его деньги, и он мог получить к ним «физический» доступ (если его не арестуют, конечно). Он также рассматривал возможность остаться в Швейцарии навсегда, поэтому ему нужен был только предлог, чтобы посетить эту прекрасную страну.

Бобби прибыл в Берн в конце октября 2003 года, поселился в скромном отеле и на следующий день отправился в посольство на Сулженекштрассе. Хотя он не знал бернского диалекта, его немецкий был достаточно хорош, чтобы всё понимать, и, раз он направлялся в американское посольство, все его сотрудники должны говорить по-английски. Ему сказали, что паспорт его будет разъят на части, и в него вставят новые страницы. Процедура должна занять примерно десять дней. Бобби дал адрес отеля, номер сотового телефона и попросил позвонить ему, как только паспорт будет готов.

Вернувшись в отель, он моментально расплатился и освободил номер. Через короткое время он на поезде отправился в Цюрих, расположенный в часе езды, и поселился в дорогом отеле под вымышленным именем. Все его поступки в шпионском стиле имели целью скрыть свое местонахождение на случай, если посольство в Берне будет проинформировано Вашингтоном, что на его имя выписан ордер на арест и его паспорт надлежит конфисковать. Правда, в посольстве остался номер его сотового телефона, но он не оставил в бернском отеле сведений о том, куда направляется. Если власти доберутся до него и в Цюрихе, он, вероятно, сумеет скрыться до их прихода. После недели ожидания он позвонил в посольство и узнал, что всё в порядке: паспорт готов, его можно получить.

В Берне Бобби вновь охватили сомнения: а вдруг — ловушка, и при входе в посольство его арестуют? Он рискнул и вошел в

здание с самым беззаботным видом. *Voila!* Женщина-клерк подала ему паспорт, и он заметил ей, как хорошо выглядит документ с аккуратно вшитыми двадцатью четырьмя новыми страницами. Не забывая о том, что его старый паспорт действителен до 2007 года, он улетел «домой» в Токио.

Но прошло шесть недель и Министерство Юстиции прислало ему письмо, отменяющее паспорт по той причине, что на него «выписан чрезвычайный федеральный ордер на арест по уголовной статье». В нем не упоминался матч Спасский-Фишер 1992 года, но давалась ссылка на Кодекс США, согласно которому Фишер обвинялся: Международный чрезвычайный Экономический акт, пункт 50, разделы 1701, 1702 и 1705, подписанный президентом Дж. Бушем.

Но с аннулированием паспорта возникли проблемы. Фишер так никогда и не получил извещения и поэтому не мог опротестовать ордер, на что имел право по закону. Минюст заявил, что письмо было послано в бернский отель (его адрес Бобби дал в посольстве), и оно вернулось к ним без адреса, по которому следует пересылать корреспонденцию. Оно было датировано 11 декабря 2003 года, и когда копия, полученная по факсу, была изучена, на ней не оказалось адреса для Фишера, что вызывало сомнения в том, что посольство посылало письмо в Берн. По закону Бобби имел шестьдесят дней на слушания и еще шестьдесят на апелляцию, если решение будет не в его интересах. Такое слушание только определяет, является ли он объектом ордера на арест, и были ли соответствующие процессуальные действия в стадии их осуществления на момент, когда он обратился за продлением паспорта в 1997 году. Закон говорил, что паспорт «не может выдаваться просителю, являющемуся объектом федерального ордера на арест или вызванному в суд по любому делу, связанному с уголовным преступлением». Одно из двух произошло в Берне в 1997 году: либо Госдеп допустил канцелярскую ошибку, выдавая ему возобновленный паспорт, или Фишер не указал в своем прошении, что является разыскиваемым лицом по уголовному делу. Если он лгал намеренно, то становился виновным и в мошенничестве, и это обвинение могло быть добавлено к обвинению в нарушении санкций и уклонению от уплаты налогов.

Если бы он получил извещение, его прошение — если бы он его подал — вероятно, не было бы удовлетворено, но это могло ему дать время для выезда в другую страну, или он мог скрыться, например, где-нибудь в Швейцарии, в Альпах, чтобы избежать ареста.

Не зная, что арест становится реальностью, и уверовав в то,

что его паспорт вполне законен, 13 июля 2004 года он прибыл в токийский аэропорт «Нарита», чтобы сесть на самолет, улетающий в Манилу.

Его арестовали и заковали в наручники.

Первое, что захотел сделать Бобби, попав за решетку, — получить разрешение на звонок, возможно, юристу, чтобы он помог ему выйти под залог. Но власти не дали такого разрешения. Люди, нарушающие японские законы, хотя бы и по незнанию, могут быть арестованы, помещены в тюрьму и высланы из страны. Их также могут удерживать в заключении по самому незначительному обвинению без права внести залог многие месяцы, и далее на время расследования и осуществления требуемых по закону процедур. Заявление Бобби, что он является гражданином США и имеет право на звонок, просто проигнорировали.

Спустя 24 часа официальный представитель иммиграционной службы аэропорта позвонил Миёко и проинформировал ее о случившемся. Она немедленно связалась с юристом, а сама отправилась в «арестный дом» аэропорта повидаться с Бобби, но когда добралась до места, часы свиданий уже закончились. Она увиделась с ним на следующий день, им дали тридцать минут. «Он чувствовал себя очень неважно, и я не знала, какими словами можно его утешить», — сообщила она журналистам.

Фишера содержали в Центре предварительного заключения аэропорта «Нарита» для нелегальных иммигрантов почти месяц по обвинению в том, что он пытался вылететь по недействительному паспорту, но фоном ему было более серьезное обвинение от 1992 года, когда он нарушил американское эмбарго и участвовал в матче против Спасского в бывшей Югославии. Не исключено, что спусковым крючком для правительства США, пробудившим былые обиды, послужили его выступления по радио. Министерство Юстиции не скрывало своего желания добиться депортации Бобби в США, дабы подвергнуть суду за его прегрешения, возможно, выступив в паре с министерством финансов, которое не собиралось прощать уклонение от уплаты налогов. Миёко полагала, что американские власти могли легко арестовать Бобби и раньше, но решились на это только после того, как он «начал неожиданно нападать на Америку и этим сильно рассердил правительство».

Как пантера, запертая в клетке, Бобби мерил камеру большими шагами из конца в конец, беспрестанно жалуясь на все, — на еду и температуру, на неуважение со стороны захвативших его, и часто, до крика, повышая на тюремщиков

голос. Он не был идеальным заключенным; он принадлежал к тому типу людей, которые не могли оставаться в камере бесконечно, не нанеся вред себе или окружающим. Он пытался вступить в драку с охранниками, и в итоге его перевели в Центр предварительного заключения для иммигрантов в Ушику, расположенный в сорока милях к северо-востоку от Токио. Центр имел все атрибуты современной надежной тюрьмы, и заключенные помещались в камеры на относительно долгие сроки. Фишер утверждал, что в свои 61 год он был самым старым среди заключенных и потому заслуживал больше уважения. Но его почтенный возраст и шахматные регалии мало интересовали охранников. Однажды, когда он заявил им, что на завтрак ему подали яйца вкрутую, а не всмятку, и что ему нужно дополнительное яйцо, дело кончилось стычкой. Его поместили в одиночную камеру на несколько дней и запретили не только свидания, но и выход из камеры. В другой раз он нарочно наступил на очки охранника, который вызывал у него антипатию, и его снова поместили в «одиночку».

Миёко посещала его по несколько раз в неделю — два часа в одну сторону из Токио — и приносила ему газеты и немного денег, чтобы он мог купить себе поесть что-нибудь помимо тюремного (обычно, он покупал *natto*, представляющее собой ферментированные соевые бобы) у надзирателей. Несколько людей сразу попытались помочь Бобби освободиться, прежде всего, Масако Судзуки, блестящая молодая юристка, ставшая его главным советником и самым решительным защитником, и Джон Боснич, 43-летний канадский журналист, босниец по национальности, который находился в Токио. Они создали комитет, названный «Свободу Бобби Фишеру», и в сотрудничестве с другими энтузиастами пытались вызволить Бобби из заключения. Судзуки готовила материалы для опротестования незаконного, по его мнению, ареста. Фишер употреблял слово «киднэппинг».

Неизвестно, сколько платил Фишер за свою защиту, но вероятно, сумма была не столь велика, так как Судзуки получала *pro bono* советы и помощь от тех, кто сочувствовал Бобби. Его бедственное положение стало причиной такого отношения. И хотя Боснич не являлся юристом, он, похоже, знал все тонкости японской законодательной системы и проявлял одновременно агрессию и вежливость, что вызывало симпатию со стороны законодателей и официальных лиц, с которыми он имел дело. В итоге ему присвоили статус *amicus curiae* (независимый эксперт в суде) в деле Фишера, и в его рамках он принимал участие во всех юридических процедурах. Одна из главнейших его целей состояла

в недопущении депортации Фишера в США. Бобби считал, что если его отправят в США и он предстанет перед судом, то обвинительный приговор неизбежен. Но это еще не самое худшее. Он верил, что ненависть правительства так сильна, что его убьют в заключении. Один из способов не допустить депортации, по его мысли, или хотя бы ее отложить на некоторое время, заключался в отказе от гражданства. Тогда США не будут иметь таких широких юридических прав над ним. Он хотел остаться в Японии.

Отказ от гражданства США требовал трех вещей: 1) появление перед американским консулом или дипломатическим офицером, 2) отказ необходимо осуществлять в другой стране (обычно, в посольстве США или консульстве), 3) отказ должен быть подписан лично в присутствии официального представителя США.

Бобби послал в посольство США в Токио просьбу прислать сотрудника-дипломата в Центр, чтобы этот сотрудник принял его отказ от гражданства. Никто не пришел. Он также написал письмо государственному секретарю Колину Пауэллу, в котором просил помочь ему с отказом от гражданства. Ответа не последовало. Наконец, Бобби написал еще одно письмо в посольство США в Токио, в котором *настаивал*, чтобы к нему прислали кого-нибудь, и, на случай неисполнения требования, он прикрепил к письму заявление с отказом от гражданства. Если Бобби и испытывал какие-либо тревоги касательно бесповоротного перерезания пуповины, связующей его с США, в письменном заявлении это никак не отразилось. Он *должен* выйти из заключения, и потому хотел хирургически отсечь себя — быстро и точно — от своей страны, понимая, что это уже прощание навсегда, возврата не будет. Вот текст:

> Я — Роберт Джеймс Фишер. Я являюсь гражданином США. Я родился 9 марта 1943 года в Чикаго, Иллинойс, С.Ш.А. Номер моего американского паспорта есть или был Z7792702. Он выдан посольством США в Берне, Швейцария. Дата выдачи: 24 января 1997 года, действителен по 23 января 2007 года. Я, Роберт Джеймс Фишер, желаю безвозвратно и навсегда отказаться от американского гражданства и всех прав и привилегий, связанных с гражданством США.

Отказ Бобби Фишера от гражданства США так никогда и не был принят. Он остался их гражданином. А тем временем Судзуки и Боснич подали прошение от имени Бобби на придание ему статуса политического беженца из США и получение вида на жительство в Японии. Их аргументация состояла в том, что когда

он играл матч в Югославии, то нарушил санкции исключительно по политическим мотивам, и теперь его хотели наказать именно за это. Прошение было отклонено. Команда Бобби также обратилась в суд с просьбой отменить ордер на депортацию — требование США, поддержанное японским иммиграционным бюро. На это прошение также последовал отказ. Бобби находился в заключении уже более месяца и постепенно им овладевало отчаяние. Получив, всё же, право на свободные телефонные звонки, Бобби вместе с командой начал нащупывать контакты с представителями разных стран, пытаясь выяснить, не могли бы они предложить ему убежище:

Германия — идея Бобби опиралась на тот факт, что его отец Герхард Фишер был немцем, и, ссылаясь на закон о гражданстве по крови, Бобби мог испрашивать немецкое гражданство. Проблема состояла в том, что Бобби отрицал Холокост, а это считается в Германии преступлением. Если бы страна предоставила ему убежище, то ввиду его предыдущих высказываний, его должны были бы арестовать сразу по въезде в страну.

Куба — Поскольку Кастро был ярым анти-американцем, и Фишер лично знал премьера, он полагал, что Куба может его принять. *Nada* (ничего — *исп.*).

Северная Корея — Возможно, самая анти-американская страна в мире. Проблема заключалась в том, что Миёко считала ее и *самой худшей* страной в мире, и не хотела не только жить в ней, но даже и посещать.

Ливия — Муаммар Каддафи пытался помириться с США и не собирался искать новых конфликтных точек.

Иран — По иранским понятиям, Фишер был евреем, и потому им неинтересен.

Венесуэла — Никаких объяснений отказа.

Швейцария — Хотя страна и была политически нейтральной, антисемитские взгляды Бобби для нее были неприемлемыми.

Черногория — Связь Фишера с Васильевичем, скрывшимся с деньгами многих граждан, не добавляло им энтузиазма.

Филиппины — Хотя Бобби обожало местное шахматное сообщество и у него установились здесь связи, он был недоволен изгнанием (но его мнению, «незаконным») президента Джозефа Эстрада. Он также ощущал рост коррупции и преступности в Маниле и даже Багио, и хотя ему нравилось там жить, он не был уверен в своем желании искать убежище в этой стране.

Исландия — Да, Исландия! Участием в матче 1972 года Фишер сделал для известности страны более, чем кто-либо еще. Как герой, который прибыл на остров и совершил великие

подвиги, он становился частью исландских саг. Исландцев также знали за их силу, честность и упрямство. Они, как единый народ, могли не только предложить убежище, но и обеспечить его, и вызволить Бобби из заключения.

Саэми Палссона, бывшего телохранителя Фишера, «выследили» в его зимнем доме на севере Испании. «Саэми, это Бобби. Мне нужна твоя помощь. Я в японской тюрьме и хочу получить убежище в Исландии. Можешь мне помочь?»

Бывший полицейский и плотник, в молодости завоевавший славу непревзойденного «рок-танцора» и восхищавший зрителей исполнением «твиста», Саэми был готов сделать всё для своего друга. Его также отличало и внутреннее чувство само-паблисити. Хотя он и не видел Бобби 32 года, но сразу позвонил некоторым из политических и деловых «шишек», и кое-кому из шахматного сообщества, кто, по его мысли, мог бы помочь Бобби. А сам он уже совсем скоро полетит на Восток.

Пока Палссон готовился к вояжу в Японию, группа упрямых исландцев встретилась в Рейкьявике, чтобы обсудить, как можно обеспечить убежище Фишеру. Был образован комитет, названный по инициалам Бобби — «RJF». Уже после кто-то предложил иную расшифровку акронима: «Права (Rights), Справедливость (Justice), Свобода (Freedom)».

Хотя остальной мир, включая его страну, поносил Бобби за его возмутительные позицию и высказывания, исландцы его жалели. Они сокрушались по поводу его речей, но полагали, что он имеет право выражать свои мысли. Исландцы также чувствовали и моральные обязательства. Фишер проявил уважение к стране, согласившись играть в Рейкьявике матч в 1972 году, а теперь попал в беду. Не помочь ему, считали они, будет бóльшим моральным оскорблением и актом неблагодарности, чем его вербальные нападения, хотя и замешанные на злобе и ненависти.

Все члены комитета — видные члены исландского общества и пылкие почитатели шахмат: Гудмундур Тораринссон, бывший член парламента и главный организатор матча 1972 года; Магнус Скулассон, психиатр; Гардар Сверриссон, политолог; Хельги Олафссон, гроссмейстер; и Эйнар Эйнарссон, банкир. Группа собиралась в течение пяти месяцев на формальные встречи, вела активную переписку и ее члены обменивались телефонными звонками в процессе лоббирования в исландском правительстве дела Фишера. Поначалу они добивались его рассмотрения. В середине этого процесса они вошли в контакт с посольствами США и Японии в Рейкьявике, чтобы выразить свой протест

относительно заключения в тюрьму Бобби Фишера. В письме к Фумико Сайга, послу Японии в Исландии, RJF-комитет, в частности, заявлял:

> Мы чувствуем себя обязанными выразить наше глубочайшее разочарование и печаль в связи с гротескным нарушением японскими властями его [Фишера] прав и международного закона… Мы протестуем в максимально жестких терминах против ваших мер, принимаемых по этому делу, и просим немедленно освободить м-ра Роберта Дж. Фишера.

Палссон начал посещать Бобби в тюрьме, а также встретился с некоторыми из японских официальных лиц, чтобы выяснить, что можно сделать. Наличие представителя от Исландии, хотя Саэми не был официальным лицом, помогало Бобби представить дело таким образом, что страна считает возможным предоставить ему убежище. Проблема заключалась в том, что сам он действовал против своих интересов.

Бобби продолжал делать заявления, на этот раз прямо из места своего заключения давая многочисленные интервью по платному телефону, и они немедленно уходили в мировую сеть. Большинство из его филлипик было направлено против евреев («абсолютные свиньи») с небольшим смягчением инвектив, нацеленных против США. Хотя всё еще злые («в стране нет культуры, вкуса, ее окружающая среда насквозь отравлена»), его антиамериканские выпады стали более сдержанными — хотя вряд ли достаточно для того, чтобы выиграть ему очки у Министерства Юстиции.

Затем Фишер заявил, что собирается жениться на своей давней подруге Миёко Ватаи. «Я стану пожертвованной пешкой, — заявила она прессе. — Но в шахматах есть такое понятие, как превращение пешки, которая может стать королевой. Бобби-сан — мой король, и я стану его королевой». Вскоре пара поженилась в частной церемонии, проведенной в тюрьме. Джон Боснич выступил в качестве свидетеля. Но была ли законной эта свадебная церемония? Более чем год спустя, когда Миёко спросили, «связана ли она узами» с Бобби, Миёко ответила: «Лучше я промолчу, — и добавила: — Предпочитаю не обсуждать личные дела». Немедленно пресса начала муссировать тему, что заявленная свадьба — просто хитрость, имевшая целью помочь Бобби выйти из тюрьмы и остаться в Японии, но Судзуки не согласилась: «Это была уже свадьба де-факто, — заявила она. — И это законная свадьба. Я никогда в жизни не видела такой страсти и преданности». Миёко выразилась просто и ясно: «Мы были

удовлетворены нашей жизнью до того, как его арестовали. Свадьба по закону могла помочь ему избежать депортации и получить постоянную визу для проживания в Японии».

Фишер по совету RJF-комитета написал письмо министру иностранных дел Исландии Дэвиду Оддссону и попросил вид на жительство, который был ему прислан немедленно. Впрочем, японский суд во внимание его не принял. Если бы какая-нибудь страна предложила Фишеру *гражданство*, указывалось в ответе, они могли рассмотреть вопрос о его депортации в эту страну. Тем временем окружной суд Токио остановил исполнение ордера на депортацию на том основании, что нарушение паспортного режима не является достаточным для нее поводом. Тяжба относительно депортации могла продлиться целый год. После нескольких месяцев, проведенных Бобби за решеткой, становилось понятно, что долго он не сможет выдерживать такое эмоциональное напряжение.

Чуть ли не каждый день его командой предлагались новые стратегии действий. Его убедили написать письмо в Альтинг, исландский парламент, и он составил прошение из пятисот слов, выдержки из которого приводятся ниже:

> Ушику, Япония, 19 января, 2005
> Альтинг, парламент Исландии
> 150, Рейкьявик
> Исландия
>
> Уважаемые члены Альтинга
>
> Я, нижеподписавшийся Роберт Джеймс Фишер, искренне благодарю исландский народ за дружеские чувства, обращенные ко мне с тех пор, как много лет назад я впервые приехал в вашу страну для участия в матче на звание чемпиона мира по шахматам — и даже раньше…
>
> Шесть месяцев назад меня насильно и незаконно поместили в японскую тюрьму на абсолютно ложном и нелепом основании, будто я въехал в Японию 15 апреля 2004 года и затем «покинул» или пытался покинуть Японию 13 июля 2004 года по недействительному паспорту. За истекшее время мое здоровье существенно ухудшилось, последние два месяца я страдаю от головокружений…
>
> Когда в аэропорту «Нарита» иммиграционные власти, применяя грубую силу, меня против моей воли «арестовали»… мне нанесли серьезные телесные

повреждения и чуть не убили. Кроме того, происходящее сильно отражается на моем здоровье, как физическом, так и психологическом, поскольку меня перевели в Ушику, расположенный всего в 66 километрах от дающей течь атомной станции Токаимура (японский Чернобыль!) в Токаи-сити. Совсем недавно, 14 октября, здесь случилась новая авария!..

Ни японские, ни американские власти, ни разу не обеспокоились дать мне объяснения этого вопиющего криминального акта [его ареста]. Очевидно, они до буквы следуют совету Дизраэли: «Никогда не извиняйтесь, никогда не объясняйте!»

В связи со сказанным выше, я обращаюсь с официальной просьбой в Альтинг о предоставлении мне исландского гражданства, чтобы я мог воспользоваться видом на жительство в Исландии, которое министр иностранных дел вашей страны, м-р Дэвид Оддссон, так любезно мне предоставил.

Со всем уважением

БОББИ ФИШЕР

Во время тюремного заключения в Японии единственным отдохновением от скуки и душевных переживаний для Бобби были визиты его юристов и Миёко, а также телефонные разговоры. Ему позволяли выходить из камеры, чтобы он мог делать звонки за счет адресата, и тюремщики не ограничивали его во времени. Он говорил с Палссоном, и позднее имел долгие и на разные темы беседы с Гардаром Сверриссоном, исландским политологом из RJF-комитета. Эти звонки Гардару имели для Бобби важное значение, ибо разговоры выходили за рамки обсуждения только лишь аспектов, касающихся его ареста, в них затрагивались различные темы — политические, религиозные, философские. Бобби спросил Гардара, какую религию (если таковая была) он исповедывал, и когда узнал, что католическую, Бобби захотелось узнать больше об этой теологии, ее нюансы. Они стали приятелями на расстоянии, их связь продолжалась годы.

Бобби обсуждал в то же время католицизм и еще с одним человеком. Ричард Ваттуоне из Сан-Диего, Калифорния, был в числе юристов, помогавших ему в судебных делах. Он посетил Бобби в тюрьме и передал ему книгу «Апостол здравого смысла» о писателе Дж. К. Честертоне, в которой рассматривались различные вопросы религии и культуры. Бобби ознакомился с

нею и несколько раз беседовал с Ваттуоне о религии. Честертон был обращен в католицизм.

Когда Миёко навещала его, ей часто приходилось ждать, если у Бобби находился другой посетитель — Судзуки или Боснич, — по правилам Центра допускалось общение одновременно только с одним гостем. Приемные часы также были ограничены. Фишеру требовалось пройти через шестнадцать запертых дверей, чтобы добраться до комнаты свиданий, и разговаривать приходилось через зеркальную стену, словно он находился не в Центре предварительного содержания иммигрантов, а в особо охраняемой тюрьме.

Три члена RJF-комитета — Эйнарссон, Тораринссон и Сверриссон — отправились в Японию за свой счет, чтобы увидеть на месте, не могут ли они как-то помочь освобождению Фишера. Но какие-бы доводы ни приводили они местным властям — например, что министр иностранных дел Исландии Дэвид Оддссон выписал паспорт иностранца Фишеру, аналог тому, что называют «грин-карта» в США — японские бюрократы, привыкшие *буквально* соблюдать правила, во внимание их не принимали. Они продолжали утверждать, что Бобби депортируют в США, как только формальности будут улажены.

Члены RJF-комитета уже хотели покинуть Японию, удрученные своей неудачей, когда последовал звонок от Судзуки с потенциально хорошими новостями. Член японского парламента хотел встретиться с комитетом, чтобы выяснить, не может ли он чем-нибудь помочь. Он изучил материалы и встал на сторону Бобби.

Встреча проводилась в секрете, поскольку парламентарий, окончивший Оксфорд и свободно говоривший на английском, попросил ее не афишировать, — лучше работать за кулисами, считал он. Выслушав все аргументы в пользу освобождения Бобби, и убедившись, что члены комитета не собираются отступать, он к ним присоединился. Каким-то образом ему удалось заинтересовать Мидзуко Фукусиму, главу японской социал-демократической партии. Цель заключалась в том, чтобы убедить Фукусиму написать петицию, поддерживающую право Бобби на депортацию в Исландию и быть принятой ею. Фукусима подверг критике Тиёко Ноно, министра иностранных дел Японии за арест и задержание Фишера, и попросил его пересмотреть решение. Хотя момент еще не был явно поворотным, но течение начало менять свое направление. Бобби стал замечать «накопление маленьких преимуществ» — концепция в шахматах, введенная Вильгельмом Стейницем, в нем начали обнаруживаться признаки оптимизма, хотя и не переходящего в ликование.

Члены комитета по возвращении в Исландию приложили все силы для того, чтобы вызвать интерес парламента к этому случаю, предупреждая, что если шаги не предпринять немедленно, то надежды Фишера на справедливый суд станут нулевыми, его депортируют в США, где он, вероятно, получит десять лет тюрьмы. Многие верили, и прежде всего, сам Фишер, что в тюрьме его убьют.

Шахматная федерация Исландии предприняла расчетливо-рискованный шаг, пытаясь придать силу аргументам в пользу освобождения Фишера. От ее имени было написано письмо с суровой критикой высказываний Бобби в надежде, что призывом к гуманистическим чувствам США удастся смягчить напряжение в Японии:

> Исландская Шахматная Федерация, безусловно, знает о недопустимых антисемитских и антиамериканских высказываниях Бобби Фишера за последний год. Федерацию ужаснули эти высказывания, как любого цивилизованного человека, и она видит в них проявление дезорганизованной и опустошенной психики. В 1992 году в Югославии единственное преступление Бобби Фишера состояло в игре в шахматы после многих лет изоляции. Исландская Шахматная Федерация просит президента США извинить Бобби Фишера и не препятствовать его выходу на свободу.

Письмо отослали президенту Бушу, но ответа не последовало.

За двенадцать лет до этого, через несколько месяцев после выдвижения официального обвинения 1992 года, президентом США был избран Билл Клинтон. Дэвид Оддссон — тогдашний премьер-министр Исландии — посетил Белый Дом и лично обратился с просьбой к одному из главных помощников Клинтона о том, чтобы президент снял обвинения против Фишера. От Клинтона передали ответ, что он предпочитает не вмешиваться в это дело. «Необычное решение, — прокомментировал Оддссон. — Когда лидер одной страны обращается с личной просьбой по относительно небольшому делу (по сравнению с другими) к другому лидеру, то обычно ее удовлетворяют».

Если вернуться к времени санкций, то следует вспомнить, что Спасскому французское, а Лотару Шмиду немецкое правительства обвинений не предъявляли. Бобби Фишер оказался единственным в мире человеком, кому предъявили обвинение по биллю президента Буша.

Пытаясь предупредить «побег» Фишера в Исландию, различные агентства в США стали раскручивать атаку на Бобби,

пытаясь надавить на Японию с тем, чтобы она депортировала Бобби в США. Большое Федеральное Жюри в Вашингтоне начало расследование, на поверку оказавшееся дымовой завесой, обвиняя Фишера в отмывании денег после матча со Спасским 1992 года. Ввиду отсутствия каких-либо свидетельств об отмывании денег, юристы Фишера твердо верили, что правительство пыталось оправдать санкции против него, обливая его грязью. Ничего из этого не вышло, никаких дополнительных обвинений не последовало.

В это время Джеймс Гадсен, посол США в Исландии, также оказался вовлечен в это дело, предлагая Исландии отозвать свое предложение об убежище для Бобби. Дэвид Оддссон в роли министра иностранных дел пригласил Гадсена в свой офис и в категорической форме отказался это делать, добавив, что предполагаемое преступление Фишера, состоявшее в нарушении торговых санкций против Югославии, вне временных границ, которые устанавливает закон Исландии о сроках давности.

Вероятно, по причине политического давления, оказанного на него, министр юстиции Японии Тиёко Ноно после совещания кабинета сказал журналистам следующее. «Если он [Фишер] имеет исландское гражданство, то депортация его в Исландию выглядит законной. Иммиграционное Бюро должно подумать о наиболее подходящем для него месте депортации».

Но ситуация оставалась всё еще неопределенной и в 61-й день своего рождения, который он встретил в тюремной камере, Бобби пребывал в мрачном настроении. Он провел уже девять месяцев в тюрьме, и, по словам тех немногих, кто его посещал, находился в разобранном состоянии. Тораринссон говорил, что Фишер за тюремной решеткой напоминал ему Гамлета, и он процитировал следующие строки из пьесы Шекспира:

> О боже, я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе
> и считать себя царем бесконечного пространства,
> если бы мне не снились дурные сны.
>
> *(перевод Лозинского)*

Члены RJF-комитета связались практически с каждым парламентарием с просьбой пролоббировать для Бобби гражданство: полноценное, *постоянное* гражданство, а не временный вид на жительство в Исландии. Затем они встретились с Генеральным Комитетом Альтинга. Был подготовлен билль с просьбой одобрить гражданство для Бобби Фишера, и 21 марта 2005 года была созвана Чрезвычайная Сессия Парламента. В течение двенадцати минут имели место три раунда дискуссии, на

которых ставились вопросы в соответствии с критичностью этого дела. Ответы последовали сжатые и прямые: незаконное заключение в тюрьму Бобби является нарушением его прав; вся его вина в том, что он двигает деревянные фигурки по шахматной доске; он был другом Исландии, исторически с ней связан и теперь нуждается в ее помощи.

После изложения всех аргументов каждый член Альтинга был опрошен на предмет, согласен он или нет даровать гражданство Фишеру. «*Já*» сказали сорок членов, один за другим. «*Foráast*», — что значит — *воздерживаюсь*, произнесли двое. Никто не проголосовал «*Nei*».

Бобби впервые за многие месяцы улыбнулся, когда узнал, что исландский билль вступил в силу, и 23 марта 2005 года его освободили из заключения, посадили в лимузин, предоставленный посольством Исландии, вручили новый исландский паспорт, а затем рука об руку с Миёко они заторопились в аэропорт «Нарита».

Когда Бобби вышел из лимузина в аэропорту «Нарита», сцена напоминала тот момент из «Рассказа о двух городах», когда д-р Манетт освобождается из Бастилии, «возвращаясь к жизни» таким, каким он стал: седой, потрепанный, с неопрятной бородой и в старой одежде. Отличался Бобби от доброго диккенсовского доктора только голосом: у Манетта он был слабым, «ужасным и жалостливым»; голос Бобби был рокочущим, полным ярости и мести. «Это не что иное, как киднэппинг, ни больше и ни меньше!», — сообщил он дюжинам журналистов и фотографов, следовавшим за ним в терминал. «Буш и Коидзуми [американский и японский президенты] преступники. Они заслуживают веревки!», — сказал «плохой старый» Бобби, сразу показывая, что тюрьма не сбила его обличительный пыл. Но что-то в нем всё же *изменилось*. Когда уже 30-летняя Зита увидела его в новостях, она произнесла: «Дело не в бороде. Что-то есть беспокоящее в его глазах. Он безнадежно разрушенный человек».

В 2004 году в Японии Бобби поместили в тюрьму за путешествие с просроченным паспортом, и ему грозила экстрадиция в США. Исландские друзья сумели его освободить, но после десяти месяцев в тюрьме бородатый и изможденный Бобби выглядит сломленным человеком.

Когда самолет Бобби приземлился в аэропорту «Кефлавик», и он ступил на бетонную полосу, то не опустился на колени, чтобы поцеловать землю — во всяком случае, не в буквальном смысле. Метафорически же он поклонился земле викингов. Он находился в стране, хотевшей его видеть, и впервые за последние тринадцать лет Бобби почувствовал себя в безопасности. Первым делом он отправился в президентский номер в отеле «Лофтлейдир» и заказал один из раблезианских обедов со многими и многими тарелками *skyr*.

Глава 15
Жить и умереть в Исландии

Сначала — знакомые карие глаза. Они смотрели пристально, рассудительно, не желая и не допуская контактов с другими глазами. Взгляд Фишера рикошетировал от частично мощеной камнем дороги Клаппирстигур-стрит, где он жил, к легкому подъему в сторону оживленной улицы Лаугвегур с ее магазинчиками, затем назад к «БМВ» и «Вольво» на платных стоянках, и голубоглазым и краснощеким исландцам, торопящимся на работу после ланча. Встречные прохожие узнали Бобби: он стал самым знаменитым человеком Исландии, но здесь его помнили не только за публичный яд, выбрасываемый в сторону США, но и за то, что он обозначил Исландию на мировой карте в 1972 году. Его ледяной взгляд отказал в общении, и они прошли дальше, наклонив головы — тем стараясь сгладить его небрежение — навстречу порывам ветра со стороны горы Эсья и гавани. Хрустел снег под ботинками Фишера — черного цвета фирмы «Биркенштоки».

Бобби сменил одежду с целью маскировки (не приведшей к успеху): синие джинсовые рубашка и брюки, черное кожаное пальто с рукавами до кончиков пальцев, и в пару к нему черная кожаная бейсболка, обязательный голубой шерстяной свитер, — всё подобрано, чтобы походить на жителя-скандинава страны, чьим гражданином он недавно стал.

В прошлое ушли элегантные, сшитые на заказ костюмы и аккуратно повязанные галстуки. Человек, гордившийся в молодости восемнадцатью костюмами, и желавший довести их число до ста, теперь одевался одинаково каждый день. Посторонние и даже друзья, полагали, что Бобби имел один комплект, поскольку его внешний вид не менялся, но у него было несколько одинаковых джинсов и рубашек, он стирал и гладил их сам, часто — ежедневно, обычно по ночам, напевая песенки, добиваясь идеальных складок. В отношении мнения людей о его одежде Бобби выразился коротко и цинично: «Это их проблемы».

Центр Рейкьявика, симпатичного города со 120.000 жителей, походил на типичную скандинавскую деревню, хотя и больше размером. Путешественника встречали изогнутые улочки, аккуратные, обшитые деревом дома с цветными крышами, магазины для туристов и местных жителей, люди в сапогах, парках, с шарфами и шерстяными шапками, натянутыми на уши. Не так, как в Гштаде или Аспене[22], но погода здесь достаточно

холодная, чтобы можно было кататься на лыжах на покрытых снегом горах, вырисовывающихся на горизонте.

Бобби часто ходил в свой любимый ресторан «Анесту Гросум» — «Первый Вегетарианский», расположенный всего в двух кварталах от него, и поднимался по ступенькам на третий этаж в помещение тыквенного цвета. Еда размещалась за прилавком, как в кафетерии, и он просто указывал на то, что ему было нужно. Официантка, похожая на актрису Шелли Дюваль, улыбалась и передавала ему поднос с выбранными блюдами. Порции были огромными.

Когда Бобби, как обычно, приходил в ресторан в два часа дня, посетителей было еще мало: какой-нибудь датский хиппи, пара американских туристов и стайка местных девушек, занятых, как им казалось, важной болтовней. Всегда раб привычки, Бобби направлялся к любимому столику у окна, выходившему на боковую улочку с несколькими березами и кустами еще не зацветшего можжевельника. Прежде чем сесть, он шел к кулеру и наливал себе бутылочку натурального пива «Оксфорд Голд», а когда садился за еду, то принимался за чтение. Его увлекла книга «Миф прогресса» Джорджа Хенрика вон Райта — финского философа и преемника Людвига Виттгенштейна из кембриджского университета. Моральный пессимист вон Райт задавался вопросом: могут ли материальные и технологические достижения вообще считаться «прогрессом». Бобби нашел экземпляр на английском языке в местном магазине *Bókin* («Книга»), мысли автора упали на подготовленную почву. Его настолько увлекли идеи вон Райта, что, найдя экземпляр книги в том же магазине на исландском языке, он подарил его своему новому другу Гардару Сверриссону.

Был ли это тот самый Бобби Фишер, который предположительно знал в жизни только шахматы, и бросивший среднюю бруклинскую школу? Он походил на того Бобби Фишера, каким он был десятилетия назад — умные глаза, небольшое утолщение на правой стороне носа, широкие плечи, походка в раскачку, но этот Бобби Фишер огрубел, голова полысела и образовался небольшой живот — мужчина уже в конце средних лет, познавший если и не трагедию, то суровые испытания. Что-то в его облике напоминало о собаке, с которой плохо обращались, и которая только что сбежала от своих мучителей. Над его правой бровью заметна шишка размером с кончик большого пальца. Он редко улыбался, возможно, смущаясь своих плохих и недостающих зубов; он никогда не смотрел на себя в зеркало, поскольку ему не нравилось отражение. Но главная несообразность заключалась в том, что Бобби Фишер — великий

шахматист, которого многие считали неучем, не знавшим ничего, кроме *игры* («Фишер почти слабоумный», — вполне всерьез выразил свое мнение Мартин Гарднер, писавший для журнала «Сайентифик американ»[23]) — читал философский трактат.

Многие люди, не получившие систематического образования, в зрелые годы испытывают желание углубить свое понимание мира, они возвращаются в школу или начинают заниматься самообразованием. Бобби влился в их ряды по внутренним мотивам. «Ларри Эванс как-то заявил, — прокомментировал Бобби, — что я ничего не знаю о жизни; всё, что я знаю — это шахматы, и он был прав!» Пребывая в ином настроении, Бобби как-то сказал, что ему иногда хотелось бросить шахматы, «но чем мне тогда заниматься?»

Отсутствие у Бобби образования хорошо известно, об этом постоянно писала пресса, но никто не знал, что после завоевания титула чемпиона мира в возрасте 29 лет, он начал систематически постигать внешахматные знания. История, политика, религия, государствообразование и текущие события стали объектами его пристального интереса и все 33 года, прошедшие от его первой остановки в Рейкьявике до второго «пришествия», он проводил бóльшую часть своего свободного времени за чтением и накоплением знаний.

Некоторые исландцы отмечали, что с ним можно обсуждать любую тему. Он говорил и о Французской революции, и о сибирском ГУЛАГе, о философии Ницше и речах Дизраэли.

Проведя в «Анесту Гросум» часа два за едой и чтением, а также покончив с двумя порциями *skyr*, обильно сдобренными взбитыми сливками, Бобби непременно направлялся в *Bókin*. Этот магазин — воплощение мечты книгочея, отличатся долей эксцентрики: набитая кукла обезьяны в очках сидела снаружи магазина, держа в лапах книгу; здесь находились тысячи букинистических книг, в основном на исландском языке, но много и на английском, немецком и голландском, некоторые о предметах столь загадочных, что мало кто мог понять или оценить их: например, брачные привычки «топорика» — национальной птицы, или анализ надписей на церквях Хейдельберга. Узкие проходы между полками извилисто пронизывали всё помещение магазина, а в середине основного зала располагался огромный холм более пяти футов высотой из книг, случайным образом накиданных и ярусами ниспадающих к полу, поскольку просто не хватало места. Шахматных книг было не больше дюжины.

Каждый день Бобби забирал в магазине накопившуюся почту, которую хранили для него за прилавком. Обменявшись парой

слов с хозяином Браги Кристийонссоном, он направлялся к *своему* месту в конце одного коридора шириной не более трех футов, по сторонам сжимаемого низкими полками с книгами и старыми номерами «National Geographic». Возможно, в знак уважения к знаменитому гостю, Браги поставил потрепанный стул в конце коридора, и Бобби садился на него рядом с оконцем, выходившем на приемную тату-мастерской через улицу, и читал, погружаясь в мечты — иногда по-настоящему засыпая — нередко, почти до закрытия магазина. Это был его дом. «Хорошо быть свободным», — написал он другу.

Бóльшую часть чтения Бобби посвящал истории, от «Подъема и падения римской империи» до «Подъема и падения третьего рейха»; он размышлял над книгами о сражениях, начиная с времен древней Греции и кончая Второй мировой войной и теорией заговоров из книги «Секретные банкиры Гитлера: как Швейцария богатела на нацистской Германии», а также антисемитскими трактатами вроде «Еврейские ритуальные убийства». Возможно, жадно «проглатывая» книги, он пытался найти свое место в истории, но, более вероятно, это был поиск понимания, осознания себя, как частного, в сложной структуре общего мироустройства — «полной катастрофы», как вымышленный грек Зорба перцептивно себя охарактеризовал.

Не успел Фишер обосноваться в Исландии, он еще только распаковывал чемоданы (содержавшие мало вещей: только одежду и книги, приобретенные им в Японии), а Янош Кубат, помогавший организовать матч Фишер-Спасский в 1992 году, объявил о скором начале его матча с другом Палом Бенко. Кубат сообщил агентству РИА (Русское новостное агентство), что матч пройдет в городе Мадьярканиша, расположенном на границе Венгрии и Сербии, где Бобби проживал в течение нескольких месяцев в 1992 году. Кубат утверждал, что у матча есть спонсор и место его проведения определено. Оставалась одна проблема: Фишер ничего не знал о матче. У него имелись разногласия с Кубатом в августе 1993 года по моральным основаниям, согласно Бобби, и они больше не разговаривали. Но что еще более важно, Бобби не собирался покидать Исландию из-за угрозы экстрадиции в США.

Две недели спустя после его встречи, как героя, в Исландии и заявления о том, что он хочет жить в мире и покое, Бобби обнаружил, что проблемы не кончились. Он получил письмо от 7 апреля 2005 года из «Юнион-Банка» Швейцарии, в котором сообщалось о закрытии его счета. В ЮБШ находились порядка 3 миллионов долларов, помещенных на счет в 1992 году, и у Бобби спрашивали, в какой банк Исландии он бы хотел, чтобы перевели

его вложения.

Бобби не имел желания помещать свои деньги в исландский банк (несмотря на потенциально более высокий процент на вклад) и попросил разъяснений. Пока банк и Бобби обменивались бескомпромиссными письмами, он дал интервью газете «Моргунбладид», в котором заявил: «Возможно, третья сторона стоит за этими новыми атаками. Я не знаю, о чем думают директора ЮБШ, но совершенно ясно, что банк боится оставлять меня в качестве вкладчика. Это зло, незаконно и нечестно со стороны ЮБШ». Он угрожал начать судебное преследование. Третьей стороной, по его мнению, являлись США.

Бобби обратился к Эйнару Эйнарссону за советом. Эйнарссон не только был членом исландского комитета, который помог ему выбраться из тюрьмы, он также являлся крупным банкиром, подружившим Исландию с кредитной картой *Visa*. Внимательно и терпеливо Эйнарссон руководил обменом с ЮБШ длинными и полными технических деталей письмами по и-мейл. Бобби проявлял нетерпение. Он не играл в турнире, где бы мог выбрасывать бурлящую в нем энергию, и потому обрушил ее на банк Швейцарии, в котором, как он настаивал, верховодили евреи. Противник ему достался прежде незнакомый, и Бобби не удалось выиграть техническую дуэль с международными финансовыми институтами. В конечном счете, он проиграл. ЮБШ ликвидировал все его активы, которые были переведены в *Landsbanki* в Рейкьявике. Бобби утверждал, что потерял много денег на транзакции.

В ретроспективе мотивы поведения ЮБШ совершенно понятны. Многие из его 52 тысяч счетов являлись оффшорными, размещенными секретно — многие анонимно, просто под номерами — налоговый рай для американских граждан. Бобби же открыто заявлял, даже *хвастал* — прямым текстом — что имел в ЮБШ 3 млн долларов (может быть, он даже сообщал номер счета в эфире), а поскольку он не платил налогов с них, а также с любых других доходов, начиная с 1977 года, налоговое ведомство США довело до сведения ЮБШ свое недовольство.

В течение нескольких лет, прошедших после споров Бобби с ЮБШ, тысячи американских любителей уклоняться от налогов, в большинстве своем миллионеры, как Бобби, показали свои доходы, чтобы избежать наказания, а те, кто продолжал прятать деньги в ЮБШ, были выявлены и арестованы за уклонение от налогов. ЮБШ не «конспирировал» против Бобби: он просто хотел избавиться от своего наиболее публичного и глупо себя ведущего клиента.

Поскольку процент на вклады в Исландии в то время был

выше, чем в Швейцарии, непонятно, почему Бобби сопротивлялся переводу своих активов. Некоторые наделяли его пророческим даром, другие думали, что у него имелась инсайдерская информация или неизвестные другим знания о ненадежности исландских банков (которые рухнули в экономическом коллапсе 2008 года). Более вероятное объяснение состоит в том, что он не думал оставаться в Исландии вечно, вероятно, надеясь со временем получить гражданство еще какой-нибудь страны.

Банковское сражение оказалось неприятной интерлюдией, но оно не прервало основного занятия Бобби тех дней — чтения. Насколько в детстве изучение шахмат носило всепоглощающий характер, настолько и сейчас его разум всецело погрузился в историю, философию и т. п. Блуждая по проходам в магазине *Bókin*, он иногда не находил требуемой книги: в этом случае магазин ее для него заказывал. Он постоянно покупал книги, обычно две-три в день, почти все сохраняя, и лишь некоторые выбрасывая, другие отдавая друзьям.

Своей атмосферой, но не «начинкой», *Bókin* напоминал ему шахматный магазин д-ра Альбрехта Бушке в Гринвич-виллидж, коего он был частым гостем ребенком и юношей. Книги у Бушке были также случайно разбросаны, но не в настолько тотальном беспорядке, как в *Bókin*. Бобби всерьез просил Браги нанять его, чтобы он несколько упорядочил «груду» книг, поскольку внутри нее должны находиться, по его мнению, те, которые могли быть ему интересны, и к тому же раздражал беспорядок. В конце концов, он заявил, что готов работать и бесплатно. «Но куда мы их поставим?», — ответил отказом Браги.

Уголок Бобби обеспечивал ему спокойствие. Располагаясь спиной к стене — гангстерский стиль — он видел всех, идущих вдоль длинного и узкого коридора, и если Бобби казалось, что это — искатель автографов, или, что хуже, журналист, он хмурил брови или изображал абсолютную погруженность в чтение и не отвечал, если к нему обращались. Такая метода оказалось столь же эффективной, как табличка с надписью «Не беспокоить» на шее.

Когда время близилось к шести, он нередко отправлялся в «Иггдрасил», магазин здоровой пищи — название относилось к мифологическому Дереву Жизни — стараясь прибыть к нему за минуту до закрытия. Он выбирал продукты без спешки к большому неудовольствию сотрудников, которым не терпелось уйти домой. Приход под закрытие позволял ему избегать пристальных взглядов других покупателей.

Пробивая чек у прилавка, он однажды заметил шоколадные

батончики марки *Rapunzel*; их было два типа — халва, покрытая шоколадом, и кокосовый орех. «Это из Израиля?» — спросил он подозрительно. Когда ему ответили, что из Германии: — «Знаете, сказки народные, братья Гримм», — Бобби успокоился и купил несколько на пробу, — его антисемитские чувства были умиротворены.

Хотя его часто узнавали на улице, из исландцев мало кто пытался вступить с ним в контакт. Иностранцы не были столь вежливы, и он обычно «отшивал» тех, кто имел смелость к нему обратиться. Известно только *одно* исключение, и его стоит отметить, настолько это было для Бобби необычно. Американский турист — шахматист-любитель — подошел к Бобби и пригласил его на обед. Проверив паспорт подошедшего, чтобы удостовериться в его личности, и спросив, не журналист ли он, Бобби согласился — абсолютно нетипично — на совместный обед. Они направились в один из самых дорогих и стильных ресторанов Рейкьявика, где имели долгую беседу, в основном о политике.

Месяцы проходили спокойно в первый год жизни Бобби в Исландии. Когда гроссмейстер Хельги Олафссон спросил его, как ему живется в стране, Бобби ответил в своем типичном стиле Кальвина Кулиджа[24]: «Хорошо». Но его прибежище в *Bókin* стало известно слишком многим. В прессе распространялись разные истории о его походах в этот магазин, появились интервью с владельцем магазина Браги. Русское телевидение попыталось взять у него интервью, и он бежал. Ему надоело утомлять долгим ожиданием журналистов, поджидающих его в засаде в окрестностях магазина, и он сменил диспозицию. Бобби зачастил в Публичную библиотеку Рейкьявика, расположенную в нескольких кварталах от дома, где он жил. Библиотека стала фокальной точкой его жизни.

На шестом этаже в нескольких футах от высоких книжных полок по истории и политике, Бобби погружался в чтение на долгие часы за столом, стоявшим рядом с окном. В отличие от непривлекательного вида на боковую улочку, на которую выходили окна магазина *Bókin*, из окна библиотеки виднелись рыболовецкие траулеры в доке, и горы за гладью залива. За все те дни и месяцы, что Бобби ходил в библиотеку, его новый маршрут не стал известен прессе. Все работники библиотеки знали, кто он такой, но этого не афишировали.

В соседнем от библиотеки квартале располагался тайский ресторан «Круа Тай», где Бобби обедал два-три раза в неделю. Находившийся вне туристических маршрутов, ресторан был опрятен и уютен, со стенами в темных тонах, громадным слоном,

покрытым серебряными блестками, и другими декорациями из Таиланда, и скупым освещением, устраивавшим его глаза. Бобби нравились рыбные блюда с овощами и рисом. Ему нравилась и владелица ресторана — умная и подвижная таитянка по имени Соня, и он настаивал, чтобы обслуживала его только она. «Где хозяйка?», — спрашивал он еще на входе, зная, что она принесет ему любимое блюдо и напиток без напоминаний. Был только один продукт, который Бобби решительно отказывался принимать: исландская бутилированная вода. Он утверждал, что ему от нее плохо. И пил только пиво или чай. После того, как он целый год посещал ресторан, Соня робко попросила его о совместном фото, но получила отказ.

Бобби никому не рассказал, даже ближайшим друзьям, о «Круа Тай» — хотя и так одинокий, он часто предпочитал и обедать один. Подобно Томасу Джефферсону в «Белом Доме», он получал удовольствие, находясь в компании самого себя, от возможности читать или созерцать книги, размышлять и вспоминать. Парадоксально, но дискомфортное одиночество он чувствовал в компании с другими.

У Бобби имелся внутренний конфликт: он одновременно хотел уединения и внимания; последнее — еще с детских лет. Ему постоянно требовались знаки обожания, или, по крайней мере, внимания. Однажды в даунтауне Рейкьявика его спросили о дороге заблудившиеся американские туристы. «Ха, они не знали, кто я такой», — сообщил он разочарованно Эйнарссону. «И это — *американцы*!» В другой раз просто из желания сменить обстановку он на автобусе отправился в маленькую рыбацкую деревню под названием Гриндавик, расположенную рядом со знаменитой Голубой Лагуной — Бобби любил погружаться в водоем, заполнявшийся водой горячего источника. Он оставался в гостинице несколько дней. Официантка в ресторане была настроена дружественно, тем более, что посетителей было немного. «Вы знамениты?», — спросила она, вероятно, что-то почувствовав, а может быть, просто видела его фото в «Моргунбладид» или другой газете. «Возможно», — с напускной скромностью ответил Бобби. «И чем вы знамениты?». Еще больше скромности: «Настольная игра». Девушка на секунду задумалась, а затем выпалила: «Вы — мистер Бинго!» Бобби ее ответ обидел.

Бобби продолжал обедать в «Анесту Гросум», но изменил маршрут прогулок: теперь он шел вокруг Городского озера, наблюдая за тем, как дети кормят уток, гусей, за крикливыми лебедями, переплетавшимися своими шеями, а затем направлялся в библиотеку. Обычно его прогулки не имели четкой цели: для него они были сродни медитации — шанс подумать ни о чем — и

он гулял даже пронзительно холодными зимами. В большинстве парков имелись скамейки, и если погода позволяла, он садился на одной из них, читал, думал, и просто *был*, занятие не столь уж атипичное для мужчин, входящих в старость.

Некоторые исландцы утверждали, что видели Бобби ночью, бродящего, подобно привидению, по пустынным и продуваемым ветрами улицам близ Старой Гавани — словно Чарльз Диккенс, рыскающий по докам Лондона — потерянного в мыслях, слегка прихрамывающего, но идущего быстрым шагом, — такой одинокий, словно он пересекал заброшенные, покрытые лавой пространства внутренней Исландии. Ночные гуляния Бобби были эхом вечерних прогулок в Нью-Йорке или Пасадене, и продолжением привычек детства, когда до утра он изучал шахматы, а затем спал до полудня и даже позже.

Возможно, именно тогда, через год-полтора после приземления в аэропорту «Кефлавик» свободным человеком, Бобби начал ощущать, что Исландия стала его личным островом Дьявола: раз туда попал, выбраться невозможно. Дэвид Оддссон считал, что Фишер чувствовал себя «в ловушке» — в Исландии в целом, и в Рейкьявике в частности. «Я городской человек, — говорил о себе Оддссон, — и проводил бóльшую часть времен» в Рейкьявике. Но если бы мне запретили выезжать за его пределы, то именно этого я бы и хотел. Я бы почувствовал себя “в ловушке” в Рейкьявике, и именно так себя ощущал Фишер в Исландии». Гардар Сверриссон сказал, что для Бобби Исландия стала «тюрьмой».

К концу второго года проживания в качестве гражданина Исландии, он начат ворчать на страну и ее людей. Ему не хватаю Европы и тамошних друзей, но он не смел покидать пределы выходящей в океан гавани из страха, что его могут захватить и выдать США. «Интерпол» — международная полиция — пометил его флажком, как подлежащего аресту в любом из 368 аэропортов мира.

Найти постоянное место для проживания в Исландии оказалось трудным делом. Первое жилище Бобби, меблированная квартира по субаренде на шесть месяцев, было идеальным: оно находилось в даунтауне, имелась терраса, из окна открывался неплохой вид, недалеко располагались магазины и рестораны. Поскольку Бобби не обедал дома — он никогда не готовил сам — для него было важно жить вблизи нескольких ресторанов. «Еде он придавал очень большое значение», — сказала Жужа Полгар, описывая его житье-бытье в Венгрии. Так было *всегда*, где бы он ни жил, и спокойные обеды с едой, которая нравилась, обрели

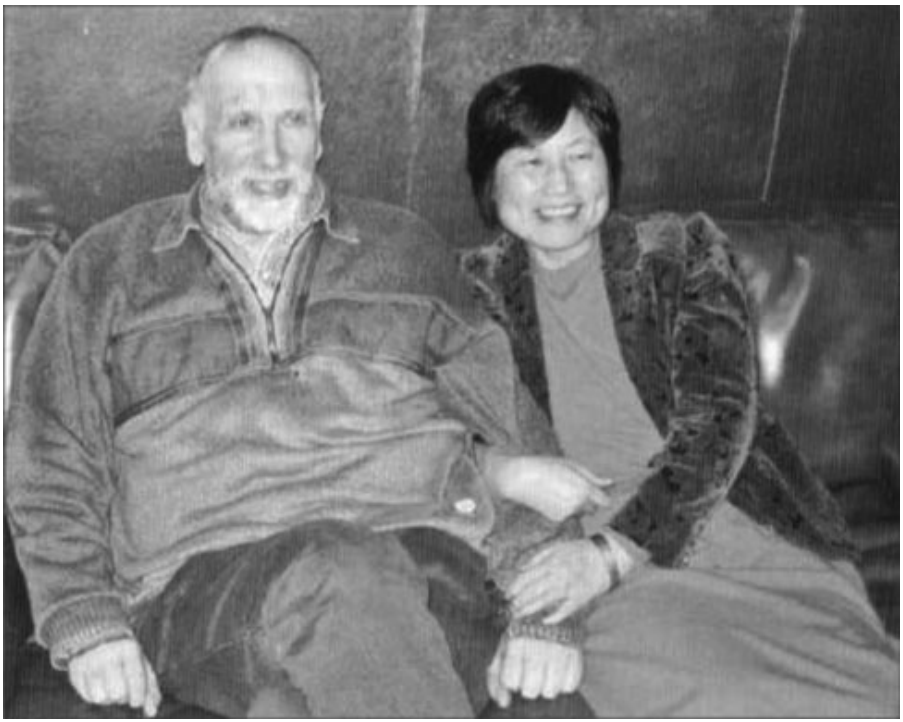
еще большее значение в Исландии.

Когда владелица жилья вернулась из-за границы, она, как и было оговорено, известила Бобби, что ему нужно выехать. Хотя он и понимал, что уезжать нужно, покидать удобную квартиру не хотелось. Эйнарссон убедил хозяйку позволить Бобби пожить у нее еще полгода, но было понятно, что нужно искать новое жилье. Эйнарссон и Сверриссон стали сопровождать Бобби в различные кондоминиумы, высматривая жилье для покупки. В типичной для него манере, он подходил к покупке своего первого жилья как к шахматной партии: прежде чем сделать ход, *всё* должно быть идеальным. Не приходилось удивляться, что в каждом месте он обязательно находил недостатки: одна квартира слишком близко к церкви и Бобби боялся, что утренний звон станет его будить; другая — слишком много окон выходит на улицу, и он опасался за *прайвеси*, третья — чересчур «высоко», и ему не хотелось зависеть от лифта. Четвертое предложение казалось идеальным, но Бобби ощутил что-то «неправильное с воздухом». Он уверял, что его легким этот воздух вреден. Во время инспекции пятого дома над ними пролетел лайнер, на что последовало немедленное вето «слишком шумно». Наконец, одно жилье вроде бы «имело шанс», но уже друзья его быстро отговорили, поскольку находилось оно над развеселым секс-шопом. Это Бобби как раз не волновало, так как магазин открывался вечером, а потому утром всё должно быть спокойным. Эйнарссон и Сверриссон, однако, указали, что квартира находилась в крайне запущенном состоянии и потребует ремонта на несколько десятков тысяч долларов. Бобби покривился, и отказался от покупки.

Наконец он остановил свой выбор на квартире в доме Гардара Сверриссона на улице Эспергерди в жилом районе в восточной части Рейкьявика. Пешком до даунтауна далековато, но можно добраться двумя автобусами. У варианта имелось два минуса: квартира располагалась на десятом этаже (и Бобби ранее сказал — высоко), и кроме того он уже отверг именно этот вариант из-за «плохого воздуха». *Voila!* Чудесным образом высота и плохой воздух уже его не беспокоили — по необъяснимой причине. Он просто переменил свое мнение.

Хотя он был в континентах от своей жены, Бобби находился с Миёко в постоянной связи через и-мейл и телефон. Она прилетала в Рейкьявик так часто, как позволяли ей работа в фармакологической кампании и редактирование шахматного журнала в Токио. Обычно визиты длились по две недели и, по свидетельству Гардара, носили идиллический характер. Сверинссоны и Фишеры отправлялись на уик-энды за город,

останавливаясь в гостиницах и греясь на солнце среди фантастических лунных пейзажей Исландии. Семейные ужины становились маленькими праздниками. «Они были любящей парой, и всё между ними происходило, как между мужем и женой: они любили друг друга, и это проявлялось в мелочах», — говорил Гардар. Хотя никто точно не может знать, что действительно думал Бобби о женитьбе, возможно, он надеялся однажды покинуть каким-то образом Исландию и убедить Миёко жить вместе с ним в другой стране.



Миёко Ватаи регулярно посещала Бобби, пока он находился в японской тюрьме. Впоследствии она заботилась о нем в течение его болезни в Исландии. Его тамошние друзья говорили, что они выглядели любящей и нежной парой.

Избранные им апартаменты явно не блистали роскошью. Бобби мог позволить себе квартиру гораздо более просторную, но эта вполне отвечала его нуждам. Имелась одна небольшая спальня, достаточных размеров гостиная с открытой кухней и маленький балкой, выходивший на океан. Он обставил ее удобно, но скромно. Оттиски Матисса украшали стены.

Покупка Бобби квартиры в кондоминиуме за 14 млн крон (около 200 тыс. долларов на то время) была, вероятно, бессознательно мотивирована желанием быть ближе к другу. По

словам Эйнарссона Бобби начал чувствовать себя больным, хотя он это отрицал не только посторонним, но и себе. То, что друзья оказались рядом, оказалось очень полезным, тем более, что жена Гардара была сиделкой по профессии.

Когда Бобби переехал на новое местожительство, его распорядок дня несколько изменился. Он по-прежнему вставал между полуднем и двумя часами дня, пил морковный сок и выходил на первый обед. Пока он был здоров, Бобби часто совершал длинную пешую прогулку до вегетарианского ресторана «Анесту Гросум». Он не водил машину, и если ему требовалось добраться до места, куда пешком было не дойти, то садился на автобус. Его друг заметил: «Располагая миллионами, он считал глупостью тратить деньги на такси. Он ничего не находил плохого в том, чтобы постоять на остановке в любую погоду в ожидании автобуса. Большинство исландцев так не поступают. Но ему нравилось изучать людей во время поездок». Он не хотел, чтобы его везли, будь то такси — когда ему приходилось им пользоваться — или друг на машине, и настаивал, чтобы водитель постоянно держал обе руки на рулевом колесе, не ехал слишком быстро и неукоснительно соблюдал все правила дорожного движения Он всегда садился в среднюю секцию автобуса, где, по его мнению, было гораздо безопаснее, чем впереди или сзади.

Бобби в самом конце жизни идет по сельской дороге неподалеку от Alpingi, — месте, где зародился исландский парламент.

Основанный в 930 году н. э. в эпоху викингов исландский национальный парламент является старейшим в мире и существует доныне.

Бобби никуда не мог деться от шахмат, хотя отчаянно этого желал. «Я ненавижу старые шахматы и старое шахматное окружение», — написал он другу в связи с изобретением *Фишер-рэндом*. Тем не менее, к нему в Исландию прилетали антрепренеры, с ним связывались из России, Франции и США, отовсюду организаторы, надеявшиеся «соблазнить» его на шахматы в любом формате, лишь бы вернуть его в игру. Прошло уже более тринадцати лет со времени второго матча Фишер-Спасский, и любители шахмат говорили и опасались, что он уже не вернется. Им претила мысль, что он вновь исчезнет на двадцать лет.

Обсуждался новый матч со Спасским (и Спасский согласился играть в *Фишер-рэндом*), но разговоры кончились ничем. Организатор потенциального матча д-р Алекс Титомиров, русский ученый и эксперт в ДНК-трансфер-технологии и главный исполнительный директор компании под названием АТЕО-холдинг, пригласил Спасского встретиться с ним в Рейкьявике, чтобы помочь в переговорах с Бобби. Родившийся в Канаде Жоэль Лотье, элитный французский шахматист, также стал участником группы, встретившейся с Бобби. Но выяснилось, что Титомиров не заинтересован в еще одном матче Фишер-Спасский, он хотел организовать матч Фишер-Крамник. Спасский был нужен с одной целью — уговорить Бобби «вернуться в шахматы». Фишер был открыт для дискуссий, но ничего не подписал и ни на что не согласился. Спасский рассердился, когда узнал, что его никто не рассматривал в качестве участника предполагавшегося матча, и он использовал оскорбительные выражения, обращаясь к Титомирову. Бобби добавил свои «пять копеек», сказав что-то о «типичном русском жульничестве».

Остальные предложения были несолидные, либо даже, в нескольких случаях, «липовыми». Некоторые из исландских друзей Бобби полагали, что кое-кто из «организаторов матча» хотел просто встретиться с таинственным Фишером, — событие сродни встрече с Дж. Сэлинджером или Гретой Гарбо, чем можно хвастаться до конца жизни.

Одно предложение — сыграть матч из 12-ти партий с Карповым в разновидность шахмат под названием «Готические шахматы» (доска из 80-ти клеток, три дополнительные пешки и две новые фигуры — одна, сочетающая ходы ладьи и коня, другая — слона и коня), как будто имело шансы на успех, тем более что

заявленный призовой фонд должен был составить 14 млн: 10 млн победителю и 4 млн проигравшему. Карпов подписал контракт, но когда промоутеры привезли его в Рейкьявик, Бобби заявил, что хочет получить три выплаты за три встречи — 10.000, 50.000 и 100.000 долларов соответственно — *только за обсуждение*. Бобби также требовались доказательства, что призовой фонд уже размещен в банке, и поскольку такая информация или гарантии не были представлены, всё дело ушло в песок.

Возникло еще одно предложение на 2 млн долларов о создании «Музея Бобби Фишера», который предполагалось разместить в Исландии или в Бруклине, — промоутеры еще не определились. Оно появилось и рассеялось, словно дым, прежде чем его начали серьезно обсуждать.

Бобби изучал доску, сканируя положение и оценивая — пытаясь не просто выявить русский заговор, но и *доказать* его безоговорочно. Несмотря на продвижение им *Фишер-рэндом* и отказ от «старых шахмат» и презрение к ним, он всё еще переигрывал партии, искушаемый борьбой в современных турнирах и матчах. Доска с расставленными на ней фигурами на их привычных позициях стояла на кофейном столике у него в комнате, всегда готовая к анализу. В один из дней Бобби пересматривал, быть может, в сотый раз четвертую партию матча за звание чемпиона мира 1985 года между двумя русскими гроссмейстерами Гарри Каспаровым и Анатолием Карповым. Вера Бобби в русский заговор, участниками которого были и два «К», стал его крестовым походом, и он излагал свои взгляды миру уже несколько лет. Он твердо верил, что все партии матча 1985 года были договорными и заранее составлены. «Даже Полгар и Спасский, оба — чемпионы мира, понимают, о чем я говорю, — заявил он, не обращаясь ни к кому в частности, но укрепляясь в своем мнении по мере его высказывания. — Эти партии — подделка! Каспаров должен ответить на мои обвинения! Ему надо пройти через детектор лжи, и тогда весь мир узнает, какой он лжец!»

Подлог в матче 1985 года *очевиден*, настаивал Бобби. В четвертой партии Карпов двинул своего коня на 21-м ходу, что, по мнению Фишера, служило «доказательством» начала договорного варианта. Он указывал всем, кто хотел его слушать, что Карпов «сделал не менее восемнадцати ходов по белым полям. Невероятно!» Это статистически необычно, но не невозможно, и, очевидно, не могло служить доказательством поддельности.

Но ничто не могло разубедить Бобби в его мнении, что

Каспаров и Карпов — «мошенники». Бобби так считал и мнения своего менять не собирался, хотя все гроссмейстеры и многие члены шахматного братства настаивали на том, что обвинения не имели под собой оснований. Ученый из центра Биоинформатики и молекулярной Биостатистики из университета Калифорнии Марк Сигал доказал математически, что такое обвинение ложно и что партии 1985 года статистически более вероятны, чем «сухие» победы Фишера над Таймановым и Ларсеном, и его почти тотальное уничтожение Петросяна. Сигал заключил научное изыскание шутливым замечанием: «Возможно, путь самого Фишера к вершине был частью чьего-то заговора».

Одни такой выплеск эмоций со стороны Бобби объясняли тем, что он отказался в 1975 году играть матч с Карповым, в связи с чем ему хотелось принизить значение матча последнего с Каспаровым. Другие полагали, что смысл обвинений — в продвижении *Фишер-рэндом*. Третьи относили их на счет банальной паранойи. Со своей стороны Бобби так и не объяснил, что выгадывали Карпов с Каспаровым, если они действительно подделали партии, кроме как сохранение титула в русской семье. Но поскольку оба были русскими, то и это соображение теряло смысл.

Если благодарность — память сердца, то позыв Бобби к воспоминаниям был слабым, а иногда не существовал вовсе. Стойкие исландцы из RJF-комитета не только вызволили его из японской тюрьмы и избавили от маячившего десятилетнего тюремного срока, они делали всё, что в их силах по его прибытии в Исландию: нашли ему жилье, защищали от эксплуататоров его имени и всюду сующих свой нос журналистов, давали советы по ведению финансов, возили на термальные источники, приглашали на обеды и праздники, брали на рыбалку и возили по всей стране, стараясь, чтобы он чувствовал себя как дома.

Они создали вокруг него культовую атмосферу, обращаясь с ним, как с лицом королевских кровей семнадцатого века. Каждый функционер имел собственную роль в исполнении любых желаний короля. Но они не ожидали, что король на самый маленький «прокол» будет отвечать в стиле «отрубите ему голову!» Бобби вел себя так, будучи тинэйджером, выказывая непрощающее нетерпение в отношении любого из своих юных обожателей, имевшего несчастье вызвать его неудовольствие. Теперь в Рейкьявике, несмотря на многие поступки доброты и щедрости со стороны хозяев, Бобби начал находить изъяны где только можно, любой мелкий недостаток чрезмерно обобщать и выговаривать тем, кто более других сделал для него.

Первой жертвой стал его послушный телохранитель Саэми Палссон. Палссону никогда ничего не платили («ни цента», пожаловался он, хотя был слух, что Бобби выдал ему чек на 300 долларов перед возвращением в Исландию) за месяцы работы по обеспечению безопасности Бобби в Рейкьявике в 1972 году и в США после матча. И Палссон стал первым исландцем, протянувшим Бобби руку помощи в его попытках вырваться из тюрьмы. Он прилетел в Японию за свой счет и продолжал помогать Бобби, когда тот стал исландским гражданином. Палссон имел веские причины ожидать от Бобби благодарности. Но семена будущего разрыва были посеяны еще даже до вылета из Японии, когда к Палссону обратился исландский продюсер Фридрик Гудмундссон, хотевший сделать документальный фильм о заключении Бобби в тюрьму, борьбе за его освобождение и обретении свободы. Палссон и Бобби *могли* надеяться на получение гонорара, если фильм принесет прибыль, хотя маловероятно, что документальный фильм способен породить даже слабый денежный ручеек.

Бобби сначала согласился сотрудничать, но со строгой оговоркой, — фильм должен стать диссертацией относительно зла, творимого США, а не о его личной жизни или шахматах. Как виделось Бобби, он должен рассказывать, прежде всего, о «киднэппинге» (так он описывал свой арест и удержание под стражей) и спасении.

Съемки начались с момента приземления самолета Бобби в Копенгагене, — с камеры, установленной в спортивном автомобиле, который вез его, Миёко и Саэми в Швецию по пути в Исландию. Снятый с использованием различных технических приемов, дающих эффект «достоверности», неориентированный «на продажу», фильм был плохо смонтирован и тематически эклектичен. Его производство обошлось в 30 млн крон (около 150 тыс. долларов). Отснятый материал был интересен, поскольку впервые после матча 1992 года на экране появлялся живой Фишер. Бобби с ясными глазами и целеустремленным видом заявлял в камеру: «Я ненавижу Америку: это незаконное государство. Его украли у аборигенов-американцев, а построили чернокожие африканские рабы. США не имеет права на существование». Когда он изливал свой яд на евреев, японское правительство и США, то был странно оживлен, словно только что осознал свою свободу. Он и Саэми начали петь «Эта любовь» и другие знакомые старые песни, словно не видевшие друг друга друзья — и так оно и было в то время — выехавшие на природу и поющие от полноты чувств. Иногда даже звучал смех. Миёко сидела тихо, ее улыбка Монны Лизы появлялась, когда она

смотрела на Бобби.

В следующие несколько месяцев, продолжая снимать фильм уже в Исландии, Гудмундссон продолжал свои попытки уговорить Бобби на новые интервью и глубже вовлечь его в проект. «Каким будет название фильма?», — спросил Бобби. Когда ему сказали, что «Мой друг Бобби» (впоследствии его изменили на «Я и Бобби Фишер»), он сразу поставил под сомнение весь проект. «Этот фильм должен быть о моем похищении, а не о Саэми», — возразил он. Другим препятствием стали деньги. Бобби возмутился, узнав, что ему не заплатят никакого аванса. Гудмундссон предложил Бобби 15 % от прибыли, и по 15 % должны получить Саэми, продюсер Стейнтор Биргиссон и Гудмундссон, остальные 40 % уходили партнерам по производству. Фишер пришел в ярость. Почему Саэми вообще *что-то* должны платить? И, раз фильм о Бобби, он и должен получить больше, чем другие! «Мне должны заплатить не меньше 30 %, — яростно доказывал он, — больше чем остальным, ведь я — Бобби Фишер». Он повторял этот рефрен снова и снова: «*Я* — Бобби Фишер! *Я* — Бобби Фишер! *Я* — Бобби Фишер!»

Гудмундссон пытался объяснить свой замысел. Он рассказал Бобби, что у фильма есть потенциал, чтобы стать шедевром: «Это постмодернистский документальный фильм с художественными элементами».

«Наплевать мне на это, — вскричал Бобби. — Скажите мне, *о чем* будет фильм».

Гудмундссон набросал ему схему в стиле предложения «всё включено» специалиста по связям с общественностью:

Это фильм об атомной бомбе.
Это фильм о полицейском на пенсии.
Это фильм о безоглядной любви.
Это фильм о чемпионе мира по шахматам.
Это фильм о безоговорочной ненависти.
Это фильм об иконе.
Это фильм о победе.
Это фильм о войне против террора.
Это фильм о международном беглеце.
Это фильм о безумстве.
Это фильм о танцах в стиле рок.

Чем дальше читал Бобби, тем большее отвращение вызывал у него фильм, Гудмундссон и Саэми. Бобби обратился к членам RJF-комитета с просьбой остановить производство фильма или добиться судебного запрета. Выражая симпатию к положению, в котором оказался Фишер, комитет разослал своим членам письмо

протеста, пересланное, в конечном счете, исландскому телевидению, другим медиа, а также тем, кто финансировал фильм и его дистрибьюторам. Бобби изменил некоторые выражения в письме протеста, сделав его более жестким и менее дипломатичным. В нем, в частности, говорилось:

> М-р Фишер желает, чтобы группа привлекла внимание к тому факту, что сценарий и структура вышеупомянутого «документального фильма», являющегося объектом письма, совершенно неудовлетворительны, и что сам материал был получен обманным путем.
>
> Основная тема фильма с рабочим названием «Мой друг Фишер», находится, по его мнению, в полном противоречии с идеями, предложенными в 2005 году касательно возможной новостной программы для исландского телевидения, посвященной осуществленному США киднэппингу м-ра Фишера в Японии с заключением его в тюрьму, и последующему дарованию ему исландского гражданства и освобождению из тюрьмы.
>
> В виду изложенного выше, абсолютно против его желания, чтобы партии Исландии и любых других стран субсидировали производство фильма или показывали его по завершении съемок и монтажа.

Бобби уже перестал разговаривать с Саэми и отвечать на звонки Гудмундссона, а своего экс-телохранителя называл уже не иначе, как «Иуда» за попытку сделать фильм, который больше о нем, Саэми, чем о страданиях Бобби. Он, Бобби хотел, чтобы фильм получился полемическим, не биографическим, — и уж совсем не о его телохранителе. Почти в полном составе члены RJF-комитета перестали контактировать с Саэми Палссоном. Фильм оказался кассовым провалом, и принес только 40000 долларов. Дополнительные деньги удалось получить от продаж DVD и телевизионной лицензии.

Затем королевское недовольство Бобби направилось на другого исландца Гудмундура Тораринссона. «Я так и не получил всех денег от продажи билетов в 1972 году», — неожиданно выдвинул он обвинение против Тораринссона на одной встрече у себя дома. «Я хочу посмотреть бухгалтерские книги. Где они?», — потребовал Бобби. Тораринссон разинул рот от удивления, не зная, что и ответить. Затем объяснил, что Бобби получил все причитающиеся ему деньги, но что гроссбухи дома он не держит, но может их поискать в офисе исландской шахматной федерации,

коей он был президентом в 1972 году, когда собственно и инициировал подачу заявки на матч за мировое первенство. После тридцати истекших лет маловероятно, что записи сохранились. Бобби ответ не удовлетворил. Книги найти не удалось, и Бобби больше с Тораринссоном не разговаривал.

Бобби использовал различные формы ложной логики для обвинения и нападения на целые классы людей, таких как евреи. Теперь он применил ложную логику против доброжелательных исландцев. Его алогичный силлогизм звучал так:

> Саэми обманул и предал меня.
> Саэми исландец.
> Поэтому все исландцы обманщики и предатели.

Поток нападений, подозрений, надуманных и далеко идущих оскорблений стал извергаться в сторону RJF-комитета после инцидента с Саэми, и мало кому из группы его поддержки удалось избежать гнева Фишера. Даже стойкие приверженцы Бобби ощутили остроту его жала: Хельги Олафссон за то, что не терпел антисемитизма Бобби, и за слишком большое число вопросов о «старых шахматах» («Наверное, пишет книгу»); Дэвид Оддссон по неизвестным причинам, даже Оддссону; и, что удивительно, Гардар Сверриссон, его ближайший друг, его представитель и сосед — за то, что не информировал Бобби о глупой и безвредной фотографии ботинок Бобби, появившейся в «Моргунбладид». Гардару удалось выйти из размолвки почти без ущерба — недовольство Бобби длилось только 24 часа. Остальные члены группы стали персонами *нон грата*.

К осени 2007 года разочарование Бобби Исландией стало бесповоротным. Он называл ее «Богом забытой страной» и характеризовал исландцев, «как особых людей, но в негативном смысле». Но если исландские доброжелатели знали о неблагодарных высказываниях Фишера («Я ничего не должен этим [людям]!», — заявлял он презрительно), они не обсуждали их публично, что характерно для большинства скандинавов. Те, кто прямо испытали на себе его неблагодарность, были опечалены, но стойки. «Ну, что ж, это Бобби, — заметил один исландец. — Нужно принимать его таким, каков он есть». Словно он был «дурачок», трудный ребенок, не в таком уж секрете усыновленный исландцами, но с любовью и без предчувствий дурного.

> «Ты — правда. Ты — любовь. Ты — блаженство. Ты — свобода».

Бобби читал «Библию Раджниша», книгу харизматического и противоречивого гуру Бхагвана Шри Раджниша. Подобно Бобби, Бхагван также имел трудности с иммиграционным департаментом США, его арестовали и заставили покинуть страну. Бобби соотносил себя с ним в этом отношении и особенно ценил одно из его изречений: «Никогда не слушай ничью команду, если она не исходит из твоего нутра».

Философия Бхагвана привлекала Бобби с тех пор, как он начал ее изучать в те восемь лет, что провел в Венгрии. Хотя Бобби никогда не практиковал медитацию, существенную часть системы веры Бхагвана, он глубоко заинтересовался качествами идеального — или «реализованного» — самого себя, описанными Бхагваном. Бобби не слишком сильно интересовало проповедование Бхагваном таких качеств, как любовь, праздничность или юмор. Ему легла на душу идея индивидуальности, поднимающейся на новый уровень. Фишер думал о себе, как о воине во всех областях, не только в шахматах — и нахождение в Исландии, вне тюремной камеры, не влияло на образ его мыслей. «Я всегда под атакой», — гордо заявлял Бобби, и он не имел в виду шахматную доску. Во время военных действий нет места праздникам и юмору. Он был в боевой стойке, готовый сражаться против шахматного истэблишмента, «Юнион-Банка» Швейцарии, евреев, США, Японии, исландцев в целом, медиа-, подвергшейся обработке еды, Кока-Колы, шума, загрязнения среды, ядерной энергетики и обрезания.

Бобби думал о себе, как о «всё осознающем», попадающем в размер концепции Бхагвана о ницшеанском «Сверхчеловеке», который преступает общественные установления. «Я гениален», — произнес он коротко по возвращении в Исландию, нескромно, но искренне. «Не просто шахматный гений, но гений и в других областях».

Попытки Бобби найти более глубокий, быть может, религиозный смысл своей жизни, шли по широкому, но извилистому пути. В его начале, в детстве, это был иудаизм, принадлежность к которому он никогда в себе не ощущал; затем фундаментализм, пока его не разочаровали лидеры Всемирной церкви бога. Его квази-религией — или глубокой верой — стал антисемитизм, от которого он никогда не отказывался. На одном этапе своей жизни его привлек атеизм, но ненадолго. Его скорее покорил культ самого Раджниша, чем идеи гуру. Ближе к концу жизни он пришел к католицизму.

Противоречие в терминах, оксюморон? Католик Бобби Фишер?

Какая-то лакуна ощущалась в жизни Бобби Фишера, бездна, которую требовалось заполнить. Погрузившись в книги, он открыл писания католических теологов, его заинтриговала религия. Гардар Сверриссон, его ближайший друг в Рейкьявике, был католиком (один из немногих: 95 % исландцев — лютеране), и Бобби стал задавать ему вопросы о литургии, поклонении святым, теологических тайнах и других вопросах религии. Гардар отвечал, как мог, но он не был теологом. Кончилось тем, что Бобби принес *ему* книгу «Основы Катехизиса: Вероисповедание, Таинства, Мораль, Молитва», чтобы Гардар был более «подкован» для их дискуссий.

Точно неизвестно, прошел ли Бобби обряд крещения в римскую католическую религию в традиционном смысле — погружение в воду, миропомазание (елей, или специальное масло) и торжественное благословение священника, совершающего таинство, но не исключено. Эйнарссон и Скулассон оба заключили, что Бобби, хотя и размышлял на эту тему в конце жизни, *не* был убежденным сторонником католической церкви, и *не* обратился в новую веру. Но существуют три формы крещения: водой (обычный способ), огнем (мученичество) и в душе (ресипиент *желает* креститься). Если Бобби *желал* стать католиком, возможно, это стремление было достаточным для него, чтобы быть принятым в Церковь, по меньшей мере, не самым консервативным священником. Согласно Гардару Сверриссону, Бобби обсуждал с ним трансформацию общества через гармонизацию отношений между отдельными людьми, и предрекал, что «единственную надежду на спасение миру может дать только католицизм».

Увлечение Бобби католицизмом, — религией, в основе которой милосердие, покорность и раскаяние в грехах, трудно примирить с такими его высказываниями: «К несчастью мы недостаточно сильны, чтобы уничтожить всех евреев. Но я полагаю, их нужно убивать при первой возможности. Я хочу, чтобы люди поднялись против евреев до точки насилия! Потому что евреи — преступный народ. Они заслуживают того, чтобы им раскалывали головы».

«Я не тот, кем был раньше», — написал Байрон в «Паломничестве Чайльд Гарольда», и таким мог быть ответ Бобби относительно его духовных изменений ближе к концу жизни. Или, как бы цинично это ни звучало, его возможное принятие католицизма было всего лишь теологической шахматной игрой, тактикой и долговременной стратегией, которые, по его расчетам, вели к вечному спасению. Люди часто верят, что их обращение совершено, как только они того захотели, хотя они еще не

достигли — и часто даже не осознают необходимости этого — состояния внутреннего вероисповедания. Только Фишер знал, что у него на сердце.

На фотографии Бобби, сделанной Эйнаром Эйнарссоном летом 2005 года, всего через несколько месяцев после прибытия Фишера в Исландию, ясно различимы признаки подступающей болезни. Фишер обычно не позировал для фотографий, но во время обеда с Эйнарссоном в «3 Frakkar» («Три пальто») его приветствовал старый шеф, знакомый еще с матча 1972 года, который попросил разрешения сняться с ним. Эйнарссон сделал фотографию их двоих, а затем чуть повернул камеру влево и сделал фото одного Фишера. И открылось лицо мужчины, страдающего от боли: психической и, возможно, физической. Давид Сурратт, шахматный редактор, заметил: «Какая экспрессия в глазах, мой бог, можно ощутить его печаль, и даже чувство сожаления. Сожаление о том, что могло быть, или о том, что потеряно во второй половине жизни».

Бобби начал испытывать проблемы с мочеиспусканием и полагая, что причина — просто увеличение простаты, отказывался поначалу верить, что с ним может быть что-то серьезное. Его беспокоили также легкие, было трудно дышать. Не доверяя всю жизнь докторам, он терпел до октября 2007 года, когда боль и неспособность к мочеиспусканию стали невыносимыми. Он отправился в больницу и попросил поверхностного, без внутреннего вмешательства, исследования, но ему объяснили, что только анализ крови позволит доктору судить о состоянии его почек. Бобби с неохотой согласился; тест выявил, что он страдал от повышенного содержания сыворотки креатинина, превышающего 1.4 — максимально допустимое значение. Зондирование показало, что у него блокирован канал мочеиспускания. С этим можно было справиться — но не вылечить — путем приема определенных лекарств. Но обнаружились и проблемы с почками, которые плохо функционировали. Из принципа, корнями восходящего ко времени приятия им идей Всемирной церкви бога, Бобби отказался от любых типов лечения, а мысль о подключении к машине диализа для очищения крови каждые несколько дней до конца жизни даже не рассматривалась. Когда ему предложили диализ, он отверг его с порога. Его предупредили, что при отказе от лечения, впереди — полный паралич почек, приступы и даже слабоумие. Когда он попросил больше информации о диагнозе, доктор сказал ему, что если не начать процедуры диализа немедленно, он проживет не более трех месяцев. Несмотря на это

гнетущее предупреждение, он отказался не только от лечения, но даже от приема обезболивающих, способных облегчить агонию. Возможно, Бобби просто перестал бороться, пустив жизнь идти своим ходом, начав медленную форму самоубийства. Его друг Пал Бенко придерживался этого мнения.

Бобби позволил, чтобы в больнице «Ландшпитали» его осмотрел д-р Эрикур Йонссон, который в течение семи недель провел тот минимум лечения и обследований, который допустил пациент. Это время стало трудным не только для Бобби, но и для медицинского персонала. Он не разрешал использовать постоянный катетер и настаивал, чтобы ему помогали при мочеиспускании всякий раз, как у него возникала потребность. Он наложил ограничения на еду, которую мог потреблять, составил список потенциальных посетителей, коим разрешалось его посещать, и другой список — тех, кому запрещалось входить в палату.

Гроссмейстер Фридрик Олафссон навещал его раз в неделю. Бобби попросил его приносить ему бутылки со свежевыжатым морковным соком из «Иггдрасил»; если в магазине здоровых продуктов его не было, Олафссон должен был покупать импортный из Германии. Ни при каких обстоятельствах, строго указал Бобби, нельзя ничего покупать из Израиля. Неудивительно, что во время этих визитов они обсуждали шахматы. Бобби хотел, чтобы Фридрик принес ему книгу с партией матча Каспаров-Карпов, которую, по многолетнему убеждению Бобби, они составили заранее, чтобы обсудить ее и переиграть на карманных шахматах Бобби. Но вместо книги Фридрик принес несколько нужных скопированных страниц, чтобы не таскать лишнюю тяжесть. Бобби сильно огорчился: «Почему ты не принес всю книгу?»

Бобби попросил, чтобы ему прислали фотографию матери, и Рассел Тарг, муж сестры, выполнил просьбу. Бобби смотрел на нее время от времени, но она не стояла у него на столе, как об этом писали в прессе, а находилась в ящике стола, как ему казалось, под защитой.

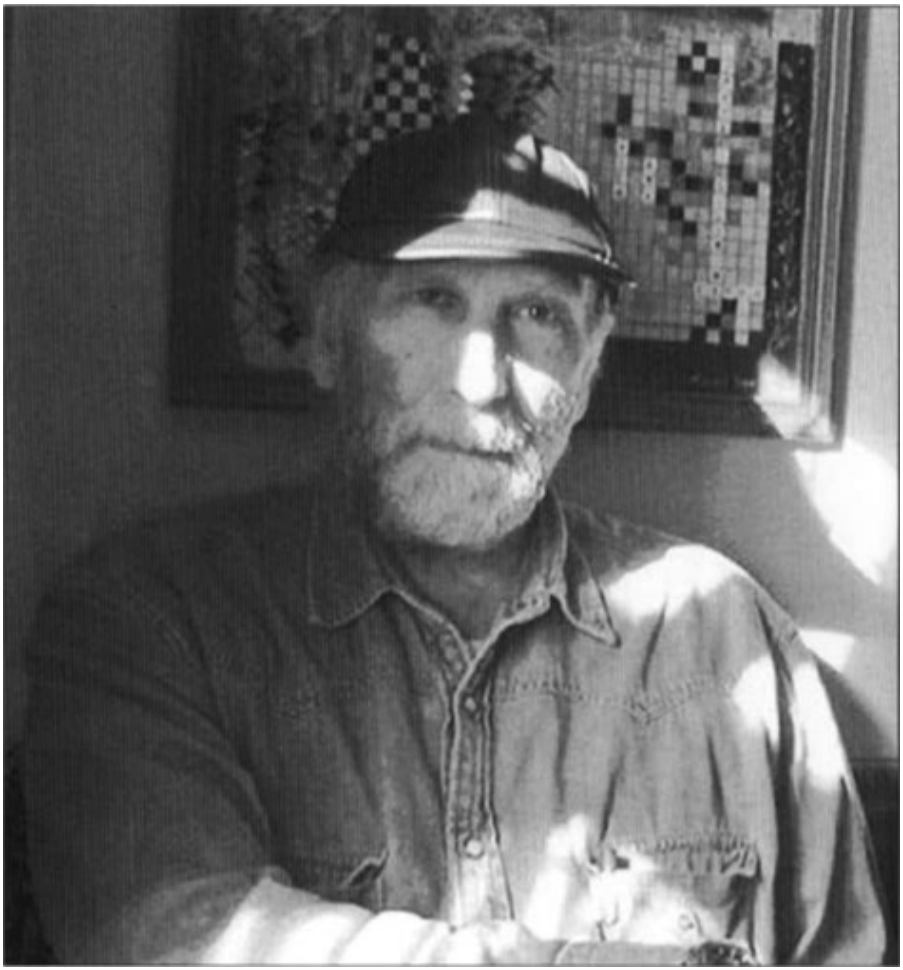
Из всех тех, кто навещал его в больнице, более других ему нравилось общество д-ра Магнуса Скулассона, члена RJF-комитета, который мало участвовал в его делах и едва ли хоть раз встречался с Бобби за те три года, что тот жил в Исландии. Скулассон был психиатром, главным врачом психиатрической клиники «Сонг Ментал Асилум» для нездоровых преступников. Он также был любителем шахмат, высоко ценил достижения Бобби Фишера и сочувствовал ему, как мужчине.

Нужно подчеркнуть, что Скулассон не являлся «психиатром

Бобби», как писала пресса, и он не предлагал Бобби сдавать какие-либо анализы или проходить сеансы психотерапии. У постели Бобби он был его другом, старающимся сделать для него всё возможное. Но в силу своей профессии он не мог не делать определенных наблюдений относительно умственного состояния Бобби. «Он точно не был шизофреником. — сказал Скулассон. — У него имелись проблемы, вероятно вызванные детскими травмами, сильно на него подействовавшими. Его неправильно поняли. Под поверхностью скрывалась заботливая и чувствующая душа».

Скулассон был мягкой, но сильной личностью, обладавшей притягательной серьезностью. В разговоре он представал скорее как философ, чем человек с медицинским и психологическим образованием, он цитировал Гегеля и Фрейда, Платона и Юнга. По просьбе Бобби он приносил ему в больницу еду и соки, и часто Скулассон просто молча сидел рядом у кровати. Когда Бобби испытывал сильные боли в ногах, Скулассон их массирован, используя тыльную сторону ладони. Бобби однажды посмотрел на него и произнес: «Ничто так не успокаивает, как человеческое прикосновение». Однажды Бобби проснулся и спросил: «Почему вы так добры ко мне?» Понятно, у Скулассона не было ответа.

Д-р Йонссон начал испытывать давление со стороны руководства больницы, желавшей выписки Бобби, поскольку он отказался от прохождения полного курса лечения. Йонссон понимал, что выписка станет для Бобби смертным приговором, поэтому под разными предлогами продолжал держать Бобби в больнице, пытаясь создать ему достаточно комфортные условия. Не сообщая о том Бобби, сестры стали колоть ему морфий, дабы ослабить боль. В конце концов, смертельно больного, но всё еще упрямо отказывающегося от полноценного лечения, в декабре 2007 года его выписали из больницы и вернули в квартиру на Эспергерди, где Сверриссон, его жена Кристин и двое их детей, живших двумя этажами ниже Бобби, стали его помощниками и охранителями. В особенности это относилось к Кристин, которая ухаживала за ним, используя свои навыки сиделки.



Последний известный фотографический портрет Бобби Фишера, гражданина Исландии. Сделан в 3 Frakkar («3 Пальто»), его любимом ресторане и Рейкьявике.

Выход из больницы поначалу укрепил дух Бобби, он почувствовал себя лучше, и даже сходил в кино с 21-летним сыном Сверриссона, профессиональным футболистом. На Рождество, когда весь Рейкьявик горит огнями и украшен рисунками *Currier* и *Ives*, и праздник длится и длится, приехала Миёко и осталась с ним в его апартаментах на две недели. 10 января 2008 она улетела обратно в Токио, теряя день из-за разницы во времени. Вскоре она получила звонок от Сверриссона о том, что состояние Бобби серьезно ухудшилось. Ей потребовалось время на покупку билетов, и когда она прилетела в Исландию, Бобби уже отвезли в госпиталь на машине Сверриссона. Он мирно скончался в больнице 17 января. Подобно числу клеток на шахматной доске — ироническое совпадение,

которому не стоит придавать много значения — ему было 64 года.

Эпилог

Борис Спасский испытал шок. Обеспокоенный болезнью Бобби, он постоянно следил за ситуацией. И… неожиданная новость — Бобби умер. Неспособный выразить боль утраты, он отправил и-мейл Эйнару Эйнарссону: «Мой брат умер».

Этими тремя словами он выразил, как глубоко его чувство в отношении Бобби, хотя мир об этом уже знал. Однажды он сказал, что «любил» Бобби Фишера… как брата. На матче 1992 года он публично заявил, что готов биться, «и я буду биться, но с другой стороны, мне хочется, чтобы Бобби выиграл, ибо считаю, что Бобби должен вернуться в шахматы». Когда Бобби заключили в Японии в тюрьму, Спасский вполне серьезно заявлял, что готов разделить с ним камеру (и шахматную доску). Уважение Спасского к своей Немезиде граничило с низкопоклонством и даже страхом. Однажды он сказал: «Вопрос не в том, выиграешь ты или проиграешь Бобби Фишеру, вопрос — выживешь ли?» Но между ними была настоящая дружба, выходящая за пределы шахматной доски, и Спасский всегда это подчеркивал. Ему казалось, что они «слышали» друг в друге присущее бывшим чемпионам неспокойное одиночество, ностальгию, незнакомую большинству.

За три недели до смерти Бобби Спасский послал своему старому другу полушутливое сообщение, в котором просил слушаться во всем докторов, и писал, что после его «вызволения» из больницы им нужно связаться.

Спасскому сообщили, что состояние Бобби тяжелое, но он не осознавал, насколько. Исландская традиция не поощряет обсуждение болезни за пределами семейного (и близких друзей) круга, но по причине заботливых высказываний Спасского о его многолетнем противнике, Эйнарссон посчитал его принадлежащим «семье» Бобби и дал ему знать, что состояние его друга ухудшилось. Спасский написал: «Я испытываю братские чувства в отношении Бобби. Он хороший друг».

В последние дни своей жизни Бобби становился всё более слабым, он едва мог говорить, организм отторгал пищу. Его губы всегда были сухими. Либо 48-летний Гардар Сверриссон, сам нездоровый, либо его жена Кристин, медсестра, оставались с Бобби у него на квартире всю ночь, приглядывая за спящим Бобби и ухаживая за ним, если он просыпался.

Бобби сказал Гардару, что хочет быть похороненным на скромном деревенском кладбище, расположенном неподалеку от

городка Селфосс, что примерно в часе езды от Рейкьявика, на земле фермерской общины Лаугардаелир. Кладбищу, как утверждалось, было уже тысяча лет; устроили его, когда Эрик Рыжий[25] отправился в Гренландию, и Альтинг — исландский парламент (первый в Европе) — уже был создан. По иронии судьбы, именно это государственное образование и дало гражданство Бобби в 2005 году.

Скромная лютеранская церковь — часовня, скорее, похожая на декорацию к драме Ингмара Бергмана и способная вместить не более 50-ти прихожан одновременно, охраняет территорию кладбища. Бобби ощутил умиротворяющую атмосферу этого места, когда посещал родителей жены Сверриссона, живущих в Селфоссе. Бобби и его друг Гардар долго гуляли среди древних скал по узким тропинкам. В памятной статье, опубликованной в «Айслэнд Ревью», писатель Сара Бласк подытожила чувства Бобби касательно своего захоронения: «Он просто хотел быть похороненным, как обычный человек — не шахматист, просто *личность*».

Бобби долго не хотел признаться самому себе, что умирает, но когда смирился с неизбежным, то ясно дал понять Сверриссону, что не нужно ни фанфар, ни медийного цирка, ни пышных похорон, достаточно простой *частной* церемонии. Желая управлять ходом событий до конца, он особенно настаивал на том, чтобы никто из его «врагов» не присутствовал на похоронах: то есть тех, кто эксплуатировал его, или с кем он «враждовал». И прежде всего, не должно быть журналистов, телекамер и зевак-туристов.

Сверриссон организовал похороны и постарался строго соблюсти все последние указания Бобби. Он понимал, что другим членам RJF-комитета, без устали работавшим на Бобби, будет нанесена глубокая обида тем, что они не смогут отдать дань последнего уважения посещением церемонии похорон, но он являлся верным другом Бобби, и все последние годы оберегал его и выполнял все пожелания. Эта последняя услуга, оказанная другу, на долгое время вызовет к нему чувство недоброжелательства со стороны некоторых членов RJF-комитета, а также других людей, ощущавших себя близкими Бобби во время его жизни в Исландии. Рассел Тарг, кузен Бобби, был особенно раздосадован, поскольку прилетел из Калифорнии специально на похороны и только чтобы узнать, что он опоздал на несколько часов. Шахматная Федерация США прислала коммюнике в адрес Исландской Шахматной Федерации с запросом относительно места захоронения тела Бобби, вероятно, с целью отвезти его на родину в США — идея, которая Бобби точно не понравилась бы. В

момент ухода его из жизни Сверриссон особенно остро почувствовал своим долгом точное выполнение пожеланий друга — он будет похоронен в том месте, в то время и как того хотел Бобби.

Понадобилось несколько дней, чтобы всё подготовить: выкопать могилу, что нелегко зимой в Исландии в промерзшей вулканической породе; найти священника, собрать необходимые документы, чтобы можно было забрать тело из морга; и после осуществления всех этих мер — дожидаться прилета Миёко из Японии. Через четыре дня после его смерти в восемь часов вечера катафалк с телом Бобби отправился в часовую поездку в Селфосс, оттуда — на кладбище. Процессия двигалась без какой-либо помпезности, как того желал Бобби; катафалк с останками величайшего шахматиста в истории на пути в Лаугадаелир поджидали порывы жгуче-холодного зимнего ветра. Снег зарядил с утра, а теперь потемнело, лил дождь. Сверриссон, его жена, двое детей и Миёко приехали в Селфосс за день до этого, дабы убедиться в завершении всех деталей.

Отец Якоб Ролланд, миниатюрный католический священник, выходец из Франции, которому выпала уже честь участвовать в похоронах Халлдора Лакснесса (единственный исландский нобелевский лауреат — в области литературы — и обращенный в католицизм) произнес несколько слов благословения, проведя, как сообщают, параллель между похоронами Бобби и Моцарта, прежде чем гроб опустили в могилу. «Как и того — хоронят в присутствии немногих, и он обладал таким же, как и тот, умом, способным видеть то, что другие еще даже не начали понимать». Не было ни панихиды, ни фимиама, ни реквиема. Даже звезды, обычно хорошо видимые на незагрязненном небе, спрятались за дождевыми облаками в эту мрачную ночь. Церемония заняла двадцать минут, после чего ее продрогшие участники покинули кладбище. На могильном холме торопливо поставили белый деревянный крест с табличкой, на которой было написано:

Robert James Fischer
F. 9 mars 1943
D.17 januar 2008
Hvil i friði

«*Покойся с миром*», — на древнеисландском языке.

Через несколько недель ежедневный автобус начал курсировать из Рейкьявика — иногда два-три раза в день — с зеваками-туристами, которых так отчаянно хотел избежать Бобби. Могила, теперь уже с мраморным надгробием высотой в два фута, стала одной из главных достопримечательностей Исландии.

Могила Роберта Фишера в Селфоссе.

На момент смерти состояние Бобби Фишера составляло более 2 млн долларов — главным образом призовые, оставшиеся от 3,5 млн долларов, полученных в 1992 году за матч со Спасским. Но Фишер, так стремившийся всё контролировать на шахматной доске и вне ее, не оставил завещания. Быть может, он полагал, что сможет управлять течением собственной болезни и не верил, что умирает до тех пор, пока не стал слишком больным, чтобы заниматься документами. Или, быть может, странным образом его забавляла мысль, что его деньги станут причиной споров, что они инициируют причудливый шахматный матч, в котором возможные получатели наследства будут по очереди делать ходы, стремясь получить более выгодную позицию.

Четыре человека претендовали на то, чтобы считаться законными наследниками Бобби: Миёко Ватаи, которая жила с Бобби и утверждала, что являлась его женой; Николас и Александр Тарги, племянники Бобби (два сына его умершей сестры Джоан) и Джинки Янг, заявившая, что приходится ему

дочерью. Все направили нужные бумаги в Исландию и теперь ожидали, пока местный суд их рассортирует. Правительство США также вступило в спор в надежде взыскать налоги, не уплаченные Бобби за последние двадцать лет.

Согласно законодательству Исландии жена получает 100 % имущества мужа, если нет детей, и только одну треть, если есть один или более ребенок. У исландского суда вызвало сомнение японское свидетельство о браке, полученное от Миёко, поскольку она представила лишь его фотокопию, и у нее возникли трудности с доказательством, что она — законная жена Бобби.

С братьями Тарг вопросов не возникало — они были его племянниками. Теперь уже взрослые люди — один врач, другой юрист — оба жили в Калифорнии. Они ясно понимали, что могут получить наследство только в том случае, если «более близкие» родственники — такие, как жена или ребенок — не докажут, что они законные наследники. Им стоило, поэтому, попытаться оспорить законность других исков.

И наконец, Джинки. Ей исполнилось восемь лет на момент смерти Бобби, который поддерживал ее финансово с самого рождения. Исландские друзья говорили, что Фишер был добр к девочке, играл с ней и покупал подарки во время ее пребывания в Исландии. Но удивительно, что во все три года жизни Бобби в Исландии, Джинки и Мэрилин посетили Рейкьявик всего однажды, провели месяц и жили отдельно от Фишера.

Через полтора года после смерти Бобби Мэрилин и Джинки снова прилетели в Исландию, на этот раз — чтобы предъявить свои права на наследство. Для представления интересов ребенка через посредничество Эугенио Торре был нанят исландский юрист Тордур Богасон, который подал прошение в суд о проведении ДНК-теста с целью доказать отцовство Бобби. Получить образец ДНК Джинки проблем не составляло: врачи просто взяли у нее кровь. Но получить образец ДНК Фишера оказалось намного сложнее. Национальный Госпиталь Исландии, где Бобби умер от почечной недостаточности, не сохранил образцы его крови. Его вещи всё еще оставались у него на квартире в Рейкьявике, но как сказать с определенностью, что волос, взятый с его расчески, принадлежит именно ему? Уверенным можно быть, только если взять образец непосредственно с тела Бобби. Только так можно снять все вопросы, было общее мнение. В США ФБР, которое часто брало образцы ДНК в делах, связанных с преступлениями, рассматривало результаты такого тестирования, если оно выполнялось по последнему слову науки, неоспоримым доказательством.

Эксгумация тела Бобби многие месяцы была едва ли выполнимой: его могилу занес снег, и копать замерзшую исландскую землю очень трудно до поздней весны. А пока шли споры о целесообразности эксгумации в нижних палатах суда, окончательный вердикт вынес Верховный Суд Исландии: он постановил, что Джинки имеет право знать, является Фишер ее отцом или нет.

В 3 часа ночи 5 июля 2010 года могила Бобби Фишера была вскрыта группой экспертов из Официального управления кладбищами Рейкьявика. Необычное время для проведения эксгумации выбрали для того, чтобы помешать репортерам или зевакам увидеть труп, и не дать его сфотографировать. После снятия почвы до уровня крышки гроба, его окопали по периметру, чтобы рядом могли встать несколько человек. Мрачная группа людей, словно оплакивающих покойного, смотрела вниз на гроб и на выкопанное вокруг него пространство: преподобный Кристин А. Фридфиннссон, пастор церкви; некоторые из церковных старейшин; судебные эксперты; официальные правительственные лица; юристы, представляющие интересы каждой из сторон; д-р Оскар Рейкдалссон, руководивший эксгумацией; и Олафур Кьяртанссон, шериф Селфосса — городка, расположенного рядом с кладбищем. Все они присутствовали с тем, чтобы обеспечить уважительность и профессионализм процедуры, и для того, чтобы эксгумация не была скомпрометирована.

В четыре часа утра, непосредственно перед взятием пробы на ДНК, над местом захоронения развернули большой белый тент, чтобы еще надежнее закрыть происходящее от посторонних. Наступало тихое и красивое летнее утро с мирным ветром.

Гроб не поднимали и не двигали, но крышку открыли. Некоторые журналисты писали, что тело не извлекали, а просто буром пробили землю, крышку гроба и так добрались до тела Бобби. Шериф Кьяртанссон на следующий день опроверг это утверждение. Никакой бур не использовался, заявил он, образцы взяты непосредственно из тела Бобби.

Обычно при ДНК-эксгумации забирают *несколько* образцов на случай, если один окажется непригодным. Судебные медэксперты рекомендуют брать образцы из ногтя, зуба, ткани тела и бедра. При эксгумации Бобби был взят фрагмент кости маленького пальца левой ноги в дополнение к семи образцам ткани — достаточно для точного тестирования. Как только процедура была завершена, гроб засыпали землей вперемешку с лавой и пылью от остаточного пепла, занесенного в Селфосс после недавнего извержения вулкана. Травяной торф, снятый с могилы при эксгумации, вернули на место. Образцы упаковали и отправили в

судебную лабораторию в Германию для анализа. От исландской ДНК-лаборатории отказались, чтобы исключить возможность компрометации или споров.

Идея потревожить мертвое тело любому может показаться кощунственной — некоторые религии, как, например, ислам или иудаизм, это запрещают (допуская лишь в исключительных случаях), но Бобби, охранявший свою личную жизнь, и — особенно ближе к смерти — как мало кто в мире, безусловно, счел бы произошедшее финальным актом неуважения. Даже после смерти его не оставили в покое.

Но, в каком-то смысле, он стал высшим судьей. Согласно статье 17, акт 76/2003 исландского парламента «мужчина считается отцом ребенка, если результат ДНК-анализа безусловен [в отношении факта, что он отец]. Иначе он не считается отцом». Через шесть недель после эксгумации окружной суд Рейкьявика объявил результаты анализа: ДНК-пробы не совпадали. Бобби Фишер *не* является отцом Джинки.

Итак, Джинки более не считалась наследницей, претендентами оставались Миёко Ватаи, племянники Тарги и налоговое ведомство США.

Подобно шахматной партии между равными соперниками, борьба продолжалась. Сэмюэль Эстимо, шахматный мастер и юрист Джинки на Филиппинах, написал Богасону — исландскому коллеге, что признавать отказ по иску Джинки еще рано. Полагая возможность мошенничества, Эстимо написал письмо в «Нью-Йорк Таймс», а также в другие медиа следующего содержания:

> Эксгумация могилы Бобби Фишера проводилась с процедурными нарушениями. Его гроб следовало извлечь из могилы и открыть, чтобы быть уверенными в том, что семь образцов ткани, взятые с останков, находящихся в гробе, принадлежали именно Бобби Фишеру. Процедура вызывает сомнения. Место захоронения принадлежит семье Гардара Сверриссона, близкого друга Миёко Ватаи, одной из истиц по делу о наследстве Бобби. Он имел полный доступ к могиле без ведома пастора. Фишер был похоронен перед церковью ранним январским утром без уведомления пастора. Кто знает, что могло произойти между датой похорон и днями перед эксгумацией.

Хотя Богасон предупреждал Эстимо, что его предположения посчитают клеветническими, и что ему следует признать дело закрытым для его клиента Джинки, Эстимо решил *не* сдаваться. Он запросил ДНК-образцы от племянников Бобби, чтобы

проверить через их семейную наследственность, действительно ли образцы, взятые при эксгумации, соответствуют ДНК Бобби. Очевидный подтекст запроса Эстимо — что другое тело взамен тела Бобби каким-то образом поместили в могилу — стало для многих проверкой на доверчивость. А идея обмана при эксгумации казалась еще более невероятной. В присутствии стольких официальных лиц, врачей, ученых, представителей церкви — всех этих людей, стремившихся ответить на вопрос, являлся ли Бобби отцом Джинки, казалось невозможным, что эксгумация могла быть осуществлена не должным образом. Тем не менее, исландский суд вновь открыл дело, чтобы юрист Джинки мог представить дополнительные свидетельства в пользу ее утверждения, будто она приходится Бобби дочерью. Богасон, несогласный с Эстимо, вышел из дела. Эстимо вновь попросил, чтобы братья Тарги предоставили их ДНК для сравнения их образцов с теми, что были взяты из гроба. Если они не совпадут, Эстимо мог бы утверждать, что образцы, взятые из тела Бобби, подделаны.

Но даже если результат теста окажется положительным, Эстимо утверждал, что Джинки Янг должна считаться его наследницей, поскольку Бобби обращался с ней как с дочерью. Но возникал вопрос: если бы наследство не было столь большим, велась бы борьба за то, чтобы считаться законным наследником Бобби, столь же остро? Но дело не только в деньгах: на кону была законность отцовства — биологического или номинального, и филиппинской нации хотелось знать, является ли ее гражданка Джинки Янг дочерью величайшего шахматиста в истории.

Тем временем у братьев Тарг на пути к наследству осталась одна претендентка — Миёко. Или, во всяком случае, Миёко *оставалась бы* единственным препятствием, если бы не правительство США, которое, по иронии судьбы, может выйти из этого шахматного матча главным победителем[26]. Если налоговое ведомство США сумеет получить налоги, не уплаченные Бобби, а также штрафы, «призовой фонд» в миллионы долларов, за который борются предполагаемые наследники, существенно уменьшится. От целого состояния могут остаться гроши, что станет для наследников поражением.

И каким же останется наследство, завещанное Бобби? Для шахматистов, для всех тех, кто следил за историей взлета Бобби Фишера, которого многие считают величайшим шахматистом из всех, когда-либо живших на Земле, его наследием — для наследников, равно как и для всего мира — может стать благоговейное восхищение, которое вызывало его блистательное искусство.

Послесловие

Хотя начал я писать книгу о Бобби много лет назад, его жизнь и блестящую, противоречивую карьеру отличали такие причудливые извивы, что мне стало понятно: часть ранее мною написанного о нем — например, вера в то, что он станет самым активным чемпионом мира в шахматной истории — и некоторые сведения, полученные мною от людей, знавших его и встречавшихся с ним за доской, должна быть прояснена или переоценена. «Ртутный» Бобби постоянно открывался новыми и неожиданными гранями своей личности; обнаружившиеся после смерти некоторые новые сведения о нем выходят далеко за пределы моих ожиданий. Попытка «измерить» мутации Бобби Фишера стали причиной написания книги «Конец игры».

До написания книги я не мог предвидеть, как отнесутся к ней читатели. Бобби Фишер умер в 2008 году, достигнув пика своей славы более сорока лет назад; о нем и его партиях уже написано около сотни книг. Но оставался неугасающий интерес к его личной жизни. Одни чувствовали к нему симпатию, другие — отвращение, но очарование сохраняется, как это происходит с такими загадочными фигурами, как Грета Гарбо и Дж. Д. Сэлинджер. Годы идут, появляются новые книги, статьи, фильмы и исследовательские работы относительно Бобби. В них предпринимаются не только попытки понять особенности его личности, но и приводятся самые сокровенные детали его жизни — где он жил, что читал, личные привычки, капризы и цинизм, очарование и неудержимая энергия — в надежде отыскать ключ к его гению. Что сделало Фишера великим шахматистом? Что сделало его таким ранимым и несдержанным? Ответы на эти вопросы не может, вероятно, дать биограф, но попытку предпринять стоило.

Через несколько недель после своей публикации, «Конец игры. Биография Роберта Фишера» стала первой посвященной шахматисту книгой, вошедшей в список бестселлеров «Нью-Йорк Таймс». «Нью-Йорк — книжное обозрение» назвала ее «грандиозным достижением, впечатляюще сбалансированным взглядом», и я с удивлением и гордостью сообщаю, что журнал «Чесс Лайф» охарактеризовал книгу, как «шедевр». «Конец игры» опубликована на голландском, немецком, итальянском и японском языках. Специальные издания выпущены в Англии и Австралии. Я был ошеломлен и польщен одновременно, и даже смущен реакцией.

Те, кто знал Бобби Фишера, или хотел узнать о нем больше,

кто переигрывал его партии или следил за карьерой, просили в письмах сообщить дополнительную информацию о нем или делились своим мнением — или личным опытом — о противоречивом гении. Подписывая книги, читая лекции или играя в турнирах, я часто встречался с людьми, у которых имелись свои истории о Фишере: шахматист, знавший юного Бобби в бруклинском шахматном клубе, мужчина — по виду за девяносто лет — ходивший в один колледж с матерью Бобби; бывший менеджер манхеттенского шахматного клуба, приглядывавший за Бобби, когда тот был еще молодым человеком. Я получил сотни и-мейл'ов от людей, прочитавших книгу и вспомнивших, что они имели какие-то связи с Фишером: мужчина, когда-то учившийся с Бобби в средней школе «Эразмус»; бизнесмен, летавший в Рейкьявик с целью убедить Фишера сыграть матч с многомиллионным призовым фондом; женщина, состоявшая во Всемирной церкви Бога, когда в середине 1970-х Бобби изучал эту религию; юрист, работавший *pro bono* для Бобби, но бесповоротно и иррационально им уволенный. Часть новых сведений включена в настоящее издание.

Почти вся реакция на книгу носила позитивный характер, но несколько дотошных критиков не захотело «принимать на веру» ни единого утверждения. Ханс Рее, голландский гроссмейстер-эрудит, не мог поверить, что чемпион мира д-р Макс Эйве был чемпионом Европы по боксу. Единственное доказательство, которое я мог представить, состоит в том, что уважаемый доктор сам мне сообщил об этом во время пребывания в Нью-Йорке в 1973 году. Несколько читателей отметили, что когда Бобби обедал в Гринвич-виллидж, Джексон Поллок не мог находиться в таверне Седар, и они правы: 50 лет прошло, и я запамятовал — это был художник Роберт Мазервелл, не Поллок.

Несколько критиков высказало мнение, что мне следовало включить в книгу какое-то число партий Бобби. Я намеренно отказался от этого, дабы все читатели, а не только шахматисты, могли погрузиться в историю его жизни. Я не хотел «отпугивать» тех, кто не владеет шахматной нотацией, и не стремился к охвату необъятного. Есть много книг, содержащих партии Бобби с обширными и глубокими комментариями, к которым и отсылаю заинтересованных читателей. «Конец игры» задумывалась не как «шахматная книга», но как биографическая.

Этой весной Зита Райкшани — молодая женщина, которую Бобби Фишер рассматривал в 1992 году в качестве «невесты», пыталась продать письма Бобби к ней. Я получил несколько копий в Галерее, через которую они продавались, и позднее сумел

прояснить их смысл и сопутствующие им обстоятельства в беседах с Зитой о том времени, которое они проводили вместе. После установления подлинности писем их купил анонимный коллекционер.

Зита была первой любовью Фишера, хотя и до нее у него случались связи и увлеченности — корреспонденция показывает его эмоциональный «профиль», отражающий все главные составляющие их отношений: его чувства и ревность, нехарактерную готовность к компромиссу, желание жениться на ней и иметь детей.

Как отмечалось в книге, когда Зита прибыла в Калифорнию в 1992 году, чтобы впервые встретиться с Бобби, ей было 17 лет, а ему — 49. «Он был моим идолом. Словно девочка-тинэйджер натолкнулась на рок-звезду. Я боготворила его». Бобби отвечал взаимностью. «Обожаемая Зита», — называл он ее, и относился к ней как к невесте, но в то время не мог позволить себе — возможно, из страха быть отвергнутым, или неспособности выразить свое глубокое чувство — обратиться к ней напрямую со словами любви. Он написал, что жалеет о своей неспособности сказать три не таких-уж-простых слова.

Хотя он уже не был молодым человеком, вел он себя как юноша. Он собственнически относился к Зите и писал, что подозревает ее в интрижке со своим юристом Робертом Эллсвортом, в чьем доме она жила в течение шести недель в Калифорнии, поскольку для нее не было места в тесной пещероподобной квартире Бобби. «Нелепое обвинение, — сказала она. — Ничего и близко не было!» Подозрения Бобби относительно Эллсворта, вероятно, стали катализатором его ошибочной уверенности, что юрист виновен в «воровстве» (он использовал это слово годы спустя) его вещей из хранилища.

Если не считать анти-еврейских разглагольствований Бобби и ревнивых взглядов на Зиту, их первые недели вместе были почти идиллическими. Он приглашал ее посетить его мать, ему хотелось, чтобы они встретились, в надежде, что она даст официальное согласие и признает Зиту в качестве его будущей жены. Вероятно, именно это было реальной причиной их путешествия на север в Пало-Альто на встречу с Региной, а не обсуждение ее медицинских проблем. Хотя они провели вместе лишь несколько часов, Зита была более чем потрясена Региной: «Я полюбила ее!», — сказала она. «Она была великолепна и такая неординарная».

Во время матч-реванша 1992 года Фишер-Спасский медиа писали, что именно Зита убедила Бобби выйти из изоляции. По словам Зиты, в общем, это было верно, хотя с большим

преувеличением, как и слух о том, что они собирались пожениться. Когда в середине матча она покинула Черногорию, чтобы сыграть в турнире в Южной Америке (расходы на поездку оплатил Божидар Васильевич), Бобби на короткое время завязал отношения с молодой сербкой. Позднее эта женщина хвасталась в прессе, что она беременна от Бобби, но вскоре отказалась от этого утверждения и призналась в обмане. Бобби услышал новости по радио Би-би-си, которое слушал практически постоянно. Он позвонил этой женщине, дабы убедиться в обмане, и затем написал Зите в формате самореабилитации.

Бобби хотел иметь потомство, но с условием, что матерью будет Зита. Он верил, что она дважды беременела в 1994 году, но оба раза дело кончалось абортом, в первом случае после 7–8 недель беременности, а во втором — через 3,5 месяца после зачатия. Откуда у Бобби эта информация, понять невозможно. Зита не только отрицала сам факт беременности от него, но и утверждала, что на тот момент ни разу не была беременна. Откуда у Бобби появилась мысль, что она беременела? Зита утверждала, что «Бобби всегда верил, что женщины крадут его семя». На эту мысль его навел кинофильм «Д-р Страннаялюбовь», герой которого Джек Д. Риппер беспокоится о коммунистах, крадущих американские «ценные телесные флюиды». Зита не объяснила, каким образом, по мысли Бобби, его семя могло быть «украдено».

Перебравшись на следующий год в Будапешт, Бобби продолжал надеяться, что он и Зита когда-нибудь поженятся, хотя она тогда встречалась с другим мужчиной и забеременела от него, не от Бобби. Бобби не мог поверить или принять, что Зита не ответит на его чувство. Он умолял ее передумать, говорил ей, что она — любовь всей его жизни, что хочет на ней жениться до или после того, как она родит ребенка от другого, и что если она согласится, они никогда уже не расстанутся. Он извинялся в письмах за свою гордыню, высокомерие и трусость, которые он обнаруживал во время их отношений. Он также сожалел, что вел себя «как осел» с сестрой Зиты, когда спрашивал ее, может ли она выйти за него замуж, если Зита откажется.

Зита отказалась отвечать его брачным предложениям. Хотя и с некоторой неохотой, но она встретилась с ним дюжину раз в течение восьми лет, что он жил в Будапеште, каждая новая встреча становилась всё более трудной для нее из-за его навязчивого антисемитизма. Однажды, когда они шли вдвоем по улице, Бобби указал на настенное граффити и в состоянии, вероятно, свидетельствующем о туманящемся рассудке, заявив, что это секретное сообщение, посланное ему евреями. Когда Зита

возразила, что им сказанное нельзя назвать логичным или рациональным, он ответил: «Нет, это правда! Это правда!» Она не простила его за то, как он с ней обращался, и в конечном итоге переехала в Новую Зеландию. Сейчас она мать троих детей, веб-дизайнер и переводчик. От шахмат она отошла.

Бобби Фишер, человек, не терпевший поражений, вынужден был признать, что должен делать ход в другой позиции. Величайший шахматист из когда-либо живших, человек, про которого Гарри Каспаров сказал, что он «достиг совершенства», не был способен выиграть эту партию романтической любви. Возможно, самое горькое и самого себя осмысляющее признание Бобби, которое он когда-либо делал Зите или кому-то другому, было:

«Какой же я лузер в игре под названием жизнь».

Благодарности

Я изучал жизнь Бобби Фишера несколько десятилетий. Вряд ли найдется турнир из тех, что я посетил, чтобы кто-то из участников не рассказал мне нечто любопытное о Бобби; в моей памяти хранится множество анекдотов и рассказов из первых уст. Проблема в том, чтобы разобраться в сплетении правды и вымысла, понять, что является преувеличением, а что по-журналистски аккуратным, что предвзято — «за» или «против», — а что заслуживает доверия. В любом случае всем шахматистам и друзьям, делившимся со мною все эти годы воспоминаниями и «свидетельскими показаниями» об их кратких встречах с Бобби, связанными с ним забавными или драматическими происшествиями, я выражаю свою глубокую признательность.

При написании книги я изучил всё, что было написано о Фишере на английском языке, прослушал все его выступления по радио, прочитал его книги и статьи, его переписку с матерью, Палом Бенко, Джеком Коллинзом и другими. Мне перевели множество материалов с языков, которыми я не владею.

При написании предыдущих работ о Фишере, я обсуждал его личность с несколькими экс-чемпионами мира — Михаилом Ботвинником и Василием Смысловым в Македонии, Максом Эйве в Нью-Йорке и Исландии — и дюжинами шахматистов. Читатель найдет небольшие «порции» материала — переработанного, размещенного по-новому и интегрированного в эту книгу — из других моих публикаций о Бобби. Я попытался представить Фишера-человека, а не просто изложить хронологию его жизни через турниры и матчи.

Когда я два месяца находился в Рейкьявике, посещая все партии первого матча Фишер-Спасский, у меня была возможность беседовать о Бобби с такими шахматными светилами, как Мигель Найдорф, Светозар Глигорич, Роберт Бирн, Бент Ларсен, Макс Эйве, Уильям Ломбарди, Любомир Кавалек, Лотар Шмид, Драголюб Яношевич, И. Горовиц и Ларри Эванс, другими представителями шахматного сообщества, а также с литературными львами — такими, как Артур Кёстлер, Джордж Штайнер и Харольд Шонберг. Хищники-юристы, поддерживавшие Бобби — Пол Маршалл и Эндрю Дэвис — хотя и проявляя сдержанность, поделились со мной «внутренней» информацией. Все они рассказали о своем личном восприятии Бобби. С некоторыми я продолжал общаться при подготовке последней редакции книги.

В 1972 году советские игроки, сопровождавшие Спасского —

Ефим Геллер, Николай Крогиус и Иво Ней — отказались разговаривать со мной, считая меня, по всей видимости, американским шпионом или одним из тех, кто помогал Бобби в его походе за чемпионским титулом (если кто-то был на это способен). Но Спасский, всегда джентльмен, не побоялся провести со мной часть дня. Не так давно я связался с ним и он любезно выразил свои добрые чувства в отношении Бобби.

Я в долгу перед следующими людьми, которые в течение последнего года говорили со мной или помогали в той или иной мере понять Бобби Фишера: Фридрик Олафссон, Уолтер Браун, Бернард Цукерман, Борис Спасский, Лесли Аулт, Артур Бисгайер, Лев Харитон, Ренато Наранха, Кирсан Илюмжинов, Габор Шнитцлер, Рихард Ваттоне, Стюарт Маргулис, Шелби Лаймен, Джозеф Смит, Эйбен Руди, Элиот Херст, Дэвид Оддссон, Марк Герстл, Уильям Рональдс, Джон Боснич, Давид Розенблюм, Тиби Василеску, Пол Йонссон, Артур Феуерстайн, Аса Хоффманн, Ханой Рассел, Жужа Полгар, Алла Баева, Лион Каландра, Винсент Малоцци, Билл Гойчберг, Хельги Олафссон, Ральф Итали, д-р Джозеф Вагнер, Гудмундур Тораринссон, Сэм Слоан, Аллен Кауфман, Сэл Матера, Кёртис Лакдавала, Джеймс Т. Шервин, Энтони Сэйди, Саэми Палссон, Рассел Тарг, Пал Бенко и Браги Кристйонссон. Особая благодарность международному мастеру Джону Дональдсону, который поместил рукопись под микроскоп своих шахматных знаний и выполол некоторые сорняки из моего текста. Эдвард Уинтер, самый авторитетный в мире шахматный историк, нашел некоторые лингвистические и фактические неточности перед самой публикацией. Моя глубочайшая признательность.

Кроме того, четыре друга — все любители шахмат и пишущие люди, прочли рукопись полностью и дали мне бесценные советы, что позволило заполнить некоторые лакуны в повествовании. Вот их имена: Джеффри Танненбаум, беспощадный редактор; д-р Гленн Стэйтил, философ; Гленн Петерсен, бессменный редактор «Чесс Лайф»; и Дон Шульц, вероятно, знающий об американских шахматах, более чем кто-либо другой. Я оплакиваю убийство некоторых из моих любимых «коров», с которыми они предложили расстаться, но как мне их не благодарить за труд, позволивший улучшить книгу?

Три исландца так много мне помогали, когда я посетил Рейкьявик в прошлом октябре, что я чувствую себя глубоко им обязанным за доброту и их искреннее желание, чтобы я описал жизнь Бобби в этой маленькой и чудесной стране как можно более точно; именно: Эйнар Эйнарссон, поделившийся со мной всем, что он знал о Бобби; д-р Магнус Скулассон, понимавший

Бобби, вероятно, лучше, чем кто-либо другой из всех, с кем я встречался; и Гардар Сверриссон, самый близкий человек к Бобби во время его пребывания в Исландии, являвшийся его представителем. Спасибо вам, спасибо вам и спасибо вам.

Следующие библиотеки предоставили мне подлинные жемчужины «фишерианы»: нью-йоркская публичная библиотека, бруклинская публичная библиотека, лонг-айлендская коллекция куинсборской публичной библиотеки, коллекция Джона Дж. Уайта из кливлендской публичной библиотеки, библиотека колумбийского университета и Лили-библиотека университета Индианы. Публикации в «New in Chess», «Чесс», «Чесс Лайф», на вебсайтах *ChessBase, Chess Café* и *Chessville* оказали мне огромную помощь. У всех них я в долгу, также как у Мирьям Донат, ученой из Фулбрайт, Тарина Вестермана, моего бывшего последипломного помощника, оба мне сильно помогли в моей работе.

У меня ранее никогда не было такого дотошного и усердного редактора, как Рик Хорган. Он ответственен не только за выход в свет этой книги, но и помог мне ее сформировать во всех отношениях, преобразуя хаос в порядок и выполняя роль говорящей доски во всё время подготовки книги.

Мой литературный агент Джефф Шмидт заслуживает отдельной похвалы за признание потенциала книги «Конец игры. Биография Роберта Фишера», и за передачу рукописи в одно из лучших издательств в мире.

И, наконец, моя жена Максин, которой посвящена книга. Как и я, она была знакома с Фишером, проводила с ним время, наблюдала за ним и общалась с ним у нас дома, на вечеринках, и на многих турнирах, поэтому ее знания и память — в дополнение к писательским и редакторским талантам — оказали мне неоценимую помощь практически во всем, что появилось на страницах этой книги. Без ее вклада книги «Конец игры» просто бы не было. Моей искренней признательности за постоянные консультации просто недостаточно.

notes

Примечания

1

Первая поправка Конституции США, гарантирующая, в частности, свободу слова. *(Здесь и далее — прим. ред.)*

2

Мария Монтессори — врач, известный педагог, создатель своей системы дошкольного воспитания.

3

Джон Дьюи — американский философ и педагог.

4

Рыба — произносится фиш, а фамилия, соответственно, Фишер.

5

Anschauung — Созерцание, наглядное представление. — *(нем.)*

6

Мортел Собелл — американский инженер и советский разведчик. Был признан виновным в шпионаже в пользу Советского Союза.

7

Юлиус Розенберг и его жена *Этель* — амер. коммунисты, по обвинению в шпионаже в пользу Советского Союза казнены в 1953 г.

8

Недопонимание из-за близкого звучания слов *chess* (шахматы) и *chest* (грудная клетка).

9

Чарльз Линдберг — американский лётчик, первым перелетевший Атлантический океан в одиночку (20–21 мая 1927 года по маршруту Нью-Йорк — Париж).

10

Эверглейдс — обширный заболоченный район в южной Флориде к югу от озера Окичоби.

11

Pro bono — ради общественного блага; бесплатная юр. помощь.

12

На английском слова перепутать трудно: *pork* — свинина, и *pigs* — свиньи.

13

J'adobe — произносится «жадуб».

14

Деймон Раньон — американский журналист и писатель первой половины 20-го века, известный своим образом жизни.

15

Американский актёр, комик. Его сценический образ — чёрные нарисованные брови и усы, очки и сигара, запомнился зрителю.

16

Фэй Рэй — амер. актриса, получившая известность за роль Энн Дэрроу в фильме «Кинг Конг».

Рейтинг G — Нет возрастных ограничений.
Рейтинг PG — Рекомендуется присутствие родителей.

18

Элмер Гантри — герой одноименного фильма. Случайно попав на собрание верующих, он уловил, что под вывеской церкви можно заработать, и тут же обратился в евангелиста.

19

Роза Токио (Tokyo Rose) — общее название, данное союзническими войсками южнотихоокеанского региона группе — как считалось — женщин-радиоведущих, которые вели по-английски японскую (анти-американскую) пропаганду.

20

Battleship Row — группировка из восьми линкоров в порту Перл-Харбор, на них был направлен основной удар японской авиации 7 декабря 1941 г., четыре были потоплены при атаке, причем «Аризона» пострадал сильнее всех.

21

По сюжету фильма (1964) популярность президента США падает, и генерал ВВС решает осуществить военный переворот.

22

Гштад и *Аспен* — известные горнолыжные курорты в Германии и США, соответственно.

23

Ежемесячный научно-популярный журнал (основан в 1845). Выходит в Нью-Йорке. В 1983 было создано издание на русском языке под названием «В мире науки».

24

Кальвин Кулидж — 30-й президент США с 1923 по 1929 годы. Известен мрачным характером и лаконичным стилем.

25

Эрик Рыжий (950—1003) — скандинавский мореплаватель, основал первое поселение в Гренландии. Отец Лейфа и Торвальда Эрикссонов, доколумбовых первооткрывателей Америки.

26

В марте 2011-го года продолжавшийся более трех лет спор вокруг наследства великого шахматиста, наконец, завершился. Суд подтвердил законность брака американца и японки, признав вдову Фишера единственной законной наследницей.